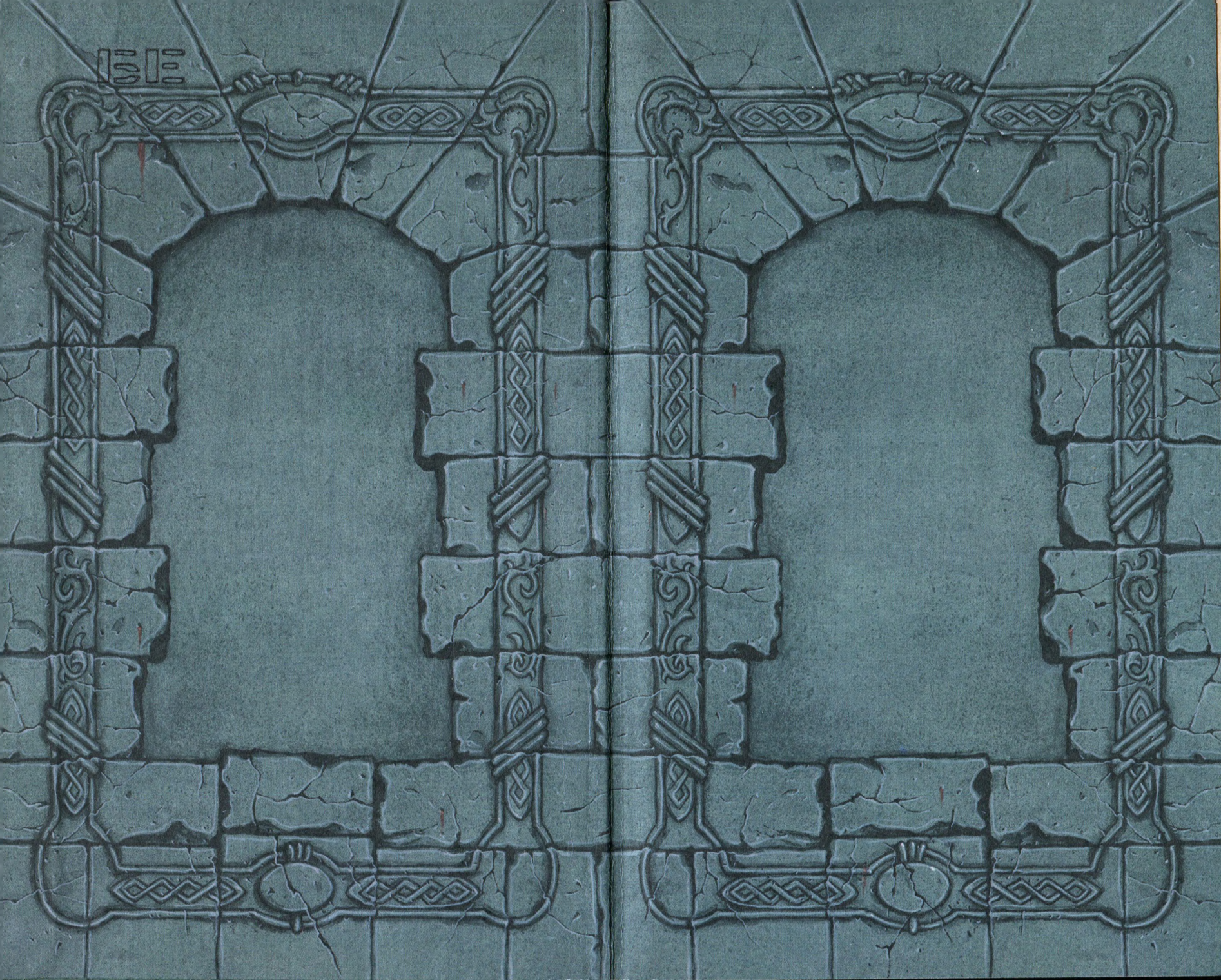

ДЖОН СОУЛ ❖ Проклятие Памяти

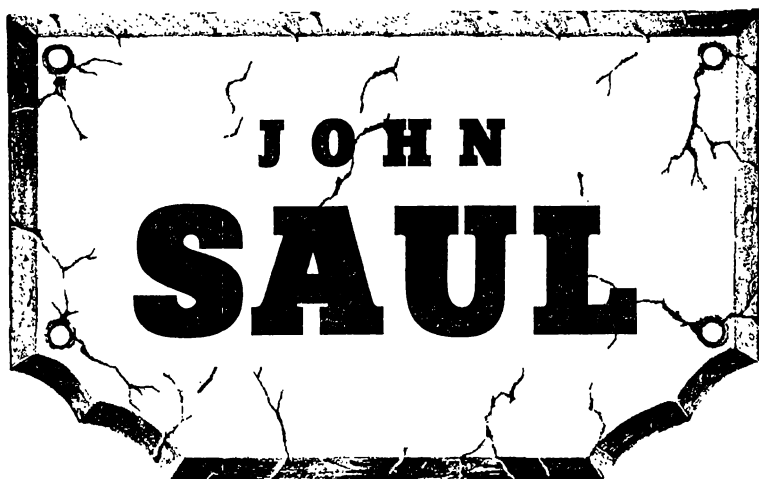
Д Ж О Н
СОУЛ
Проклятие Памяти

15E

Brainchild

BANTAM BOOKS
TORONTO NEW YORK LONDON SYDNEY AUCKLAND

Проклятие памяти

МОСКВА 1998

ББК 84(7США)-44

С67

УДК 820(73)-31

Серия основана в 1997 году

Дизайн серии *А. Мусина*

Художник *П. Ильин*

Перевод с английского *М. Громова*

Издание осуществлено

при содействии литературного агентства

Andrew Nurnberg Associates Ltd.

Соул Джон

С67 Проклятие памяти / Пер. с англ. — М.: Издательство «Букмэн», 1998. — 416 с.

ISBN 5-8043-0012-2

Подросток из местечка Ла-Паломы, когда-то приютившего гордых испанских переселенцев, становится орудием старинного неумирающего мщения. Взгляд его мертв, душа его холодна, разумом его владеет одно желание — мстить!

ББК 84(7США)-44

ISBN 5-8043-0012-2

Copyright © 1985 by John Saul

© Издание на русском языке,
оформление, перевод,

Издательство «Букмэн», 1998

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат Издательству «Букмэн». Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещено.

Послеполуденное солнце освещало окрестные холмы слишком ярко для второй половины августа — так оно светит только на юге, куда его семье давным-давно нужно было отправиться, думал шестнадцатилетний юноша, украдкой пробираясь вдоль живой изгороди, окружавшей обширное ранчо его отца.

Но отец решил остаться.

Весь год, с тех самых пор, как был подписан договор в Гуадалупе Идальго, родители спорили лишь об одном — что делать дальше.

Каждый день мать повторяла одно и то же:

— Они все равно прогонят нас отсюда.

Сидя в плетеном кресле на веранде, мать казалась высокой, как всегда, в черном, хотя утро было по-летнему жаркое. Чувства ее не выдавали даже длинные, тонкие пальцы рук, трудившиеся над вышивкой, — единственным развлечением, которое она позволяла себе в свободную минуту, редко выдававшуюся среди многочисленных домашних забот.

Отец ответил, покачивая головой:

— В Лос-Анджелесе они оказывают испанским грандам надлежащие почести. Они и здесь отнесутся к ним так же, говорю тебе.

В глазах матери, доньи Марии, лишь на мгновение появилась тоска и побелели поджатые губы; в голосе же ее слышалось то спокойное почтение, с которым она неизменно относилась к мужу и которое сумела привить детям.

— Разумеется — ведь в Лос-Анджелесе они не нашли золота. Поэтому та земля им ни к чему. А раз ни к

чему — почему бы смеха ради не разрешить кучке испанцев не снимать шляпы? Но нашу землю они заберут, даже если не найдут на ней золота. В Сан-Франциско каждый день прибывают корабли; город полон людей — и все они собираются в дорогу...

— Они собираются на золотые прииски. — В голосе дона Роберто де Мелендес-и-Руис послышалось раздражение.

— Большинство, но не все, Роберто. Кое у кого хватит ума посмотреть немного вперед — и они поймут, что земля надежнее. И они захотят забрать нашу землю. И придут сюда. А кто теперь защитит нас? — мягко возразила донья Мария.

— Есть же форт в Монтерее...

— Он уже давно в их руках. Война окончена, Роберто. И мы проиграли. Наши войска отступили назад, в Мексику, и мы должны следовать за ними.

— Нет! — Дон Роберто вскочил со стула. — Мы же не какие-нибудь мексиканцы, Мария! Мы — калифорнийцы, и дом наш здесь! Мы построили эту гасиенду и потому имеем право остаться на ней! И вот увидишь — останемся!

— Да, останемся, — неожиданно в голосе доньи Марии послышалась горечь. — Но гасиенда все равно уже не будет нашей, поверь. У нас отберут и ее, и ранчо... Мы ничего не сможем поделать с этим, Роберто. Новые люди придут сюда.

И они пришли.

С вершины холма, ярдах в двухстах от ворот ранчо, мальчик увидел вдалеке отряд всадников в синей форме кавалерии Соединенных Штатов, медленной рысью направлявшихся по дороге к покрытому белой известью приземистому зданию гасиенды. В фигурах всадников не было ничего угрожающего — юноша скорее инстинктивно почувствовал исходящую от них опасность. Но, подавив в себе порыв вскочить на лошадь и мчаться к

дому, он привязал кобылу к акации за гребнем холма, лег в кусты и притаился.

Он увидел, как отец вышел из ворот, и почти слышал, как он приветствует неожиданных гостей и приглашает их в дом со старомодной испанской учтивостью. Однако внутрь двора всадники заезжать не стали. Весь отряд ждал у ворот, пока мальчик-конюший не привел коня для дон-а Роберто. Тот вскочил в седло, всадники мгновенно окружили его, и вся кавалькада направилась к деревне, белевшей в миле от ранчо островерхим зданием миссии.

Юноша из-за всех сил старался успеть за ними — но ему приходилось держаться в стороне от единственной ведущей туда дороги, и он находился еще на полпути к деревне, когда отряд всадников уже въехал в нее.

На мгновение сердце мальчика отпустил крепко сжимавший его страх — он увидел, что всадники заворачивают к зданию миссии; может, его отца привезли сюда лишь для беседы с американским комендантом...

Нет.

Миновав здание миссии, отряд направился к огромному дубу, вокруг которого в давние времена и начали строить деревню. До этого краснокожие дети пустыни раскидывали в тени дуба свои вигвамы, пока францисканские падре не обратили их в свою веру.

Внезапно юноша понял, для чего его отца привезли к этому огромному дереву — как понял и то, что он абсолютно бессилен предотвратить что-либо.

Уйти он тоже не мог. Ему придется увидеть все — до конца.

Его отец застыл, выпрямившись в седле, пока один из всадников перекидывал через сук дуба толстую веревку; другой, подъехавший сзади, связал руки отца за спиной. Затем они подвели вороного жеребца дон-а Роберто прямо под сук и накинули ему петлю на шею.

Из своего укрытия в густых кустах амальтеи мальчик старался увидеть лицо отца, но тот был слишком далеко, а тень от кроны дуба слишком густая.

Внезапно один из солдат ударил вороного жеребца по крупу ножнами сабли; гневно заржав, животное встало на дыбы.

Через секунду все было кончено. Вороной жеребец га-лопом мчался по дороге к гасиенде, а тело его хозяина, дон Роберто де Мелендес-и-Руис, висело на дубе, наполовину скрытое его густой тенью.

Развернувшись, отряд той же ленивой рысью направился в обратный путь — по дороге, ведущей к гасиенде.

Подождав, пока солдаты не скроются из вида, юноша, пригнувшись, преодолел полсотни ярдов, отделявших его от дерева. Он долго смотрел в искаженное гримасой боли лицо отца, словно силясь понять, что же скажут ему остекленевшие глаза. Но ничего не было в этих глазах, кроме боли и недоумения, — как будто даже на пороге смерти дон Роберто так и не смог понять, что же случилось с ним.

Но юноша понял.

Отвернувшись, он снова шагнул к кустам.

Вечерело, и чем ниже солнце клонилось к горизонту, тем длиннее становились тени на плоских вершинах холмов. Вдалеке, над океаном, юноша заметил белесую дымку — ночью будет туман.

Он перевел взгляд и увидел, как внизу, у холма, выходили из ворот гасиенды последние слуги — с пожитками, завязанными в изношенные серапе, босые и угрюмые, низко опустив голову — словно боялись навлечь на себя новую неведомую и оттого еще более страшную кару.

На веранде у западной стены, как всегда, прямая и высокая, сидела в плетеном кресле его мать, держа на

коленях пальцы. Он видел, как двигались пальцы, тянувшие нить, как двигались губы, когда она произносила слова прощания проходившим мимо нее неонам. Никто из них не ответил ей; лишь двое или трое отважились осторожно кивнуть.

Наконец слуги покинули гасиенду. По сигналу начальника часовые, выставленные у ворот, закрыли их тяжелые створки. Офицер повернулся к донье Марии. В прозрачном вечернем воздухе мальчик отчетливо слышал его слова.

— Где ваш сын, донья Мария?

— Его нет, — ответила она. — Мы отправили его еще на прошлой неделе...

— Не советую лгать, донья Мария. Его видели здесь вчера.

Голос матери вдруг стал громче, и мальчик понял — она говорила это ему, а не тому, кто стоял перед него.

— Но его нет здесь, сеньор. Он уехал к родственникам в Сонору — там сейчас для него безопаснее.

— Мы ведь все равно найдем его, донья Мария.

— Нет. Вам его никогда не найти. Это он найдет вас — найдет и добьет. А мы не боимся смерти, сеньор. Вы убьете нас, но ничего не добьетесь. С нашей земли мы никогда не уйдем. Мой муж сказал, что мы останемся на ней — и мы на ней останемся. Пусть вы сейчас нас убьете. Это не даст вам ничего. Мой сын вернется сюда — и он вас отыщет.

— В самом деле? — равнодушно спросил капитан. — Вставайте, донья Мария.

С вершины холма юноша видел, как его мать поднялась. Словно повинувшись безмолвному голосу, поднялись и встали рядом с ней сестры.

— Мой сын найдет вас, — снова услышал он голос матери. — Он найдет вас — и убьет вас и ваших людей.

— Туда, — капитан указал на южную стену гасиенды. Он шагнул вперед, и штык на его ружье угрожающе повернулся в сторону стоявших женщин.

Донья Мария смерила его взглядом.

— Мы не боимся смерти... и не позволим понукать нами, как скотиной.

Она аккуратно положила на стол пяльцы. Выпрямившись и взяв дочерей за руки, широким, твердым шагом направилась через двор к стене.

Дойдя, она провела по стене ладонью, затем повернулась и стала молиться, прикрыв глаза. По губам ее юноша мог прочесть каждое слово, которое произносила мать.

От первого выстрела тело его пронзила дрожь, глаза широко раскрылись, словно пытаясь вобрать в себя то, что происходило сейчас у стен его дома.

Мать стояла, как и прежде, высоко подняв голову, но теперь она прижимала пальцы левой руки к груди. Через секунду сквозь них потекла алая струйка крови.

Предзакатную тишину разорвали, словно удары бичей парусину, крики его сестер, которые перекрыл сухой треск ружейных выстрелов. Отразившись от белых стен гасиенды, звуки словно выкатились наружу.

Младшая сестра упала первой; колени ее подогнулись, выстрелы следовали один за другим; несколько раз тело вздрогнуло и затем неподвижно распростерлось в пыли.

Старшая с криком бросилась к ней, протягивая руки, словно желая помочь, но лишь тяжело упала лицом вниз на тело младшей; во дворе вновь затрещали выстрелы.

У стены стояла одна донья Мария, невидящими глазами глядя в черные зрачки ружей, направленных на нее.

— Это ничего вам не даст, — повторила она слабым голосом. — Мой сын вернется и убьет вас.

Она медленно осела на землю, и еще несколько секунд отряд разряжал оставшиеся в магазинах патроны в неподвижное уже тело женщины.

Было уже за полночь, когда мальчик выбрался из своего укрытия и подошел к воротам гасиенды. Над холмами повисла странная тишина — словно все ночные твари сговорились молчанием почтить память умерших. Часовых во дворе не было. Никто не позаботился накрыть трупы. Отряд давно покинул гасиенду, отправившись на поиски других задержавшихся в своих домах людей, — чтобы поступить с ними так же, как и с семьей дона Роберто.

Совсем низко в ночном небе висела луна, и в ее серебристом свете пурпурные пятна той крови, которая текла и в жилах юноши, превратились в серые потеки на голубовато-белой стене. Бледность смерти, покрывавшая лица его сестер и матери, в лунном свете казалось пеленой неведомого сна. Юноша долго стоял над телами, молясь о душах сестер и родителей, и с последней молитвой глубоко спрятал скорбь.

Теперь он был другим и многое предстояло ему сделать.

Мать он поднял первой, вынес ее тело со двора, отнес на самую вершину холма — где и похоронил, выкопав могилу среди густого кустарника.

Рядом с ней он похоронил и сестер — а потом сидел возле свежих могил, пока край горизонта не порозовел в предвестии скорого рассвета. Он ни о чем не думал — казалось, в сознании его остались лишь ужасы этого дня, перечеркнувшие всю предыдущую жизнь.

Когда первые лучи солнца тронули вершину холма, он поднялся и в последний раз взглянул вниз, на гасиенду, где когда-то был его дом.

Слова матери так же глубоко врезались в его душу, как пули — в стену, около которой она умерла; память

о сестрах была столь же яркой, как их кровь на этой стене.

Ничто теперь не сотрет из его памяти эти образы — как ничто не сможет потушить и огонь ненависти в его сердце.

И он никогда не покинет эту деревню; это его дом, его земля...

И всегда теперь ночью будет сниться ему один и тот же сон — и он, весь в холодном поту, будет просыпаться от собственного крика.

Один и тот же сон. Всегда — он на вершине холма, единственный свидетель гибели своих близких; всегда будут звучать в его ушах слова матери, превращаясь в четкое понимание — наступает день, и сделать предстоит немало.

Было ли это? Случилось ли все в точности так, как он видел во сне? Крики, выстрелы, алые пятна на белой стене...

Каждую ночь возвращается к нему этот сон. И наутро он знает, что ему следует делать...

Глава 1

Ла-Паломы из тех городков, которым не присущи перемены. Расти он начал еще с тех времен, когда был крохотной деревушкой на холмах Пало Альто, но рос медленно, и центром его так и осталась бывшая деревенская площадь с белым зданием старинной испанской миссии. В отличие от других калифорнийских миссий эта, однако, не представляла собой ни исторической, ни культурной ценности — а потому не стала ни памятником, ни музеем. По решению муниципалитета ее переоборудовали в городской клуб, а пристройку, в которой раньше

размещалась католическая школа, заняла библиотека.

За миссией располагалось маленькое заброшенное кладбище, за кладбищем — обветшавшие дома, где потомки некогда гордых *калифорниос*, основавших этот городок, владели жалкое существование, перебиваясь службой в домах *гринго*, захвативших в давние времена гасиенды их предков, да по воскресеньям судача между собой по-испански о былых временах.

В паре кварталов от миссии находилась проселочная дорога, обочину которой жители Ла-Паломы гордо именовали главной улицей. Она была украшена треугольным куском земли, посреди которого возвышалось корявое туловище огромного дуба. Говорили, что это странное место и два столетия назад было точно таким — и именно его избрали основатели городка ориентиром, от него разбегались дороги на все четыре стороны света. Переулков и пешеходных дорожек в Ла-Паломе не было — прямые, как лучи, улицы расходились от здания миссии, с незапамятных времен так и оставшейся центром этого городка.

Потому окружавший вековое дерево кусок исторической земли именовался коротко и понятно — Площадью. Сам же дуб, на который не одно поколение ла-паломских мальчишек лазило за желудями, вешало качели, вырезало бесчисленные инициалы — причиняло такие поистине адские муки, каких бы не выдержало ни одно нормальное дерево. В ознаменование его возраста и заслуг дуб был обнесен забором, а кокетливый газончик с посыпанным песком тропинками, словно украденный из какого-нибудь английского парка, в свою очередь окружал забор. Аккуратные таблички рекомендовали горожанам по газону не ходить, пикников на нем не устраивать, бросать мусор исключительно в урны — имевшиеся в

избытке и покрашенные в темно-песочный цвет; по мнению муниципалитета, цвет соответствовал испанскому колориту города; главная же табличка содержала исчерпывающую информацию о самом необыкновенном дереве, оно объявлялось самым большим и старым дубом во всей Калифорнии, вследствие чего дотрагиваться до него запрещалось кому-либо, кроме наделенных соответствующими полномочиями представителей Управления городских парков. То обстоятельство, что весь штат Управления состоял из двух трудившихся на общественных началах садовников, мало кого смущало.

Просто было не до этого — с тех пор, как Ла-Палому открыл для себя компьютерный мир.

Вернее, началось все с того, что тысячи пришельцев, наводнивших места, ныне известные как Силиконовая долина, вскоре начали обживать обширные территории вокруг Пало Альто и Саннивейл. Понятно, что тихая, сонная Ла-Палома, словно свернувшаяся клубочком вокруг своей Площади с вековым деревом, скрытая от вездесущего калифорнийского солнца эвкалиптовыми аллеями с густым подлеском, окруженная зелеными склонами холмов, — была слишком соблазнительным уголком, чтобы оставаться незамеченной столь долгое время.

А потому первые эшелоны жрецов компьютерного бога достигли Ла-Паломы в рекордно короткий срок. И все свои недавно приобретенные — и весьма немалые — капиталы они употребили на то, чтобы сохранить Ла-Палому такой, как она есть — желанным убежищем от суматошного большого мира.

Как относились к такому их решению местные жители — зависело исключительно от того, с кем из них в данный момент вы говорили об этом.

Для последнего поколения потомков гордых *калифорниос* приток людей с туго набитой мошной озна-

чал прирост рабочих мест. Для деревенских торговцев — увеличение дохода. И те, и другие были приятно удивлены, когда обнаружили, что привычная пляска на грани выживания сменилась спокойной безбедной жизнью.

Других же превращение Ла-Паломы в такого рода *заповедник* вынудило поменять весь их более-менее налаженный быт. Семья Лонсдейлов не была исключением.

Эллен Лонсдейл родилась и выросла в Ла-Паломе, и даже выйдя замуж, смогла убедить своего мужа Маршалла в том, что Ла-Палом — идеальное место для его медицинской практики: тихий, уютный городок, обещавший надежную постоянную клиентуру. Не говоря уже о том, что будущим детям лучших условий и подобрать было невозможно — детство самой Эллен служило тому подтверждением. Марш полюбил свои приезды в Ла-Палому на студенческие каникулы, а потому уговорить его не составило особого труда.

Первые десять лет супружеской жизни в родном городе прошли для Эллен как во сне. А когда случилось компьютерное нашествие — вместе с ним пришли перемены. Вначале едва заметные, Эллен почти не ощущала их, — а потом было уже слишком поздно.

И теперь, осторожно пробираясь на своем «вольво» по запруженной машинами — как всегда в майский полдень — центральной улице, Эллен снова поймала себя на мысли о том, что Площадь и вековой дуб, бывшие раньше символом города, сейчас стали воплощением и постигших его перемен. А также постигших и ее — придется признаться в этом. И если задуматься об их реальной сути — вряд ли городок покажется таким уж привлекательным.

Взять, например, старые дома — большие неуклюжие постройки, возведенные в стародавние времена

гордыми *калифорниос*, давшими им не менее гордое имя — *гасиенды*. Их восстановили — и оказалось, что они являют собою зрелище весьма величественное. Но семейные дразги не спрячешь за красивый фасад; а говорили, что семьи, вселившиеся в роскошные ныне особняки, продают их уже через пару месяцев — и разъезжаются, пав жертвами ими же придуманной жизни, в которой семейных скандалов было не меньше, чем разной хитроумной техники в их кухнях.

И вот теперь — Эллен снова думала об этом — нечто подобное, похоже, грозит и ее семье.

Миновав Площадь, она свернула и через два квартала подъехала к зданию Медицинского центра.

И снова подумала — это здание сродни ограде вокруг дуба на Площади; ни того, ни другого она никак не ожидала увидеть в Ла-Паломе.

И ошибалась, конечно же.

Потому что город рос на глазах — а соответственно росла и практика ее мужа. Его крохотный кабинет стал в один прекрасный день Медицинским центром Ла-Паломы, Центром не то чтобы крупным, но современным и прекрасно оборудованным. Не так давно Эллен наконец решилась оставить безуспешные попытки подсчитать, сколько же человек у Марша в штате — так же, как вскоре после свадьбы она оставила взятую было на себя больничную бухгалтерию. В конце концов Марш мог позволить себе нанять бухгалтера — он владел пятьюдесятью процентами акций Центра.

Иными словами, семейство Лонсдейлов процветало — через две недели им предстояло, покинув коттедж на Санта-Клара-авеню, стать жильцами громадного особняка на Гасиенда-драйв. Прежние хозяева, чета средних лет, подали на развод еще до того, как завершились отделочные работы.

Сама Эллен подозревала, что одной из причин, побуждающих ее вселиться в этот дом — хотя об этом-то она уж точно ни за что не скажет ни мужу, ни их сыну Алексу, — было желание чем-то занять себя, отвлечь свой ум от неизбывной мысли о том, что их собственный брак катится к неминуемой катастрофе. Не они первые и не они последние, особенно в Ла-Паломе, — причем город, казалось, не жаловал не только пришельцев, но и собственных сыновей и особенно дочерей — половина школьных подруг Эллен уже звались «разведенками». Вспомнить только, каким мечтам они предавались в последние перед венчанием дни — и ведь ничего, вначале все шло вроде бы нормально, а потом вдруг словно бы оборвалось — по причинам, непонятым ни одной из них...

Взять, например, Валери Бенсон — она своего мужа в один прекрасный день просто из дому выкинула, громогласно оповестив всех друзей и знакомых о том, что у нее больше нет сил мириться с так называемыми привычками Джорджа, хотя никто так и не узнал впоследствии, какие привычки она, собственно, имела в виду. Теперь вот живет одна в доме, который Джордж ей помогал ремонтировать...

Или Марти Льюис — та, правда, до сих пор живет с мужем, хотя брак их как таковой распался еще несколько лет назад. Этот самый ее муж работал в компьютерной фирме менеджером по продаже; деньги одно время начал получать сумасшедшие, и как результат — скоротечный алкоголизм. В итоге смыслом жизни для Марти стало выбить из своего благоверного хотя бы ежемесячные взносы за дом.

Синтия Эванс тоже, как Марти, живет со своим и тоже давным-давно его потеряла, только ее супруг пал жертвой семидневной и восемнадцатичасовой рабочей недели — дело в Силиконовой долине весьма

обычное. Собственно, благодаря такому расписанию компьютерщики и получают свои баснословные барыши. Так вот Синтия, решив, что именно барышами-то она и попользуется, раз нельзя, увы, попользоваться мужем, уговорила его выложить дикую сумму за старую развалину в конце Гасиенда-драйв и дать ей карт-бланш на перестройку оной по ее желанию и разумению.

И вот теперь пришел черед семейства Лонсдейл. Следующие две недели обещают быть похожими на сумасшедший дом — Эллен придется следить за циклевкой полов, покраской стен, штукатуркой, проводкой... и все это, она надеялась, позволит ей не думать о том, что Марш в последнее время стал задерживаться на работе все чаще и что ссориться они стали из-за каждого пустяка... Но есть надежда — лишь слабая надежда, не более, — что новый дом может пробудить интерес Марша к жизни вне больничных стен, а стало быть, и к ней, Эллен. И, может быть, вместе с домом они починят и здание своего семейного бытия, давшее глубокую-глубокую трещину; а ведь она еще когда себе говорила — нельзя требовать слишком много в короткий срок, но...

С трудом втиснув «вольво» на стоянку между темно-синим «мерседесом» и «БМВ», Эллен заперла машину и через несколько секунд уже входила в приемную. Привычным движением натянув на лицо бодрую улыбку, внутри она вся напряглась — опять из-за пары слов может вспыхнуть ссора.

Сколько же их было — хотя бы за последние две недели? С этим надо заканчивать. От ссор страдала она, страдал Марш, а больше всех страдал от них Алекс — в свои шестнадцать он воспринимал дурное настроение родителей гораздо острее, чем могла предположить Эллен. И если они с Маршем сейчас снова начнут собачиться, Алекс сразу

догадается об этом, как только они приедут домой.

Барбара Фэннон, ассистент Марша, начинавшая у него медсестрой, когда он только открыл в городе свою практику, увидев Эллен, помахала и улыбнулась ей.

— Он только что закончил совещание с персоналом и ушел к себе. Сказать ему, что вы пришли, миссис Лонсдейл?

— Нет, спасибо. Сделаю ему сюрприз.

Барбара с сомнением поглядела на нее.

— Не очень-то он любит сюрпризы...

— Вот именно потому я и желаю развлечь его таким образом. — Эллен заставила себя заговорщицки подмигнуть Барбаре, в очередной раз досадуя на то, что ассистентка, похоже, знает Марша лучше его супруги. — А то возомнит о себе Бог знает что, а? — Шутливый тон явно не получился. Помахав Барбаре, Эллен направилась к кабинету мужа.

Марш сидел за своим столом, склонив голову над бумагами, и когда он поднял ее, Эллен показалось, что в глазах его блеснул колющий огонек раздражения. Впрочем, погасил он его очень-очень быстро.

— О, привет! Что привело вас сюда, миледи? Я-то думал, ты на стройплощадке сводишь всех с ума и транжиришь наши последние сбережения. — Широкая улыбка на его лице выглядела достаточно убедительной, но от Эллен не ускользнула легкая язвительность в тоне; разумеется, она поспешила убедить себя, что это ей лишь почудилось.

— Нет, у меня встреча с Синтией Эванс.

Она сразу же пожалела о сказанном. В глазах Марша Синтия и Билл Эвансы были живым воплощением всех неблагоприятных перемен, имевших место в Ла-Паломе. Из всех новоявленных жителей города Билл Эванс обладал самым большим состоянием.

— Не волнуйся, милый (черт бы побрал этот виноватый тон!), я ничего покупать не собираюсь — только посмотрю. — Нагнувшись, она поцеловала мужа; Марш не ответил на ее поцелуй, и Эллен, отойдя в сторону, с обиженным видом опустила на диван у двери. — Хотя с плиткой в патио нужно действительно что-то делать. Она почти вся побитая, а заметить нечем, и...

Марш хмуро покачал головой.

— Позже, — бросил он. — Ведь мы же договорились — пока отделаем только так, чтобы в доме можно было жить — не более.

— Да, помню. — Эллен вздохнула. — Но когда Синтия мне рассказывает, какие штуки они вытворяют там со своей гасиендой, я каждый раз прямо зеленею от зависти.

Отложив ручку, Марш устремил долгий взгляд на жену.

— В таком случае тебе нужно было выходить не за врача, а за компьютерного гения.

Этого тона Эллен боялась больше всего.

Пытаясь сообразить, что бы сказать в ответ, чтобы не дать снова вспыхнуть ссоре, Эллен бесцельно шарил глазами по комнате. Тогда разразился жуткий скандал — она, несмотря на возражения мужа, оставила его кабинет мебелью из розового дерева...

— Ну, наш домишко тоже ветхим не назовешь.

Улыбка, вернувшаяся на лицо Марша, обдала Эллен горячей волной радости.

— Да, уж это верно, — согласился он. — И должен тебе признаться — мне он некоторым образом даже нравится, хотя каждый раз при мысли о том, сколько это стоило, меня просто-таки пробирает дрожь. Но... ты, собственно, за этим сюда приехала? Чтобы порадовать меня известием о твоём randevу с Синтией Эванс?

Эллен покачала головой.

— Да если бы... Я, видишь ли, приехала за букетом для Алекса. — При виде недоуменного выражения на его лице у Эллен противно заныло сердце. — Алекс, — напомнила она. — Юноша шестнадцати лет от роду. Наш сын, Марш!

Прикусив губу, Марш тихо застонал.

— Эллен, эта чертова работа... Прости, я ведь сразу не... Столько всего в голове держать приходится...

— Марш, — Эллен чувствовала, как подступают слезы, — если бы ты... Нет, ничего. Прости.

— Ты хочешь сказать — если бы я проводил здесь чуть меньше времени и чуть больше — дома? — Марш в упор смотрел на жену. — Я понимаю, Эллен. Я так и сделаю. Попытаюсь, по крайней мере.

Их взгляды встретились, и внезапно просторный кабинет показался обоим тесным — слишком хорошо знали они те слова, которые готовы были друг другу сказать. Слишком часто они их говорили. Спор, старый, как мир, не имеющий конца и разрешения. А спорить-то не о чем по сути. Просто Марш такой же, как все местные мужья и отцы семейств: приходится работать по много часов, на дом и семью не остается времени, да и работа для них, если честно, куда важнее...

— Да знаю, что попытаешься. — Голос Эллен, вопреки ее желанию, звучал сухо, и она уже не пыталась это скрывать. — И знаю еще, что ничего у тебя не выйдет, а я снова буду убеждать себя в том, что это еще ничего не значит и все в конце концов образуется.

Эллен снова пожалела о сказанном, но именно в этот момент Марш, вместо обычной раздраженной гримасы, встал и, подойдя к дивану, взял Эллен за плечи и резко притянул к себе.

— Нет, на сей раз все действительно будет в порядке! Мы с тобой просто не предполагали, что у нас будет такая вот жизнь — и денег больше, чем нам когда-либо могло показаться, и времени куда меньше, чем хотелось бы... Но мы ведь любим друг друга и, что бы ни случилось, с этим справимся. — Наклонив голову, он поцеловал ее. — Ведь правда?

Эллен кивнула, чувствуя, как к сердцу снова подступает теплая волна. В последние годы — и особенно в последние месяцы — столь редкими стали между ними такие вот мгновения, мгновения, когда она чувствовала — Марш снова здесь, он ее, он с ней. Она ответила на его поцелуй и, отстранившись, улыбнулась.

— Мне еще нужно отвезти Алексу его цветы.

— А сам он не может их забрать? — на лице Марша появилось на долю секунды недовольное выражение.

— Времена изменились, — ответила Эллен, стараясь, чтобы голос не дрогнул предательски. — И слушать твои излияния тоски по «ушедшим добрым дням» мне, прости, некогда. Подумай сам — в его возрасте приходилось тебе делать столько, сколько делает он помимо учебы в школе, а? К тому же я все равно собираюсь в город — вот и захвачу цветы, так удобнее.

Глаза Марша сузились и улыбка окончательно исчезла с его лица.

— Ну, когда я был в его возрасте, то уж точно не мог позволить себе ходить в такую шикарную школу и всяких таких ускоренных программ обучения у нас тоже не было. Да ему ее, по-моему, и не потянуть.

— О, Бог мой! — только и могла сказать Эллен; последние надежды на наметившееся было перемирие улетучились.

Неужели ее благоверному нужно превращать даже такой пустяк, как цветы, в очередную лекцию о недостатках их отпрыска? Тем более что их на самом деле почти и нет — неважно, что там думает его папочка. Уже готовая грудью броситься защищать сына, она опомнилась, одернула себя.

— Марш, давай не будем начинать снова... Ну, не сейчас, пожалуйста. А?

Поколебавшись, Марш взглянул на жену и улыбнулся, но улыбка эта не имела ничего общего с прежней — принужденная, натянутая. Снова наклонившись, он одарил супругу сухим прощальным поцелуем. Выходя из кабинета, Эллен подумала: хорошо бы, если эта почти состоявшаяся ссора была на сегодня последней. Марш же, когда за женой закрылась дверь, шагнул к столу, но, поколебавшись, присел на диван и задумался.

Его тоже давно беспокоили участившиеся размолвки, угрожавшие их отношениям, но как быть — он понятия не имел. Проблемы возникали на каждом шагу и все казались неразрешимыми. По его мнению, единственным выходом было уехать из Ла-Паломы — но год назад они вместе с Эллен проголосовали против такого решения. Собственно, это и не было бы решением — а просто бегством.

И школьные неудачи Алекса тоже были вполне решаемым делом, хотя, по убеждению Марша, постарайся Алекс чуть-чуть — он без труда вошел бы в число лучших в колледже.

Настоящая же проблема, в который раз подумал Марш, лишь в одном — с некоторых пор ему стало казаться, что жена его, как и многие женщины Ла-Паломы, твердо уверовала — деньги решают все.

Марш потряс головой, словно пытаясь прогнать навязчивые мысли. Нет, ни в чем Эллен не виновата. Да и никто ни в чем не виноват, собственно. Просто

меняется этот проклятый мир — и обоим им нужно приспособливаться к этим переменам, чтобы брак их не лопнул как мыльный пузырь...

Нет, нужно непременно приехать домой пораньше; к тому же ведь сегодня у Алекса праздник.

Стоя перед зеркалом в ванной, Алекс Лонсдейл с неудовольствием изучал багровый прыщ на левой щеке. В конце концов он решил, что это и не прыщ вовсе — просто кожа покраснела, потому как он брился отцовской бритвой с излишним усердием. Он последний раз провел бритвой по подбородку, с удовольствием ощущая щекочущее прикосновение, потом, выключив, раскрыл бритву, чтобы, согласно отцовским наставлениям, прочистить ее. Брить, в принципе, было особенно нечего — борода Алекса, бороться с которой он начал сразу после шестнадцатого дня рождения, существовала пока только в его воображении. Тем не менее, когда он потряс бритву над раковиной, из нее выпало несколько черных соринки — вот они, волоски с его подбородка; и ведь точно его, потому что у отца щетина гораздо светлее — песочного оттенка. Удовлетворенно хмыкнув, он собрал бритву и, аккуратно убрав в футляр, осторожно выглянул из ванной и прошмыгнул через холл в свою комнату — слышать доносящиеся из кухни голоса родителей было выше его сил. Опять затеяли ссору...

Как он ненавидел эти их перебранки! А больше всего то, что, несмотря на все его усилия, — он изо всех сил старался не прислушиваться к гневным голосам в кухне — каждое их слово долетало до него. Уж скорей бы переехать в этот новый дом — там, по крайней мере, об этом не придется беспокоиться. Как только опять начнут — убежит в свою комнату в дальнем конце и там запрется. А сейчас — ну каждое

слово царапает слух, хотя он и старается изо всех сил не слушать.

Натянув рубашку, юноша критически осмотрел манжеты. Вроде надо скрепить их запонками... Снова сбросив рубашку, с величайшей тщательностью произвел необходимые манипуляции, затем опять надел ее. Левый — ничего, а вот с правым манжетом что-то не получилось. Алекс попробовал еще раз — теперь запонка застегнулась как надо.

Взглянув на часы, он обнаружил, что у него в запасе есть еще минут пять. Алекс влез в брюки, утвердил, где положено, подтяжки. Тут взгляд его упал на лежащий на кровати широкий пояс. Эти складки... где должны быть — наверху, внизу? Не вспомнить. Проведя расческой по жесткой густой шевелюре — чеши не чеши, все равно на лоб падает, — он схватил ненавистный пояс, сдернул с вешалки смокинг... Как он и ожидал, родители, когда он ворвался в кухню, резко оборвали разговор.

— Не помню я, как его завязывать, — пожаловался он, потрясая зажатым в кулаке поясом.

— Складками вниз, — ответила Эллен. — А то он весь у тебя помнется. Повернись-ка.

Взяв у него пояс, она аккуратно обвязала его вокруг талии сына и помогла Алексу влезть в рукава смокинга. Когда он повернулся к ней, чтобы спросить, все ли в порядке, Эллен обвила руками шею сына и крепко поцеловала.

— Выглядишь ты просто потрясно, — сообщила она. Еще раз чмокнув его в щеку, отступила на шаг. — Так что можешь отправляться. Желаю повеселиться как следует, только осторожнее за рулем. — Она тревожно покосилась в сторону мужа и про себя вздохнула с облегчением: судя по выражению его лица, Марш сам был рад передышке в затянувшейся ссоре.

— Все, я побежал, — встрепенулся Алекс. — А то, если я опоздаю, Лайза просто убьет меня.

— Ты раньше сам на себя руки наложишь! — рассмеялась Эллен. — Торопыга, самое-то главное не забудь!

Открыв холодильник, она достала из него тот самый букетик цветов — для Лайзы, естественно, и алую гвоздику, которую вдела сыну в петлицу смокинга.

— А белой не было? — косясь на украшение, недовольно спросил Алекс.

— Тогда нужен был бы белый смокинг, — снова улыбнулась Эллен, откровенно любясь сыном. Каким-то образом он умудрился унаследовать черты и отца, и матери. Темные глаза и черные волнистые волосы явно ее, а правильные черты и ровный цвет лица — от Марша. Лицо Алекса несло тонкую красоту, которая служила предметом восхищения окружающих еще с раннего детства. В течение последних же нескольких месяцев телефон в доме раскалялся от настойчивых звонков окрестных девиц, втайне надевавшихся, что Алексу в конце концов надоест эта Лайза Кокрэн.

— Ничего удивительного, если тебя выберут королем, а Лайзу — королевой выпускного бала, — заметила Эллен, ее щеки порозовели от удовольствия.

— Да ну брось ты, мам...

— А что, разве короля и королеву больше не выбирают? — Эллен притворилась удивленной.

— Да выбирают.

Покраснев, Алекс принялся шарить в карманах; нащупав бумажник и ключи от машины, облегченно вздохнул и шагнул к двери.

— Только постарайся приехать не позже часа, — напомнила Эллен, — и прошу тебя, милый, будь поосторожнее.

— То есть чтобы я не пил? — уточнил Алекс. — Ладно, не буду. Обещаю. О'кей?

— О'кей, — подал наконец голос Марш Лонсдейл. Подойдя к сыну, он вручил ему две бумажки по десять долларов. — Угостишь подружек колой после танцев.

— Спасибо, па.

Алекс исчез за дверью. Минуту спустя Эллен и Марш услышали, как во дворе загудел мотор.

— За Лайзой он, конечно, заедет на машине — в соседний-то дом! — Марш с трудом сдержал улыбку. Именно о том, стоит ли Алексу ехать на бал на машине, они с Эллен чуть ли не с полудня и спорили.

— А ты как думал, — отозвалась Эллен. — Ты что же, всерьез считаешь, что он способен заставить Лайзу идти до самой школы пешком? Плохо же ты знаешь нашего сына!

— А почему нет? — пожал плечами Марш.

— Да вот потому, — в голосе Эллен неожиданно послышалась усталость. — Ему нужна машина, Марш. Когда мы переедем, нужно... Я просто больше не смогу возить его по городу, заезжать за ним и все такое. Мальчик он вполне самостоятельный, так что...

— Да я и не спорю, — снова пожал плечами Марш. — Я только считаю, машину он должен зарабатывать. То есть не деньги, конечно, на нее заработать — учебой... Только ты не думаешь, что как-то не очень хорошо, если он начнет учиться как следует только для того, чтобы занять машину?

Эллен тоже пожала в ответ плечами и начала собирать грязные тарелки со стола.

— По-моему, он и так неплохо учится.

— Но не так хорошо, как мог бы — и ты знаешь это не хуже меня.

— Знаю, — вздохнула Эллен. — Но я просто думаю, что машина и учеба никак между собой не свя-

заны. — Неожиданно на ее лице появилась улыбка. — Слушай, я вот что подумала... Давай подождем, пока он сдаст экзамены, а там и решим, что делать. Если сдаст плохо — тогда я не права и машины он не получит. Проблему с транспортом как-нибудь решим. Но если отметки будут такие же, как сейчас, или лучше — у него будет машина, и дело с концом. Но в любом случае — ссориться по этому поводу мы перестаем, так?

Секунду Марш колебался, затем улыбка появилась и на его лице.

— Договорились, — кивнул он. — А теперь — я помогу тебе с посудой, а потом мы позвоним Кокрэнам и сообразим что-нибудь? — Он заговорщицки подмигнул жене. — Я даже готов доехать на машине до соседнего дома — гулять так гулять!

Напряжение, висевшее в кухне в течение нескольких последних часов, вдруг разом исчезло, словно его сдуло ветром. Супруги Лонсдейл, вместе моющие посуду, являли собой подлинное воплощение семейной идиллии.

Осторожно завернув за угол, Алекс поставил свой блестящий красный «мустанг» прямо перед домом Кокрэнов. Взяв с сиденья букет для Лайзы, он вышел из машины, пересек лужайку, не постучав, открыл дверь и вошел в дом.

— Есть кто-нибудь? — позвал он.

Через секунду сверху слышались частые шаги и шестилетняя сестра Лайзы, Ким, сбегала по лестнице вниз и кинулась на шею Алексу.

— Ой, это мне? — При виде цветов глаза девчушки широко раскрылись.

— Если Лайза еще не готова, придется и правда взять тебя вместо нее, — пошутил Алекс, осторожно ставя Ким на пол. На площадке лестницы показав-

лась грузная фигура ее отца. — Здравствуйте, мистер Кокрэн.

Приподняв левую бровь, Джим Кокрэн изучающе поглядел на Алекса.

— Ага, его высочество соизволил покинуть замок, дабы отвезти нашу Золушку на бал, — прогрохотал он.

Алекс постарался справиться со смущением — как всегда, без особого успеха.

— Что вы, мистер Кокрэн... никакого замка у нас нет, да и это всего-навсего школьные танцы.

— Что ж, верю, — Кокрэн медленно кивнул. — С другой стороны, на комнату Ким вы, ваше высочество, вроде бы тоже не претендуете. А потому мы с радостью выселим эту молодую леди...

— Не выселишь, не выселишь! — Ким ткнула кулачком в отцовский живот.

— Вот увидишь, выселим, — рассмеялся Кокрэн. — Как насчет стаканчика колы, Алекс? Потому как Лайза там наверху все еще старается привести себя в человеческий вид. — Понизив свой грохочущий бас до того, что могло бы считаться шепотом, если бы он не заполнял по-прежнему весь дом, Кокрэн сообщил: — На самом деле она закончила сей процесс еще час назад. Но выходить не хочет — чтобы ты не подумал, будто она сильно, понимаешь, заинтересована.

— Свидетельствую — это грязная ложь! — раздался сверху голос Лайзы. — Этот человек все время лжет, Алекс. Ни одному его слову верить нельзя!

В отличие от Алекса, Лайзе не удалось унаследовать черты обоих родителей — она была копией своей матери Кэрл. Такая же маленькая, с короткими светлыми волосами, которые она зачесывала назад — так, что самой заметной чертой ее лица были огромные глаза совершенно изумрудного цвета. От отца

Лайза, однако, унаследовала решительность — и потому платье, в котором она намеревалась блистать на балу, было такого же ослепительно-изумрудного цвета, в пик традиционному принятому на школьных балах пастельным тонам. Когда Лайза достигла нижней ступеньки лестницы, на лице Алекса уже всю сияла восторженная улыбка.

— Выглядишь ты... вот это да! — только и смог он вымолвить.

Лайза наградила его легким реверансом, после чего, оценивающе взглянув на Алекса, преувеличенно кокетливо подмигнула ему.

— Ты тоже ничего. — С минуту она стояла под восхищенным взглядом Алекса, явно ожидая чего-то, наконец не выдержала: — Ты не собираешься мне приколоть цветы?

Мгновенно вспомнив про букет, который он все еще держал в руках, Алекс почувствовал, что мучительно краснеет. К счастью, на выручку ему пришла Кэрол Кокрэн, словно добрая фея, внезапно появившаяся из кухонных дверей.

— М-может, лучше вы, миссис Кокрэн... А то я... еще уколую, чего доброго...

— Да нет, ты прекрасно справишься, Алекс. — Кэрол Кокрэн кинула быстрый взгляд на дочь, и Лайза, спохватившись, усиленно закивала: — Ну что ты, Алекс, просто приколи, как обычно, и все. А то, — она прыснула, — останемся здесь до утра, развлекать папу и маму нашим обществом.

С полминуты Алекс неловко возился с букетом, но в конце концов дело было сделано. Они уже собирались уйти, но в это время вновь возникающая на пороге — но уже с фотоаппаратом в руках — Кэрол Кокрэн жестом пригласила их в гостиную.

— Мам, ну у нас времени нет... — пыталась отбиться Лайза, но Кэрол была тверда, как алмаз.

— Вы же идете на первый в жизни выпускной вечер. Это бывает только раз, дорогие мои, и я желаю запечатлеть это событие. А потом, вы же оба выглядите просто...

— Ой, Алекс, сейчас она опять это скажет, — жалобно протянула Лайза. — Закрой уши, прошу тебя!

— Как хотите, а я все равно скажу, — засмеялась Кэрол, когда ребята с каменными лицами прикрыли ладонями уши. — Вы просто *клево* выглядите!

Ровно двадцать четыре кадра спустя Алекс и Лайза уже бежали к машине.

— Не понимаю, почему мы должны здесь торчать.

С этими словами Алекс заглушил мотор «мустанга», терпеливо дожидавшегося проезда на стоянку в очереди между бежевым «альфа-ромео» и белым «порше». Прежде чем Лайза успела ответить, Алекс уже галантно распахнул дверцу с ее стороны.

— Ну-ну, Лонсдейл, — голос раздался откуда-то сзади, — попробуй-ка поцарапай мне тачку, и твою задницу будут собирать по частям.

Ухмыльнувшись, Алекс обернулся и помахал обладателю голоса — своему однокласснику Бобу Кэри. Тот держал за руку свою подружку Кэйт Льюис, но все внимание его явно поглощал сияющий белый лимузин — подарок родителей.

— Да ты же в прошлом месяце ему сам чуть крыло не оторвал! — поддразнил Боба Алекс.

— Ага, а потом мне папаша чуть башку не оторвал, — мрачно кивнул Боб. — И теперь мне, видишь ли, за ремонт приходится платить самому.

Лайза вышла из машины, и Алекс захлопнул дверцу.

— Ладно, братцы, увидимся.

Боб помахал Алексу и Лайзе рукой, и они с Кэйт двинулись в сторону спортивного зала, где обычно

устраивались танцы; оттуда уже доносилось буханье музыки.

— Боб мне говорил, мы теперь по струнке перед тобой ходить будем, — поддразнила Алекса Лайза. — Тебя ведь наверняка изберут на будущий год президентом школьного совета. Только не говори, пожалуйста, что тебе все равно — нечего тогда было выставляться в числе кандидатов.

— Да в общем не все равно, — Алекс пожал плечами. — Только я и не выставлялся вовсе. Записали меня в этот листок, и все.

— Да ладно тебе, в конце концов это не так уж плохо. Тебя ведь и так вся школа знает. Только научись официальным тоном говорить «хелло» — вот и все твои обязанности.

— Ну да, и еще придется на разных торжествах по-дурацки вякать: «Позвольте представить вам мою подругу Лиз» — хотя они все тебя знают чуть не с первого класса.

— Школьные мероприятия призваны повышать нашу коммуникабельность, — строгим тоном произнесла Лайза. И, не сдержавшись, хихикнула: — У тебя как с коммуникабельностью?

— В полном ажуре... только на этих тусовках не дай Бог я забуду чье-нибудь имя — я же с ума сойду.

— Да перестань, привыкнешь. А вот на эту мы точно сейчас опоздаем, так что двигаем.

Взбежав по ступенькам просторного школьного крыльца и миновав вестибюль, они вошли в спортзал и чинно встали в очередь у входа. Несколько минут спустя к ним подошли Боб Кэри и Кэйт. Алекс с тайным удовлетворением заметил, что Боб волнуется не меньше, чем он. Пока они раздумывали, что бы такое сказать в ободрение друг другу, затянувшуюся паузу нарушила Кэйт.

— Мальчишки, ну что вы молчите, как сычи! — воскликнула она негодуя. — Лично я намерена веселиться. Это у-ни-каль-ное событие, и я никогда, слышите, никогда не забуду ни одной сегодняшней минутки!

— Да мы все не забудем, — заметила Лайза, — не переживай.

Никто из них и не забыл ни одной минуты, даже если бы захотел. Потому что все началось именно в этот вечер.

Глава 2

Грохот рок-н-ролла оборвался последним скрежещущим аккордом, и Алекс, задыхаясь после сумасшедшего танца, обвел взглядом спортзал в поисках Лайзы. Последний раз он ее видел, кажется, целую вечность назад — она танцевала с Бобом Кэри, а Алекс — с его подружкой Кэйт. Потом еще с другими девчонками... Вон Боб стоит у стенки и что-то орет в ухо Дженнифер Лэнг. Скользя между парами, Алекс пробирался к двери — Лайза наверняка вышла подышать. У самого выхода он почувствовал, как кто-то тронул его за плечо. Он обернулся. Кэролайн Эванс.

— Привет! — улыбаясь, произнесла она. — Если ты ищешь Лайзу, она в комнате отдыха, они туда с Кэйт и Дженни вместе пошли.

— Тогда пойду выпью коки — если там осталось что-нибудь.

— Да там ее просто залиться. — Этот слегка поддразнивающий тон появлялся у Кэролайн, по мнению Алекса, всякий раз, когда ей хотелось казаться умнее всех. — Потому как ее никто, кроме тебя и

Лайзы, не пьет. Пошли к моей машине — я припасла пивка, хочешь баночку?

— Да я за рулем...

Откинув назад голову, Кэролайн разразилась гортанным смехом — репетировала, решил Алекс, часа два, не меньше.

— Ой, ну ведь уже не бывает таких пай-мальчиков, а, Алекс? Даже одну крохотную баночку пива — никак? Ну же, Алекс, спустись на землю!

— Да не в этом дело. — Алекс выдавил из себя усмешку. — Просто если я приеду домой и от меня будет пивом нести, отец у меня точно заберет машину.

— О-о, искренне вам сочувствую, — соболезнующе промурлыкала Кэролайн. — Мою вечеринку, значит, своим присутствием ты не сможешь почтить. — От Кэролайн не ускользнуло, как оживился на секунду взгляд Алекса. Нужно было ковать железо. — Жалко, туда вообще все собираются. Так, на часочек...

Алекс недоверчиво взглянул на Кэролайн. Неужели она действительно устраивает все это на этой их гасиенде? Ведь в Ла-Паломе только о ней и говорят. Мать еще только вчера сказала — Эвансы ни за что не пустят туда никого еще по меньшей мере с месяц, пока работы не будут закончены. А все так и умирают взглянуть хотя бы одним глазком на то, что там вытворяют со старым домом Эвансы. А вернее — как распорядилась Синтия Эванс деньгами мужа.

Поначалу, как только стало известно, что Эвансы купили этот громадный старый дом в конце Гасиенда-драйв, мнение было единодушным — взяли под снос. Дом Бог знает сколько времени стоял абсолютно пустым, был слишком велик для семьи из трех человек без прислуги и развалился уже настолько,

что вряд ли кому пришла бы в голову мысль о какой-либо реставрации.

Оказалось — пришла.

Восстанавливать дом начали с внешней стены, вернее, с того, что от нее осталось. Но стену целиком отстроили заново, восстановили — по выцветшим фотографиям, запечатлевшим гасиенду полувековой давности, — деревянные ворота, сделав точную копию старинных, с той лишь разницей, что открывались они нажатием кнопки на пульте и были наспигованы разнообразными охранными устройствами. А когда восстановление стены было закончено, Синтия рьяно взялась за «реставрацию» старого дома.

Не будет преувеличением сказать, что практически каждый из жителей Ла-Паломы хотя бы раз да наведывался в конец Гасиенда-драйв, но ворота всегда были плотно закрыты. Алекс и сам, и в компании друзей пару раз пытался заглянуть во двор через высокую стену, но удалось увидеть лишь безошибочные приметы строительных работ — новую штукатурку на стенах, свежую черепицу на крыше и жёсть на подоконниках.

И вот Кэролайн как бы сама приглашала одноклассников на эту долгожданную экскурсию!

Алекс не отрывал недоверчивого взгляда от Кэролайн.

— А я думал, твои еще с месяц и на порог никого не пустят.

— А они на уик-энд в Сан-Франциско уехали, — улыбнувшись, Кэролайн подмигнула.

— Не знаю вообще-то... — неожиданно Алекс вспомнил о данном отцу обещании не ездить после бала ни на какие вечеринки.

— Чего это ты не знаешь? — осведомилась Лайза, подойдя сзади и просунув ладошку под локоть Алекса.

— Зову его к себе на вечеринку, а он ни в какую, — пожаловалась Кэролайн; Алекс не успел раскрыть рта.

И без того огромные глаза Лайзы стали еще шире.

— А что, будет вечеринка? Там, у вас? На... на гасиенде?

Кэролайн кивнула с наигранной небрежностью.

— Ага, и вроде все собираются — Боб, Кэйт, Дженни Лэнг... ну все, в общем.

Лайза стремительно обернулась к Алексу.

— Ну поедем!

Алекс с несчастным видом молчал. В этот момент музыканты заиграли последний танец и Лайза, сориентировавшись, повлекла Алекса в гушу танцующих пар.

— Что-нибудь не так? — спросила она обеспокоенно. — Почему мы не можем поехать к Кэролайн?

— Мне не хочется, Лиз.

— Просто ты Кэролайн не любишь, — возразила Лайза. — Но тебе ведь с ней и говорить-то не обязательно. Там еще куча народа будет.

— Да нет, не в том дело.

— А в чем же тогда?

— Да я предкам обещал, что ни на какие вечеринки после бала не поеду. Отец мне даже бабок дал — чтобы кого-нибудь потом колой угостить или гамбургером и сразу домой.

Несколько секунд Лайза молчала, потом снова подняла глаза на Алекса.

— Но нам ведь не обязательно говорить им, где мы были!

— Узнают все равно.

— Неужели тебе совсем не хочется посмотреть их дом, Алекс?

— Да ясно, хочется.

— Ну тогда и поехали! И потом, предки же не за вечеринку волнуются, а за то, что ты станешь пить, а

ты за рулем. Так что поехать мы поедем — но даже к пиву не притронемся! И поедем тоже ненадолго.

— Послушай, Лайза. Я ведь обещал им...

Однако Лайза уже тянула его с площадки.

— Пошли, найдем Кэйт и Боба. Заедем вчетвером к Кэролайн на пару минут, а потом все поедем есть эти самые гамбургеры. Так что двух зайцев убьем — и дом посмотрим, и своим тебе врать не придется. О'кей?

Алекс уже знал, что, конечно же, уступит ей, хотя делать этого и не следовало. Вообще спорить с Лайзой тяжело — она умела даже заведомую чепуху представить абсолютно логичной.

Свет фар «мустанга» выхватил из темноты распахнутые ворота гасиенды. Алекс с силой нажал на тормоза.

— Тачки у них здесь или во дворе ставят?

Лайза пожала плечами.

— Вот уж не знаю. Кэролайн вроде и не говорила ничего.

Сзади неожиданно раздался гудок, и к воротам подъехал белый «порше» Боба.

— Вон туда, — махнул Боб из окна. Налево от ворот, как оказалось, у стены уже стояли с десяток машин. Следуя за Бобом, Алекс втиснул «мустанг» рядом с серым «камаро», выключил мотор и повернулся к Лайзе.

— Может, поедем все-таки домой? — предложил он. Но Лайза, рассмеявшись, тряхнула волосами.

— Нет уж, раз приехали, я хочу посмотреть. Пошли — мы же только на минутку.

Она выбралась из машины, и Алекс, секунду колебавшись, последовал за ней. Минуту спустя из темноты рядом с ними появились Боб и Кэйт и все четверо весело зашагали к ярко освещенным воротам.

— Нет, это... этому просто поверить нельзя, — только и смогла вымолвить Кэйт, когда они, войдя в ворота, застыли, пораженные переменами, произошедшими с развалинами старого дома.

Конюшни, располагавшиеся слева от основного здания, словно по мановению волшебной палочки превратились в комфортабельные гаражи. Причем их вроде бы особенно и не трогали — новыми выглядели лишь кровли, перекрытые, как и сам дом, красной калифорнийской черепицей.

— Ну, не знаю, — пожал плечами Алекс. — Выглядят они так, будто им лет двести с лишком.

— Кроме вот этого, — Лайза протянула руку вперед. — Ты когда-нибудь еще такое видел?

Почти всю площадь двора, еще с полгода назад бывшего обычным пустырем, густо поросшим сорняками, занимало сверкающее зеркало бассейна, в который низвергался с искусственного утеса каскад пенящейся воды, спадавшей на пять прихотливо расположенных террас и уже с них стекавших в бассейн.

Боб Кэри только тихо присвистнул.

— И какой он величины, вы думаете?

— Достаточно, — хмыкнул Алекс. Переведя взгляд на бывший флигель для прислуги, стоявший в глубине двора, он удивленно протянул: — А это теперь что — охотничий домик?

Но прежде чем кто-то успел ответить, доносившийся со стороны дома грохот музыки перекрыл звонкий голос Кэролайн Эванс:

— Эй, входите! Входите все!

Смущенно переглянувшись, все четверо друг за другом медленно пересекли двор и поднялись по лестнице на обширную лоджию, тянувшуюся через весь фасад дома. У причудливо украшенной парадной двери их ждала сияющая Кэролайн.

— Ну, как вам? Проходите — все уже собрались.

Парадная дверь вела в огромный, выложенный плиткой холл; изогнутый пролет лестницы приглашал наверх. Слева была видна таких же размеров столовая, потом — кухня, а между ними — еще одна комната.

— Это была комната дворецкого! — Кэролайн почти кричала — кто-то наверху прибавил громкость. — Мама не знала, стоит ее оставлять или нет, но потом оставила все-таки.

— Значит, у вас будет дворецкий?

Кэролайн с деланной небрежностью пожала плечами.

— Не знаю, может, и так. Просто мать считает, что Марии одной с хозяйством не справиться.

— Мария Торрес? — скривился Боб. — Да эта старая ведьма и о собственном доме не в состоянии позаботиться! Моя мать, помню, ее выперла через два дня!

— Да нет, она... — начал было Алекс, но слова его потонули в общем хохоте. Даже Лайза не смогла удержаться.

— Да брось, Алекс, она же безнадега полнейшая. Про это все уже давно знают. — Лайза беспокойно оглянулась на Кэролайн. — Ой, а ее сейчас тут рядом нету?

— Ну, если есть, — Кэролайн мотнула головой с недоброй усмешкой, — впечатлений у нее будет предостаточно.

На верхней площадке лестницы Мария Торрес, шагнув обратно в темноту комнаты, прикрыла за собой дверь. Черное платье делало ее почти невидимой.

Все это время она тихонько сидела в большой спальне в самом конце коридора — той спальне, ко-

торая по праву должна была принадлежать ей. Она слышала, как к дому начали подъезжать машины.

Но ведь никто не должен был приезжать сюда еще по меньшей мере несколько часов. Еще несколько часов она могла провести наедине с домом — с ним и населявшими его призраками. Но все рухнуло — теперь дом был полон музыки *гринго* и детей *гринго*, которых она ненавидела с молодых ногтей.

Она специально пришла сегодня рано, около семи — открыла дверь своим ключом, когда Кэролайн уехала. Последние четыре часа она ходила по дому и представляла, что он наконец ее, что она не прислуга, не жена какого-нибудь пеона, а хозяйка поместья — донья Мария Руис де Торрес. И когда-нибудь так и будет, когда-нибудь в близком или отдаленном будущем. Всех *гринго* с позором изгонят из этих мест, и она станет полноправной хозяйкой гасиенды.

Но сейчас ей оставалось лишь притворяться — и ждать. *Гринго* не хотят, чтобы она в их отсутствие бывала в доме. Поэтому ей придется покинуть гасиенду так же незаметно, как она вошла, и снова спускаться вниз по склону каньона к ее жалкой лачужке за зданием миссии; и ничто в доме не должно выдать ее странного ночного визита.

Она вновь обвела взглядом темную спальню — ту самую, которая по праву должна была принадлежать ей. Тихонько выскользнула за дверь, неслышно спустилась по черной лестнице — никто из ее предков никогда не спускался по ней! — и вышла в ночь, оставив позади кощунственные пляски проклятых *гринго*. Впереди лежал долгий путь, и древний гнев все сильнее сжимал в тисках ее сердце...

— Господи Иисусе! — Боб снова присвистнул. — Когда я был здесь в последний раз — тут словно ураган пронесся. А теперь, глядите...

Гостиная, располагавшаяся в противоположной стороне холла, была футов шестьдесят в длину, но казалась еще больше из-за огромного камина, вделанного в дальнюю стену.

Отполированный до блеска дубовый пол был на вид почти черным, белые стены комнаты отражали свет от скрытых светильников, встроенных через равные интервалы, отчего комната казалась даже еще шире. В двадцати футах над головой черные бревна стропил выглядели перекрытиями кафедрального собора.

— Обалдеть можно, — прошептала Лайза.

— Да это только начало, — пожала плечами Кэролайн. — Ладно, смотрите все, что хотите... ой, вы еще подвал не видели. Это отцовские владения — мама терпеть их не может.

Хихикнув, Кэролайн исчезла в гуще танцующих, равномерно дергавшихся под заводной ритм реггей.

Чтобы обойти дом, им понадобился по меньшей мере час. Но по окончании прогулки они подозревали, что всего так и не увидели. Спален наверху они насчитали семь — каждая со своей ванной и туалетом, а кроме того, еще библиотека, две небольшие гостиные... Причем все комнаты выглядели так, будто их обставили еще в восемнадцатом веке, а потом время остановило свой бег.

— Ты бы мог здесь жить? — тихо спросила Лайза, когда они вчетвером спускались по лестнице, ведущей в подвал.

— Не знаю... на нормальный дом он все же не очень похож, — ответил Алекс. — Скорее на музей, по-моему. Слушайте, а я не помню, чтобы в этом доме раньше был подвал...

— А его и не было, — ответила Кэйт. — Кэролайн сказала, что ее отец решил себе оборудовать личное пристанище, а в те комнаты ее маменька его не пустила. Вот он и вырыл подвал. Прикинь?

— Да уж, — подал голос Боб Кэри. — Ему, наверное, казалось, что дом еще недостаточно велик.

Лестница шла в коридорчик, дверь в левой стене вела в подсобку, а сам он — в обширное квадратное помещение наподобие кладовой.

Наконец их взорам предстало то самое пристанище мистера Эванса — причем места оно занимало примерно столько же, сколько гостиная над ним. Несколько минут ребята в молчании рассматривали комнату.

— Наворочено у них как-то, — неодобрительно высказалась Лайза, переварив наконец увиденное.

— Это ты просто завидуешь, — поддразнил ее Боб. — Был бы это твой дом, он бы тебе навороченым не казался.

Кэйт наградила Боба укоризненным взглядом.

— Моя мама говорит, что у Эвансов денег гораздо больше, чем вкуса, и она права, по-моему. Ты только посмотри на это, Боб! Это же...

Внутреннее убранство комнаты напоминало телевизионную студию. Всю противоположную стену занимал огромный экран, почти как в кинотеатре, однако это был экран телевизора. Вдоль другой стены громоздились электронные приборы, назначение которых было для ребят весьма таинственным, однако именно они, судя по всему, служили источником гроыхавшей наверху музыки.

Особой же критике со стороны Лайзы подверглась не нашпигованная электроникой комната, а находившийся напротив нее бар. Не обыкновенный домашний бар — столик, три стула и полка с напитками. Бар в доме Эвансов тянулся во всю длину подвальной стены. Сама стена, отделенная полированной деревянной стойкой, была сплошь завешена полками с самыми разнообразными видами спиртного. Каждая полка была подсвечена неоновой лампочкой,

так что создавался эффект радуги, который еще усиливали боковые зеркальные стены. В этом радужном ореоле несколько подростков, весело суетясь, наливали в высокие стаканы какие-то невообразимые смеси.

— Кто-нибудь чего-нибудь?.. — Боб критически изучал всю эту неразбериху.

— Почему нет? — откликнулась Кэйт. — Есть у них джин?

Боб налил им по четверти стакана, добавил сок, лед и, протянув один из бокалов Кэйт, повернулся к Лайзе и Алексу — узнать, что они предпочитают. Но оказалось, что, пока он выполнял обязанности бармена, Лайза с Алексом куда-то исчезли.

— Вот это да... Кэйт, а куда они подевались?

Кэйт пожала плечами.

— Понятия не имею. Бог с ними, пошли танцевать.

Допив свой джин, она потянула Боба вверх по лестнице. Несколько минут они вместе со всеми упоенно дергались, но когда через несколько минут песня кончилась, принялись искать в толпе Алекса и Лайзу.

— Может, они обиделись на то, что мы все же решили выпить? — предположила наконец Кэйт.

— А какое им дело? Мы-то домой не торопимся. И правда, черт с ними.

— Нет! Давай все-таки их найдем.

Нашли они их во дворе. Лайза и Алекс стояли, взявшись за руки, и смотрели на звезды.

— Эй! — крикнул Боб и помахал им пустым стаканом. — Вы не хотите присоединиться к нам?

— Мы пить не будем, — Алекс недовольно покопился на стакан. — И вообще мы хотели поехать есть гамбургеры.

— Кому охота есть гамбургеры, когда можно выпить? — удивился Боб.

Нагнувшись, он извлек из ведерка со льдом бутылку пива и почти насильно всунул ее в руки Алексу. Алекс секунду смотрел на нее, затем перевел взгляд на Лайзу. Та, поморщившись, покачала головой. Поколебавшись, Алекс решительным движением сорвал пробку и сделал большой глоток.

Лайза негодуяюще всплеснула руками:

— Алекс!

— Я, если помнишь, вообще не хотел сюда ехать, — Алекс словно оправдывался. — Но уж если мы здесь, хотя бы повеселимся немного.

— Но мы же обещали...

— Знаю, что обещали. А я к тому же и на вечеринки обещал не ездить. Но мы все же поехали. Почему бы в таком случае к ним не присоединиться? — Махнув рукой в сторону дома, Алекс снова глотнул из бутылки. Глаза Лайзы гневно расширились, но прежде чем она успела что-либо сказать, грохот музыки перекрыл громкий голос Кэролайн Эванс. Она стояла на верхней площадке лестницы, ведущей во двор, держа в руках разноцветные полотенца.

— Кто хочет искупаться в бассейне?

На мгновение дом погрузился в тишину, даже музыку выключили, затем чей-то неуверенный голос возразил, что у многих нет с собой купальных костюмов.

— А кому они нужны? — удивилась Кэролайн. — Прыгнем как есть, и все тут!

Неожиданно, дотянувшись до молнии на спине, она на глазах у всех сбросила платье, освободилась от черного кружевного лифчика и таких же трусиков и через секунду уже плыла по ярко освещенной водной глади. Сделав еще несколько гребков, она обернулась и помахала гостям рукой.

— Прыгайте! — позвала она. — Тут классно!

Секундное всеобщее колебание — затем какая-то пара, решившись, последовала примеру Кэролайн. За ними еще трое, и вскоре весь двор был завален разбросанной в беспорядке одеждой, а бассейн — полон голых мальчишеских и девчоночьих тел. Алекс взглянул на Лайзу.

— Нет! — Она отрицательно помотала головой. — Мы собирались заехать всего на несколько минут и не пить ни в коем случае. И уж меньше всего хотелось бы принимать участие в *этом*.

— Цыпленок ты, больше ничего. — Алекс уже сбрасывал свой смокинг. Допив бутылку, он поставил ее на землю и начал развязывать шнурки.

— Алекс, не нужно, — тихо попросила Лайза. — Пожалуйста!

— Да брось! Что тут такого? Ты что, никогда раньше не купалась в чем мать родила?

— Ничего такого тут нет, — согласилась Лайза. — Мне только кажется, что не стоит этого делать. Лучше поедем домой.

— А по-моему, лучше нам искупаться, — возразил Алекс. Он уже сбросил рубашку и брюки. — Мне тоже казалось, что не нужно нам сюда ехать, но приехали все же, ведь так? А теперь вот я думаю, что не грех нам выкупаться — нагишом, как все остальные, и тебе в этом тоже поучаствовать.

Стянув цветастые плавки, Алекс прыгнул в бассейн. Секунду спустя он появился на поверхности, отплеываясь и озираясь в поисках Лайзы.

Но Лайзы не было. Она исчезла.

Легкий хмель от выпитого пива тут же прошел. Алекс всматривался в толпу сновавших возле бассейна ребят и девчонок, уверенный, что Лайза осталась ждать его где-то недалеко. Минуту спустя он понял — не осталась. Если уж она решила не принимать в

этом, как она сказала, участия — переубеждать ее было бесполезно.

Внезапно Алекс почувствовал себя дураком.

Он же не хотел ехать на эту дурацкую вечеринку, не хотел пить и вовсе уж не хотел ссориться с Лайзой. Выпрыгнув из воды, он схватил первое попавшееся полотенце и, быстро обтеревшись, начал одеваться. Вбежав в дом, он сразу отыскал Боба Кэри — не знает ли он, где Лайза, не ушла ли она? Но Боб Лайзу не видел.

Ни он и никто другой.

Десять минут спустя Алекс уже бежал к воротам.

Отойдя на четверть мили от дома Эвансов, Лайза Кокрэн замедлила шаг, чтобы перевести дух. Может, все же вернуться на эту мерзкую вечеринку? Да и что такого мерзкого в купании нагишом? И она тоже хороша — из-за этого так расстроиться! В общем-то Алекс прав — она сама захотела туда поехать. Он-то ведь возражал — так нет, она все-таки настояла. С другой стороны, пива он все же выпил, может, и сейчас еще пьет. А если так, домой с ним она точно не поедет.

Остановившись, Лайза напряженно раздумывала, что делать. Может быть, дойти до дома пешком и подождать там Алекса...

А может, лучше всего все-таки вернуться, найти Алекса и убедить его, что уже давно пора ехать. Машину она поведет сама.

Но это будет означать, что она уступила, а уступать Лайзе не позволял характер. В конце концов, она права, а неправ все же Алекс — и поделом ему, пусть мучается из-за того, что она там его бросила.

Утвердительно кивнув, Лайза вновь зашагала вниз по дороге.

Немыслимым маневром обогнув «порше» Боба Кэри, Алекс вдавил педаль газа в пол. Из-под задних колес брызнул гравий, и машина словно прыгнула в темноту, уносясь к Гасиенда-Драйв от дома Эвансов.

Алекс не знал, как далеко могла уйти Лайза — казалось, что пока он оделся, выбежал из дома и вскочил в «мустанг», прошла целая вечность. Может быть, она уже дома...

Он прибавил газ. Машина неслась, вполне оправдывая свое название. Алекс с ходу обогнул бетонное ограждение оврага на повороте, но машину начало заносить и пришлось слегка сбавить скорость; стрелка на спидометре сползла до семидесяти. Впереди маячил знакомый S-образный поворот со знаком «тридцать миль в час», но Алекс знал — ради безопасности скорость здорово занижают. Поэтому сбросил до шестидесяти.

И тут увидел ее.

Лайза стояла на обочине, зеленое платье в свете фар «мустанга» ярко блестело; еще ярче показались ему ее изумрудные глаза — в них застыл страх.

Или ему это почудилось? Неужели он уже был так близко к ней?

Педаль тормоза почти касалась пола; поздно, сейчас машина ударит ее...

Если бы только она стояла на другой стороне дороги — он съехал бы в кювет и этим спас бы Лайзу. Но сейчас машина неслась прямо на нее.

Нужно попытаться свернуть. Нужно попытаться!

Сняв ногу с тормоза, Алекс из последних сил повернул руль вправо.

Лайза была от него всего в нескольких ярдах.

А за ней — в темноте — белело что-то еще...

...Лицо — старое, покрытое морщинами, в обрамлении клочковатых седых волос... Даже не старое — было в нем что-то древнее, как сама тьма, и столь же мертвяще жуткое... И глаза, смотревшие на него в упор, — их взгляд он словно ощутил кожей...

Сила этого взгляда заставила его выпустить руль из рук.

В последний момент он, однако, сумел повернуть руль влево — и машина ответила, пронесясь, словно пуля, мимо теряющей от страха рассудок Лайзы, одним скачком преодолев тротуар, — и дальше, к бетонной изгороди, за которой зияла черная пасть оврага...

Немедленно повернуть!

Он вывернул руль в противоположную сторону.

Поздно!

Разворотив бетонную стену, машина зависла над черневшей в темноте пропастью.

— Ла-айза-аааа!..

Глава 3

Было уже около двух пополуночи, когда Эллен Лонсдейл услышала доносящиеся издалека звуки сирены. Она не спала — все время так и сидела здесь, в гостиной, с того момента, как их покинули Кокрэны. Минуты шли, и волнение Эллен возрастало. Опаздывать было совсем не в характере Алекса, и в первые полчаса она тщетно пыталась бороться с растущей уверенностью — с ним что-то случилось. Звук сирены стал громче. Пару секунд спустя вдалеке завыла еще сирена, затем еще. Их низкий, какой-то траурный вой в клочья разорвал в уставшем мозгу Эллен последние остатки спокойствия.

Это Алекс. Сердцем она чувствовала — что-то случилось с ее сыном, и потому с улицы слышен этот жуткий вой.

И в этот момент в доме зазвонил телефон.

Вот оно, похолодела Эллен. Они звонят, чтобы сообщить мне — он мертв. Ноги словно налились свинцом, но она заставила себя подойти к телефону и сняла трубку после секундного колебания.

— Д-да?

— Эллен?

— Да, я, а...

— Это Барбара. Из Медицинского центра.

Неуверенность, звучащая в голосе Барбары Фэннон, окончательно подтвердила подозрения Эллен — что-то не так.

— Что? Барбара, что случилось?!

Голос Барбары снова стал деловито-бесстрастным.

— Простите, могу я переговорить с доктором Лонсдейлом?

— Что случилось?! — Эллен почти кричала. Однако, через какой-то миг справившись с собой, ответила по возможности спокойно, что Марш только что вернулся с вызова.

— Простите, Барбара. Одну минутку. Я сейчас позову его.

Пытаясь унять непроизвольную дрожь в руках, она положила трубку на столик рядом с телефоном и, собрав остатки воли, направилась в холл. Марш, протирая слипавшиеся глаза, уже стоял в дверях.

— Что тут происходит? Какой-то вой меня разбудил...

— Это сирены, — выдохнула Эллен. — Что-то случилось, Марш, с тобой хотят поговорить, звонят из Центра...

Уже окончательно проснувшись, Марш кинулся в комнату и поднял телефонную трубку.

— Доктор Лонсдейл слушает.

— Марш? Это Барбара. Я в реанимации, в приемном покое. Я не хотела тебе звонить так поздно, но здесь авария, мы не знаем, насколько тяжелая, а раз ты был на вызове...

— Нет, все нормально. Правильно, что позвонила мне. Сейчас буду. Подробности есть хоть какие-то?

— Никаких. То есть известно, что машина разбилась, по крайней мере, одна, а сколько в ней было народу...

— Ладно, ждите меня.

На том конце линии повисло напряженное молчание.

— Да, и... Все техники из неотложной бригады сейчас на вызовах...

Марш поморщился. За пять лет работы в Центре он так и не научился спокойно принимать расхожее мнение о том, что эти самые техники якобы справляются с аварийными ситуациями лучше, чем дипломированные специалисты,

— Я соображу, что к чему, Барб. Все, конец связи. Через четверть часа увидимся.

Повесив трубку, Марш повернулся к Эллен, стоявшей у кресла за его спиной. Пальцами Эллен сжала спинку так, что побелели ногти.

— Это... Алекс? — произнесла она шепотом.

— Алекс? — озадаченно повторил Марш. Интересно, с чего его жене пришло вдруг такое в голову. — Почему, черт возьми, это должно быть как-то связано с Алексом?

Эллен стоило немалых усилий сдержаться.

— Я... просто у меня такое предчувствие — ничего больше. Алекс никогда раньше так не задерживался. Марш, ответь... с ним что-то случилось?

— Да вообще еще неизвестно, кто это. — Марш пожал плечами. — Произошла авария, но какое от-

ношение имеет к этому Алекс... — Его слова не рассеяли страха Эллен, он увидел это по ее глазам, и, подойдя, крепко обнял жену. — Ну, не мучай себя, голубка. — Эллен не ответила, и Марш, нехотя отпустив ее, направился в спальню, но Эллен, взяв мужа за руку, удержала его. Мольбу, прозвучавшую в ее голосе, Марш за секунду до того увидел в глазах жены.

— Но если это не Алекс, почему тогда они позвонили тебе? Ведь сегодня же дежурит кто-то из интернов?

Марш кивнул.

— Это верно, но неизвестно, сколько людей пострадало в этой аварии. Поэтому я могу понадобится. — Мягко сняв с локтя пальцы Эллен, он прошел в спальню.

Эллен вошла следом за ним.

— Я поеду с тобой, — неожиданно произнесла она, когда Марш уже начал одеваться.

Он досадливо покачал головой.

— Эллен, ну нет же абсолютно никакой причины...

— Нет, есть. — Эллен изо всех сил пыталась заставить голос не дрожать, но это выходило у нее плохо. — Я чувствую, Марш, это...

— Предчувствие — это еще не основание, — снова покачал головой Марш, и Эллен внутренне сжалась — в голосе мужа сквозило глухое раздражение. Но подавив его, Марш снова подошел к жене и обнял ее. — Ну, перестань мучить себя, родная. Подумай сама. Автомобильные катастрофы очень часто случаются. Вероятность, что это касается Алекса, крайне мала. А я не смогу работать, если оставлю тебя в таком состоянии.

Эллен понимала, что муж прав, но сердце отказывалось слушать. Уняв наконец дрожь, она отстранилась и снова взглянула на Марша.

— Прости, — прошептала она. — Я просто... Нет, ничего, милый, не обращай на меня внимания. По-езжай.

Марш улыбнулся.

— Ну вот, ты снова моя пай-девочка.

Улыбка мужа не рассеяла ее страхов — но, улыбнувшись в ответ, Эллен взяла со столика ключи от машины и протянула Маршу.

— Послушай... — она поймала себя на том, что старается не смотреть ему в глаза. — Как только будет что-то известно о пострадавших в этой аварии, пусть кто-нибудь позвонит мне. Или ты, или Барбара... Не нужно рассказывать ничего — скажите только, что это не Алекс.

— К тому времени, как все это будет известно, Алекс наверняка уже вернется домой, — ответил Марш. Но, снова взглянув на Эллен, кивнул. — Но я непременно попрошу, чтобы тебе позвонили. А если все будет в порядке — вернусь через час или полтора.

Марш вышел, и Эллен медленно опустилась на диван. Самое страшное — ожидание...

— Бог мой, — только и мог вымолвить сержант Роско Финнерти, когда фары патрульной машины выхватили из темноты груды обломков на дне оврага. — И как она только не взорвалась... — Взяв фонарь, он вышел из машины и широкими шагами направился к месту аварии; за ним едва поспевал сержант Томас Джексон, его напарник. Когда до обломков оставалось несколько ярдов, Финнерти заметил в темноте какое-то движение. Луч фонаря осветил белое от страха лицо подростка.

— Ну и заехал ты, парень, — тихо произнес Финнерти. — Ну ладно, теперь уж мы обо всем позаботимся.

— Но, сэр... — начал было парнишка.

— Слыхал? — прервал его Джексон. — Отойди к обочине и не мешай нам. — Лучом фонаря он осветил жавшуюся друг к другу кучку ребят; Джексон заметил, что одежда у большинства из них была в беспорядке, волосы мокрые. — Твои друзья?

Парень кивнул.

— Вечеринка у вас, что ли, была? Ладно, отправляйся к ним, с вами поговорим позже.

Молча повернувшись, парень медленно пошел вверх по склону; Джексон и Финнерти продолжили путь к обломкам на дне. Сзади они слышали, как хлопали двери; раздались голоса. По склону на дно оврага спускались люди.

Машина, лежавшая на боку, была искорежена до такой степени, что сержант даже не смог поначалу определить марку. Переворачивалась она явно много раз, затем ее волокло на боку, пока она не врезалась в большой камень.

— Водитель-то еще там, — при этих словах Финнерти желудок Джексона начал проявлять все признаки недостойного поведения, которым он отличался при извлечении из-под обломков жертв автомобильных аварий. Однако Джексон, проигнорировав это обстоятельство, стоически шагнул вперед.

— Может, он еще жив?

— Понятия не имею, — пожал плечами Финнерти. — Но вообще вряд ли. — Обернувшись, он посмотрел на Джексона — дурной нрав его желудка он знал давно. — Ты в порядке?

— Даже если и нет — отложим на потом, — пробурчал Джексон. — Больше в ней никого нет?

— Да не видно. Но если и был кто — да непристегнутый, — вылетел, как только она перевернулась. — Он посветил фонариком в лицо Джексону. — Помо-

жешь мне здесь — или пойдешь этого другого по-ищешь?

— Помогу. По крайней мере, пока не приедут медики. — Подойдя к машине, Джексон устался на застрявшее в обломках тело, навалившееся грудью на колесо руля. Голова и лицо были в крови. Джексон подумал, что Финнерти, видимо, прав — если этого парня не убило еще при первом ударе, он, как видно, скончался от кровопотери немного спустя. Дело, однако, надо делать, — и с этой мыслью, плотно сжав зубы, Джексон принялся перерезать ремень, который удерживал тело на измочаленном каркасе переднего сиденья.

— Только его самого не трогайте, — голос принадлежал врачу из бригады экстренной медицинской помощи, который вместе со своим напарником только что закончил собирать носилки и теперь решительно направлялся к машине. Джексон и Финнерти как раз перерезали ремень.

— Вы абсолютно уверены, что раньше нам с этим не приходилось иметь дела? — ядовито прищурился Финнерти. — Так я вам говорю — и похуже видавали.

— Ну, это нам решать, — парировал техник; он уже подошел к обломкам машины, бесцеремонно оттерев в сторону Джексона. — Кто-нибудь знает, кто он?

— Если только вы, — огрызнулся Джексон. — А мы, знаете, не ясновидящие. Вытащим его — выясним в участке.

Двое техников «скорой» уже осторожно освобождали тело Алекса из тисков искореженного металла; но Джексону показалось, что прошла целая вечность, прежде чем тело уложили на носилки и прикрыли простыней.

— Еще жив, — кивнул техник в сторону носилок. — Но если не поторопимся — осталось ему недолго. Быстрее!

Взявшись за ручки носилок, все четверо — двое техников и двое полицейских — начали подниматься по склону оврага.

Кучка подростков все еще стояла на обочине, в молчании глядя на то, как носилки с телом Алекса втаскивают в машину. Кэйт Льюис, придерживая за плечи всхлипывающую Лайзу, старалась встать так, чтобы ей не видна была машина «скорой» и белый продолговатый предмет в ее глубине.

— Он скорее всего еще жив, — ни к кому не обращаясь, прошептал Боб Кэри. — Они ему чем-то голову обмотали только, а лицо не стали закрывать...

Техник, сидевший с краю, захлопнул дверцу. Секунду спустя машина с пронзительным воем мчалась по шоссе; мигалка отбрасывала на темные кусты у обочины кроваво-красные сполохи.

Напряженную тишину приемного покоя реанимационного отделения Центра нарушил резкий звонок, почти слившийся с гнусавым голосом из селектора:

— Говорит первая бригада. Пациент — белый подросток мужского пола, множественные повреждения тканей лица, перелом руки, повреждения грудной клетки, травмы черепа. Обильное кровотечение.

Перегнувшись через стол, Маршалл Лонсдейл надавил клавишу на корпусе селектора.

— Кто он — не опознали?

— Пока данных нет. Нам бы тут его не потерять — опознать-то потом опознаем...

— Доживет?

Несколько секунд динамик молчал.

— Минуты через две будет ясно. Мы сейчас как раз въезжаем на Ла-Палома драйв...

Сидя на переднем сиденье патрульной машины, Томас Джексон ждал данных об автомобиле, обломки которого они обнаружили полчаса назад. В окно ему был виден его напарник, Роско Финнерти — он беседовал со стоявшей у дороги группкой ребят, наверное, об их вечеринке, так печально закончилась. Слава Богу, ему самому не пришлось беседовать с ними — он бы вряд ли удержался от искушения выдирать их всех по очереди. Ну почему просто не поплясать и разойтись — тихо и спокойно? Какого черта напиваться до одури и устраивать аварии, а? Нет, никогда он их не сможет понять, это уж точно. Только от трупов его все равно тошнит.

— Его звали... его имя Алекс Лонсдейл, — Боб Кэри старательно отводил глаза от взгляда сержанта.

— Сын доктора Лонсдейла? Да ты что?!

— Да, он.

— Ты уверен, что именно он сидел за рулем?

— Лайза Кокрэн сама видела, как все случилось.

— Лайза? А это кто?

— Подружка Алекса. Вот она.

Несколько секунд сержант Финнерти изучающе смотрел на хорошенькую зеленоглазую блондинку в платье изумрудного цвета, рыдавшую на плече одной из девиц. Он понимал, что надо бы подойти поговорить с ней, но в конце концов решил повременить с этим — сейчас она вряд ли могла сообщить ему что-нибудь.

— Где она живет, знаешь? — спросил он Боба. Тот с трудом, но припомнил адрес Лайзы; Финнерти за-

писал его в блокнот. — Обожди здесь. — Он зашагал к патрульной машине.

— Уже докопались, — известил его Джексон. — Машина принадлежит парню по имени Александр Лонсдейл. Это ведь не сын доктора Лонсдейла, Росс? Финнерти мрачно кивнул.

— Он. По крайней мере, эти паршивцы мне именно так сказали. И, судя по всему, он сам машину и вел. Есть даже свидетель — только вот опросить ее пока затруднительно. — Вырвав из блокнота листок с адресом Лайзы, он протянул его Джексону. — Вот тебе ее координаты — свяжешься с ее родичами и сообщишь, что мы попросили ее ненадолго проехать в Центр. Пускай тоже едут туда.

Джексон кинул неуверенный взгляд на партнера.

— Может, лучше отвезти ее в участок и записать показания?

— Это Ла-Палома, а не Фриско, Том. Пострадавший, насколько я понял, ее парень, и состояние у девчонки, прямо сказать, неважное. И — как это говорят? — усугублять его поездкой в участок уж совсем не годится. Так что давай лучше звони в Центр и извести их, какого пациента везем, а потом начинай ловить этих Кокрэнов. Все понял?

Кивнув, Джексон залез в машину и хлопнул дверцей.

Сидя на прогретом за день асфальте, Лайза в который раз — и снова тщетно — пыталась осознать происшедшее. Все было как во сне — и в то же время явью; но память ее хранила лишь какие-то бессвязные фрагменты случившегося.

Вот она на дороге, думает, как же ей все-таки поступить — идти домой или вернуться на вечеринку и отыскать Алекса.

Потом — шум приближающейся машины.

Чувство... да, конечно, радости; она как-то сразу поняла, чья это машина...

Потом — испуг; она явственно помнит это — ей показалось, что машина едет слишком быстро. Она подходит к обочине, чтобы остановить Алекса...

Потом — темнота.

И сразу — мчащаяся прямо на нее машина, в последнюю секунду — свет фар в сторону, и потом — одни только звуки...

Визг скользящих по асфальту шин...

Скрежет...

Удар...

И долгий, страшный крик Алекса: «Ла-айзаааа...»

А потом вновь ничего — только темнота, а потом сразу снова она, сидящая на земле в окружении одноклассников, их лица встревожены и напряжены.

Она даже не смогла объяснить им толком, что случилось. Только повторяла снова и снова имя Алекса и еще указывала в сторону дороги.

В конце концов Боб Кэри понял, о чем она силится им рассказать, и вызвал полицию.

И тут все перепуталось еще больше.

Крики, возня, поиски одежды, разбросанной по краю бассейна...

Потом все побежали вниз.

Кое-кто успел завести машины.

И глаза Кэролайн Эванс, в упор устремленные на нее, и в них, Лайза готова поклясться, страха меньше, чем ярости.

— Это из-за тебя. — Господи, почему она так подумала? — Ты все затеяла, а у меня теперь будут проблемы.

Лайза непонимающе смотрит на нее: о чем она, Боже правый?

— Когда мои узнают, — голос Кэролайн почти срывается на крик, — они запрут меня на все лето!

И Кэйт Льюис, тянущая ее за рукав — подальше от Кэролайн...

А потом вдруг она снова на Гасиенда-драйв, и везде — Господи, так ужасно — воют сирены, кругом огни, люди, кто-то задает ей вопросы, но она не может, не может отвечать...

Сколько это продолжалось? Вечность, наверное.

И как вспышка — когда снизу принесли носилки и она наконец увидела Алекса...

Но нет, это был не Алекс.

Что-то длинное, накрытое простыней.

Она видела *это* всего секунду — потом Кэйт развернула ее лицом к себе, и больше...

— Лайза? Это ты — Лайза Кокрэн?

Мужской голос вывел ее из оцепенения. Перед нею стоял полицейский.

— Придется тебе проехать с нами. — Он говорил, словно извиняясь. — Мы отвезем тебя в Медицинский центр. — Он протянул руку. — Помочь тебе встать?

— Я... нет... я... — Лайза попыталась подняться, но вновь осела на землю. Сильные руки, подхватив под мышки, поставили ее на ноги. Минуту спустя она уже сидела в патрульной машине; через стекло она увидела еще такую же — в ней сидели несколько ее одноклассников и им что-то говорил другой полицейский.

Но ведь они не знали, что произошло. Знала только она — одна она, Лайза.

Закрыв лицо руками, она наконец расплакалась.

Динамик селектора в приемной реанимационного отделения ожил снова.

— Первая бригада, — возвестил тот же скрипучий баритон. — Через тридцать секунд будем у вас. Провели опознание пострадавшего. — Неожиданно го-

лос в динамике почти прокричал. — Парни, это Алекс Лонсдейл... сын доктора!

В последующие несколько секунд Марш не мог оторвать взгляда от динамика, убеждая себя, что ему показалось. Наконец он отвел глаза от блестящего кружка на стене и обвел взглядом комнату. И по тому, как все на него смотрели, он понял — нет, слышал он правильно. Ощупью найдя за спиной стул, он тяжело опустился на пластиковое сиденье.

— Нет, — прошептал он, — нет, не может быть. Кто угодно, только не Алекс...

— Вызовите Фрэнка Мэллори, — отдавала Барбара распоряжения ассистентам. — Его очередь на вызов — следующая... — Обогнув стол, она положила прохладную руку на плечо Лонсдейла. — Возможно, это все же ошибка, Марш. — Она знала, конечно, что экипаж «скорой» не стал бы называть никаких имен, не будучи уверенным.

Марш поднял голову — глаза его были полны ужаса.

— Барб... как мне теперь... сказать Эллен? — Голос едва повиновался ему. — Она... она же чувствовала... она говорила мне... и еще хотела со мной поехать....

— Ну, ну. — Барбара успокаивающе сжала его плечо; этот обычный прием не раз выручал ее с пациентами, находившимися на пороге истерики. Снаружи послышался вой сирены, видимо, прибыла «скорая». — Пойдем, тебе лучше уйти отсюда. — Марш не ответил, и она, взяв его за руку, помогла встать и повела за собой, словно растерявшегося ребенка. — Идем, Марш, я отведу тебя в твой кабинет.

— Нет! — слов Марша почти невозможно было расслышать из-за нестерпимого воя сирены за окном. — Алекс — мой сын, и я должен...

— Должен быть подальше отсюда как раз в тот момент, когда его принесут. Фрэнк Мэллори вот-вот

будет здесь и сам им займется. А если запоздает, Бенни Коэн на дежурстве. Он прекрасный специалист.

Марш перевел на нее отсутствующий взгляд.

— Бенни — всего-навсего интерн...

— Бенни — интерн, каких поискать. Ты же сам сколько раз говорил мне об этом.

Когда за их спиной открылись двери и бригада санитаров вкатила каталку с тем, что еще так недавно было Алексом, Барбара почти силой вытолкала Марша из приемной.

— Марш, иди немедленно в кабинет. Иди и отхлебни из той бутылки, к которой вы с Фрэнком прикладываетесь всякий раз после успешного принятия родов, да? Обо всем остальном я позабочусь — но о себе сейчас ты должен сам позаботиться. Пони-маешь?

Сглотнув, Марш обреченно кивнул.

— Я должен позвонить Эллен...

— Вот этого ты не сделаешь, — нахмурилась Барбара. — Ты пойдешь, нальешь себе полный стакан, выпьешь и будешь ждать, слышишь? Через пять минут я вернусь, и к тому времени кое-что уже будет сделано. Ну, иди же! — Она мягко подтолкнула Марша в направлении кабинета и скрылась за дверями.

Марш постоял с минуту, пытаясь собраться с мыслями.

Барбара права. Он понимал это.

Снова сглотнув, на ватных ногах он двинулся по коридору к своему кабинету.

В крохотном домике на задах старой миссии, прямо через дорогу от полуразвалившейся кладбищенской стены, Мария Торрес опустила штору на окошке, прошаркала в спальню и с трудом водрузила свое дряхлеющее тело на высокую старинную кровать.

Долгий путь домой совсем утомил ее. Почему-то особенно сегодня.

Не желая, чтобы кто-нибудь видел ее, Мария выбрала кружную дорогу — по склону каньона, через густой подлесок в нескольких ярдах ниже шоссе. Каждый раз, когда она слышала позади вой сирены, а затем мимо проносились огни, она пригибалась к земле, пережидая, пока машина не исчезнет и она снова сможет продолжить свой долгий путь домой.

Но дошла все-таки.

И сейчас она была дома, никто ее не заметил; значит, и с работы ее не выгонят.

С ней ничего не случилось сегодня вечером. А случилось с кем-то из этих проклятых гринго.

Для Марии же происшедшее было сущим подарком небес. Столько дней молилась она о том, чтобы Господь покарал нечестивых гринго. И сегодня — она знала — Всевышний услышал ее — молитвы не прошли даром.

Завтра, или в какой другой день, она узнает, кто именно был в той машине, которая, словно мешок с нечистотами, рухнула на дно большого оврага; и обязательно пойдет в церковь и поставит свечку тому из святых, в чей день ее молитвы были услышаны. Зажженная свеча — это немного, Мария знала, но души предков останутся довольны и этим скромным приношением.

Ночная тишина окутала Ла-Палому. Мария уснула глубоким сном без сновидений.

Осторожно сняв простыню с головы и плеч лежавшего на каталке тела, Бенни Коэн осматривал большую рваную рану на голове Алекса.

Он наверняка уже мертв — была первая его мысль. То есть он еще может дышать, но мозг его уже умер.

Эллен Лонсдейл знала — предчувствие не обмануло ее. Знала уже в тот момент, когда, открыв парадную дверь, увидела стоявшую на крыльце Кэрол Кокрэн, та комкала в пальцах мокрый платок и смотрела на Эллен покрасневшими от слез глазами.

— Алекс? — сил хватило, только чтобы прошептать.

Кэрол едва уловимо кивнула.

— Да, — прошептала она. — Он... в машине он был один...

— Один? — словно эхо, отозвалась Эллен. А где же была тогда Лайза? Разве не с Алексом? Но спросить она не успела, пытаясь сосредоточиться хотя бы на чем-нибудь — на том, что говорила ей Кэрол...

— Его отвезли прямо в Центр, — продолжала та, выйдя и плотно закрыв за собою двери. — А я отвезу тебя.

На секунду Эллен почувствовала, что ноги отказываются ей повиноваться. И откуда появилось в следующую минуту неожиданное спокойствие — она не сумела бы объяснить. Ровным движением взяла со столика ридикюль, машинально открыла его, чтобы проверить, все ли на месте. Удовлетворенно кивнув, хлопнула сумочку и, пройдя мимо Кэрол, снова распахнула дверь.

— Он... умер?

— Нет, — Кэрол замотала головой. — Он жив, Эллен.

— Тяжелый?

— Не знаю. Думаю, еще не знает никто.

В молчании обе сели в машину Кокрэнов; Кэрол резко приняла с места. Когда машина миновала по-

ворот, Эллен смогла наконец задать мучивший ее вопрос.

— А Лайзы разве с ним не было?

— Нет, не было. Почему — я не знаю. Нам позвонили из полиции и предложили встретиться с ними в Центре — потому что Лайза с ними и тоже там. Я подумала... о, Боже, какая разница, что я подумала, не обращай на меня внимания, Эллен. В любом случае, Лайза жива и здорова... а машина Алекса, оказывается, неподалеку от гасиенды сорвалась в овраг. Они вместе были на вечеринке у Кэролайн.

— А он ведь обещал не ездить ни на какие вечеринки, — собственные слова отдавались в мозгу Эллен, как в пустоте; окончательно обессилив, она привалилась к дверце. — Он обещал... — осекшись, она молчала несколько секунд, мозг внезапно начал сам отдавать приказы. *Ты не имеешь права разваливаться. Не имеешь права идти на поводу у эмоций. Ты должна быть сильной. Должна быть сильной ради Алекса.* Эллен выпрямилась на сиденье.

— Впрочем, какая разница, что он обещал, — голос ее звучал ровно. — Единственное, что имеет хоть какое-то значение — удастся ли его вытянуть, или... — Повернув голову, она посмотрела на Кэрол. — Если бы ты действительно знала, тяжелый он или нет, ты бы ведь сказала мне, правда?

На секунду сняв правую руку с руля, Кэрол слегка сжала кисть Эллен.

— Ну конечно, сказала бы. И уж точно не стану советовать тебе «не волноваться».

Кэрол замолчала, и Эллен попыталась представить себе, что в принципе могло случиться с сыном. Прервав поток мыслей, она выглянула в окно, обведя взглядом давно знакомую улицу.

— Красивый у нас городок, — неожиданно вырвалось у нее.

— Что? — в голосе Кэрол звучало удивление.

— Да просто посмотрела в окно, — как ни в чем не бывало продолжала Эллен. — А смотреть в него вот так мне, знаешь, давно не случалось. Я же целый день гоняю на машине по городу, но спроси меня, какой он... А оказывается, почти ничего не изменилось со времени нашего детства.

— Да, — медленно ответила Кэрол, недоумевая, ради чего Эллен завела этот разговор. — Многое осталось прежним.

Эллен то ли усмехнулась, то ли сдавленно всхлинула.

— Ты, видно, думаешь, я рехнулась — в такой момент рассуждать о красотах нашего города? Да нет, не волнуйся. По крайней мере, мне так не кажется. Но если я буду думать о том, что сейчас чувствую, — вот тогда точно сойду с ума.

— А... что ты чувствуешь? Если не хочешь, не говори, я...

— Я чувствую, что он умер, — медленно выговаривая слова, ответила Эллен. — Чувства именно это мне подсказывают. Но на самом деле это не так. Я... я не дам ему умереть, слышишь!?

Эллен обвела взглядом группку людей, столпившихся в приемной реанимационного отделения. Большинство лиц были ей знакомы, хотя некоторых имен она не помнила, другие же, однако, сразу всплывали в мозгу.

Лайза Кокрэн.

Она сидела на кушетке, прижавшись к отцу; с ней о чем-то разговаривал полицейский. Увидев Эллен, Лайза немедленно вскочила и кинулась к ней на шею.

— Простите, простите, — прорыдала она. — О, миссис Лонсдейл, простите меня, пожалуйста. Ведь я совсем не хотела...

— Что произошло? — бесцветным голосом спросила Эллен.

— Я... я сама не поняла толком, — всхлипывала Лайза. — Мы... мы поссорились... но вовсе не сильно... и я решила пойти домой одна. Алекс, должно быть, решил догнать меня — и вел слишком быстро... — торопясь, Лайза сообщала немногие известные ей подробности, но Эллен слушала ее вполуха. И обе не замечали, что люди, находящиеся в комнате, в полном молчании смотрят на них.

— Так что... это из-за меня, — закончила Лайза. — Это я виновата во всем...

Эллен легонько погладила Лайзу по щеке, затем поцеловала девушку.

— Нет, — тихо сказала она. — Ни в чем ты не виновата. Тебя ведь не было в машине; ты не должна себя ни в чем винить.

Обернувшись, она принялась искать взглядом Барбару Фэннон, и увидела ее.

— Где он сейчас? — спросила ее Эллен. — Где Алекс?

— В операционной. Фрэнк и Бенни там же. А Марш у себя в кабинете, я тебя провожу.

Когда Эллен вошла в кабинет мужа, Марш сидел за столом, глядя перед собой невидящим взглядом, на столе — пустой стакан. Увидев ее, встал, вышел из-за стола и порывисто обнял.

— Ты была права, — этого свистящего шепота она никогда у него раньше не слышала. — Боже мой, как ты была права, Эллен...

— Он мертв? — спросила Эллен в ответ.

Марш отшатнулся, словно его ударили.

— Кто... кто сказал тебе это?

Эллен сильно побледнела.

— Никто. Я просто... просто у меня снова было предчувствие.

— Ну, на этот раз ты ошиблась, — вздохнул Марш. — Он жив, хвала Господу.

Эллен помолчала.

— Но если он жив... Марш, почему я не чувствую этого?

— Не знаю. Но он жив, Эллен. В тяжелом состоянии, но живой.

Казалось, время остановилось, когда, подняв голову, Эллен пристально смотрела мужу в глаза. В конце концов губы ее тихо произнесли сказанное до того Маршем:

— Он жив. Он жив, знаю. Он не умрет.

И по опавшим щекам женщины, решившей быть сильной ради сына и мужа, потекли слезы.

Между тем в операционной Фрэнк Мэллори осторожно и тщательно удалил последний различимый фрагмент раздробленной черепной кости с поверхности полушарий мозга и взглянул на монитор.

По всем правилам парень уже давно должен быть в раю.

Но мониторы бесстрастно выдавали иную информацию — в пациенте теплилась жизнь.

Был пульс — нитяной, слабый, но постоянный.

Дыхание — хотя и с помощью респиратора.

Сломанная левая рука Алекса была заключена во временный фиксатор, на самые тяжелые из ран лица наложены швы, чтобы остановить кровотечение.

Но все это было самым простым.

Мозг — вот что было главной проблемой.

Судя по тому, что предстало сейчас перед взором Мэллори, при падении машины на дно оврага Алекс ударился головой; в итоге теменной отдел черепа превратился в кашу, лобный — был серьезно поврежден. Осколки костей застряли в коре мозга — их и удалял Мэллори с такой тщательностью. Затем,

призвав на помощь весь свой немалый опыт, он принялся подгонять осколки один к другому, чтобы восстановить кость. Затем нужно было наложить временный бандаж — для того лишь, чтобы поддерживать в пациенте остатки жизни до момента, когда энцефалограмма выдаст прямую линию и медицина признает Алекса мертвым.

— Что вы думаете, мистер Мэллори? — спросил Бенни Коэн.

— Сейчас я стараюсь вообще не думать, — огрызнулся Мэллори, — а просто соединяю друг с другом эти вот кусочки того, что еще недавно было человеческим черепом. И должен тебе сказать, Бен, — это все, что я в данном случае могу сделать.

— То есть он не выкрутится?

— Этого я тоже не говорил, — нахмурился Фрэнк. — Дотянул ведь до этого времени.

Бенни кивнул.

— Но, мягко говоря, с нашей помощью. Сними с него сейчас респиратор — и пропало...

— Множество людей дышит через респиратор. Для этого, собственно, их и придумали.

Фрэнк Мэллори свирепо посмотрел на молодого врача, вскоре взгляд его, однако, смягчился. Бенни ни в чем не виноват — он же не знал, как Фрэнк, Алекса Лонсдейла с самого рождения. А больных Бенни не терял еще ни разу. Вот когда это случится с ним в первый раз, тогда он поймет, каково это — наблюдать чью-то смерть и сознавать при этом, что сделать ты ничего, совсем ничего уже не можешь. Хотя Алекс до сих пор с ними — а потому есть слабая надежда, что выкарабкается.

— Ладно... зашиваем, потом рентген и сканирование, — кивнул Мэллори интерну.

Десять минут спустя Мэллори уже шагал к кабинету Марша Лонсдейла, на ходу вытирая руки белым

мохнатым полотенцем. При виде его возникшей на пороге долговязой фигуры Марш и Эллен с трудом поднялись на ноги — было видно, что сил у них совсем не осталось.

— Он жив, и сейчас его готовят к рентгену, — Мэллори жестом предложил им снова сесть. — Но дела его плохи, Марш. Плохи по-настоящему.

— Давай говори, — голос Марша был лишен какой бы то ни было интонации.

Мэллори нервно пожал плечами.

— Все я тебе не смогу рассказать — потому что многого еще сам не знаю. Повреждение коры мозга — и боюсь, что весьма обширное.

Губы Эллен побелели, но она так ничего и не произнесла.

— Мы уже запустили все тесты, которые только можно, но получить данные будет трудновато — он до сих пор на респираторе и кардиостимуляторе. — Затем, по желанию Лонсдейлов, Мэллори подробно описал характер травм Алекса — ровно, неторопливо, тоном, усвоенным у одного из профессоров, будучи студентом медицинского колледжа. Когда же он закончил, заговорила Эллен:

— Мы... можем сделать для него что-нибудь?

Мэллори отрицательно покачал головой.

— На данный момент — ничего, миссис Лонсдейл. Нужно попытаться как-то... стабилизировать его и выяснить, насколько серьезны полученные травмы. А это мы узнаем скоро — уже утром. Часам к шести.

— Угу, — словно про себя пробормотала Эллен. И затем: — А могу я... увидеть его?

Мэллори кинул быстрый взгляд на Марша, тот кивнул.

— Разумеется, можете. И даже подежурить около него ночью. Никогда ведь не знаешь, в чем нуждается

ся человек, когда он вот в таком состоянии... но мне кажется, если он каким-то образом поймет, что вы рядом, это может помочь ему.

Взглянув на висевшие на стене часы, Барбара Фэннон долго не могла понять, что за время они показывают, а потом сообразила — пять часов утра. А ей казалось, что с тех пор, как «скорая» привезла в Центр Алекса, прошло не более часа...

А дел, между тем, еще невпроворот.

Нужно сделать все необходимые тесты, и ей самой, Барбаре, постараться, чтобы при этом тело Алекса сохраняло максимальный покой. При рентгене, сканировании, и что там еще Фрэнк Мэллори посчитал необходимым. Вернее, Фрэнк вообще решил сделать все, что возможно, — в итоге Барбаре еще нужно заказать на завтра ультразвук, пункцию, ангиографию, ЭКГ... Отказался Фрэнк только от пневмоэнцефалограммы — да и то, Барбара знала, только потому, что для этого тело Алекса пришлось бы привести в вертикальное положение. А в его теперешнем состоянии это было попросту невозможно. Только для того, чтобы связаться со всеми необходимыми службами, Барбаре понадобился почти час. И еще — еще? — были те, кто ждал в приемной реанимационного отделения...

В приемной, правда, стало менеелюдно после того, как Барбара объяснила им, что до утра какие-либо изменения в состоянии Алекса вряд ли наступят — первые тесты начнутся уже сейчас, но результаты их появятся не раньше завтрашнего вечера.

Без семи пять. Ей, в общем, тоже уже можно идти домой. Все, что нужно, и все, что можно, уже было сделано. Только сейчас Барбара поняла, как же она устала. Проверить в последний раз, не остался ли кто

в приемной, и домой... Она толкнула дверь, уверенная, что в приемной никого нет.

И ошиблась, конечно же.

В углу, на покрытом клеенкой больничном топчане, сидела Лайза. Слезы на ее щеках уже высохли, она сидела, выпрямившись и устремив неподвижный взгляд в стену. Рядом стояли, застыв, ее родители. Поколебавшись, Барбара вошла в приемную, хлопнув за собой дверь.

— Может быть, вам принести что-нибудь? — тихо спросила она. — Хотите кофе?

Лайза молча покачала головой.

— Может быть, вам удастся уговорить ее поехать с нами домой? — В зеленых глазах Кэрол Кокрэн сквозило отчаяние, но губы уже складывались в привычную вежливо-извиняющуюся улыбку.

— Но я не могу, мама, — прошептала Лайза. — Вдруг он очнется и сразу спросит, где я?

Сев рядом с Лайзой, Барбара взяла ее за руку.

— Видишь ли... Алекс вряд ли придет в себя именно сегодня...

Лайза смотрела на Барбару, словно не видя ее.

— А вообще... он когда-нибудь придет в себя, доктор?

Барбара прекрасно понимала, что говорить с кем бы то ни было о состоянии Алекса Лонсдейла сейчас преждевременно, но она знала, кто такая Лайза Кокрэн и кем была она для Алекса. Много раз Алекс сидел в ее кабинете, после занятий в школе, ожидая прихода родителей, и восторженно рассказывал Барбаре о Лайзе.

— Не знаю пока, — и, заметив, как метнулся в изумрудных глазах Лайзы ужас, поспешила успокоить ее: — Это значит лишь то, что пока у нас еще неполные сведения о его состоянии...

— А если он... очнется — с ним все будет в порядке, как раньше?

Барбара пожала плечами.

— Этого мы тоже не знаем. Остается только ждать... и надеяться.

— Да, я буду ждать, — тихо сказала Лайза.

— Лучше бы тебе поехать домой и хоть немного поспать, — мягко заметила Барбара. — Обещаю, что сразу тебе позвоню, как только что-нибудь выяснится.

— Нет. Я лучше останусь здесь, — Лайза отрицательно покачала головой. — А вдруг он... Я хочу сказать — он же может очнуться все-таки...

Барбара удержала готовое сорваться с языка возражение. Чего тут — девочка ведь права... Алекс вполне может прийти в себя — очень скоро. А может, и никогда... И вдруг она поняла, что и она, и все в клинике желают только одного — чтобы Алекс поскорее очнулся.

Для них, опытных, умелых врачей-профессионалов, любой пациент в состоянии Алекса квалифицировался обычно как «безнадежный случай». Делай что можешь — гласит древнее медицинское правило, но обычно в подобных случаях все усилия оказывались тщетными. Все знали это — и в конечном итоге исполняли лишь своеобразный ритуал, прежде чем признать победу смерти.

А потом заканчивалась смена и все шли домой.

Но Лайза Кокрэн идти домой не хотела, и Барбара Фэннон решила остаться с ней — несмотря на то, что ее дежурство давным-давно закончилось.

— Идемте, — встав, она сделала знак следовать за ней.

Обменявшись нерешительными взглядами, Кокрэны, однако, послушно пошли за Барбарой. Подойдя к одной из дверей, Барбара распахнула ее и приглашающим жестом указала в темноту комнаты.

— Коль скоро мы все решили остаться, хочу, чтобы вам было удобно.

— Это же кабинет Марша, — удивился Джим.

— Его собственный.

— А как же мы здесь?..

— Но вы ведь его друзья, не так ли? А ночь получилась довольно долгой, и кто знает, не будет ли завтрашняя еще длинней. Я, говоря откровенно, собиралась домой, но уж если вы решили остаться, я так просто обязана. Но не в приемной же, согласитесь. — Она повернула выключатель, но верхний свет оказался ей слишком ярким; потушив его, она зажгла настенные бра и открыла форточки. — Располагайтесь, а я принесу кофе. Впрочем, если пожелаете что-то покрепче, можете поискать в кабинете — по слухам, Марш всегда хранит у себя на всякий пожарный бутылочку.

— А где именно он, по слухам, ее хранит? — прищурившись, Джим посмотрел на Барбару.

— Понятия не имею, — пожала плечами Барбара. — Но на вашем месте я бы искала в правой тумбе стола. Да, да, в этой.

Эллен Лонсдейл сидела в высоком кресле с прямой спинкой, придвинутом вплотную к постели Алекса, она держала сына за руку. Алекс лежал на спине; подвеска удерживала гипс на левой руке сантиметрах в двадцати над матрацем. Лица почти не было видно — его скрывали бинты и маска респиратора. Вокруг кровати стояло много аппаратов. Эллен не знала их предназначения — она понимала лишь, что эти шланги, мониторы и ящики каким-то образом поддерживают жизнь ее мальчика.

Она сидела в этом кресле уже почти пять часов. Небо за окном начало светлеть, и Эллен с трудом

привстала, чтобы увидеть глаза своего сына, глаза Алекса.

Раз он жив — они должны быть открыты. Эта мысль почему-то упорно преследовала ее.

Равно как и другие, не менее странные мысли.

Например, несколько раз она ловила себя на том, что внимательно следит за ритмичными колебаниями респиратора. Почему он до сих пор не остановился?

А когда Алексу сделали очередной анализ — она уже не помнит, чего именно, — она, дотронувшись до его руки, отдернула пальцы. Рука сына была теплой; и это почему-то испугало ее.

Впрочем, почему — она понимала.

Потому что, несмотря на все уверения врачей, жуткое ощущение того, что сын мертв, не покидало ее.

По временам она беспокойно вглядывалась в мониторы — ее удивляло, что они продолжают вычерчивать зелененькую кривую — жизнь Алекса.

Ведь он мертв — и по темному экрану должна бежать прямая, только прямая линия...

Потом она долго уверяла себя, что он только спит, а вовсе не умер.

Если бы только он действительно спал...

Нет, он был в коме, и что бы там ни говорили ей, он вряд ли сможет из нее выбраться.

В каком-то уголке сознания назойливый голос без устали твердил ей, что она дожидается не того, когда сын ее откроет глаза и произнесет «мама». Нет — она ждет, когда решится собственной рукой снять с его запекшихся губ респиратор и избавить от страданий — и его, и себя.

Она не помнила, как долго звучал в ней этот мерзкий голос, но понимала, что мало-помалу начинает верить ему. Все равно сегодня, чуть позже — или зав-

тра, может быть — когда результаты всех тестов будут изучены, ей и Маршу придется принять самое трудное решение в их жизни.

Смогут они?

Если мозг Алекса все же мертв, поддерживать в теле его подобие жизни было бы просто жестоко — по отношению к Алексу.

И по отношению к ним.

Она вновь уставилась на приборы, плотным кольцом окружавшие смертное — она была в этом уверена — ложе ее ребенка.

Почему они не дадут ему спокойно умереть?

И тут же поняла — что бы с ним ни случилось, каков бы ни был приговор врачей, умереть ему — она сама — ни за что не позволит.

Потому что если бы могла сделать это — то уже бы наверняка сделала. Возможностей за последние часы у нее было немало. Всего-навсего снять с лица Алекса респиратор. Она умеет отключать сигнализацию. Да и заняло бы это совсем немного времени — одну или две минуты.

Но она не сделала этого. И хотя голос в дальнем уголке мозга продолжал уверять ее, что ее сын мертв, другой голос, возражавший — он жив, и не может умереть, — с каждым часом звучал все громче.

Дверь в палату неожиданно распахнулась и на пороге появилась Барбара Фэннон; тихо прикрыв за собой дверь, она озабоченно взглянула на Эллен.

— Господи, уже восемь утра. Вы же здесь всю ночь, Эллен.

— Я знаю. — Эллен невесело улыбнулась в ответ.

— Марш в кабинете у Фрэнка, первые результаты уже обработаны. Они сказали, что ждут вас, и...

Несколько мгновений Эллен раздумывала, потом медленно покачала головой.

— Нет. Я останусь здесь, с Алексом. Все, что мне... положено знать, Марш и сам мне скажет.

Секунду Барбара колебалась, затем кивнула.

— Хорошо, я передам ему. — Она вышла из палаты, оставив Эллен с Алексом.

— Дела, в общем, плохи, — сообщил Фрэнк Мэллори. — То есть ситуация близка к наихудшей. И боюсь, что...

— Посмотрим. — Шок и усталость последних часов, казалось, лишили голос Марша Лонсдейла какой бы то ни было интонации. Разум — и это удивляло его самого — оставался, однако, абсолютно ясным. Медленно и скрупулезно он еще и еще раз просматривал результаты многочисленных тестов, сделанных за прошедшую ночь, надеясь, что хотя бы один из них даст ему повод сомневаться в мрачных прогнозах Фрэнка.

Но, похоже, Мэллори прав. Положение действительно было критическим.

Наибольшее опасение вызывало обширное повреждение коры головного мозга. Обломки костей, казалось, усеяли его сплошь; кора была словно вспахана ими. Височная область пострадала больше всего — но и лобный и теменной отделы тоже находились не в лучшем состоянии.

— Ладно... я, в общем-то, в этом не специалист, — произнес наконец Марш, не решаясь высказать то, что они с Фрэнком прекрасно знали: пациенты в состоянии Алекса автоматически заносятся в категорию «неоперабельный случай».

Сам Фрэнк Мэллори всегда предпочитал выражаться определенно.

— Марш... если он вообще выживет, он наверняка не сможет говорить и ходить... а возможно, даже и слышать. Зрение, быть может, он сохранит — заты-

лочный отдел поврежден меньше других, ты сам видел. Но это вряд ли ему поможет — он просто не сможет отдавать себе отчета в происходящем вокруг... да даже о себе самом, чего там... И все это, повторяю, — только в том случае, если он все же выйдет из комы.

— Нет, Фрэнк, я не верю в самое худшее, — взгляд Марша, устремленный на коллегу, был холоден.

— Не веришь или не хочешь верить?

— В данном случае это неважно, — бесстрастным тоном ответил Марш. — Для Алекса будет сделано все, на что только способна медицина.

— Само собой, Марш, — пожал плечами Фрэнк. — Ты же сам знаешь — мы все будем стараться сделать для него все возможное.

Марш Лонсдейл, казалось, не слышал его.

— Фрэнк... я хочу, чтобы ты разыскал Торреса из Пало Альто.

— Торреса? — удивился Фрэнк. — Раймонда Торреса?

— А ты думаешь, кто-нибудь, кроме него, сможет помочь моему сыну?

Мэллори молчал, раздумывая, почему именно этому человеку решил Марш Лонсдейл доверить жизнь Алекса.

Родившийся и выросший в Ла-Паломе, Раймонд Торрес был одним из самых одаренных студентов медицинского колледжа, собственно, сомнений в его одаренности никогда ни у кого не возникало. Из Ла-Паломы Торрес уехал давно, сразу после окончания колледжа, и обосновался в Пало Альто, приезжая в родной город лишь иногда, чтобы навестить свою старую мать Марию. Среди старожилов-«калифорниос» ходили сплетни о том, что мать свою Раймонд Торрес не любит. Она, дескать, напоминает ему о происхождении, а именно об этом Раймонд Торрес

жаждал забыть больше всего на свете. О нем и так долгое время говорили как о курьезе — парнишка с задворок миссии сумел каким-то образом выбиться в люди.

Однако за годы, проведенные вдали от Ла-Паломы, Торрес сумел приобрести репутацию человека-загадки даже в самых авторитетных медицинских кругах. Для тех, кто относился к нему с почтением, его высокомерие и отчужденность были несомненными признаками гениальности, для противников — типичными «симптомами выскочки», которому приходится отвоевывать себе место под солнцем.

Не подлежал сомнению, по крайней мере, один факт — Раймонд Торрес был одним из крупнейших специалистов в стране по структуре и деятельности человеческого мозга. В последние годы он несколько изменил направление своих исследований — теперь сферой его интересов стали нейрохирургия и некоторые смежные области.

— Но ведь большинство его работ — на стадии эксперимента, — напомнил Фрэнк. — И, думаю, на человеческом мозге он свои методы еще не опробовал.

— Раймонд Торрес, — голос Марша дрожал, и Фрэнк понял, что прежний бесстрастный тон был лишь попыткой скрыть переполнявшее его отчаяние, — Раймонд Торрес знает о человеческом мозге больше, чем кто-либо другой в нашей, черт ее возьми, благословенной стране. Его опыты по восстановлению функций, Фрэнк, — это больше, чем невозможное. То есть и я бы ни за что не поверил в них, если бы мне не довелось самому увидеть результаты. И я хочу, чтобы он сделал это же с Алексом.

— Но, Марш...

Но Марш уже вскочил на ноги, нетерпеливым движением сдвинув на край стола стопку рентгенограмм, распечаток, графиков и разных других бумаг,

описывавших и изображавших с разных сторон изуродованный мозг его сына.

— Алекс еще жив, Фрэнк. И пока он жив, я должен помочь ему. Как — неважно. Я не могу просто взять и оставить все это как есть — ты же сам понимаешь, чем это может ему грозить. «Овоц» — помнишь, как нас коробило от этого слова в колледже? А перспектива — ты же сам сказал мне — именно такова. Хуже этого не может быть ничего, Фрэнк, поэтому приезд Торреса — это хотя бы надежда. Позвони ему, прошу тебя. Прямо сегодня. И скажи, что я хочу поговорить с ним. Просто поговорить. Может быть, удастся убедить его приехать.

Видя, что Мэллори все еще колеблется, Марш подошел к нему и осторожно взял за локоть.

— Фрэнк, пойми, Алекс — это все, что у меня есть. Я не могу дать ему умереть. Самому мне тогда жить будет незачем.

Когда Марш вышел из кабинета, Фрэнк Мэллори поднял трубку и набрал номер клиники в Пало Альто, где находилась лаборатория Торреса. Разговаривали они примерно двадцать минут — и почти все это время он убеждал Торреса в необходимости увидеться с Маршем Лонсдейлом.

Торрес, по обыкновению, не стал ничего обещать, но согласился встретиться с бывшим однокашником и посмотреть пациента.

Фрэнк повесил трубку. В глубине души он надеялся, что Торрес откажет ему.

Глава 5

Марш Лонсдейл приехал в Пало Альто, где располагалась лаборатория Раймонда Торреса, утром. Сколько он ни пытался заставить себя думать только

о деле, приведшем его сюда, ощущение безнадежности и тоски все сильнее сжимало сердце.

Здание института, где располагалась лаборатория Торреса, впечатляло еще издали — своим безобразием. Начинали его строить явно как усадьбу, с большим размахом. Последующие владельцы решили пристроить к основному зданию два крыла и, надо отдать им должное, постарались как-то подогнать их под георгианский стиль центральной части. Однако неудачно — в итоге крылья выстроили в функциональном стиле начала века, который выглядел просто-таки худосочным по сравнению с георгианской мощью главного здания. Строение было окружено стриженным газоном с редкими пальмами; о нынешнем предназначении этого своеобразного памятника архитектуры можно было догадаться лишь по медной доске, укрепленной на большом камне у поворота с основного шоссе на дорогу, ведущую к самому зданию. Надпись на доске гласила: «Институт мозга».

Когда Марш вошел в вестибюль, девушка, сидевшая за конторкой, сразу повела его в кабинет Торреса. Взяв у Марша все его бумаги, она передала их Торресу, но тот, бегло просмотрев, отдал их ассистенту. Взяв папку, ассистент вышел, Торрес предложил Маршу сесть, после чего с излишней, на взгляд Марша, тщательностью принялся набивать и раскуривать трубку.

Маршу потребовалось всего несколько секунд, чтобы увидеть, что манеры и внешность Торреса не соответствовали традиционному образу крупного ученого. Высокий, сухощавый, резкие черты лица — в обрамлении рано поседевших длинных волос, более уместных для актера или певца, чем для нейрохирурга. «Голливудскую» внешность Торреса еще более подчеркивал шелковый, с отливом костюм и холодная, высокомерная, на взгляд Марша, манера дер-

жаться. Несмотря на всю свою славу в научном мире, Раймонд Торрес на первый взгляд сильно напоминал преуспевающего домашнего врача в богатом квартале, скорее интересующегося еженедельной партией в гольф, чем собственной медицинской практикой.

Разожженная и пускающая клубы дыма трубка не добавила разговору оживления — собственно, он состоял из нескольких фраз, которыми Торрес удостоил Марша между двумя затяжками. К сожалению, он не сможет дать доктору Лонсдейлу окончательный ответ до тех пор, пока результаты тестов не будут досконально изучены сотрудниками лаборатории. А это займет, очевидно, весь сегодняшний день.

— Я подожду, — кивнул Марш.

Торрес, кинув острый взгляд на коллегу, пожал плечами.

— Как пожелаете... но я могу с тем же успехом позвонить вам, чтобы сообщить о результатах и о решении.

Марш покачал головой.

— Нет. Я предпочел бы услышать о нем от вас лично. Поймите, Алекс — мой единственный сын. А обратится мне больше, кроме вас, не к кому.

Торрес поднялся со стула и снова кинул на Марша взгляд, в нем явственно прочитывалось — «аудитория окончена».

— Что ж, могу вам только сказать еще раз — как пожелаете, доктор Лонсдейл. Покорнейше прошу извинить — сегодня у меня очень плотный график.

Марш, не веря услышанному, в упор смотрел на хирурга.

— То есть... вы даже не хотите, чтобы я вкратце описал вам ситуацию?

— Но это же все есть в ваших записях, не так ли? — Торрес удивленно поднял на него глаза. — Я подробнейшим образом ознакомлюсь с ними...

— Моего сына, доктор Торрес, в этих записях нет, — Марш изо всех сил старался подавить раздражение. Торрес, казалось, несколько секунд обдумывал услышанное, но когда он снова заговорил, тон его оставался по-прежнему сухим и ровным.

— Видите ли, доктор Лонсдейл, я — исследователь. И стал им именно потому, что никогда не имел наклонностей домашнего терапевта. Многие, я знаю, считают, что мне следовало бы быть более любезным с... с окружающими. Извините, но, откровенно говоря, меня это не волнует — нисколько. Моя задача — помогать людям делом, а не утешать их. И для того, чтобы помочь вашему сыну, мне не нужно знать его биографию. Меня не интересует ни его личность, ни обстоятельства жизни, ни даже сама авария. Мне нужно знать лишь все о полученных им травмах — чтобы на основе беспристрастного анализа решить, могу ли я помочь ему или нет, к сожалению. Иными словами, вся интересующая меня информация о вашем мальчике должна содержаться в привезенных вами бумагах. Если в них чего-то не хватает, мои ассистенты постараются добыть недостающую информацию. Коль скоро вы решили провести здесь остаток дня — пожалуйста, как вам будет угодно. Но, откровенно говоря, сомневаюсь, чтобы в вас возникла нужда. Единственное, что мне действительно будет необходимо, — это консультация с лечащим врачом мальчика.

— Это Фрэнк Мэллори, доктор.

— Кто бы ни был. — Торрес равнодушно пожал плечами. — Но если вы все же решили остаться — почувствуйте себя как дома, коллега. У нас в Институте роскошная библиотека. — Неожиданно он улыбнулся. — Библиотека, как вы понимаете, сугубо специальная — все о нашей работе. Вы можете, при желании, ознакомиться и с моими работами.

Откровенное самолюбование Торреса не смутило Марша. Без Торреса его сыну не жить — эта мысль постепенно переросла в уверенность. К двум часам дня уверенность Марша даже возросла — недостатки Раймонда Торреса как человека с лихвой восполнялись его профессиональными способностями.

Работы, с коими Марш ознакомился, сидя в институтской библиотеке — а он успел одолеть примерно три десятка статей, чтение отвлекало его от мыслей о сыне, — поражали прежде всего широтой интересов автора. Торрес не только досконально изучил строение человеческого мозга, но и был одним из ведущих специалистов в теории и практике мозговой деятельности. В нескольких его статьях были описаны методы, с помощью которых можно было отключать поврежденные отделы мозга, передавая их функции здоровым частям коры. И хотя главным выводом во всех статьях было то, что чудеса человеческого мышления поддаются все-таки медицинскому контролю, во всех присутствовала и неизменная оговорка — человечество лишь начинает познавать истинные возможности мозга. Вывод одной из публикаций Торреса особенно привлек внимание Марша:

«Система защиты человеческого мозга обладает, на мой взгляд, практически неограниченными возможностями. В частности, в ходе недавних экспериментов нами было установлено, что при нарушении работы одного из отделов мозга функции этого отдела берет на себя неповрежденный участок коры. Иными словами, каждый отдел мозга не только знает, чем занимаются соседние, но и может при необходимости взять на себя функции любого из соседних отделов. Таким образом, сугубо медицинский аспект проблемы состоит, по нашему мнению, в том, чтобы убедить даже сильно поврежденный мозг не сдаваться, а начать работу по распределению функций».

Марш перечитывал эту статью раз, наверное, в пятый, когда на пороге библиотеки появилась, улыбаясь, девушка из приемной.

— Доктор Лонсдейл? Доктор Торрес хотел бы побеседовать с вами.

Отложив журнал, Марш прошел вслед за девушкой в кабинет Торреса. Хозяин кабинета, кивнув Маршу в знак приветствия, указал ему на кресло рядом с письменным столом. В другом таком же кресле Марш с удивлением увидел Фрэнка Мэллори.

— Фрэнки? Ты здесь?..

— Это я вызвал доктора Мэллори, — рассеял сомнения Марша звучный голос хозяина кабинета. — Нам с ним нужно уточнить кое-какие детали, если позволите.

— Но Алекс...

— Его состояние стабильно, Марш, — Фрэнк успокаивающе поднял руку. — Никаких изменений за последние несколько часов. Бенни все время с ним, и сестры дежурят круглосуточно.

— Может быть, мы могли бы продолжить? — в голосе Торреса явственно слышалось нетерпение. Повернувшись к пульта управления экраном на стене над столом, он щелкнул тумблером. На экране засветилось сильно увеличенная фотография мозга.

— Рискую вас удивить, — повернулся Торрес к гостям, — но это совсем не то, что вы думаете.

— Простите?

— Это не фотография, как, очевидно, показалось вам, а компьютерная модель мозга пациента по имени Александр Лонсдейл. — Выдержав эффектную паузу, Торрес добавил: — До катастрофы, естественно.

Марш и Мэллори снова повернулись к экрану.

— Итак, перед нами картина происшествия, — ровным голосом продолжал Торрес. — Или, вернее, реконструкция его. — Он нажал несколько кнопок на клавиатуре перед экраном, и изображение чуть сдвинулось вверх; внезапно в нижней части появилось темное пятно, стремительно «наехавшее» на изображение мозга, сплющив и искажив его. Как в кино, подумал Марш, только киношники вряд ли будут снимать изнутри человеческую голову, которую проламывают на глазах у зрителей.

В замедленном воспроизведении было отчетливо видно, как череп треснул, затем проломился, и куски кости вошли в мозг, вспарывая, подобно тупым ланцетам, нежную ткань коры. Мэллори и Торрес смотрели молча, не отрываясь, но Марш против воли прикрыл глаза и из его горла вырвался сдавленный стон, отчетливо слышный в тишине кабинета. Изображение на экране внезапно застыло, дотянувшись до клавиатуры, Торрес снова пощелкал кнопками, и на экране появился тот же мозг... нет, теперь он выглядел совсем по-другому.

— Боже, — выдохнул Мэллори. — Но это же... этого не может быть!

— Что вы имеете в виду? — осведомился Торрес.

— Это... это мозг Алекса... то есть он выглядел именно так, когда его только привезли после катастрофы... Но как... как вам удалось?..

— Я объясню вам чуть позже, — кивнул Торрес. — Пока же, доктор Мэллори, я прошу вас сосредоточиться на этой модели. Это очень важно. Итак: насколько точно эта модель воспроизводит состояние мозга пациента непосредственно после катастрофы? — Он предостерегающе поднял руку. — Прошу вас воздержаться от скоропалительных выводов. Изучите модель как следует. Если потребуется, я могу развернуть ее под любым углом, чтобы вы могли видеть

интересующий нас объект со всех точек. Но мне необходимо знать, насколько она верна.

Некоторое время Марш, уже плохо воспринимая происходящее, следил, как Мэллори, подавшись к экрану, тщательно изучает изображение, то и дело прося Торреса развернуть его под тем или иным углом. Наконец, глубоко вздохнув, он кивнул.

— Модель абсолютно точная, доктор Торрес. Можно сказать, совершенная. Если и есть в ней неточности — я их не могу обнаружить.

— Прекрасно. Тем легче для вас окажется следующий этап. Прошу вас, не говорите ничего — только внимательно смотрите. Но если ваша память с чем-то не согласится — немедленно скажите мне.

На экране появилось изображение пинцета, который начал удалять из ткани мозга частицы черепа. Затем пинцет исчез, уступив место зонду. Зонд дернулся, и на оболочке появилась свежая ранка. Мэллори, сглотнув, конвульсивно дернулся.

Изображение на экране воспроизводило операцию до мельчайших деталей; каждый кусок кости, извлеченный из мозга Алекса, сопровождался новым движением зонда и новой раной. Наконец, когда стало казаться, что эта демонстрация никогда не закончится, экран погас.

Мэллори сидел не шелохнувшись, перед его глазами все еще стояла только что показанная ему картина проведенной им же самой операции.

— Ну как? — слышался голос Торреса.

Мэллори наконец выдохнул.

— Если вы хотели уличить меня в некомпетентности, это можно было сделать куда менее сложным путем.

— Не будьте смешным, — Торрес слегка нахмурился. — Мне совершенно незачем тратить время на подобного рода представления, кроме того, вас ни-

как не назовешь некомпетентным. Принимая во внимание обстоятельства, вы сделали все возможное — и даже больше. Все, что мне нужно знать, — точно ли воспроизведен ход операции.

После секундной паузы Мэллори кивнул.

— Боюсь, что совершенно точно. Прошу извинить меня. Я действительно делал все, на что был способен.

— Вам незачем извиняться, — тон хозяина кабинета стал холоден. — А над вопросом подумайте еще раз.

— Все точно, — кивнул Фрэнк. — А теперь можете сказать, как вы все это делаете?

— Сам я не занимаюсь этим, — ответил Торрес. — Все делают наши компьютеры. Последние шесть часов, — он взглянул на часы на каминной доске, — мы закладывали в них информацию. В основном — результаты сканирования, которое вы сделали в Ла-Паломе. И, к счастью, превосходно сделали. Но наш компьютер копает, так сказать, несколько глубже вашего. Ваш способен воспроизвести любой участок мозга под любым углом — в двух измерениях. Наш — посложнее... — Внезапно глаза его, до того момента смотревшие спокойно и холодно, загорелись странным огнем. — При наличии всех необходимых данных он способен воспроизвести все, что произошло с мозгом Александра Лонсдейла с момента аварии до процедуры сканирования. Так что мы имеем возможность воспроизвести и размеры, и форму инопланетного тела, и даже угол его соприкосновения с черепом. То же можно сказать и относительно полученных повреждений. То, что мы видели, воспроизводит реальную ситуацию с точностью примерно 99,624 процента — при условии, что исходные данные были верны. Поэтому я и просил вас, доктор Мэллори, как можно более тщательно изучить модель.

Если бы вы обнаружили в ней какие-то существенные ошибки — это значило бы, что исходные данные нуждаются в уточнении. Но вы их не обнаружили — а значит, мы можем предположить, что вся ситуация была воспроизведена абсолютно точно.

Пока Мэллори молча сидел, обдумывая увиденное, Марш наконец задал Торресу не дававший ему покоя вопрос.

— Но разве эта стадия — самая важная? Логически наиболее важной представляется следующая ступень...

— Абсолютно верно, — прервал его Торрес. — И потому призываю вас быть предельно внимательными. Процессы будут воспроизводиться в ускоренном режиме — но это как раз то, что, по моему мнению, может быть сделано, чтобы помочь Александру.

— Мы зовем его Алексом, — Марш сам удивился собственным словам.

Торрес удивленно приподнял брови.

— А... очень хорошо. Алексу. Собственно, совершенно не имеет значения, как его зовут. — Не обратив внимания на гневный взгляд Марша, он снова потянулся к клавиатуре. Изображение на экране снова задвигалось; Марш и Мэллори, затаив дыхание, следили, как скальпель слой за слоем снимает оболочку мозга. Некоторые участки были удалены полностью; другие, тоже удаленные, были затем словно вложены на место. Кровавая мешанина на экране начала постепенно утрачивать черты хаоса; и вот медленно, очень медленно руки человека начали восстанавливать мозг — с теменной доли, потом затылок, височные... Вскоре все было кончено — и бесформенная груда на экране вновь приняла очертания человеческого мозга. Некоторые участки, однако, покрывал разных оттенков красный цвет, Марш недоумевающе смотрел на экран.

— Эти области более не будут задействованы, — объяснил Торрес. — Светло-розовые — те, что находятся глубже в коре, ярко-красные — расположенные ближе к поверхности. То есть градация, я полагаю, вполне наглядна.

Мэллори кинул быстрый взгляд на Марша, но тот был полностью поглощен застывшим на экране изображением. Наконец он повернулся к Торресу; Фрэнк заметил, что Марш с силой прижал к подбородку сплетенные пальцы — верный признак волнения.

— Все, что вы показали нам, доктор Торрес, — в чистом виде научная фантастика. Глубина надрезов, на которую вы претендуете, и масштабы оперативного вмешательства могут иметь только один исход — летальный. Ведь вы, насколько я понял, заявляете о возможности восстановить мозг Алекса за счет реконструкции нервных клеток. Сомневаюсь, чтобы вы или кто-нибудь другой могли сделать подобное.

Ответом Маршу был лишь сдавленный смешок.

— Разумеется, вы правы, доктор Лонсдейл. Я не в состоянии сделать этого — уверяю вас, и никто не сможет. Я, видите ли, всего лишь человек — и для такой работы слишком неуклюж и велик... и вот именно поэтому вам придется привезти сюда вашего Алексан... прошу прощения, Алекса. — Торрес щелкнул тумблером, изображение на экране погасло. — А сейчас пойдемте со мной. Я намерен еще кое-что показать вам.

Покинув кабинет Торреса, они направились в западное крыло здания института. Охранник у входа, увидев приближавшуюся к нему группу людей, насторожился, затем, узнав Торреса, кивнул и снова вперился взглядом в телевизионный монитор под потолком. Еще пара шагов — и они оказались в предоперационной. Не говоря ни слова, Торрес отошел

в сторону, пропуская Мэллори и Марша в двойные двери.

Ничего необычного, однако, они не увидели — стол посреди белого квадратного зала, никелированные стойки с обычным для любой операционной обору́дованием. Однако сооружение у правой стены привело Мэллори и Марша в некоторое изумление — ничего подобного им раньше видеть не приходилось.

— Перед вами микрохирургический агрегат, управляемый компьютером. Робот, по сути дела. А еще проще — прибор, позволяющий хирургу — то есть мне в данном случае — повысить точность работы с миллиметров до миллимикрон. В него входит электронный микроскоп, компьютерная программа, по сравнению с которой то, что вы видели в моем кабинете, выглядит, как... бухгалтерские счета рядом с микрокалькулятором. В некотором смысле — в голосе Торреса зазвучала плохо скрытая гордость, — сконструировав эту машину, я превратился из нейрохирурга во вполне обычного оператора. Она делает за меня все — микроскоп собирает данные, компьютер анализирует их, принимает решение... И в конце концов уже она советует мне, что куда подсоединить — да и пользуюсь я для этого тоже увеличенной компьютерной моделью. А робот переносит мои действия на реальный человеческий мозг. И неплохо это делает — можете мне поверить. Так что физические повреждения, нанесенные мозгу сына доктора Лонсдейла, устранимы — вполне.

Несколько минут Марш пристально изучал сооружение, затем повернулся к его создателю. Когда он заговорил, в его голосе уже нельзя было расслышать звенящие нотки — остались лишь безмерная усталость и неуверенность.

— А какова вероятность того, что Алекс... сможет пережить операцию?

Торрес слегка нахмурился.

— Предлагаю вам вернуться в мой кабинет. Там я смогу ответить на этот вопрос точнее.

По пути в кабинет Торреса никто из них не произнес ни слова. Войдя, Марш и Мэллори заняли кресла около письменного стола хозяина, сам же Торрес, захлопнув дверь, опять включил матовый экран над столом. Несколько прикосновений длинных тонких пальцев к клавиатуре — и строчки словно сами выплеснулись на монитор:

	В случае оперативного вмешательства	Без оперативного вмешательства
Вероятность выживания спустя одну неделю	90%	10%
Вероятность восстановления сознания	50%	02%
Вероятность частичного выздоровления	20%	0%
Вероятность полного выздоровления	0%	0%

Несколько минут Марш и Мэллори в молчании изучали столбцы цифр, затем, не отрывая взгляда от экрана, Марш обратился к Торресу:

— А что именно подразумевается под этим... частичным выздоровлением?

— Прежде всего — возможность сохранить самостоятельное дыхание, способность осознавать происходящее и осуществлять... м-м-м... коммуникации

с окружающим миром. При отсутствии хотя бы одного из этих критериев говорить о выздоровлении, я полагаю, не представляется возможным. Хотя, так сказать, технически подобный пациент обычно считается пришедшим в сознание, я продолжаю считать его находящимся в состоянии комы. И более того, уверен — оставлять такого рода пациентов в живых негуманно; я не верю, что эти люди не страдают — они просто неспособны выразить свое страдание. Лично я бы не смог выдержать такое существование — даже несколько дней.

Марш чувствовал, как внутри поднимается горячая волна гнева — ведь этот лабораторный червь таким бесстрастным тоном рассуждает о его сыне, об Алексее... И в то же самое время он понимал, что с большинством доводов Торреса он согласен... Он был так поглощен этим противоречием внутри себя, что главный вопрос пришлось задать Фрэнку Мэллори:

— А... полное выздоровление, доктор?

— Именно — полное выздоровление, — кивнул Торрес. — Но в данном случае полного выздоровления, увы, не предвидится. Повреждения коры мозга слишком обширны. Как бы успешно ни прошла операция, полное выздоровление вне обсуждений. Однако есть вероятность — именно вероятность, подчеркиваю — восстановления многих утраченных функций мозга. Пациент, возможно, будет ходить, говорить, думать, слышать и чувствовать. Или — любая комбинация из перечисленных функций.

— То есть вы, как я понял, согласны провести эту операцию?

Торрес пожал плечами.

— Я, знаете ли, не люблю авантюры. Потому как чувствителен к неудачам.

Марш снова почувствовал, как к горлу подступает горячий ком.

— К неудачам? — выдохнул он, вплотную подойдя к Торресу. — Речь идет о моем сыне, доктор. Без вашей помощи он умрет. Так что дело тут не в неудаче или успехе. Простите за банальность — жизнь или смерть.

— Я не говорил, что отказываюсь, — голос Торреса звучал так же невозмутимо, словно он не заметил состояния собеседника. — И при определенных условиях возьмусь за это.

Вздых облегчения, вырвавшийся у Марша, словно отбросил его назад; он обессиленно привалился к спинке кресла и закрыл глаза.

— Любые, — едва слышно произнес он. — Любые условия...

Мэллори неожиданно резко повернулся к хозяину кабинета.

— Какие именно условия вы имеете в виду, доктор?

— Самые элементарные. Во-первых — мне будет предоставлен полный контроль над ходом операции и последующих процедур в течение того срока, который я сочту необходимым... а во-вторых, я не несу никакой ответственности за возможные последствия как во время операции, так и реабилитационного периода. — Марш хотел было возразить, но Торрес продолжал, не дав ему опомниться: — Под реабилитационным периодом я имею в виду срок, который пройдет с окончания операции до того момента, когда я — и только я — признаю пациента готовым к выписке. — Выдвинув ящик стола, он извлек оттуда голубоватый бланк. — Вот договор, который должны подписать родители мальчика, то есть вы и мать. Можете прочесть, если хотите; по моему мнению, вы даже должны это сделать, но предупреждаю, менять в нем я ничего не стану. Либо вы подписываете, либо нет. Если вы и ваша супруга согласны —

прошу немедленно привезти вашего сына сюда. Чем больше проходит времени, тем больше риск. Как вы, вероятно, знаете, пациенты в таком состоянии быстро теряют силы. — Торрес поднялся со стула, давая понять, что беседа окончена. — Прошу простить меня за то, что отнял у вас столько времени.

Мэллори встал почти одновременно с Торресом.

— Но предположим, что супруги Лонсдейл согласны, — когда вы думаете назначить операцию и сколько времени она займет?

— Операция будет завтра, — голос Торреса звучал без всякого выражения. — Займет это по крайней мере восемнадцать часов, потребуется пятнадцать человек персонала. И помните, — он повернулся к Маршу, — вероятность неудачи — по меньшей мере процентов восемьдесят. Снова прошу извинить меня, но я не привык лгать людям.

Распахнув дверь, он придержал ее, пропуская Марша и Фрэнка, затем с силой захлопнул ее за их спинами.

Раймонд Торрес еще долго оставался в своем кабинете после того, как его покинули двое врачей из Ла-Паломы.

Из Ла-Паломы.

Странно, что этот случай — пожалуй, самый сложный во всей его практике — связан не только с его родным городом, но и с женщиной, мысли о которой не оставляли его всю жизнь.

Интересно, вспомнит ли Эллен Лонсдейл хоть что-нибудь о нем? Кто он? Или, вернее, кем он был когда-то...

Нет, наверное.

Ведь в Ла-Паломе, как и во всей Калифорнии, потомки старых *калифорниос* — к которым относился и он — в глазах гринго были обычными *латиносами*,

а может быть, и того хуже. В лучшем случае их не замечали, в худшем — презирали или ненавидели.

А в ответ, разумеется, и он, и его друзья еще больше ненавидели и презирали проклятых *гринго*.

Ах, как хорошо — до сих пор! — помнил доктор Торрес долгие ночи в маленькой грязной кухне, где бабушка терпеливо выслушивала жалобы его матери и сестер на несправедливость тех, в чьих домах они работали прачками и служанками, и в утешение рассказывала им легенды о былых временах, еще до ее рождения, когда гасиендой владело семейство Мелендес-и-Руис, а никаких *гринго* еще не было в Калифорнии. Все тогда было по-другому, и белые дома на холмах служили пристанищем для старинных испанских семей — Торрес, Ортис, Родригес и Флорес... имена звучали в бабушкиных устах, словно музыка. В который раз принималась она рассказывать предание о чудовищном злодеянии на *их* гасиенде, и об изгнании, когда старые семьи были лишены всего — богатства, земли, домов, — и постепенно потомки их превратились в обычных нищих пеонов. Но, неизменно добавляла она, придет день, когда все вернется. Им же остается одно — не дать угаснуть праведной ненависти до того дня, когда в Ла-Палому придет сын дона Роберто де Мелендес-и-Руиса и прогонит *гринго* с их земли, вернет *калифорниос* дома и былую славу.

Раймонд терпеливо слушал ее — и знал, что все это, увы, неправда. Предания бабушки — всего лишь старые сказки, и ее разговоры про грядущее возмездие — есть пустое сотрясение воздуха, они столь же бесплотны, как привидение, которое, по ее мнению, должно было его совершить. И когда пару лет спустя бабушка умерла, он думал, что с ней умерли и все сказки, но нет — оказалось, она успела передать их матери; и теперь та жила ожиданием того дня,

когда все — повторяла теперь и она — должно вернуться.

Но ничто не вернется, и гринго так же будут ходить по калифорнийской земле. Однако способ отомстить есть — и знает его он, Раймонд Торрес. Он нашел другой путь, и ему ни к чему обращать внимания ни на нападки гринго, ни на глупые разговоры его сородичей о грядущем судном дне. Его месть будет простой и жестокой. Он узнает все, чем гордятся гринго, — получит такое же образование, как они, превзойдет их в этом и будет сам смотреть на них свысока; но его превосходство будет реальным, и гринго сами однажды это почувствуют.

И вот настал этот день — теперь он нужен им.

И он поможет — хотя представляет, какую ярость вызовет это у матери.

Он поможет им, потому что за все годы презрения, ненависти и насмешек они заплатят ему одним — признанием того, что он — равный. И теперь он заставит понять их, что всегда был равным, даже когда жил в лачуге за кладбищем.

И этот случай, эта нелепая катастрофа на темном шоссе неожиданно предоставила ему прекрасный шанс.

Да, для этого нужен опыт — но ему ли жаловаться на недостаток опыта — и еще кое-что... и вот это поможет ему не только вернуть к жизни Алекса Лонсдейла, но вселить в него силы, далеко превосходящие обычные человеческие возможности.

Подготовку к операции нужно начать сегодня. Сейчас. Немедленно.

Он заставит их признать его гением — и это будет самая лучшая месть.

— Но почему он не может оперировать его здесь? — в который раз спрашивала мужа Эллен Лонсдейл. Несколько часов крепкого сна прогнали свинцовую

усталость после бессонной ночи, но даже сейчас смысл слов Марша доходил до нее с трудом.

— Из-за оборудования, — Марш уже неоднократно повторял одну и ту же фразу. — У него в операционной много специальной аппаратуры. Ее нельзя перевезти сюда — по крайней мере, невозможно сделать это быстро, к тому же в операционной нашего Центра она просто-напросто не поместится.

— Но Алекс... будет жить?

Но этот вопрос отвечать пришлось Фрэнку.

— Не могу ответить определенно, — Мэллори сокрушенно развел руками. — Надеемся, что он выживет. Пульс у него слабый, но ровный, респиратор и все к нему необходимое установим в машине, когда повезем... Кстати, в Пало Альто есть передвижная лаборатория, можем воспользоваться ею...

После томительной паузы Марш подошел к жене.

— Тебе придется все же решить что-то, Эллен. На этой... бумаге должны быть обе наши подписи.

С минуту Эллен молча смотрела на мужа, не видя его, мысли ее унеслись далеко-далеко в прошлое...

Раймонд Торрес. Симпатичный, высокий; странные, горящие темным огнем глаза. Но никто из девочек не пытался даже заговорить с ним. Его считали талантливым. Да, точно — он был самым способным в классе. Но ей он казался каким-то не таким — причем она никак не могла понять почему; да ей было и все равно в общем-то. Вел он себя всегда так, словно он в чем-то лучше других — больше знает... потому у него и друзей-то никогда не было даже среди своих, мексиканцев. Могла ли она представить в то время, что от него будет зависеть жизнь ее сына...

— А какой он? — неожиданно спросила она.

Марш с удивлением посмотрел на нее.

— Тебя это волнует?

После секундного колебания Эллен отрицательно мотнула головой.

— Нет, не думаю... Но я знала его, давно, и тогда он был каким-то... казался высокомерным, что ли, иногда это даже пугало меня. У нас в классе его не очень любили.

Марш натянуто улыбнулся.

— Он и сейчас такой. Высокомерный, как ты сказала... и мне он тоже не понравился. Но он может спасти жизнь нашего Алекса.

Эллен снова замолчала. За прожитые годы они с Маршем научились друг друга понимать с полуслова... столько было переговорено, решено самых разных проблем... но в последние несколько месяцев все это вдруг исчезло. Слишком заняты они были. И просто потеряли былую способность понять друг друга. И теперь, когда жизнь сына в опасности, ей придется согласиться с решением мужа.

Эллен опомнилась.

— Ведь выбора у нас нет... верно? — медленно произнесла она. — Поэтому надо пробовать. — Взяв со стола шариковую ручку, она одним росчерком вывела на голубом бланке подпись, не читая его, и, глядя в сторону, протянула Маршу. Внезапно промелькнувшая мысль заставила ее снова повернуться к нему.

Почему Торрес не хочет брать на себя ответственность?

Этот вопрос уже готов был сорваться с ее губ.

Но она промолчала.

Глава 6

Прикрыв ладонью телефонную трубку, Кэрол Кокрэн приподнялась в кресле и крикнула:

— Лайза? Это тебя. — Подождав несколько секунд и не получив ответа, она снова приподнялась и крикнула еще громче: — Лайза!

— Скажи, что меня нет дома, — голос Лайзы прозвучал глухо. Кэрол несколько секунд раздумывала, затем, покачав головой, вздохнула. — Она просила сказать, что ее нет дома, Кэйт. Прости, но мне кажется, сейчас ее нам лучше не трогать. Я попрошу ее позже перезвонить тебе — да, о'кей?

Положив трубку, Кэрол поднялась наверх, у закрытой двери в комнату Лайзы стояла ее шестилетняя дочь Ким.

— Мама, у нее заперто, и она не открывает, — обиженно протянула девочка.

— Сейчас я попрошу ее впустить меня, милая. А ты можешь пойти поискать пока папу?

— Ой, а разве он потерялся? — в широко раскрытых глазах Ким застыло то же выражение ангельской невинности, которое появлялось на лице Джима, когда он задавал ей какой-нибудь каверзный вопрос.

— Просто пойди и поищи его, ладно? — попросила Кэрол. — А с Лайзой я поговорю сама.

Склонив голову набок, Ким вопросительно поглядела на мать.

— Ты будешь говорить с ней об Алексе?

— Возможно, — кивнула Кэрол.

— А Алекс умрет?

— Не знаю, — вздохнула Кэрол; никогда не врать, даже детям — так воспитывали ее с детства. — Но об этом мы не будем говорить — ведь пока же этого не случилось, верно? И не случится, думаю. Ну, беги, солнышко, ищи папу.

Ким, хорошо понимавшая настроения матери, покакала по лестнице вниз. Кэрол легонько постучала в дверь комнаты.

— Лайза? Можно войти к тебе?

Ответа не последовало, но несколько секунд спустя Кэрол услышала с той стороны щелчок — стало быть, дочь отперла замок. Дверь приоткрылась, и Кэрол увидела Лайзу; девушка отступила на несколько шагов назад, к кровати, тяжело опустилась на нее и легла на спину, вытянув ноги и устремив неподвижный взгляд в потолок. Войдя в комнату, Кэрол плотно закрыла дверь и подошла к дочери.

— Ты не хочешь поговорить со мной? — Не получив ответа, она присела на край кровати, пристально глядя на дочь. Лайза слегка подвинулась, чтобы освободить матери место. — Ну, тогда я хочу с тобой побеседовать, — продолжала Кэрол, не сводя взгляда с лица Лайзы. — Я знаю, о чем ты думаешь сейчас, но поверь мне, не все так плохо.

Полные слез глаза Лайзы встретили наконец тревожный взгляд матери. Кэрол мягким движением убрала со лба девушки прилипший завиток белокурых волос.

— Но это же из-за меня, мама, — Лайза говорила почти шепотом. — Понимаешь, это все из-за меня.

— Ну, дорогая моя, не нужно больше об этом, — попросила Кэрол, погладив ее по руке. — Ведь все это и папа, и я уже слышали. Если тебе... ну... проще чувствовать себя виноватой — можешь винить себя в том, что уговорила Алекса поехать на ту вечеринку к Эвансам. Но больше ты не виновата ни в чем. Ведь это Алекс выпил пива, и Алекс сидел за рулем.

— Но он хотел...

— Да, но ведь он сам не сбросил скорость на повороте. В аварии виноват, к сожалению, Алекс, Лайза. Никак не ты.

— Но... но если он умрет, мама?!

Глубоко вздохнув, Кэрол закусил губу.

— Если это случится, нам всем будет очень горько, моя хорошая. Эллен и Марш оправятся от этого

очень нескоро. Но даже это — не конец жизни, пойми. И если даже Алекс умрет, твоей вины в этом будет не больше, чем в этой катастрофе... и во всем, что было потом.

— А Кэролайн Эванс говорит...

— Кэролайн Эванс — испорченная и самовлюбленная девчонка, и она может говорить что ей вздумается. Кстати, вчера я говорила с Бобом Кэри и Кэйт Льюис, и они мне объяснили, что именно Кэролайн имела в виду. Она утверждает, что если бы ты не ушла с ее вечеринки, то Алекс не кинулся бы за тобой и аварии тогда могло бы и не случиться. А знаешь, что беспокоит ее больше всего? Отнюдь не Алекс — и уж не ты тем более. Ей не нравится, что эта безобразная вечеринка перестала быть ее «маленькой тайной», как она выразилась. Насколько мне известно, Кэролайн единственная из вашего класса так и не нашла время приехать в Центр — со вчерашнего вечера. Она все это время, видите ли, прибирала в доме.

— Да какая разница, что она имела в виду, — отвернувшись, Лайза уставилась в стену. — Все равно мне не легче от этого.

Несколько секунд Кэрол сидела, молча глядя на дочь, затем притянула Лайзу к себе и поцеловала в затылок.

— Я знаю, моя хорошая. И знаю еще, что ты с этим справишься — сама, ты это умеешь. Так что говорят про Алекса?

Резко поднявшись, Лайза села в кровати.

— Про Алекса?

— Шансы прийти в сознание у него есть?

— Есть, — Лайза закусил губу. — Он... он *должен*!

— Должен? То есть ты все еще продолжаешь винить себя? И поэтому хочешь, чтобы он очнулся? Тебе будет легче от этого?

Глаза Лайзы испуганно расширились.

— Что... что ты говоришь, мама?!

Кэрол пожала плечами.

— А что еще я могу сказать? — Она взяла в руки горячую ладонь Лайзы. — Лайза, я хочу, чтобы ты внимательно выслушала меня. Да, есть шанс, что Алекс переживет случившееся и что он очнется. Но даже если это случится — состояние его долго будет оставаться очень тяжелым и ему потребуется помощь. Однако усилий его родителей может оказаться недостаточно. Ему будет нужна поддержка ребят из школы, друзей... и ему будешь нужна ты, Лайза. Если ты истратишь всю себя, чтобы поддерживать это чувство вины, ты не сможешь помочь ему, понимаешь?

Глаза Лайзы оставались по-прежнему широко раскрытыми.

— Но... что я могу сделать?

— Никто из нас не знает этого — пока не наступит время. Но тебе для начала необходимо взять себя в руки. — Помолчав несколько секунд, Кэрол продолжала: — Завтра Алексу сделают операцию. — Лайза не произнесла ни слова — казалось, что ее глаза говорили больше. — Я знаю, ты захочешь туда поехать — мы с папой поедem тоже, — но это вовсе не значит, что все это время — а операция будет долгая — ты должна рыдать на кушетке в приемной госпиталя. Право на подобное поведение имеет, пожалуй, одна лишь Эллен, но уж она-то, уверяю тебя, не допустит ничего подобного. Результат операции предсказать невозможно. Но если ты поедешь с нами — и я, и отец надемся, что ты будешь держаться так, как мы вправе ожидать от нашей старшей дочери.

Последовало долгое молчание, и наконец уголки губ Лайзы тронула слабая улыбка.

— Как это ты говоришь... нос кверху? — тихо произнесла она.

Кэрол кивнула.

— Именно. И помни, что в настоящей беде сейчас оказался Алекс, а вовсе, прости, не ты. Что бы ни случилось завтра, через неделю, еще когда — твоя жизнь все равно продолжается. А у Алекса, если он сможет пережить все это, вряд ли будут силы утешать еще и тебя. — Поднявшись, Кэрол последним усилием заставила себя улыбнуться дочери. — Все в твоих руках, моя милая. Помни об этом.

Тридцать минут спустя Лайза Кокрэн появилась в гостиной, одетая в старую рубашку отца и потертые джинсы, волосы, еще влажные после душа, были перехвачены на затылке резинкой.

— Папа, мне звонил кто-нибудь? — спросила она бодрым голосом. Отец, опустив газету, с удивлением уставился на дочь. — Разумеется, кроме принца Уэльского и Джона Траволты. Потому что с ними я уже говорила и объяснила, что им не на что надеяться.

— Посмотри на автоответчике, — слышался из кухни голос Кэрол. — Хочешь что-нибудь нам сообщить — или мы позже сможем прочесть об этом в газетах?

— Нет, ничего особенного, — пожала плечами Лайза. — Надо только обзвонить ребят. Не знаешь, в котором часу они начнут операцию?

Джим Кокрэн, отложив газету, с любопытством рассматривал свою старшую дочь.

— Да начнут, наверное, рано, — протянул он. — Около шести, я так думаю. А можно узнать, кого ты собралась обзванивать и зачем?

— Да просто все наши завтра туда собираются — только, боюсь, что всех не пустят. Вот и надо их как-то... организовать, — ответила Лайза.

— Ага, — кивнул Джим, — один раз уже пытались.

Лайза оставила шпильку отца без внимания.

— Завтра воскресенье, так что занятий ни у кого нет. Может, там потребуется наша помощь...

— Лайза, — поморщилась Кэрол, — помощи от такой толпы...

— Да нет, они туда будут приезжать по очереди. Остаться там я попрошу только Кэйт — вдруг и правда кому-то что-то понадобится.

— Лайза, милая, — покачал головой Джим, — я понимаю, что вы хотите... мм... сделать как лучше, но, право же...

— Все нормально, отец, — одернула его Кэрол. — Только знаешь что, Лайза? Могу я тебе кое-что предложить? Ты бы связалась с Эллен — может, она как раз попросит тебя проследить, чтобы их с Маршем там не тревожили — по крайней мере, пока хоть что-нибудь не прояснится.

Застонав, Лайза опустилась на диван.

— Ну почему я не подумала об этом!

— Потому что ты дурочка, — объявила появившаяся в дверях Ким. — Ведь правда она дурочка, папа?

— Дурак дурака видит издали.

— Папка! Ты же должен защищать меня, а ты что?

— Ох, прости, я забыл, — усмехнувшись, Джим шутя шлепнул Ким, затем обернулся к Лайзе. — А насчет сестренки какие планы? Может, употребишь свои организаторские способности на то, чтобы кто-нибудь присмотрел за ней, пока нас не будет?

— Нет, я с вами поеду! — запротестовала Ким.

— Это ты говоришь сейчас, — Джим слегка прижал большим пальцем носик малышки. — А завтра рано утром тебе этого совсем-совсем не захочется. И не спорить со мной — смотри, какой я большой, вот возьму и проглочу тебя одним духом. — Ким недоверчиво хихикнула, но притихла. — Может, кто-ни-

будь из твоих отведет ее в парк или на мультики? И еще надо уложить ее после обеда.

Лайза встревоженно взглянула на него.

— Думаешь, к обеду... это еще не закончится?

Супруги Кокрэн переглянулись, Джим откашлялся.

— Я утром говорил с Маршем. Он сказал, что на это потребуется не меньше восемнадцати часов. Так что извини, дорогая, банкетов вечером не предвидится.

Лайза слегка побледнела, но голос ее, однако, оставался ровным.

— Я понимаю, что это не повод для банкета, папа. Я просто хочу помочь... чем могу.

— Ну, это, в общем, может и мама...

— Нет! Я могу и должна это сделать сама, и позабочусь о Ким, и прослежу, чтобы завтра не было этой оравы в клинике... Со мной будет все в порядке, папа. Только позволь мне все это сделать самой — о'кей?

Когда Лайза выскочила из комнаты — через секунду в гостиной заверещал телефон, — Джим повернулся к Кэрол.

— Так что все-таки здесь происходит, а?

— По-моему, наша дочь немного повзрослела, Джим.

Повисло молчание, которое нарушила малютка Ким. Обвив ручонками шею Джима и заглянув отцу в глаза, она капризно спросила:

— Значит, мне придется сидеть в кино с этими ее скучными подружками?

— Ну, если только согласишься на это, то обещаю: ты сама будешь выбирать, что смотреть.

— И они не будут мне мешать? Правда, папка?

— Никоим образом.

Успокоенная, Ким устроилась поудобнее на коленях Джима и уткнулась в его плечо.

— Я хочу, чтобы Алекс поскорее поправился, — пробурчала она прямо в отцовскую рубашку. — Алекс добрый. И он мне нравится.

— Он нам всем нравится, — откликнулась Кэрол. — И он, конечно, поправится, если ты будешь как следует молиться за него.

И, добавила она про себя, если этот Раймонд Торрес — действительно гений.

Пока Кэрол Кокрэн обдумывала свою мысль, сам Раймонд Торрес готовился к вечернему обходу.

Собственно, обходом в полном смысле слова называть это было нельзя — единственным пациентом Торреса был Алекс Лонсдейл. Когда Торрес вошел в палату, где он лежал, сидевшая у кровати Алекса медсестра подняла голову от книги, лежавшей на коленях.

— Никаких изменений, доктор, — известила она, поймав взгляд Торреса, обращенный к мониторам, на которых разноцветные линии фиксировали слабую жизнь погруженного в кому организма. — Все, как и час назад.

Кивнув, Торрес перевел взгляд на юношу.

Как похож на мать. Именно эта мысль первой пришла ему в голову, и затем хлынул поток воспоминаний, обрывков прошлого, а он-то думал, что больше они ему не страшны... Лицо Эллен Лонсдейл, застыв на секунду в фокусе памяти, расплылось, исчезло, вместо него появились одно за другим три других женских лица... Раймонд Торрес почувствовал, что у него дрожат руки.

Забудь — приказал он себе. *Это было давно и давно же кончилось. И сейчас — ничего не значит.* Усилием воли он заставил себя сосредоточиться на неподвижном теле. Наклонившись, осторожно раздвинул веки на правом глазу Алекса, осмотрел зрачок. Ни-

какой реакции на свет. Признак малоутешительный.

— Ну, хорошо, — кивнул он. — Я сегодня ночью здесь — у себя в кабинете. Если будут какие-то изменения — самые незначительные, любые, — прошу немедленно разбудить меня.

— Да, конечно, доктор, — про себя медсестра подумала, что этого Торрес мог бы не говорить. Первое и главное правило, которое твердо усваивал его персонал, гласило: «Обо всем происходящем в лаборатории доктор Торрес должен знать первым». Кивнув, он вышел из комнаты, а медсестра снова уткнулась в книгу.

Закрыв за собой дверь палаты, Торрес пересек коридор и вошел в предоперационную; обвел ее взглядом, отметив, что к завтрашней операции подготовлено уже практически все. И за ночь степень этой самой готовности проверят еще по меньшей мере дважды. Своим ассистентам Торрес денег зря не платил. В самой операционной шестеро техников в который раз гоняли на мониторе робота тестовую программу — раз за разом запуская каждую ступень, испытывая готовность всех блоков; потом работу этих шестерых перепроверят еще двое техников. Это будет продолжаться до самого утра — техники покинут операционную за пять минут до начала стерилизации, за час до того, как на стол ляжет тело Алекса Лонсдейла.

Удовлетворенный осмотром, Торрес вышел в коридор и направился в помещение лаборатории, получившему у сотрудников название репетиционной. В этой просторной комнате стояло всего несколько столов, на каждом — компьютер. Именно здесь устраивались «генеральные репетиции» всех операций, проводившихся в Институте.

Сегодня, несмотря на поздний час, все столы были заняты, светились голубые прямоугольники мониторов; очередная бригада техников изучала компьютерную модель мозга Алекса Лонсдейла, шаг за шагом повторяя на ней последовательность операции, которую через несколько часов должен осуществить хитроумный агрегат.

Заранее было известно, что никаких недостатков в модели нет — ведь программы, созданные самими компьютерами, гораздо совершеннее программ, написанных человеком.

Если только где-нибудь в глубине необъятной памяти машины вдруг не завелся «лентяй».

«Лентяем» на жаргоне техников лаборатории Торреса называлось ошибка в программе, которая не поддавалась обнаружению. Точнее, она выявлялась лишь в процессе работы программы, но последствия ее появления могли быть самыми страшными.

Если в ходе операции на мозге Алекса Лонсдейла тоже будет допущена ошибка, то неизвестно, к чему она может привести.

К чему угодно.

Может быть, вовсе ни к чему.

А может быть, к смерти Алекса.

Торрес молча пересек комнату, остановился перед одним из мониторов, сделал шаг в сторону, взгляделся в другой. Нет, ничего, кроме знакомой картинки, завтра он будет иметь удовольствие смотреть на нее весь день.

С той лишь разницей, что завтра — не репетиция. Завтра его пальцы будут управлять скальпелем робота, и тогда уже нельзя будет нажать кнопку перезагрузки. То, что он сделает, определит не только жизнь, но и судьбу Алекса Лонсдейла до конца его дней.

Если сам этот конец не наступит завтра.

Техник, сидевший за монитором, откинулся на спинку стула и шумно выдохнул.

Торрес внимательно посмотрел на него.

— Проблемы?

Техник отрицательно покачал головой.

— До сих пор — все о'кей.

— Но вы только начали, — заметил Торрес. И подумал — его бы воля, он проверял бы эту программу неделю, месяц, два... но в запасе у них всего несколько часов. А за этот срок можно ли добиться уверенности — есть или нет в программе эти «лентяи»... По словам техников, «лентяй» способен затаиться аж на несколько лет. И единственный путь обнаружить его — снова и снова прогонять законченную программу. Если в ней что-то не так — в какой-то момент это непременно проявится. Но сейчас у них просто не было времени. Придется поверить в то, что программа почти — почти? — совершенна...

Но, закрывая за собой дверь маленькой комнатки, смежной с кабинетом и служившей иногда ему спальней, Торрес понял, что уверен лишь в одном: полное совершенство недостижимо...

Всегда где-нибудь что-нибудь да не так.

Нет, отмахнулся он от предательской мысли. Только не в этот раз. Сейчас все — *все* должно работать как нужно. А как именно нужно — знает только он.

В Пало Альто Эллен и Марш Лонсдейлы приехали в пятом часу утра. Светало, но все окна здания Института мозга были освещены. Девушка из приемной проводила их в библиотеку, где Марш провел большую часть предыдущего дня, принесла поднос с кофе и пирожными.

— А... Алекса мы можем увидеть? — спросила Эллен.

Девушка сочувственно улыбнулась.

— Боюсь, что нет, миссис Лонсдейл. Как раз сейчас его готовят к операции. Мне правда очень-очень жаль, миссис Лонсдейл, но таковы правила, установленные доктором Торресом. Начало подготовки означает для пациента полную изоляцию. Насчет стерильности у доктора настоящий пунктик.

Дверь в библиотеку неожиданно распахнулась, и звонкий женский голос, казалось, заполнил всё помещение:

— Ну скажите мне, кто это придумал устраивать операции ни свет ни заря? — спросила Валери Бенсон, не обращаясь вроде бы ни к кому, а вернее, сразу ко всем присутствующим. — Я в жизни не вставала в такую рань — и вот нате! Что у них тут — война? — С показным возмущением тряхнув завитой гривой, она в два шага преодолела пространство от двери до стола и крепко обняла Эллен. — Все будет в порядке, моя родная, — шепнула она. — Если я все-таки поднялась в это время — значит, все пойдет, как нам хочется. Так что можешь прямо сейчас перестать волноваться. И верь мне — Алекс очень скоро поправится.

Эллен не смогла сдержать улыбки — репутацию Валери как известной любительницы поспать вполне можно было считать одной из достопримечательностей их города. Сама Валери утверждала, что развестись с мужем ее заставила его привычка требовать от нее завтрак в девять утра — что, по ее мнению, было самой отвратительной формой насилия. Сегодняшний ранний подъем, однако, внешне никак на ней не сказался — выглядела Валери всегда так, будто только что вышла от парикмахера.

— Но ведь ты же могла и не срываться в такую рань, — сконфуженно улыбнулась Эллен.

— Как же! — развела руками Валери. — Посмела бы я только сегодня проспять — разговоров нашим

кумушкам хватило бы года на два. А Марти что, еще не приехала?

— Не знаю, приедет ли вообще. Еще действительно очень рано.

— Ну да! — не унималась Валери. — До полудня всего ничего осталось. — Шагнув к Маршу, она быстро поцеловала его. — Привет! Все в порядке?

— С Алексом нам даже увидеться не позволили, — хмуро сообщил Марш, не делая ни малейших попыток скрыть охватившее его раздражение. Валери понимающе кивнула.

— Я всегда говорила: этот Раймонд Торрес — тот еще тип. Гений — это понятно. Но общаться с ним — не приведи Господи.

— Если он спасет Алекса — мне совершенно все равно, кто он и что он.

— Да это понятно, дорогая моя, — Валери Бенсон энергично кивнула. — Нам всем, в общем-то, наплевать на это. И потом, за два-то десятка лет и он мог перемениться — кто может знать? А вообще — было бы у меня хоть немного мозгов, я бы точно его окрутила! Эта контора ведь вся его, так?

— Вэл, — взмолилась Эллен, — уймись немного, пожалуйста. Я понимаю, тебе хочется нас отвлечь — но ничего, мы держимся...

Улыбка мгновенно исчезла с лица Валери. Опустившись на стул, она вытащила из сумочки платок и промокнула покрасневшие веки.

— Прости, Эллен. Это не вас я хочу отвлечь — и как сама подумую, что с Алексом вдруг что-то случится... Ох, прости еще раз, родная моя. Сама не знаю, что я несу. Я сбегая, принесу что-нибудь? Кофе, колу?

Эллен покачала головой.

— Лучше просто посиди со мной, Вэл. Слава Богу, вы все будете здесь — и ты, и Марти Льюис, и Кэрол.

Это сейчас самое главное. — Она благодарно улыбнулась подруге сквозь подступившие слезы.

Так начался самый долгий в ее жизни день.

Глава 7

Когда примерно в двадцать два тридцать пять дверь в библиотеку в очередной раз распахнулась, ни Марш, ни Эллен не обратили на это особого внимания. Весь день в эту дверь входили и выходили люди. Но сейчас, ночью, с ними остались лишь самые близкие — чета Кокрэнов, Марти Льюис, Валери Бенсон. Синтия Эванс так и не приехала.

Постепенно, однако, до сознания Эллен стало доходить, что некто, вошедший в дверь, стоит перед ней и что-то говорит ей. Она сосредоточилась и увидела незнакомую молодую женщину в белом халате.

— Миссис Лонсдейл? — вновь обратилась к ней женщина и представилась: — Дежурная сестра Сьюзан Паркер. Доктор Торрес приглашает вас и вашего супруга к себе в кабинет.

Эллен быстро оглянулась на Марша — но тот уже встал, протягивая ей руку. Внезапно страшная слабость заставила ее схватиться за край стола. Как же так... Ведь они говорили — это кончится никак не раньше полуночи... Если только... Мысль о том, что ее сын, может быть, уже умер, она просто вырвала из сознания. Глубоко вдохнув, она спросила:

— Уже... все? — каким странным показался ей звук собственного голоса! — Доктор... закончил?

А потом — как-то сразу — кабинет Торреса и пронзительный взгляд его темных глаз, и он сам, шагнувший к ней из-за письменного стола с протянутой смуглой рукой.

— Здравствуй, Эллен, — тихий голос, почти не изменившийся...

Первая и довольно странная в этой ситуации мысль промелькнула в голове Эллен — а он, оказывается, гораздо красивее, чем даже запомнилось ей. Робко взяв его руку, она на секунду сжала ее, затем, не отпуская, заглянула в глубину темных зрачков.

— Алекс, — прошептала она. — Он... что с ним?

— Он жив, — голос Торреса впервые утратил бесстрастную интонацию, теперь в нем слышались усталость и напряжение. — Он в палате, дышит без респиратора. Температура нормальная, пульс ровный.

Ноги Эллен подкосились, Марш, успев подхватить ее, усадил в кресло возле письменного стола.

— Он очнулся? — Она поняла, что слышит голос мужа. Она открыла глаза... лишь затем, чтобы увидеть, как Торрес в знак отрицания качает головой.

Эллен почувствовала, что ей не хватает воздуха.

— Но оснований для беспокойства нет, — ага, это снова Торрес. — По нашим расчетам, он должен прийти в сознание не позднее завтрашнего утра.

— То есть уверенности в том, что операция прошла успешно... — Она с трудом узнала голос Марша, словно он говорил в жестяную трубу...

...Опять Торрес — качает головой и, уже никого не стесняясь, трет красные от усталости глаза.

— Завтра утром все будет известно, доктор... когда... вернее, если... он придет в сознание. Но — динамика пока положительная. — Улыбка не получается — видно, слишком измотан. — Если хотите знать мое мнение — это все же успех. А вы знаете, насколько придирчив я к самим определениям успеха и неудачи. Могу вам сказать только одно — если вдруг неделю спустя мы неожиданно потеряем вашего сына, причиной может быть что угодно, только не последствия операции. Повторяю, что угодно, любые

возможные осложнения — пневмония, вирусная инфекция, даже насморк... Хотя обещаю вам лично проследить и предпринять все возможное, чтобы этого избежать.

— А нам... нельзя увидеть его? — услышав собственный голос, Эллен вернулась в реальность происходящего.

Торрес кивнул.

— Правда, лишь на минуту и, простите, через стекло. Таковы наши правила. В течение определенного срока рядом с пациентом никто не имеет права находиться — только я и мои сотрудники.

Марш обернулся к нему, собираясь что-то сказать, но Торрес остановил его жестом.

— Взглянуть на него вы, безусловно, можете, Сюзан вас проводит, но иные контакты на данном этапе нежелательны и даже вредны. К тому же вам самим отнюдь не мешает как следует отдохнуть. Завтра утром многое станет ясно, и мне хотелось бы, чтобы вы были здесь. Если Алекс очнется, первое, что мы попытаемся выяснить — сохранил ли он способность узнавать людей и, конечно...

— ...Ты собираешься начать с нас, — dokonчила Эллен.

— Именно, — кивнул Торрес. — А сейчас прошу простить, мне тоже необходим отдых.

С трудом встав, Эллен шагнула к доктору.

— Спасибо, Раймонд, — прошептала она. — Нет, это не то, конечно... но я правда не знаю, как мне благодарить тебя... Я... понимаешь, я с самого начала не верила... — она замолчала.

— Не стоит, — покачал он головой, — не стоит благодарить меня, Эллен. По крайней мере, сейчас. Твой сын ведь еще может и не очнуться. — Кивнув в знак прощания, он шагнул к двери, Эллен молча следила, как дверь захлопнулась.

— Такой вот он, — Марш пожал плечами. — А ведь хочет, в общем, как лучше — чтобы мы не питали, так сказать, иллюзии.

— Но ведь он же сказал...

— Сказал, что Алекс жив и на данный момент дышит самостоятельно. Ничего больше. — Обняв Эллен за плечи, он повел ее к выходу. — Пойдем посмотрим все-таки на него, а потом поедем.

Дежурная сестра Сьюзан Паркер провела их в западное крыло здания по длинному коридору мимо операционной и остановилась у стеклянного окошка в двери с надписью «Постоперационный блок». Подойдя к окну, марш и Эллен увидели за стеклом большую квадратную комнату, сплошь заставленную стойками с аппаратурой; в центре комнаты стояла кровать, словно паутиной, оплетенная бесчисленными проводами. За их сеткой скорее угадывалось, чем виднелось накрытое простыней тело их сына — тело Алекса.

Но респиратора — Марш удостоверился — не было, и, взглядевшись, он увидел, как приподнимается и опадает белая простыня. Ритм был ровным, глубоким — Алекс спал. Монитор справа от кровати показывал доктору Лонсдейлу, что пульс его сына такой же стабильный и ровный, как и дыхание.

— Он выкарабкается, — кивнул Марш, повернувшись к жене, и почувствовал, как пальцы Эллен сжали его руку.

— Я знаю, — прошептала она. — Я это чувствую. Он все-таки сделал это, Марш. Раймонд снова подарил нам нашего сына. — Она помолчала. — Но каким он будет теперь, скажи? Неужели совсем... совсем не таким, как раньше?

— Да, — медленно кивнул Марш, — совсем не таким. Но он все равно останется нашим Алексом.

Сигнал, доносившийся из динамика, был тихим, совсем тихим, но в ночной тишине он прозвучал, словно трубный глас. Сестра, дежурившая у кровати пациента по имени Алекс Дж. Лонсдейл, привычным движением подняла глаза к мониторам; приобретенный за годы работы рефлекс мгновенно зафиксировал в мозгу зеленые цифры электронных часов на тумбочке.

Точное время — девять часов сорок шесть минут.

Сигнал прозвучал вновь, и сестра склонилась над больным, внимательно всматриваясь в его сомкнутые веки.

Когда сигнал раздался в третий раз, она встала, подошла к столику у дверей, сняла трубку телефона и набрала номер.

После второго гудка сонный мужской голос ответил:

— Торрес слушает. Что-то произошло?

— Быстрые движения глазного яблока, доктор. Помоему, ему что-то снится, или...

— Или он просыпается. Сейчас буду. — Трубку на том конце линии положили на рычаг; нажав кнопку на корпусе телефона, медсестра вернулась к постели Алекса.

В тишине снова прозвучал приглушенный сигнал, веки Алекса начали медленно подниматься...

Он был. Он существовал в этом мире, и мир был вокруг него, состоящий из звуков и смутных образов... слишком смутных, чтобы распознать их.

Как будто смотришь кино, но пленка движется слишком быстро, чтобы успеть проследить за действием.

И темнота. Сначала — полная темнота, небытие, бездна. Потом — неясные проблески, и постепенное

осознание, что он — есть. Что-то пробивалось сквозь тьму, что-то большее, чем смутные видения и неясные звуки.

Сон.

Ему что-то снится.

Но что? Он попытался сосредоточиться. Если это сон — то о чем? И почему тогда кажется, что во сне все происходит не с ним, и...

Тьма начала рассеиваться. Звуки и смутные видения глохли, исчезали.

Это не сон. Все наяву. Он сам — наяву. Он существует.

Он — есть.

Но кто такой — «он»?

«Он» — это слово, оно что-то значило, а что — это нужно вспомнить. Это слово может быть именем, но память молчала.

Тогда это слово не значит ничего?

Нет, значит. «Он» — это значит «я».

«Я» — это «я». И «он» — это тоже «я».

А кто — «я»?

Александр Джеймс Лонсдейл.

Медленно значения этих странных коротких слов начали всплывать из темной глубины памяти.

Но все вспомнить не удастся, а случайные обрывки так трудно связать... Он ехал куда-то. На вечеринку? Да, была вечеринка. Надо вспомнить. Представить ее.

Да, только так. Если хочешь вспомнить что-нибудь — представь это.

Не получается.

Да, он куда-то ехал.

Машина. Он был в машине. Он вел ее. Но куда?

Нет ответа.

Представь что-нибудь. Что угодно.

Но представить не получалось, и на короткое время явился страх — он не может ничего вспомнить,

кроме своего имени. Память больше ничего не выдавала. И самой памяти тоже не было — только огромная черная пропасть, и вдруг...

Маршалл Лонсдейл.

Эллен Смит Лонсдейл.

Это тоже имена. Имена людей. Кто эти люди?

Его родители.

Тьма вокруг него расступалась.

Он открыл глаза. Свет — ослепительный, нестерпимый... веки непроизвольно снова сомкнулись.

— Он очнулся.

Эти слова произнес не он, они что-то значат, и он неожиданно вспомнил что.

Он снова открыл глаза. Свет резал уже не так, и смутные видения начали обретать форму, уплотняться.

А потом вдруг вернулось зрение.

Все это он уже видел раньше, это называлось... и внезапно он вспомнил как. Он в больнице.

В больнице работал его отец. Он был доктором. Что там слева? Чье-то лицо.

Отец?

Он не знал. Шевельнулись губы.

— В-вы... кто?..

— Доктор Торрес. — Голоса он не помнит. — Раймонд Торрес. Так меня зовут. — Молчание, потом снова голос: — А ты? Кто ты?

Несколько секунд он лежал молча, потом заговорил. Слова выходили плохо, но обладатель голоса, видно, разобрал их.

— Я... Александр... Джеймс... Лонсдейл...

— Верно. — Это говорит тот, кто назвал себя доктором Торресом. — Очень хорошо, что ты вспомнил. А знаешь, где ты находишься?

— Б... боль... — нет, сразу трудно. — Больница, — выговорил он по слогам.

— Правильно. А почему ты здесь — знаешь?

Он не ответил, лихорадочно стараясь уяснить смысл слов. И опять — совсем неожиданно — память пришла на помощь.

— Га... сиенда, — прошептал он. — Машина.

— Верно. — Торрес кивнул. — Теперь — не говори больше ничего, Алекс. Лежи, набирайся сил. Теперь все будет хорошо. Понимаешь?

— Д-да...

Лицо доктора исчезло из поля зрения, его сменило другое, которое он не знал. Он закрыл глаза. Лицо исчезло.

Когда несколько минут спустя Торрес вошел в свой кабинет, Эллен и Марш поднялись ему навстречу.

— Он очнулся, — объявил Торрес. — И уже может говорить.

— Он... что-то вам сказал? — выдохнула Эллен. — Это были не просто звуки?

Торрес не спеша устроился за письменным столом, когда он поднял глаза, взгляд его был бесстрастным.

— Гораздо лучше, скажу я вам. Он сразу спросил, кто я. Потом назвал свое имя. И вспомнил, что с ним произошло.

Марш почувствовал, как стук собственного сердца отдается в его ушах подобно уханью молота. Неожиданно в его памяти возникли строчки, бегущие по экрану. Таблица вероятности вариантов исхода операции, которую Торрес показывал им с Фрэнком позавчера. Вероятность частичного выздоровления — двадцать процентов. Полного — ноль. Тем не менее Алекс слышит, говорит, вспоминает — а значит, думает... Опомнившись, он услышал — Торрес говорит

что-то, обращаясь явно к нему, и заставил себя прислушаться к словам коллеги.

— ...Но вам придется примириться с тем, что он может не узнать вас сразу.

— Почему? — в голосе Эдлен снова зазвучала тревога. После секундной паузы: — О, Боже... Надеюсь, он может видеть? Он... не ослеп?

— Никоим образом, — заверил Торрес, не сводя с нее взгляда темных глаз.

Эллен почувствовала, что темный, животный страх, поселившийся в ней с момента аварии, начал исчезать, рассеиваться, гложуть в присутствии Раймонда. Что-то такое было теперь в его взгляде... двадцать лет назад он был другим. Тогда глаза его порой загорались странным огнем — Эллен он казался даже пугающим; сейчас взгляд их гипнотизировал абсолютной уверенностью, заставляя верить каждому его слову. Если Алекса и можно было спасти, Раймонд был единственным, кто мог это сделать. Эллен поймала себя на том, что ловит каждое его слово, боясь пропустить что-либо.

— В данный момент трудно сказать определенно, что он способен вспомнить, что — нет. Он может вспомнить ваши имена, но не сохранить абсолютно никаких воспоминаний о вашей внешности. Или наоборот. Он может узнать вас, но не вспомнить, кем вы ему приходитеесь. В любом случае — сохраняйте спокойствие и максимальную осторожность. Если он сейчас не узнает вас — постарайтесь не расстраиваться... или, по крайней мере, не показывать ему это.

— Мне вполне достаточно того, что он жив и в сознании, — заверила его Эллен. И, понимая, что все равно никогда не сможет выразить того, что она чувствует, продолжала: — Как... чем мне отблагодарить тебя? Может ли вообще быть благодарность, равная тому, что ты сделал?

— Вполне, — пожал плечами Торрес. — Тем, что вы примете Алекса, в каком бы состоянии сейчас он ни находился.

— Но ведь ты сказал...

— Я помню все, что я вам сказал, Эллен. Но вы оба должны понять, что все способности Алекса с этого момента будут существенно ограничены. И вам придется научиться общаться с ним... на новой основе. А это может оказаться весьма непросто.

— Понимаю, — кивнула Эллен. — Я и не жду, что это будет просто. Но как бы ни изменились его... способности, мы с Маршем к этому быстро привыкнем. Ты вернул нам сына, Раймонд. Ты... ты ведь сотворил чудо...

Поднявшись, Торрес вышел из-за стола.

— Предлагаю все же пойти к нему. Я провожу вас, если не возражаете, поскольку мне желательно, чтобы свидание прошло под моим присмотром. Его мозг сейчас никак нельзя перегружать.

Взглянув на Эллен, Марш поспешно кивнул.

— Разумеется, доктор.

Дойдя до западного крыла, они остановились перед дверью в палату Алекса. Кинув быстрый взгляд через стекло, Марш повернулся к коллеге.

— Имеет какое-нибудь значение, кто из нас войдет первым?

— Предпочел бы, чтобы это были вы, — обычным бесстрастным голосом ответил Торрес. — Вы все-таки врач, и ваша реакция на все, что может вас там ожидать, относительно... предсказуема.

Супруги Лонсдейл переглянулись.

— Иди, милый, — Эллен изо всех сил пыталась скрыть горечь, захлестнувшую ее после слов Торреса. — Иди и не беспокойся за меня.

Торрес открыл дверь, пропуская вперед Марша. Эллен следила через стекло, как они, подойдя к по-

стели Алекса, остановились — не выдержав, она отвела взгляд.

Первого из вошедших Алекс сразу узнал — доктор Торрес. Но рядом с ним был кто-то еще...

— Кто... вы?...

Недолгое молчание, затем голос незнакомца:

— Я... Алекс, я твой отец.

— Отец? — словно эхо, повторил Алекс. Не отрывая взгляд от лица вошедшего, он снова и снова «спрашивал» свою память. И вдруг... как же он мог не узнать его...

— Папа, — прошептал Алекс. — Папа... папочка...

И увидел, как глаза отца наполнились слезами, и услышал сразу изменившийся, дрогнувший голос:

— Как ты... сынок?..

Память подсказала нужное слово.

— Б-больно... — прошептал он. — Больно... но.... уже... не очень. — Неожиданно память выдала целую фразу. — Живы будем — не помрем... правда, папа?

Он видел, как отец и доктор Торрес переглянулись, затем оба посмотрели на него. Отец улыбался.

— Конечно, сынок, — это снова голос отца, но странный, какой-то сдавленный. — Конечно же, будем.

Алекс закрыл глаза, прислушиваясь к звуку удалявшихся шагов. Комната погрузилась в тишину, затем снова шаги, и он почувствовал, что рядом с его кроватью опять стоит кто-то. Наверное, доктор Торрес. Он открыл глаза и посмотрел вверх. Лицо словно парило в воздухе; нет, оно просто в обрамлении длинных темных волос...

— Здравствуй, — прошептал он. — Здравствуй, мама.

— Здравствуй, Алекс, — прошептала она в ответ. Глубоко вздохнула. — Ты скоро поправишься, милый.

Теперь я знаю — ты скоро, очень-очень скоро поправишься...

— Да, — эхом ответил он, прикрывая глаза. — Очень, очень скоро. — После этих слов уставший мозг его погрузился в глубокий сон.

— Если хотите, можете остаться сегодня, — сказал Торрес, когда все трое вернулись в его кабинет. — Но снова увидеть Алекса вы сможете не раньше чем завтра.

— Завтра? — переспросил Марш изумленно. — Но почему? А если ночью он вдруг проснется? И спросит, где его родители?

— Не проснется, — заверил Торрес. — Я собираюсь навестить его еще раз, после чего распоряжусь, чтобы ему сделали инъекцию успокоительного.

— Успокоительного? — в глазах Марша росла тревога. — Но зачем? Он же только-только выкарабкался из комы! Таких пациентов, наоборот, стараются поддерживать в состоянии бодрствования, я...

Лицо Торреса словно окаменело.

— У вас могут быть свои методы, доктор Лонсдейл. Но я что-то не припомню, чтобы я спрашивал о них у вас.

— Но...

— И, уверяю вас, не собираюсь этого делать. — Торрес не обратил внимания на попытку Марша перебить его. — У меня нет на это времени, поэтому я буду крайне благодарен, если от своих мнений вы меня избавите. Алекс, насколько я помню, мой пациент, а у меня своя методика лечения. Этот вопрос, если мне не изменяет память, мы с вами тоже выяснили — еще вчера. Засим прошу меня извинить... — встав, он уже знакомым Маршу жестом распахнул дверь. — У меня сегодня еще много работы.

— Он мой сын, — Марш с трудом сдерживал возникшее раздражение. — И я, безусловно, имею право...

— Нет, Марш, — перебила Эллен. — Сейчас мы имеем право лишь подчиниться доктору Торресу.

Несколько секунд он молча смотрел на жену, плотно сжав зубы; но тревога, которую он увидел в ее взгляде, погасила возраставший в нем гнев, и когда он повернулся к Торресу, то заговорил уже спокойным голосом.

— Простите, доктор... врачи тоже, случается, нервничают. — Он попытался улыбнуться. — Но с этого момента я постараюсь не забывать, кто здесь врач, а кто — родственник больного. Мне приходилось иметь дело с достаточным количеством обезумевших от горя родителей, поэтому я вполне понимаю вас.

Торрес сухо кивнул в ответ.

— Весьма вам признателен. Боюсь, что я не обладаю ни опытом общения с людьми, ни терпением — но делать то, что делаю, я умею. — Он слегка наклонил голову. — Еще раз прошу извинить меня, но мне нужно еще раз навестить Алекса.

Когда они вышли из кабинета Торреса, Марш, однако, уже снова скрипел зубами от гнева.

— Он... Эллен, он же почти дал нам понять, что наше присутствие здесь для него нежелательно!

— Похоже, так и есть, — согласилась Эллен.

— Но я же его отец, черт возьми!

На эмоции у Эллен попросту не осталось сил — она смотрела на мужа с каким-то отстраненным любопытством. Он, значит, уже забыл, что Раймонд Торрес сделал для них и для их сына?

— Оперировал Алекса он, а не ты, — напомнила она. — И лечит его тоже он. Мы обязаны Раймонду жизнью нашего сына. Мне будет непросто забыть об этом, Марш.

— Раймонду, — повторил Марш. — И давно ты его так называешь, просто по имени?

Глаза Эллен широко раскрылись.

— А почему бы и нет?

Марш пожал плечами.

— Тебе виднее.

Реакция мужа удивила Эллен. Бога ради, что с ним происходит? И тут внезапная догадка посетила Эллен...

— Марш, да уж не ревнуешь ли ты?

— Ничуть, — поспешно ответил он. — Просто он мне не нравится.

— Ну, тогда прости, — произнесла она холодно. — Но он, позволь напомнить тебе, спас жизнь Алексу, так что нравится он тебе или нет, на элементарное чувство благодарности тебе все-таки придется решиться.

И поняла, что нашла верные слова: когда после паузы Марш заговорил, в голосе его уже не было гнева.

— Конечно, я благодарен ему. И ты права, разумеется. Он действительно совершил чудо. И сделать это не мог никто, кроме него. Я, по крайней мере, уж точно. Вот, может быть, к этому я ревную — чуть-чуть. — Он улыбнулся и, повернувшись к Эллен, обнял ее. — А можешь мне пообещать, что ненароком в него не влюбишься?

Секунду Эллен не могла понять — шутит Марш или говорит серьезно, затем, тоже улыбнувшись, быстро поцеловала его.

— Обещаю. А теперь пойдем всех обрадуем.

Когда они вошли в библиотеку, Кэрол и Лайза Кокрэн бросились им навстречу.

— Это... это правда? — выпалила, задыхаясь, Лайза. — Он очнулся? Он говорит?

Эллен с силой сжала Лайзу в объятиях.

— Правда, все правда, моя дорогая. Очнулся, говорит и даже узнал меня...

— Благодарю тебя, Господи, — по щекам Кэрол медленно потекли слезы. — Нам сказала об этом та девушка из приемной, но мы не знали, верить ей или нет...

— Но нас, — не преминул сообщить ей Марш, — оттуда просто-таки выставили взащей. Не спрашивайте почему, но его величество доктор Торрес считает, что Алекса нельзя беспокоить минимум до завтрашнего утра — даже нам.

Кэрол устала на него недоуменно.

— Это ты теперь так шутишь, да?

— Да если бы, — Марш картинно развел руками. — Я-то думаю, что это полнейший бред, но меня здесь за врача не считают. Так что предлагаю всем разъехаться по домам. Нам всем необходимо выспаться.

Выйдя из полумрака институтского вестибюля на яркий солнечный свет майского утра, Эллен огляделась, словно видела все это впервые, и произнесла с удивлением:

— Как здесь красиво! Здание, этот газон перед ним... выглядит прекрасно, вы не находите?

Кэрол взглянула на нее и улыбнулась.

— Сейчас, моя дорогая, тебе, наверное, кажется прекрасным весь мир!

В первый раз с момента аварии Марш увидел на лице жены счастливую улыбку.

— А почему нет? — воскликнула она, словно в молитве воздев руки к небу. — Ведь он и правда прекрасен — посмотрите вокруг! И все будет хорошо — я теперь знаю это! — Обняв Лайзу, она притянула ее к себе. — Он снова с нами! — воскликнула она еще громче. — Он с нами, и ничего плохого просто не может быть!

— Алекс? — Раймонд Торрес склонился над койкой. — Алекс, ты... ты слышишь меня?

Веки Алекса дрогнули, он открыл глаза, но продолжал лежать молча.

— Алекс, если я задам тебе пару вопросов, ты сможешь ответить на них?

Казалось, Алекс что-то напряженно обдумывает, затем губы его шевельнулись.

— Не... не знаю. Я попробую.

— Хорошо. Теперь — прошу тебя — постарайся подумать. Ты знаешь, почему ты не узнал своего отца?

Долгое молчание, затем — совсем тихо:

— Когда он сказал мне, что он — мой отец, мне показалось, я его знаю.

— Но когда ты увидел его в первый раз, его лицо показалось тебе знакомым?

— Нет.

— Совсем?

— Нет... не знаю.

— Но ведь ты узнал свою мать?

— Узнал.

— Потому что ее лицо показалось тебе знакомым?

— Нет, доктор.

Торрес поморщился.

— Тогда как же ты узнал ее?

С минуту Алекс молчал, затем заговорил, медленно подбирая слова, как будто в значении многих из них он все еще сомневался.

— Я... я подумал, что это, должно быть, моя мама, если тот человек — мой отец. Я просто решил, что если мой отец здесь, значит, и мама должна быть здесь с ним тоже. И когда я решил, что она — моя мама, то, по-моему, узнал ее.

— То есть ты все-таки не узнал никого из них, пока тебе не сказали, что они твои родители?

— Нет, доктор.

— Ну, хорошо... Сейчас я дам тебе лекарство, чтобы ты лучше спал, а завтра навещу тебя, когда ты проснешься. — Быстрым движением он ввел под кожу правого предплечья Алекса острое иглы шприца и надавил на поршень. Выдернув иглу и промокнув место укола смоченным спиртом тампоном, Торрес спросил Алекса, не было ли ему больно.

— Нет.

— А вообще ты чувствовал иглу?

— Чувствовал.

— А на что это было похоже?

— Я... я не знаю.

— Ладно. — Торрес кивнул. — Спокойной ночи, Алекс. Завтра увидимся.

Когда Алекс закрыл глаза, Торрес еще несколько минут стоял, пристально глядя на юношу. Затем, шагнув к приборам у изголовья кровати, нажал несколько клавиш на клавиатуре компьютера. Уже собравшись уходить, он обернулся и снова взглянул на Алекса.

Веки его закрытых глаз мелко и часто вздрагивали. Как бы хотел Торрес найти способ узнать, что творится в этом изуродованном мозгу сейчас!

Но некоторые тайны были неподвластны даже ему — доктору Раймонду Торресу.

Глава 8

Алекс взглянул на часы, стоявшие на столе Торреса.

Торрес заметил это — он уже привык следить за каждым движением юноши.

— Осталось всего два часа, — сказал он. — Волнуешься?

— Да нет, — пожал плечами Алекс. — Скорее любопытно.

Отложив в сторону ручку, Торрес откинулся на спинку стула.

— А я на твоём месте, наверное, волновался бы. Ты же возвращаешься домой после трехмесячного отсутствия — по-моему, поводов для волнения достаточно.

— Я же возвращаюсь не совсем домой, верно? — голос Алекса был лишен какого бы то ни было выражения. — Ведь пока меня не было, родители переехали, и я этот дом раньше не видел.

— А ты бы хотел вернуться в дом, в котором родился и вырос?

После секундного колебания Алекс покачал головой.

— Да, по-моему, это не так уж важно — все равно я совсем не помню наш старый дом.

— И ничего по отношению к нему не чувствуешь?

— Нет. — Алекс все так же равнодушно смотрел на доктора.

Вот в этом, снова подумал Торрес, и есть проблема. Алекс утратил способность чувствовать. Испытывать эмоции. Переживать. Нет, безусловно, его исцеление — это почти чудо: к нему вернулась способность видеть, ходить, разговаривать и слышать. Но полностью исчезла способность чувствовать.

Даже известие о том, что его скоро выпишут из Института, не вызвало у него никаких эмоций реакции. Он воспринял его так же безучастно, как воспринимал теперь все. И вот это — Торрес досадливо поморщился — единственное, что мешало расценивать проведенную операцию как полный и несомненный успех.

— А тебе вообще хочется вернуться в Ла-Палому? — неожиданно задал он вопрос Алексу.

Потянувшись в кресле, Алекс закинул ногу на ногу. Со второй попытки ему удалось устроить лодыжку левой ноги на колене правой.

— Мне... наверное, просто интересно, как это все будет, — ответил он наконец. — Я все думаю — удастся ли мне узнать хоть кого-нибудь или что-нибудь... или все будет так, как тогда, когда я в первый раз очнулся.

— Ну, с тех пор ты ведь вспомнил многое.

Алекс с тем же безучастным видом пожал плечами.

— Да... но я все спрашиваю себя — действительно я вспомнил все это или мне просто приходится всему обучаться заново.

— Но это невозможно. Речь может идти только о восстановлении памяти — так быстро усвоить такой объем информации не может никто. И не забудь, что, когда ты очнулся, то сразу заговорил. Язык-то ты не забыл, а значит...

— Но тогда я не понимал значения очень многих слов, — напомнил Алекс доктору. — И многих — до сих пор не знаю. — Встав, он неуверенно шагнул, постоял, словно раздумывая, и шагнул снова.

— Все будет в порядке, Алекс, — Торрес внимательно наблюдал за юношей. — Сейчас тебе не стоит требовать слишком многого от себя. На все нужно время. Кстати, о времени. По-моему, пора начинать. — Он подождал, пока Алекс поставил кресло рядом с его стулом так, что оба они смотрели теперь на экран для слайдов, установленный в углу кабинета. Убедившись, что Алекс устроился в кресле, Торрес щелкнул выключателем. На экране появилась картинка.

— Что это? — спросил Торрес.

Алекс колебался не более секунды.

— Амеба.

— Верно. А когда ты изучал биологию?

— В прошлом году. Нам преподавала ее мисс Лэндри.

— А не помнишь, как эта мисс Лэндри выглядела?

Алекс задумался, затем сказал, мотнув головой:

— Нет.

— Ну хорошо. А отметку ты получил какую?

— Отлично. Но это было нетрудно — с точными науками у меня никогда не было проблем.

Ничего не сказав, Торрес поменял слайд.

— А, это картина да Винчи, — кивнул Алекс. — «Мона Лиза» — так, кажется?

— Так. А не помнишь ее второе название?

— «Джоконда».

Картинки сменяли одна другую, и каждый раз Алекс без труда узнавал изображение. Наконец Торрес выключил экран и повернулся к Алексу.

— А ты помнишь что-нибудь о других предметах?

— Нет. То есть мама мне кое-что рассказала... Но сам я не помню про них почти ничего. Имена учителей — некоторых... названия предметов... Но когда я думаю про них, я ничего не *вижу* — вы понимаете?

Торрес кивнул.

— То есть зрительных ассоциаций у тебя не возникает?

— Нет. Никаких.

— А все то, что ты видел уже после своего... пробуждения, ты можешь представить себе без труда?

— Да. Это как раз просто. И еще иногда я вижу что-нибудь и чувствую при этом — что-то знакомое... но до конца вспомнить не получается, хоть убейте. А когда мне наконец это называют, ощущение такое, будто я вспомнил... однако не совсем так... Очень трудно передать словами.

— Что-то вроде «дежа вю»?

Брови Алекса слегка сдвинулись.

— Это по-французски... означает, что тебе кажется, будто ты это уже видел раньше?

— Именно так.

— Нет, это совсем другое. — Алекс напрягся, мучительно подыскивая слова. — Знаете, как будто... половинчатые такие воспоминания. Будто я уже видел это и будто помню, что это... но на самом деле не помню.

— Это как раз понятно, — кивнул Торрес. — Я думаю, что ты именно помнишь, просто мозг твой еще не восстановился до конца. Он был очень сильно поврежден, Алекс. Мне удалось собрать его буквально по частям. Но, увы, сделал я это не так хорошо, как хотелось бы. Поэтому некоторые нейронные связи еще, так сказать, не подключены. Получается, что мозг твой как бы знает, в какой его части хранится нужная информация, но не всегда еще может ее достать. Но он будет пытаться снова и снова и постепенно найдет новые пути доступа к нужным отделам памяти. Поэтому в последующие месяцы у тебя будет появляться все больше этих «половинчатых воспоминаний». А потом, когда все связи в твоем мозгу будут восстановлены — или налажены заново, — таких воспоминаний будет все меньше. И тогда все что после аварии сохранилось в твоем мозгу, будет снова тебе доступно.

Заверещал телефон. Подняв трубку, Торрес что-то тихо сказал в нее, затем бросил на рычаг.

— Твои родители уже здесь, — обернулся он к Алексу. — Не хочешь пройти в лабораторию, а я пока побеседую с ними? А потом я еще раз осмотрю тебя, и с этого времени тебе нужно будет приходить ко мне каждый день на час или два — не больше.

Поднявшись, Алекс медленно пошел к двери. Шаги его были еще неуверенными, и преодолеть лестницу без посторонней помощи было для него еще трудным делом; путь длиною более нескольких ярдов он мог совершить только с костылем-тростью, но было понятно, что восстановление способности свободно двигаться не займет много времени.

Когда Алексу оставалось до двери всего несколько шагов — она распахнулась и в кабинет вошли его родители. Алекс резко остановился и, опершись на трость, наклонил голову и поцеловал мать в щеку, Эллен обняла его. Марш, подойдя, похлопал его по плечу. Дотронувшись в знак приветствия до руки отца, Алекс снова заковылял к выходу.

— Алекс? — позвала Эллен. — Куда ты, сынок?

— Мне еще надо пройти тесты, мама, — голос Алекса был по-прежнему лишен какой бы то ни было интонации. — А потом, я думаю, мы поедем домой. — Повернувшись, он шагнул в раскрытую дверь. Эллен, прикусив губу, следила за ним. Когда Алекс вышел, она некоторое время смотрела ему вслед, затем тяжело вздохнула.

— Мне, наверное, будет непросто выдержать это, Раймонд, — произнесла она, словно раздумывая. — Ведь он... он совсем не меняется... или нет? По-моему, ему совершенно все равно, поедем мы сейчас домой или не поедем...

— Сядь, Эллен, — Торрес указал ей и Маршу на стоявший у стены диван, сам, однако, остался стоять у стола — очевидно, желчно подумал Марш, желая видеть «аудиторию». И действительно — лекция об успехах, достигнутых Алексом с того момента, когда он впервые очнулся, заняла по меньшей мере сорок минут.

— Вот так, — закончил Торрес, кивнув, словно в знак подтверждения. — В плане интеллектуальном и

физическом процесс развивается куда успешнее, чем я мог предполагать.

— Но до сих пор никаких эмоций, — с горечью заметила Эллен. Снова вздохнув, она попыталась улыбнуться. — Прости, Раймонд. Нам, обычным людям, не так-то просто привыкнуть к чудесам.

— Чудо все равно уже произошло, — пожал плечами Торрес. — Но еще не завершилось. Однако, думаю, вам следует подготовить себя к тому, что Алекс вряд ли сможет стать совершенно таким, каким был до аварии.

— Мы и не надеялись на это, — спокойно ответил Марш. Утром он решил, что больше не позволит себе демонстрировать неприязнь к этому человеку. — Скажу вам честно — я и мечтать не смел о подобном результате.

В ответ Торрес покачал головой.

— Ваши впечатления могут подвести вас. В его памяти все еще масса пробелов, и когда он выйдет из клиники, то не сможет ориентироваться в городе. Он не помнит, как выглядит Ла-Палома, не помнит и дороги домой.

— Домой мы его довезем, — заверил Марш. — То есть для него это не дом, конечно... Я, знаете, и сам до сих пор раз-два в неделю навещаю наше прежнее жилье, — добавил он с невеселой усмешкой. — Но привыкнем и к новому.

Торрес словно не заметил усмешки Марша.

— В принципе, Алекс и сам мог бы довезти вас туда — я как-то дал ему карту, и после того, как он изучил ее, попросил показать дорогу отсюда домой. Он показал все — до последнего поворота. Но зрительно вспомнить, как выглядит эта дорога, он не в состоянии. То есть у него до сих пор не возникает мысленных образов многих вещей, казалось бы, хорошо знакомых ему до аварии.

— А вообще такое бывает? — спросила Эллен.

— Да, но крайне редко, — покачал головой Торрес. — И это вплотную подводит нас к проблеме... мм... цельности его личности — или отсутствия этой цельности, к несчастью.

Марш и Эллен быстро переглянулись — именно эта проблема больше всего тревожила их в последние недели. Обоих настораживал изменившийся характер Алекса, но Эллен настаивала на том, что это временно, что с тех пор, как Алекс окреп физически, Раймонд Торрес неустанно трудится над тем, чтобы вернуть ему и душевное здоровье; Марш, настроенный более скептически, пытался приучить супругу к мысли о том, что личность Алекса может и не восстановиться, и, возможно, повреждения, нанесенные эмоциональным отделам его мозга, оказались слишком велики.

— Нет, — таков был немедленный и однозначный ответ Эллен. — Это — лишь вопрос времени. Раймонд ему поможет. Мы только должны верить ему — и все.

Марш напрасно доказывал ей, что Торрес — хирург, а не психиатр. Закончилась весна, пришло особенно долгое и жаркое в этих краях лето — и все это время вера Эллен в магические возможности Торреса неуклонно росла. Сообразно ей росла и неприязнь к нему Марша. Внешне Марш пытался свести ее лишь к неприятию высокомерия Торреса, но самому себе он уже сознался, что просто-напросто ревнует. С каждым днем Торрес значил все больше и больше в жизни их сына, тем самым сближаясь с его женой. И Марш понимал, что ничего не может с этим поделать — ведь чудом возвращения сына в эту жизнь они были обязаны Торресу.

— Боюсь, в данный момент мы имеем дело, как это называется в нашей практике, с синдромом эмо-

ционального притупления личности, — голос Торреса наконец пробился сквозь невеселые мысли Марша.

— Термин известный, — кивнул он, стараясь по возможности не дать прорваться сарказму.

— Не сомневаюсь, — Торрес сухо кивнул. — Но разъяснить его все же, полагаю, не помешает. — Он повернулся к Эллен. — Случай, в общем, вполне обыденный. Часто при повреждениях мозговой коры — даже не столь обширных, как у Алекса, — медленнее всего восстанавливается эмоциональная структура пациента. Иногда эти повреждения приводят к так называемому синдрому лабильной личности, когда пациент, наоборот, демонстрирует неадекватно сильные эмоции, — например, начинает смеяться над тем, что остальным смешным вовсе не кажется, или вдруг заливается без видимой причины слезами. Случай же Алекса обратный — эмоциональная структура сильно ослаблена. То есть практически никакой эмоциональной реакции ни на что. Через определенный промежуток времени эмоциональная структура может частично восстановиться, но, боюсь, на полное восстановление рассчитывать не приходится. Так что в случае с Алексом личность ему, скажем так, заменит отсутствие таковой.

Воцарилось молчание.

— Впрочем, — нарушил вновь его Торрес, — я с самого начала предупреждал, что шансы на полное выздоровление минимальны.

— И тем не менее он поправится, — голос Эллен звучал твердо. Перехватив ее взгляд, Марш невольно вздрогнул — в глазах Эллен светилась лишь вера, слепая вера в магию Торреса. — Ведь ты поможешь ему.

Торрес кивнул, но ничего не ответил.

— Мне нужно знать лишь одно, — продолжала она, — как и чем можем помочь ему мы с Маршем.

Должны ли мы как-то... попробовать пробудить в нем эмоции? Или, наоборот, этого лучше не делать?

Торрес снова кивнул.

— Разумеется, стоит попытаться. Да и, откровенно говоря, сомневаюсь, что вы смогли бы удержаться от искушения. Я работал с Алексом все летние месяцы. Возможно, он просто еще не научился выражать свои эмоции. В любом случае нам остается только ждать и надеяться.

Эллен кивнула, посмотрев на Марша торжествующим взглядом.

— Чего нам нужно опасаться и чего можно ждать? — спросила она у Торреса.

Тот пожал плечами.

— И ничего, и всего. Ничему не удивляться — вот, пожалуй, первая заповедь. Мозг Алекса еще только в процессе выздоровления, и в ходе этого процесса может произойти что угодно. Самое же для вас главное — полный контроль за всем. Позволю себе просить вас делать заметки и регулярно предоставлять их мне для прочтения. Их стиль и информативность мало волнуют меня — мне важно знать, когда его поведение кажется нормальным, а когда — патологией. В особенности — что заставляет его плакать или смеяться. Или даже просто вызывает улыбку — понимаете?

— Не беспокойся, — заверила его Эллен. — Улыбаться я его научу.

— Надеюсь, — покачал головой Торрес. — Но если этого не случится — не стоит особенно переживать. И помните — по крайней мере, если он не научится улыбаться, хмуриться он тоже не научится.

Интересно, подумал Марш, кажется ли этому индюку, что подобной фразой он их как-то утешит. Если да — тогда он глубоко ошибается.

В нескольких сотнях метров от кабинета, в лаборатории, Алекс приходил в себя после наркоза — неперемennого спутника ежедневных тестов по программе, разработанной Торресом. И в который раз он безуспешно пытался хоть на мгновение удержать хотя бы один из странных образов, которые в эти зыбкие минуты на грани сознания снова наполнили его мозг — смутные очертания, странные, еле различимые звуки...

Он очнулся, и образы и звуки исчезли, канув в небытие. Алекс открыл глаза.

— Как себя чувствуешь?

Это техник. Алекс даже вспомнил его имя — Питер Блох. Кроме этого, правда, он ничего не знал об этом человеке. И не испытывал никакого желания знать. Для Алекса Питер был всего лишь частью здания — вроде тумбочки, койки или экрана в кабинете доктора Торреса.

— Хорошо, — ответил он. И сразу спросил: — А скажите, почему перед пробуждением мне всегда... все время кажется что-то?

Питер удивленно вскинул брови.

— А что именно?

— Сам не знаю. Просто что-то мелькает... я не могу толком разобрать, и еще звуки — резкие такие, скрипучие...

Питер начал отсоединять от мониторов тонкие провода, тянувшиеся, словно прядь длинных блестящих волос, к металлической пластинке, заменившей часть лобной кости Алекса.

— А боли при этом нет?

— Нет. Совсем не больно.

— А вообще что-нибудь ощущается? Может быть, запахи... вкус какой-нибудь пищи?

— Нет, ничего.

— Тогда трудно сказать, — развел руками Питер. — Я знаю только, что во время тестов часть этих вот электродов постоянно стимулирует мозг, а другая часть — измеряет его реакции. Вот поэтому и приходится давать тебе наркоз. Мозг-то стимулируется искусственно, и если человек в сознании, ощущения от этого самые неприятные. Скажем, затрагивается участок, вызывающий ощущение боли, ну, от ожога или пореза. А может быть и такое впечатление, будто тебя неожиданно разбудили и ты начинаешь реагировать на предметы, на звуки, запахи, а этого нет в действительности.

Встав со стола, Алекс натянул рубашку, затем сел в кресло и замер, дожидаясь, пока действие наркоза пройдет окончательно.

— Может быть, лучше доктору рассказать об этом? Питер пожал плечами.

— Если хочешь. Я тут помечу себе — и завтра мы увеличим дозу кислорода.

— Да не стоит, — ответил Алекс. — Это ведь, в общем, не беспокоит меня.

Питер криво усмехнулся.

— А вообще тебя что-нибудь беспокоит?

Подумав, Алекс отрицательно мотнул головой.

— Нет. — Поднявшись с кресла, он нашарил трость и по-прежнему неуверенно зашагал к выходу.

Питер следил за удалявшейся фигурой, и усмешка постепенно исчезала с его лица. Ему предстояло еще закрыть лабораторию, отключить оборудование, которым пользовались в течение последних трех месяцев почти каждый день. Нагрузка на персонал лаборатории с того дня, как Алекс поступил к ним, была просто бешеная — Торрес не привык щадить ни себя, ни своих подчиненных.

И поэтому Питер был рад, что этого парня наконец забирают родители. Кроме того, наконец отва-

жился сказать себе Питер Блох, сбросив халат и натягивая любимую потрепанную ветровку, — этот самый Алекс Лонсдейл ему совсем не нравился.

Разумеется, то, что Торресу удалось с ним сделать, займет свое место в истории нейрохирургии, но на Питера это не произвело особого впечатления. Какая, собственно, разница, быстро восстанавливает мозг этого парня свои функции или нет...

Парень? Это же зомби.

От Пало Альто Марш взял на север и ехал по Миддлфилд-Роуд до самого поворота на Ла-Палома драйв. Каждые пять минут он поворачивал голову и смотрел на Алекса, который с прежним безучастным видом сидел рядом с ним на переднем сиденье. Эллен, сидевшая сзади, тщетно пыталась разговорить Алекса:

— А помнишь, что за следующим поворотом? Мы уже почти приехали в Ла-Палому — тебе многое должно казаться знакомым, наверное.

Алекс перевел взгляд на разложенную у него на коленях карту.

— За поворотом — окружной парк, — возвестил он. — Называется Хиллсайд.

— Вспомнил! — воскликнула Эллен радостно.

— Он есть на карте, которую доктор Торрес оставил мне, — Алекс не видел, как помрачнело лицо матери. Машина миновала поворот, Марш сбавил скорость.

— Остановись здесь, — неожиданно услышал он голос Алекса.

Марш дал по тормозам, машина резко остановилась. Алекс напряженно всматривался во что-то за окном.

Проследив за его взглядом, Марш увидел неподалеку, под деревьями, шумную ватагу детишек дош-

кольного возраста, по очереди качавшихся на висевших на старом дереве качелях.

— Что ты увидел там, Алекс?

Алекс не отрывал взгляда от детей.

— Когда я был маленьким, я очень любил качаться, — произнес он наконец.

Марш хмыкнул.

— Любил! Ты нас просто с ума сводил с матерью. — Тоненьким голоском, подражая закапризничавшему ребенку, Марш заныл: — «Еще! Папа, еще! Не хочу домой, хочу еще на качели!» Вот мне и пришлось повесить пару на заднем дворе, а то от тебя просто спасения не было.

Алекс повернулся и долго, по-прежнему без всякого выражения, смотрел на отца.

— Того, что ты рассказал, я совсем не помню.

В зеркало заднего вида Марш увидел, как глаза жены вновь наполнились болью. Выдержат ли они это — память их единственного ребенка не сохранила ничего из прожитой им жизни до *этого*?

— Хочешь покачаться? — вдруг спросил он.

Поколебавшись, Алекс покачал головой.

— Лучше поедем. Может быть, я вспомню наш дом, когда увижу его.

Через несколько минут они въехали в Ла-Палому, но Алекс оставался по-прежнему совершенно безучастным и при виде города, где он прожил всю свою жизнь. Он равнодушно смотрел на безусловно знакомые ему уголки, словно видел их в первый раз.

Наконец они подъехали к Площади.

Марш принял вправо, чтобы попасть в поток машин, движущийся к Гасиенда-драйв, к их новому дому. И вдруг заметил, что взгляд Алекса больше не блуждает равнодушно по сторонам — сын сидел, напряженно выпрямившись, и внимательно всматривался во что-то.

— Что-нибудь вспомнил? — быстро спросил Марш.

— Дерево... — не отрывая взгляда от окна, ответил Алекс. — Что-то было связано с ним... — Чем дольше разглядывал он стоявший посреди Площади старый дуб, тем сильнее крепла уверенность — раньше он его уже видел. Но что-то было не так... Дерево казалось знакомым, но все его окружающее...

— Ограда, — произнес он тихо. — Не помню. Ни ограды, ни травы тогда не было.

Эллен, услышав слова сына, кивнула.

— Верно, — подтвердила она, — все это появилось не так давно. А когда ты был маленьким, вокруг дерева ничего не было.

— Веревка, — продолжал Алекс тем же тихим голосом. — Была веревка. На дереве.

— Ну конечно! — сердце Эллен учащенно забилося. — Была веревка, и к ней привязана шина! И вы играли на ней с друзьями, когда ты был маленький!

Но Алекс молчал. Образ, возникнув в его сознании, исчез так же быстро, как появился.

Но он был уверен в одном — никакой шины на дереве не было.

На толстом длинном суку на веревке висело тело человека.

Сразу же возникла мысль — сказать об этом родителям, но секунду спустя он решил — не стоит. Слишком странным был этот внезапно возникший образ — и если рассказать о нем родителям, пожалуй, они сочтут странным и его самого.

Он не знал, по какой причине, но ему не хотелось, чтобы о его странностях кто-то догадывался.

Машина сделала крутой вираж, и дом словно выплыл навстречу Алексу.

И Алекс... узнал его.

Но дом, как и дуб на Площади, выглядел не совсем так, как он помнил. Алекс долго, не отрываясь, смотрел на него.

С въезда ему была видна лишь длинная оштукатуренная стена, которую делили на равные части высокие окна с раскрытыми тяжелыми ставнями. Дом был двухэтажным, под красной черепичной крышей, с северной стороны, должно быть, сад, огороженный стенами, сплошь оплетенными диким виноградом...

Виноград. Его не должно там быть. Стена сада, как и дом, должна быть просто белой, оштукатуренной, с декоративными плитками примерно через каждые шесть футов. А ростки дикого винограда ведь еще совсем маленькие и только взбираются по натянутой веревке на стену...

Он сидел не шелохнувшись и пытался вспомнить, как выглядит дом внутри, но на это его память не давала никакого ответа.

Алекс перевел взгляд на высокую трубу над крышей. Если есть труба, значит, в доме должен быть и камин. Он попытался представить себе этот камин — и представил, но только хорошо знакомый ему, в вестибюле Института мозга.

Алекс вышел из машины и, сопровождаемый родителями, подошел к крыльцу. Когда он подошел к ведущим к входной двери широким ступеням, то почувствовал, как отец тронул его за локоть.

— Я сам, — он отдернул руку.

— Но, — встрепенулась Эллен, — доктор Торрес просил...

— Я знаю, что он просил, — оборвал мать Алекс. — Подняться я могу сам.

Осторожно поставив правую ногу на нижнюю ступеньку, он, опершись на трость, начал подтягивать левую. Неловко наклонился — и почувствовал, как его обхватили руки отца.

— Спасибо, — обернулся он. — Но я должен еще попробовать. Помоги мне, пожалуйста, снова спуститься вниз.

— Но тебе необязательно пробовать сейчас, милый, — Эллен обеспокоенно следила за ним. — Может быть, пойдем в дом?

Алекс покачал головой.

— Я должен сам подняться по этим ступеням и спуститься по ним. Я должен научиться сам о себе заботиться. Доктор Торрес говорит — это очень важно.

— Но нельзя ли с этим чуть подождать? — в голосе Марша послышалось едва заметное раздражение. — Мы просто проводим тебя в дом, устроим, а потом все выйдем во двор...

— Нет, — ответил Алекс. — Я должен научиться этому сейчас.

Пятнадцать минут спустя Алекс стоял на верхней их трех ступеней, ведущих к входной двери, затем он медленными, но уже гораздо более уверенными шагами спустился.

Эллен попыталась обнять его, но он с прежним безучастным видом отвернулся.

— Ну вот, — произнес он. — Теперь можем войти.

Когда Эллен шла за ним через вымощенный плиткой патио по дорожке, ведущей к дому, то молилась об одном — только бы он не заметил слез, блеснувших в ее глазах в тот миг, когда он отвернулся.

Алекс обвел взглядом комнату. Все эти вещи — его, они накапливались здесь с самого его детства. Странно, но сама комната выглядела смутно знакомой — будто когда-то, давным-давно, он был здесь. Но вся обстановка — совершенно чужая. У стены — письменный стол, он подошел к нему, открыл верхний ящик. Стопка тетрадей, ручки, карандаши. Взяв верхнюю тетрадь, он раскрыл ее.

Конспект по геометрии.

Неожиданно в памяти возникло имя учителя: мистер Хендрикс.

А как этот самый мистер Хендрикс выглядел?

Нет ответа.

Алекс начал просматривать конспект. В конце тетради — теорема; доказательство так и не закончено. Присев на стул, он взял в руку карандаш. Слегка подрагивающей рукой, нетвердым еще почерком он начал выводить цепочки формул. Минуты через две теорема была доказана.

Он обвел глазами корешки книг над столом, на полке, взгляд остановился на толстом томе, переплетенном в красный лидерин. Он снял книгу с полки, на обложке оказалось изображение птицы и слово: «Кардинал». Он открыл ее.

Это был школьный календарь двухлетней давности. Подойдя к кровати, он вытянулся на покрывале, взял книгу и, раскрыв, принялся изучать ее.

Спустя час, когда Эллен тихонько постучалась в дверь его комнаты, он уже знал, как выглядят мистер Хендрикс, мисс Лэндри; если бы он теперь их увидел, то непременно узнал бы.

Он узнал бы теперь всех своих друзей, всех тех, о ком рассказывала ему Лайза Кокрэн: понемногу обо всех, ведь она каждый день приходила к нему в больницу.

Он узнал бы их в лицо, смог бы назвать каждого по имени.

Больше он о них ничего не знал.

Память молчала.

Ему придется все начинать с нуля. Отложив книгу, он взглянул на мать, стоявшую на пороге.

— Я не помню — совсем ничего, — признался он после недолгой паузы. — Мне, правда, показалось,

что я узнал дом и даже вот эту комнату, но этого же не может быть, верно?

— Почему? — пожала Эллен плечами.

— Потому что... мне показалось, я раньше видел стену сада, но только без виноградных лоз. Но они же были здесь всегда, правда?

— Почему ты так думаешь?

— Я посмотрел на корни, на стебли... Они выглядят очень старыми.

Эллен вздохнула.

— Верно, они здесь были всегда. По крайней мере, сколько я себя помню. Это, кстати, одна из причин, почему я хотела здесь поселиться — дикий виноград мне всегда очень нравился.

Алекс кивнул в раздумье.

— Значит, стену без них я видеть не мог. И эта комната показалось мне вроде знакомой, но это же просто комната. А своих вещей я не помню совсем. Ничего, ни малейшей детали.

Присев на кровать рядом с сыном, Эллен обняла его.

— Я знаю, — кивнула она. — Мы очень надеялись, что ты сам все вспомнишь, но Раймонд предупредил нас, что вероятность очень мала, так что не следует об этом беспокоиться.

— Не буду, — заверил Алекс. — Я просто начну все снова — и все.

— Да, — согласилась Эллен. — Мы все начнем снова. И ты все вспомнишь. Медленно, не сразу, но все вернется к тебе.

Нет, подумал Алекс про себя. Никогда и ничего не вернется. Но мне придется вести себя так, будто возвращается.

За последние три месяца он усвоил — если он притворялся, что начинает что-то вспоминать, лица окружающих просто лучились от счастья.

Спускаясь вслед за матерью по ступенькам в столовую, Алекс подумал про себя: счастье, какое оно... как оно ощущается? Неужели и он когда-то испытывал его?

Глава 9

Утром в понедельник, после Дня Благодарения, погода, казалось, задалась целью опровергнуть все прогнозы о недалекой уже зиме. Обычный для первой декады сентября туман растаял без малейшего следа к половине седьмого, и когда Марш Лонсдейл высадил сына из машины перед домом Кокрэнов, солнце уже основательно припекало.

— Ты точно не хочешь, чтобы я отвез тебя с Лайзой в школу?

— Нет, я пойду пешком. Доктор Торрес говорит, что я должен чаще ходить пешком — мне это полезно.

— Доктор Торрес вообще очень много чего говорит, — Марш слегка нахмурился. — Но это вовсе не значит, что ты все это обязан делать.

Открыв дверцу и выйдя из машины, Алекс протянул было руку к трости, лежавшей на заднем сиденье, но, подумав, решил ее не брать. Подняв глаза, он увидел, что отец смотрит на него с явным неодобрением.

— Разве доктор Торрес сказал тебе, что ты ею можешь больше не пользоваться?

Алекс покачал головой.

— Нет. Я просто подумал, лучше мне научиться обходиться без нее.

Суровое выражение исчезло с лица отца, уступив место счастливой улыбке.

— Верно, сынок... Слушай, может, все-таки рановато возвращаться в школу?

Алекс снова покачал головой.

— Нет, не думаю.

— Конечно, решай сам. А может быть, взять тебе преподавателя из самого Стэнфорда, по крайней мере, на этот семестр.

— Нет, — в третий раз качнул головой Алекс. — Я хочу в школу. К тому же, оказавшись там, я могу многое вспомнить.

— Да ты и так уже вспомнил немало, — заметил Марш. — Потому я и думаю, что не стоит тебе так уж себя подстегивать. Ты... я к тому, что тебе ведь не обязательно вспоминать абсолютно все, что было до катастрофы.

— Но мне хочется вспомнить именно все, — возразил Алекс. — И придется — если я хочу действительно выздороветь. — Захлопнув дверцу машины, он развернулся и медленно пошел к парадному крыльцу Кокрэнов. Затем, обернувшись, помахал отцу. Тот помахал в ответ. Взревел двигатель, и машина тронулась с места. Лишь когда она исчезла за поворотом, Алекс равнодушно подумал — догадался ли отец, что он лгал ему.

Науку лжи со дня приезда домой Алекс освоил в совершенстве.

Нажав кнопку звонка, он чуть подождал, затем надавил ее снова. Хотя Кокрэны много раз уверяли его, что он может приходить к ним, когда только ему вздумается, и просто входить в дом, этим правом Алекс еще ни разу не воспользовался.

И абсолютно не помнил того, чтобы хоть раз входил в их дом.

Дом Кокрэнов, как и другой, в котором он провел почти всю свою жизнь, не будили ничего в его памяти. Но об этом он не говорил никому. Наоборот, ког-

да он вошел в дом Кокрэнов в первый раз после возвращения из больницы, он очень внимательно осмотрел комнаты, стараясь до мельчайших деталей запомнить их. И затем, когда внутренность дома словно отпечаталась в его памяти, он поставил первый опыт: сказал, что вспоминает старую фотографию на стене — он и Лайза в шестилетнем возрасте.

Все вокруг были вне себя от радости. И с тех пор, выучив заново многое из того, что он должен был помнить, визнавав все, что возможно, о своей жизни до аварии, он регулярно удивлял неожиданными «воспоминаниями» родителей и знакомых.

Срабатывало это безукоризненно. Однажды в ящике отцовского письменного стола он обнаружил старый счет за ремонт машины. Он изучил его до последней буквы и вечером, когда они ехали на ужин к Кокрэнам и проезжали мимо мастерской, где чинили машину, вдруг обернулся к отцу:

— В прошлом году... здесь ремонтировали нашу машину?

— Было дело, — кивнул Марш. — А ты помнишь... слушай, а помнишь, что именно они ремонтировали?

Изобразить напряженную работу памяти Алексу не составило никакого труда.

— Сцепление?

Марш глубоко вздохнул, в зеркале Алекс увидел, как лицо отца расплылось в широкой улыбке.

— Ага. — Марш кивнул. — Значит, возвращается потихоньку?

— Вроде того, — пожал плечами Алекс. — Только медленно.

Хорошо бы, подумал он про себя.

Дверь неожиданно распахнулась — Лайза, стоя на пороге, улыбалась ему.

Алекс старательно изобразил ответную улыбку.

— Готова?

Лайза фыркнула.

— К школе, черт бы ее побрал, разве когда-нибудь подготовишься? — Она кинула быстрый взгляд в зеркало. — Как я выгляжу — по-твоему, потянет?

Внимательно осмотрев ее джинсы и белую блузку, Алекс с серьезным видом кивнул.

— А в школу... ты так всегда одеваешься?

— Да... и я, и все тоже. — Обернувшись, Лайза помахала через плечо спустившимся проводить ее родителям, и несколько секунд спустя они с Алексом уже шагали по старинной тенистой улице, ведущей к школе.

По дороге Алекс задавал Лайзе бесконечные вопросы — кто в каком доме живет, что продается в магазинах, мимо которых они проходят, расспрашивал он и о тех, кто с ними здоровался. Лайза терпеливо отвечала на каждый его вопрос, а потом, как всегда, решила проверить Алекса, хотя знала, что раз сказанное ею накрепко оседает в его памяти.

— Кто живет в голубом доме на Кэрнет-стрит?

— Джеймсоны.

— А в старом на углу Монтеррея?

— Мисс Торп. — Подумав, Алекс добавил: — Раньше она была ведьмой.

Лайза искоса бросила на него быстрый взгляд — уж не поддразнивает ли он ее, — хотя знала: с тех пор, как он вернулся из больницы, Алекс ни разу даже не пошутил с ней.

— Ну, по-настоящему-то ведьмой она не была, — заметила она. — Это мы, когда были маленькими, так думали.

Алекс в замешательстве остановился.

— Но... если они и правда не была ведьмой — почему же мы тогда так думали?

Интересно, подумала Лайза, что мне сказать ему. Ведь он забыл все, что только мог забыть, об их детстве... Как объяснить ему, с каким тайным удовольствием пугали они друг друга выдумками о том, чем занимается мисс Торп за постоянно занавешенными окнами своего ветхого домика и что может она сделать с любым из них, если он только осмелится войти к ней в калитку? Но теперь воображение у Алекса отсутствовало. Лайза заметила и то, что о чем бы он ни спрашивал — а он спрашивал ее о множестве разных вещей, — его это не интересовало. Конечно, об этом она не скажет никому.

Она поймала себя на мысли, что радуется началу учебного года: теперь она под вполне благовидным предлогом сможет уделять Алексу меньше времени — общение с ним утомляло ее.

— Не знаю, — наконец сказала она. — Нам просто казалось, что она ведьма, и все тут. Пошли побыстрее, а то мы уже опаздываем.

Удивительно, но местность, в которой располагались школьные корпуса, показалась Алексу смутно знакомой — как будто он был здесь когда-то раньше... однако и здесь все выглядело как-то не так.

Здания школьного комплекса располагались по периметру обширной квадратной площади с фонтаном в центре, и если смотреть от фонтана, часть этих зданий пробуждала в его мозгу какие-то неясные странные ассоциации...

Но картинка в памяти расплывалась; как будто в ней осталась запечатленной именно эта часть незнакомого, в общем, места.

Но ведь осталась все-таки.

Взглянув на листок с расписанием, который держал в руке, Алекс зашагал к зданию, где, по его расчетам, должен был проходить следующий урок.

Здание это, как и многие другие, было совершенно незнакомо ему, но класс он нашел без затруднений. До звонка оставалось всего несколько минут. Войдя, Алекс направился к свободному столу рядом с Лайзой Кокрэн. Но сестра не успел — подошедший учитель, которого он, быстро перебрав в памяти фотографии в школьном календаре, вспомнил как мистера Хэмлина, сказал Алексу, что его ждет в своем кабинете директор. Алекс бросил вопросительный взгляд на Лайзу, но та лишь пожала плечами и покачала головой. Алекс молча вышел из класса и направился через площадь к административному корпусу.

Едва войдя в здание, Алекс почувствовал — здесь он точно уже бывал. Да, он уже видел раньше эти ореховые панели на стенах; остановившись на мгновение, Алекс осмотрел вестибюль, чтобы запомнить его.

А слева должна быть стеклянная стена... и она была там, и через нее были видны несколько столов с пишущими машинками, за ними сидели машинистки.

Теперь прямо, направо за угол... два коридора, расходящиеся в противоположные стороны. Не раздумывая, Алекс свернул в левый. Вот он, кабинет — вторая дверь слева.

Он постучал.

Дверь открыла женщина в белом халате.

— Вы кого-нибудь ищете?

Алекс сглотнул слюну.

— Я ищу кабинет мистера Айзенберга. Но... это не здесь, наверное?

Женщина улыбнулась и покачала головой.

— Он в противоположном крыле. Первая дверь направо.

— Спасибо, — кивнул Алекс. Повернувшись, он зашагал обратно к вестибюлю.

Значит, он ошибся. Но ведь когда он вошел в здание, то сразу узнал и вестибюль, и точно помнил, где находится кабинет директора. Но, оказывается, перепутал.

Значит, вспомнить он все же не может ничего.

Но пока он шел по коридору к кабинету директора, едь не покидало ощущение, что он все же *вспомнил*. И когда, уже в кабинете, секретарша директора поднялась, улыбаясь, навстречу Алексу, он решил, что понял, в чем дело.

— Вам нравится ваш новый кабинет... мисс Дженнингс? — спросил он.

Улыбку на лице секретарши словно выключили.

— Новый кабинет? — она растерянно обвела взглядом стены. — Что... о чем ты говоришь, Алекс?

— А разве кабинет мистера Айзенберга не находился в прошлом году там, где сейчас эта женщина в белом халате?

Поколебавшись, секретарша отрицательно покачала головой.

— Его кабинет все время был здесь, — она виновато улыбнулась. — Проходи, пожалуйста, и не бойся ничего. С тобой все будет в порядке.

Подойдя к двери, Алекс осторожно постучал — так же, как стучал он в дверь кабинета доктора Торреса.

— Войдите!

Открыв дверь, Алекс шагнул в кабинет. По фотографии в школьном календаре он сразу узнал лицо сидевшего за столом человека, вспомнил и его имя, но готов был поклясться, что раньше никогда не видел его.

Дэн Айзенберг с усилием поднял свои двести фунтов с широкого кресла с подлокотниками и, перегнувшись через стол, протянул Алексу руку.

— Алекс! Рад видеть тебя снова, мальчик мой!

— Я тоже очень рад видеть вас, сэр, — кивнул Алекс, заколебавшись лишь на какой-то неуловимый миг перед тем, как пожать руку директора. Широким жестом тот указал Алексу на стул перед своим столом.

— Прости, что пришлось потревожить тебя в самом начале семестра, — начал он. — Но, понимаешь, у нас тут возникла небольшая проблема...

Лицо Алекса оставалось абсолютно бесстрастным.

— Но мисс Дженнингс сказала, что со мной все будет в порядке, сэр.

— Безусловно, мой мальчик, — закивал Айзенберг. — Но видишь ли, на днях я имел удовольствие беседовать с доктором Торресом. И он предложил нам... вернее, мы должны предложить тебе пройти кое-какие тесты — по его рекомендации. — Он внимательно всматривался в лицо Алекса, но выражение словно стерли с него. — Эти тесты, видишь ли, могут оказаться полезными для того, чтобы...

— Выяснить, все ли я забыл, — безучастным тоном проговорил Алекс.

Дэн Айзенберг отметил про себя, что этот странный подросток в подобных вопросах разбирается гораздо лучше него.

— Верно. Я понимаю так, что доктор Торрес и с тобой успел побеседовать...

— Нет. Просто это было бы логично, ведь правда? То есть я хочу сказать — вам же трудно будет решить, в какой класс меня определить, не зная, что я помню, а что — не помню.

— Именно, именно. — Из ящика стола Дэн извлек пачку бумажных листов. — Вот... помнишь это? — Алекс взглянул на бумаги, испещренные какими-то вопросами, и покачал головой. — Это обычные анкеты для школьников — ты сам заполнял такую же

прошлой осенью и должен был бы еще раз заполнить в начале лета, если бы...

— Если бы не попал в аварию, — закончил за него Алекс. — Не беспокойтесь, мистер Айзенберг, мы можем поговорить и об этом — только аварию я тоже не помню... почти. Точнее, знаю, что она произошла.

Айзенберг кивнул.

— Доктор Торрес говорил мне, что в твоей памяти еще очень много пробелов...

— Но я занимался все лето, — Алекс не сводил с директора бесстрастного взгляда. — Отец хочет, чтобы на следующий год меня перевели в класс высшей ступени, сэр.

«Вот уж это, — подумал про себя Дэн Айзенберг, — маловероятно». Судя по тому, что успел рассказать ему Торрес, парню придется начинать с курса начальной школы — по крайней мере, с самых основных дисциплин.

— Дай нам немножко подумать, хорошо? — успокаивающе кивнул он Алексу. — А тесты... не согласился бы ты заполнить анкеты сегодня?

— Хорошо, сэр.

Десять минут спустя в пустом классе секретарша мисс Дженнингс объясняла Алексу систему тестирования школьников — за определенное количество времени он должен успеть ответить на определенное количество вопросов.

— И не беспокойся, пожалуйста, если ты не сможешь ответить на все, — ободряюще улыбнулась она. — Они и не рассчитаны на это. Ну, готов? Начали!

Пододвинув к себе первый лист, Алекс галочками начал отмечать ответы, казавшиеся ему правильными.

Дэн Айзенберг с дежурной улыбкой поднял голову от стола, но улыбка разом сползла с его лица — в

глазах вошедшей мисс Дженнингс читалось лишь разочарование. Взглянув на часы, он отметил про себя — с того момента, как Алекс начал работать с тестами, прошло лишь полтора часа.

— Что случилось, Мардж? Он... не справился?

Секретарша озабоченно покачала головой.

— По-моему, этого не нужно было и начинать...

— Но вы же объяснили ему, как заполнять анкеты?.. Два варианта — верный и неверный, так?

Мардж кивнула:

— И еще переспрашивала его, все ли он понял... каждый раз, когда он вручал мне заполненный листок. Но он отвечал мне, что да, понял... и вот уже все сделал...

Айзенберг перебил ее.

— Так сколько листов он успел заполнить?

Мардж потерянно вздохнула.

— Все.

— Все? — поднял брови директор. — Но... но это же невозможно. Тесты рассчитаны как минимум на целый день... и даже за это время с ними, как правило, до конца не справляются.

— Да, я знаю... Поэтому мне кажется, что он ставил галочки просто наугад, не читая вопросов... Не уверена, что эти результаты стоит даже обрабатывать... хотя... — она протянула директору пачку листов. Айзенберг взял верхний и сунул его в шаблон, который извлек из ящика.

В каждой из двух десятков квадратных прорезей шаблона, обозначающих правильные ответы, стояла аккуратная галочка. Дэн нахмурился, затем взял шаблон для второго листа... Потом, не говоря ни слова, третий, четвертый... Наконец он откинулся в кресле, полуприкрыв глаза, в уголках его рта застыла скептическая улыбка.

— Прелестно, — наконец проговорил он. — Просто-таки восхитительно. — Улыбка постепенно превратилась в мрачную усмешку. — На самом-то деле он сколько успел заполнить... листа два-три?

На сей раз недоуменно поползли вверх брови Мардж.

— Что вы имеете... о чем, ради Бога, вы говорите?

— О вас, моя милая, — с той же усмешкой ответил Айзенберг. — Вы же нарочно пришли раньше, чтобы заполнить анкеты за него. Должен вам сказать, что вы зашли слишком далеко. Неужели вы рассчитывали, что я куплюсь на это?

— К... купитесь?.. — У девушки перехватило дыхание. Не говоря ни слова, она подошла к директорскому столу и, взяв шаблоны, повторила процедуру, которую ее шеф произвел несколько минут назад.

Опустившись на стул, она выдохнула:

— Боже правый...

Дэн поднял на нее взгляд, уверенный, что увидит ее сияющее лицо — шутка наверняка кажется ей удавшейся.

Выражение ужаса, застывшее в глазах секретарши, убедило его — никакой шутки здесь и в помине нет.

Алекс Лонсдейл *сам* заполнил все анкетные листы — и результаты были близки к совершенству.

— Соедините меня с Торресом, — попросил Дэн секретаршу.

Выйдя из кабинета, Мардж Дженнингс увидела Алекса, сидевшего на диване и листавшего какой-то журнал. Подняв глаза, он равнодушно взглянул на нее, затем снова уткнулся в журнальную страницу.

— А-алекс?

— Да? — Алекс отложил журнал в сторону.

— Ты правда... скажи, а кто-нибудь показывал тебе эти анкеты раньше? Я имею в виду — с прошлой осени, когда...

— Нет, — покачал головой Алекс после секундной паузы. — Никто. По крайней мере, с тех пор, как меня выписали из больницы.

— Да, понимаю, — кивнула Мардж.
Хотя понять она не могла ничего...

Нервно взглянув на часы, Эллен в который раз пожалела о том, что согласилась на предложение Синтии прислать к ней эту Марию Торрес. Нет, домработница ей, конечно, очень нужна. И несколько месяцев назад, до аварии, наверняка наняла бы эту самую Торрес даже без предварительной беседы. Но сейчас все было по-другому, и несмотря на все уверения Синтии, она испытывала некоторую неловкость, что мать Раймонда Торреса будет пылесосить в ее доме ковры и стирать белье. Хотя всего два дня в неделю. К тому же она знала, что Марии нужна работа: со следующего месяца Синтия решила взять постоянную прислугу с проживанием.

Но сейчас Мария опаздывала, а значит, и сама Эллен опоздает на их традиционный дамский ленч, который Марш с усмешкой, всегда казавшейся Эллен подлинным проявлением мужского шовинизма, называл «девчачьим междусобойчиком». Хотя в этом, возможно, была доля и ее вины — она никак не могла привыкнуть думать и говорить о своих подругах как о дамах, большинство из них она знала с детства, и в мыслях и в разговоре они всегда оставались для нее «девочками».

Кроме, пожалуй, Марти Льюис — уж она-то давно перестала быть девочкой, так сказать, во всех отношениях. Эллен нередко думала — только ли пристрастие Алана Льюиса к выпивке стало причиной всех тех перемен, что произошли со «старушкой» Марти за последние годы.

Нет, не всех, хотя многих, наверное. Если бы Алан не превратился в алкоголика, Марти ничем не отличалась бы от других «светских дам» Ла-Паломы — сидела бы дома, растила детей, заботилась бы о муже... Но у Марти все сложилось иначе. Алан потерял работу — и Марти пришлось содержать семью, пока Алана лечили, переводя из одной клиники в другую, но без особых, впрочем, успехов. Вскоре он опять принимался пить, затем снова лечился. И в конце концов... Марти смирилась. Несколько лет назад она еще поговаривала о разводе, но семейные заботы оказались сильнее. На их «междусобойчиках» Марти говорила в основном о своей работе.

— Работа — самое большое удовольствие! — эту фразу Марти произносила каждый раз с непреклонностью неопита. — Мне лично кажется просто невозможным другой способ существования. Хорошей домохозяйки из меня все равно бы не получилось, а сейчас, слава Богу, Кэйт почти выросла и я могу ей многое дать. Зато мне не нужно теперь дергаться каждый раз, когда Алана в очередной раз уволят. — Затем с неизменной усмешкой: — И уйти-то мне от него было нужно Бог знает сколько лет назад, но я ведь все еще люблю его, вот в чем дело. Так что вот так и живем — он пьет, а я все надеюсь, что он возьмет и завяжет, да куда там...

Ну и была еще, конечно, Валери Бенсон, которая три года назад развелась-таки со своим супругом.

— В общем, видать, поспешила, — резюмировала она как-то долгие размышления вслух о своем разводе. — С чего я вдруг решила, что больше выносить его не могу, убей Бог, сама не помню. Помню только, что мне показалось, что вот я его выгоню — и жизнь моя сразу станет прекрасной. Ну в итоге выгнала я его, и что же? Ничего не изменилось. Ничегошеньки. — Потом, устало протирая глаза: — Бог

мой, как же достало меня все это. Надоело говорить себе, будто жизнь замечательная и сама я спокойная и добрая. Лучше бы осталась сварливой бабой — только замужем.

Снова взглянув на часы, Эллен поняла, что если Мария не появится в ближайшие пять минут, ждать ее она больше не будет. Беседа с ней не заняла бы в любом случае много времени — Мария жила в Ла-Паломе, сколько Эллен помнила себя, и Эллен собиралась только объяснить ей, что от нее, собственно, требуется, после чего оставить дом на ее попечение. Однако...

Однако ленч с подругами — это совсем другое дело. Они ведь увидятся вместе в первый раз с того дня, как Алекс попал в аварию, и — Эллен была уверена — об Алексе они будут говорить больше всего.

О нем и — о Раймонде Торресе.

И с готовностью призналась себе, что с нетерпением ждет сегодняшнего обеда — хотя бы несколько часов провести с девчонками, расслабиться, ни о чем не думать...

Долгое было лето в этом году. И когда наконец приняли решение, что Алекс должен вернуться в школу, — именно тогда, поняла Эллен — она живет ожиданием этого дня. И сегодня утром, когда Алекс и Марш уехали, она впервые смогла позволить себе целый час блаженного ничегонеделания, а потом начала готовиться к сегодняшнему «междусобойчику». На это у нее ушло добрых два часа... Нет, она решила — ни Алексом, ни Раймондом Торресом темы сегодняшних разговоров исчерпываться не будут. Лучше она заставит подружек рассказать побольше о себе — проблемы семейства Лонсдейл и так уже всем известны. Посмеются и посудачат с девчонками, как прежде, будто и не случилось ничего.

Телефон и дверной звонок зазвонили одновременно, как чаще всего и бывает в подобных случаях, и Эллен крикнула Марии, что дверь не заперта, уже снимая телефонную трубку. Машинально произнесла «алло» — и только тут узнала голос в трубке. Это был Дэн Айзенберг. Сердце Эллен упало. Жестом указав Марии Торрес на дверь в гостиную, она с силой сжала телефонную трубку.

— Что-то случилось? — спросила она, стараясь, чтобы голос раньше времени не выдал ее волнения.

— Прошу простить... но пока сам не уверен, — ответил Айзенберг. — Но если бы вы смогли сегодня днем подъехать к нам в школу...

— Днем? — переспросила Эллен. — А в чем дело? Что-нибудь с Алексом?

Секунду в трубке молчали, а когда Айзенберг заговорил вновь, голос его звучал почти просительно:

— Простите... мне следовало сразу сказать вам — Алекс в полном порядке. Просто мы сегодня утром дали ему наши тесты... и результаты я хотел бы обсудить с вами, если не возражаете. И с доктором Лонсдейлом, конечно. В два часа удобно для вас?

— Для меня — вполне, — ответила Эллен. — Я сейчас еще, конечно, позвоню мужу... но думаю, что в два устроит и его. Если это касается Алекса... поверьте, он найдет время.

— О'кей, тогда буду счастлив встретиться с вами в два, — Айзенберг уже собирался повесить трубку, но Эллен опередила его:

— Простите, мистер Айзенберг... А с этими тестами Алекс справился?

— Прекрасно справился, миссис Лонсдейл, — после небольшой паузы произнес Дэн Айзенберг. — Поверьте мне — просто прекрасно.

Минуту спустя, идя в гостиную, где ее ждала Мария Торрес, Эллен решила не думать больше и о

странных словах Дэна Айзенберга, и о странном тоне, которым они были сказаны. Если она этого не сделает — ощущение близких неприятностей безнадежно испортит весь обед, а этого Эллен Лонсдейл никак не хотелось.

Мария, как всегда, в черном — длинная юбка почти подметала пол, — стояла, ожидая ее у двери, плотно запахнувшись в ветхую шаль. Удушливой сентябрьской жары она, как видно, не чувствовала. Когда Эллен вошла, Мария тихо пробормотала, не отрывая взгляда от пола:

— Прошу вас, простите меня, сеньора. Я очень, очень поздно пришла.

Темная фигура, застывшая на пороге, выглядела просто воплощением скорби — и раздражение Эллен как рукой сняло.

— Ничего страшного, — ответила она мягко. — Ведь долго говорить нам ни к чему, верно? — Не дожидаясь ответа, она приступила к распоряжениям: — Все, что тебе понадобится для мытья и стирки, найдешь в кладовке за кухней... но сегодня я бы просто попросила тебя пропылесосить — и все. А об остальном — в субботу. Так устроит тебя?

— Си, сеньора, — едва слышно проронила Мария уже на пути к кухне. Эллен поспешно натянула плащ, взяла со столика в прихожей сумочку и, помахав Марии, хлопнула дверь.

Едва только шаги Эллен затихли за окном, Мария Торрес выпрямилась; внезапно заблестевшие глаза принялись ощупывать каждый уголок дома Лонсдейлов. Словно тень, передвигалась она по комнатам, осматривая дом, принадлежавший тем самым гринго, сына которых спас ее сын — Рамон.

Конечно, было бы лучше, если бы Рамон дал ему умереть — ведь все гринго рано или поздно должны подохнуть. Только об этом Мария думала, только

этой мыслью жила, эта же мысль преследовала ее и когда она убирала, мыла, чистила дома этих проклятых *ladrones*.

Воров.

Убийц.

Вот кто они на самом деле такие. И пусть даже Рамон не понимает этого, зато она отлично все знает.

Но она так и будет стирать их белье, убирать их дома, принадлежащие по праву ее народу, до тех пор, пока не вернется дон Алехандро, чтобы отомстить за смерть родителей и сестер, и дома на холмах не вернутся к их законным владельцам.

И это время — она знала — было недалеко. Разве обманут хозяйку ее старые кости?

Последняя комната... кажется, комната их сына. Мария вошла в нее.

И сразу почувствовала — Алехандро вернулся. Настало время возмездия.

Долгожданный обед с подругами обернулся для Эллен Лонсдейл сущим кошмаром. Все разговоры, как она и предполагала, вращались вокруг ее сына и Раймонда Торреса. Однако это продолжалось не очень долго, она торопилась на разговор с директором школы и поэтому довольно быстро покинула своих подруг, сбежав от никчемных разговоров.

И теперь, сидя в кабинете директора, она изо всех сил пыталась вникнуть в его слова, но смысл их ускользал от нее.

— Простите, — извинилась наконец Эллен. — Но, боюсь, я все-таки не совсем понимаю вас.

В кабинете Дэна Айзенберга они с Маршем сидели уже почти час, минут двадцать назад к ним присоединился Раймонд Торрес. Но на Эллен словно затмение нашло — она никак не могла уяснить смысл происходящего.

— Это значит, что Алекс начал наконец пользоваться своим мозгом, — объяснил Марш. — Это тебе и пытаются объяснить. И только что нам показывали результаты тестирования. Отличные, надо сказать, результаты!

— Но... откуда? — недоуменно посмотрела на него Эллен. — Я знаю, конечно, что он занимался все лето и что память у него прекрасная, но... вот *это*... — она слегка приподняла пачку листов с вопросами, — взять даже все эти вычисления — когда он успел? Ему же попросту не хватило бы времени! — Снова бросив листы на стол Айзенберга, она обернулась к Торресу. Если кто и мог объяснить ей что-то — так только он. — Расскажи мне все снова, — попросила она, и когда их глаза встретились, она почувствовала странное облегчение; к ней вдруг вернулась способность думать.

Вытянув перед собой руки, Торрес сплел пальцы так, что хрустнули суставы.

— Все, в общем, очень просто, — начал он. — Мозг Алекса сейчас функционирует несколько... в другом режиме, чем до аварии. За счет компенсации, так сказать. То есть если какое-то одно чувство у пациента притупляется, другие за счет этого становятся острее. Подобное в этом роде произошло и с Алексом: притупление эмоциональной деятельности компенсировалось обострением деятельности интеллектуальной.

— Это я понимаю, — кивнула Эллен. — То есть, по крайней мере, понимаю теоретически. Но не понимаю, что все это на самом деле значит. Я имею в виду — что это значит для Алекса.

— Не уверен, что сейчас кто-либо способен дать вам ответ, миссис Лонсдейл, — покачал головой Дэн Айзенберг.

— Да это и неважно, — поддакнул Торрес. — Все равно ни с новыми возможностями, ни с... недостатками мозга Алекса мы сейчас уже ничего не сможем поделаться. Все, что можно было сделать, сделано — мной. Теперь наше дело — только наблюдать за ним...

— Как за подопытным кроликом? — гневно вскинул брови Марш Лонсдейл. Торрес бросил на него ледяной взгляд.

— Если хотите, — ответил Торрес, сопроводив свои слова ледяным взглядом.

— Бога ради, Торрес, Алекс — мой сын! — Марш резко повернулся к Эллен. — Для Алекса это значит только одно — он стал на редкость способным молодым человеком. Собственно, — он обращался уже к Дэну Айзенбергу, — я подозреваю, что школа уже вряд ли может на этом этапе существенно повысить его способности. Я прав?

Айзенберг кивнул с видимой неохотой.

— Тогда нам только остается отвезти его на будущей неделе в Стэнфорд и навести справки — может быть, мы сможем записать его на какой-нибудь специальный курс.

— С этим я бы не спешил, — отозвался Торрес. — Алекс — почти гений, спору нет. Но гениальность — это еще не главное. Если бы он был моим сыном...

— К счастью, это не так, — ядовито заметил Марш.

— К счастью, это не так, — согласился Торрес. — Я говорю — *если бы* он был им, я бы оставил его здесь, в Ла-Паломе, чтобы он до конца восстановил все свои связи с миром, все привычки, все нюансы поведения. Образно говоря, где-то у него в мозгу есть граница, и когда он перейдет через нее, прошлое вернется к нему...

— А его интеллект? — перебил его Марш. — Мой сын неожиданно оказался почти гением, доктор Торрес!

— Насколько я могу понять, — Торрес пожал плечами, — вы всегда хотели этого, ведь так?

— Все хотят, чтобы их дети были гениальными, — Марш в ответ тоже пожал плечами.

— И Алекс действительно гениален, доктор Лонсдейл. Но еще один год, проведенный в школе, никоим образом не повредит этому. Более того, думаю, что школа сможет разработать для него специальную программу обучения, которая будет всячески стимулировать его интеллект. Но для Алекса не менее важна и другая сторона — эмоции, и если есть хоть малейший шанс восстановить их, мы обязаны дать ему этот шанс.

— Да, разумеется, — согласилась Эллен. — Ведь Марш точно так же думает. — Она повернулась к мужу. — Правда?

Марш не ответил, погруженный в раздумье. Торрес — он прекрасно понимал, — в общем, прав. Алексу нужно остаться дома. Но вновь позволить ему распоряжаться судьбой его сына... да, если на то пошло, и его жены...

— Мне кажется, — наконец произнес он, — что лучше всего нам поговорить обо всем этом с самим Алексом.

— Согласен, — кивнул Торрес, вставая. — Но не раньше, чем через неделю, прошу вас. Я сам должен обдумать все это... и решить, что же в конце концов будет лучше для Алекса. — Взглянув на часы, он протянул Айзенбергу руку. — Боюсь, что мне придется покинуть вас. Если я вдруг вам понадобится — у вас есть мой номер телефона. — Удостоив Эллен и Марша лишь коротким кивком, он вышел из кабинета.

Лежа на своей кровати, Алекс разглядывал потолок.

Что-то было не так, но он не мог понять, что же именно... и тем более — как сделать, чтобы все было «так».

Все, что удалось ему осознать — с ним происходит что-то неладное. Сейчас он не такой, каким был до катастрофы, и это обстоятельство почему-то огорчает его родителей. По крайней мере, мать. Отца, похоже, это даже радует.

Сегодня, по пути домой, они рассказали ему про результаты тестов. Но он и сам мог с уверенностью сказать, что на все вопросы ответил правильно, ведь они были такими простыми. Откровенно говоря, он подумал, что проверяют в основном его память, а не способность к мышлению, — все тесты представляли собой набор фактов и вычислений, а при хорошей памяти вспомнить нужные формулы и уравнения не составляло большого труда.

Но теперь его уверяли, что он почти гений, и отец собирался отвезти его в Пало Альто на какой-то специальный курс. Хотя судя по тому, что он слышал в машине, этого не случится. Доктор Торрес хочет, чтобы Алекс пока остался здесь.

И это, подумал он, может быть, к лучшему. Его заботило совершенно другое — он старался понять, почему сегодня днем в школе он вдруг вспомнил что-то на редкость ясно и отчетливо, что-то — будто увидел сквозь плотный туман, а многое так и осталось неузнанным.

Он знал, что подобная избирательность памяти скорее всего связана с травмами. Однако это никоим образом не проясняло происходящее с ним. Да, многие связи в мозгу нарушены, но почему то, что он вспоминает, предстает перед ним искаженным? Все должно быть иначе — либо он помнит, либо нет. Должна быть какая-то причина... этим странным воспоминаниям.

Поразмышляв еще некоторое время, он пришел к выводу — необходимо постараться как-то удержать в памяти, *что и как* он запомнил... и, может быть, про-

явится какая-то закономерность в этих странных вспышках памяти.

А если проявится, то можно будет попытаться понять, по какой причине они кажутся ему странными.

И еще эта женщина... Мария Торрес.

Когда он пришел сегодня домой, то обнаружил ее в своей комнате... и ему вдруг показалось, что он узнал ее. Лишь на сотую долю секунды — затем острая боль вдруг пронзила мозг и воспоминание исчезло. Спустя пару секунд, он понял: не лицо этой женщины показалось ему знакомым — ее глаза. Такие же черные и пронзительные, как у доктора Торреса.

Увидев его, она улыбнулась, кивнула и быстро выскользнула из комнаты.

Он почти забыл об этом случае, если бы не эта мгновенная боль в мозгу.

Она давно прошла, но память о ней почему-то осталась.

Глава 10

По упрямому выражению на лице Лайзы Кэйт Льюис поняла — спорить больше не о чем. Разговор окончен, и Лайза, как всегда, сумела настоять на своем. И она права — это Кэйт тоже понимала. Но сдаваться без боя не хотелось ни за что.

— Но если он все-таки не пойдет? — снова спросила она Лайзу.

— Пойдет, — упрямо кивнула Лайза. — Я уговорю его. Ты же знаешь, я могу убедить его в чем угодно.

— То раньше, — пожала плечами Кэйт. — А с тех пор, как он вернулся, он какой-то... совсем другой. Мне даже кажется, что мы все ему безразличны.

В ответ Лайза только вздохнула. В который раз она пыталась объяснить Кэйт и Бобу, что они далеко не безразличны Алексу — как и все его старые друзья, просто он пока не может выразить этого так, чтобы им было понятно. На Боба и Кэйт, похоже, ее объяснения мало действовали.

— Если мы все же собираемся в Сан-Франциско, — в третий раз начал Боб, — то ехать надо с теми, с кем хоть можно оттянуться как следует. А Алекс — он теперь только вопросы задает, как маленький ребенок.

Все трое сидели в их излюбленном месте отдыха — крохотном кафе под названием «У Джека», прославившемся исключительной пиццей и разнообразными видеоиграми. Игры, однако, успели порядком им надоесть, поэтому приходили сюда теперь в основном ради пиццы — по вкусу, сказать по правде, не такой уж исключительной, зато исключительно дешевой. Сегодня собрались за столиком, над которым висел монитор с популярной некогда игрой «Пленник гоблинов», на монитор, однако, никто не обращал внимание — Лайза изо всех сил старалась убедить Кэйт и Боба взять Алекса с собой, однако друзья, похоже, отнюдь не разделяли ее точку зрения. Хозяин заведения — как нетрудно догадаться, его и звали Джек — внимательно прислушивался к их разговору, но не вступал в него — за это, кстати, его гостеприимный кров ценили больше, чем за пиццу и видеоразвлечения. Однако неожиданно его массивная фигура выросла прямо над их столиком.

— Решайте, ребята, — он кивнул в сторону двери. — Алекс только что пришел и направляется к вам.

Кэйт и Боб с виноватым видом потупились, Лайза, увидев шедшего к их столику Алекса, помахала ему:

— Давай сюда!

Казалось, Алекс раздумывает, но это продолжалось всего секунду. Подойдя, он сел на свободный стул рядом с Лайзой.

— Привет. Я искал вас после уроков, но вы, похоже, не дождались меня. Что новенького?

Кинув на Кэйт и Боба укоризненный взгляд, Лайза решила разом покончить со спором.

— Мы тут говорили о том, чтобы двинуть в субботу во Фриско. Ты с нами?

Алекс недоуменно наморщил лоб.

— Фриско? А что это?

— Сан-Франциско, — объяснила Лайза, делая вид, что не замечает постной физиономии Боба Кэри. — Его все называют так. Так ты с нами едешь?

— Надо у предков спросить.

— Да вот как раз и не надо, — заметила Лайза. — Потому как если ты у них спросишь, они спросят у моих, те пойдут к предкам Кэйт, а потом все дружно покажут нам фигу. Мы просто возьмем и поедем.

Бобу, по всей видимости, наскучило выяснение — выудив из кармана четвертак, он сунул его в щель на мониторе, и по экрану заплясали зеленые гоблины, преследовавшие бедного Пэка. Лайза, уверенная в том, что он сделал это исключительно для того, чтобы не общаться с Алексом, кинула на Боба свирепый взгляд, но тот всецело был поглощен игрою. Повернувшись, Лайза обнаружила, что и глаза Алекса прикованы к маленькому желтому человечку, ловко уворачивавшемуся от зеленых уродцев — в игре Боб толк знал.

— А это для чего? — спросил Алекс.

Этого, сообразила Лайза, он тоже не помнит — и начала терпеливо объяснять Алексу правила игры. Слушая ее, Алекс внимательно следил за действиями Боба. Через пару минут тот закончил игру.

— Хочешь, покажу тебе, как надо? — вдруг спросил Алекс. Боб удивленно уставился на него.

— Да ты и правил-то толком не знаешь!

Сунув четвертак в щель автомата, Алекс оплел пальцами рычаг джойстика. Маленький человечек на экране ловко уворачивался от преследующих его голодных зеленых гоблинов, ни разу даже не подпустив никого из них близко. Внезапно гоблины стали синими — теперь была очередь Алекса ловить их, через несколько секунд на светящемся поле не осталось ни одного гоблина. Количество заработанных Алексом очков в углу экрана достигло трехзначной цифры.

Закончив игру и отпустив джойстик, Алекс равнодушно следил за тем, как снова появившийся на экране человечек был тут же проглочен ближайшим гоблином, появился снова — и был снова проглочен.

— Все просто, — заметил он. — В этой игре есть определенная логика, достаточно усвоить ее — и уже никогда не проиграешь.

Боб внимательно смотрел на него:

— А почему раньше у тебя этого не получалось?

Алекс нахмурился, затем пожал плечами.

— Не знаю, — признался он.

— Какая тебе разница, — напустилась на Боба Лайза. — Мы говорили о поездке во Фриско! Алекс, так ты едешь с нами — или как?

Алекс с минуту подумал, затем утвердительно кивнул.

— Да. А когда мы отправляемся?

— Родителям мы скажем, что едем на пляж в Санта-Крус, — начала объяснять Лайза. — Я даже для маскировки с собой еды захвачу. Тогда выехать мы сможем пораньше.

— А если засекут? — спросила Кэйт.

— Не засекут, — ответил Боб, все так же внимательно глядя на Алекса. — Если только кто-нибудь не заложит.

— Не дрейфь, — успокоила его Лайза. — Стукачей у нас нет.

Допив наконец остатки колы, которую заказала час назад, Кэйт поднялась со стула.

— Ладно, мне надо домой. Если мать придет с работы, а обед еще не готов, она мне голову отвернет, это точно.

— Может, поехать с тобой? — предложила Лайза. Хотя говорить об этом было не принято, о проблемах отца Кэйт им было хорошо известно.

Кэйт покачала головой.

— С отцом пока все в порядке... только через недельку ему придется снова лечь в лечебницу. Сейчас он просто сидит все время перед телевизором и тянет пиво. Господи! Хоть бы мать его совсем выставила...

— Ты что! — Боб бросил на нее укоризненный взгляд.

— А ничего! — неожиданно взорвалась Кэйт. — Ты бы послушал, как он сидит и вещает о том, что, мол, собирается сделать то-то и то-то, а я-то знаю, что делать он может только одно — напиваться до чертиков. Если могла бы, я б от них давно съехала, и дело с концом!

— Но он же тебе отец...

— Ну так что? Мой отец — старый пьяница, и все знают об этом!

Вытирая рукой неожиданно брызнувшие из глаз слезы, Кэйт стремительно бросилась к выходу. Боб нагнал ее у самых дверей, успев на бегу бросить Алексу, чтобы тот заплатил за пищу.

Взглянув на Алекса, Лайза улыбнулась.

— У тебя деньги-то есть? Или мне придется бежать домой за мелочью?

— Но почему платить должен я? — Алекс в упор смотрел на Лайзу. — Я же совсем ничего не ел.

— Алекс! Я же пошутила!

— Но почему я? — настаивал Алекс.

Лайза постаралась подавить в голосе неизвестно откуда возникшее раздражение.

— Алекс, — мягко начала она, — никто не просит тебя платить за нас. Просто Боб торопился и не успел, а деньги он отдаст тебе завтра. Понимаешь? Так часто делают.

Алекс по-прежнему в упор смотрел на ее.

— Не помню.

— Да ты ничего не помнишь! — гневно выпалила Лайза. — А раз так, слушай, что говорю тебе я. И вообще — может, ты уже расплатишься и мы пойдем отсюда? — Видя, что Алекс колеблется, она вздохнула. — Ладно, не бери в голову. Я сама заплачу. — Встав и положив деньги на стойку, она пошла к двери, на ходу обернувшись к Алексу. — Ты идешь?

Алекс поднялся и вышел следом за ней из прохладного полумрака кафе в яркий свет едва покинувшего зенит солнца. Некоторое время они шли молча. Наконец Лайза, взяв Алекса за руку, взглянула ему в глаза.

— Прости. Я не должна была на тебя сердиться.

— Да все в порядке, — Алекс высвободил свою ладонь из ее руки.

— Теперь ты тоже рассердился на меня? — упавшим голосом спросила Лайза.

— Я? Нет.

— Ты расстроен чем-то еще?

Пожав плечами, Алекс покачал головой.

— Тогда почему ты не хочешь взять меня за руку?

Алекс ничего не ответил, изумляясь про себя, неужели это так важно — держаться за руки.

Наверное, да, только он и этого не помнил. На протянутую к нему руку Лайзы он не взглянул.

Войдя в комнату дочери, Кэрол Кокрэн обнаружила Лайзу растянувшейся на кровати. С сосредоточенным видом та разглядывала потолок под невероятный грохот музыки, раздававшийся из динамиков. Подойдя к проигрывателю, Кэрол убавила звук и присела на край постели.

— Могу я спросить, что случилось, или это страшный-страшный секрет?

— Да ничего не случилось. Так, музыку слушаю.

— Да, уже целых три часа, — заметила Кэрол. — И заметь — одну и ту же пластинку; отец внизу уже до белого каления дошел.

Перекатившись на бок, Лайза подложила локоть под голову.

— Все Алекс... Понимаешь, он стал совершенно, совсем другим. Иногда он кажется мне чуть ли не дурачком. Воспринимает все абсолютно серьезно — шутки до него вообще не доходят.

Кэрол кивнула.

— Я знаю. И думаю, что лучше всего запастись терпением. У него может пройти это.

Лайза села на кровати.

— Но ведь может и не пройти. Мама, я чувствую — происходит что-то ужасное...

— Ужасное? — повторила Кэрол.

— Понимаешь, в школе... уже начинают говорить о нем. Будто он теперь только и может что задавать вопросы... как маленький.

— Но ты же знаешь причину, — мягко напомнила Кэрол.

Лайза кивнула.

— Знаю. Но легче от этого не становится.

— Кому?

Лайзу, казалось, удивил вопрос матери, несколько секунд она сидела молча, затем снова откинулась на подушку.

— Мне. Я... я устала все без конца объяснять ему, каждую минуту. И не только это... — голос ее упал.

— А что?

— Он... понимаешь, мне больше не кажется, что я ему нравлюсь. Чтобы он взял меня за руку, как раньше, или поцеловал — этого теперь от него не дождешься. Он стал таким холодным... ему нет дела ни до чего...

— И об этом я тоже знаю, — Кэрол вздохнула. — Но ведь он ведет себя так не только с тобой, милая. А и со всеми остальными тоже.

— И от этого мне тоже не легче, ма.

— Понимаю.

Кэрол задумалась — что же ей сказать, как... Лайза тем временем снова села на кровати, прислонившись спиной к стене и подтянув колени к подбородку. Кэрол заговорила, медленно подбирая слова:

— Я, например, намерена впредь относиться к Алексу так же, как и до *этого*. И попытаться не придавать значения тому, что он иной раз ответит не так или сделает не то, что я могла бы ожидать от него. Да, он может и не оправиться от этого. Он ведь попал в аварию, Лайза. И теперь инвалид — хотим мы того или нет. Но он все равно остается для меня Алексом, сыном наших лучших друзей. И уж если они смогут пережить это, и Алекс тоже, то я — тем более.

— И я? — с надеждой спросила Лайза, но Кэрол покачала головой.

— Вот не знаю. И даже не знаю, стоит ли пробовать. Тебе ведь всего шестнадцать, и тратить почти все время на то, чтобы объяснять ему очевидные вещи и одновременно пытаться привыкнуть к его

состоянию... В Ла-Паломе полно других ребят, и я не вижу причины, почему бы...

— Я не могу бросить Алекса! — яростно замотала головой Лайза.

— Никто и не говорит, что ты должна бросить его. Тебе только нужно принять решение... выбрать, как быть дальше. Если тебе трудно уделять столько времени Алексу — советую тебе оставить это. И не слишком комплексовать по этому поводу.

— Но я не знаю сама! — глаза Лайзы наполнились слезами. — Не знаю, ма, как быть дальше... ничего не знаю. Может быть, я больше не люблю его... или просто-напросто психую из-за того, что не уверена, нравлюсь ли я ему, как раньше. Или я злюсь на него за то, что мне приходится ходить за ним, как за малым ребенком... или на всех остальных за то, что не понимают его. Я просто не знаю, что делать!

— Тогда не делай пока ничего, — посоветовала Кэрол. — Принимай все, как есть, день за днем, и посмотришь, что из этого выйдет. Пройдет какое-то время и — уверяю тебя — все образуется.

Кивнув, Лайза встала с постели и подошла к проигрывателю, подняла крышку, сняла диск, начала вынимать из конверта другой. Заговорила, не поворачиваясь:

— Но если не образуется, мама? Если Алекс вот таким и останется? Что... что тогда будет с ним?

Встав, Кэрол шагнула к дочери и притянула ее к себе.

— Не знаю, — призналась она. — Но в конце концов — в основном это больше всего коснется самого Алекса и его родных. А тебя — только если сама захочешь этого. А это вовсе необязательно. Правда?

Лайза кивнула.

— Да, наверное. — Она вытерла слезы и даже попыталась улыбнуться. — Все будет в порядке. Помоему, мне просто стало жалко себя.

— И Алекса, — добавила Кэрол. — Я знаю, детка, что ты отчаянно хочешь ему помочь. И знаю, как больно сознавать, что ты этого не можешь. — Уже подойдя к двери, она остановилась на пороге. — Нет, можешь кое-что. Сделай потише свою жуткую музыку, чтобы Ким наконец уснула. И мой тебе совет — ложись спать.

— Ладно, ма. Доброй ночи. — Закрыв за матерью дверь, Лайза надела наушники. Комната погрузилась в тишину — сумасшедший ритм музыки звучал теперь только в уставшем мозгу Лайзы.

Не спал и Алекс. Он думал о том, что же именно случилось в кафе «У Джека». Он знал, что совершил какую-то ошибку, но никак не мог понять, в чем именно она заключается.

Лайза хотела, чтобы он взял ее за руку, пусть он не понимал, для чего — ему все равно нужно было сделать это. И еще она рассердилась на него, и снова он не мог понять причину.

Как много бессмысленного в человеческих отношениях.

Неожиданно он вспомнил о той странной боли, которая на секунду пронизала его мозг, когда он увидел Марию Торрес.

Но объяснение этому он когда-нибудь обязательно найдет... а это странное чувство — о нем, кажется, только все и говорят — никак не поддается объяснению.

Любовь.

Что это такое?

Этого Алекс даже приблизительно не мог представить себе. Мать, например, все время твердит, что

любит его, да он, в общем, никогда в этом и не сомневался.

Проблема была только в одном — он никак не мог понять, что это такое. Толковый словарь утверждал, что любовь — это чувство привязанности...

Но все дело в том — мало-помалу он убеждался в этом, — что у него, похоже, не осталось никаких чувств.

Эти подозрения появились у него совсем недавно; он даже еще не решил, стоит ли говорить об этом доктору Торресу. Собственно, все, что он пока знал — с другими людьми все время происходят какие-то странные вещи, которых сам он никогда не испытывал.

Гнев, например.

Он знал, что Лайза на него сегодня *разгневалась* — и это была ее реакция на какие-то его действия.

Но что она при этом чувствовала?

Судя по тому, что ему удалось прочесть — это почти как боль, только испытывает ее не тело, а разум. Но как?

Он, наверное, никогда не узнает об этом. С каждым днем в нем росла уверенность, что он не такой, как другие люди.

Но ведь он должен был стать таким, как все. Именно для этого доктор Торрес сделал ему операцию — чтобы он стал таким, как прежде.

Однако здесь тоже трудность — он совершенно не помнил, каким был до операции. Если бы он вспомнил хоть что-то, то дело сдвинулось бы с мертвой точки. Он вел бы себя, как прежде, и постепенно стал бы таким, как все.

Кое-чему, правда, он уже научился.

Например, обнимать маму, целовать ее. Каждый раз, когда он делал это, ей, похоже, очень нравилось.

Главное — не делать ничего из того, о чем якобы вспомнил, пока не убедишься, что «воспоминания» твои правильны.

И теперь он будет помнить, что нужно во время прогулки держать Лайзу за руку и платить по счету, когда Боб Кэри просит его.

Интересно, а сам он когда-нибудь брал у кого-нибудь в долг? Или, наоборот, кому-то одалживал?

Завтра он спросит об этом у Лайзы.

Нет, он не станет ее об этом спрашивать. Пора прекращать ежесекундно задавать вопросы.

Он хорошо помнит, какое стало у Боба Кэри лицо, когда он спросил Лайзу, какой город они называют Фриско. И он знал почему, хотя это совершенно не волновало его.

Боб Кэри явно считает его дурачком. И ошибается. Эти тесты в понедельник лишний раз доказали, что представляет из себя его интеллект. Если бы Боб мог только представить...

Встав с кровати, Алекс спустился в гостиную. Подойдя к застекленному шкафу рядом с камином, где на полках выстроились тома Британской энциклопедии, он, поискав, вытащил один из них и сел с книгой в кресло. Через несколько минут он прочтет и запомнит все, что есть в «Британике» о Сан-Франциско, и будет знать о нем больше, чем кто-либо из его друзей.

А завтра — в пятницу — он достанет карту Сан-Франциско и к субботе выучит ее наизусть.

Запоминать — это было просто.

Труднее догадываться, чего от него хотят, и поступать соответственно.

Но к этому придется привыкнуть.

Сколько это займет времени — неизвестно, но постепенно, присматриваясь и усваивая поведение окружающих, он научится всему тому, что могут они.

Правда, чувствовать ему не научиться.

Но это мало беспокоило Алекса. Если он научится убедительно изображать чувства, это сработает.

Он уже усвоил — совершенно неважно, что ты представляешь собой на самом деле.

Главное — соответствовать тому, что думают о тебе окружающие.

Закрыв книгу, он поставил ее обратно на полку и, обернувшись, увидел в дверях фигуру отца.

— Алекс? С тобой все в порядке?

— Я просто хотел посмотреть кое-что.

— А который час, тебе известно?

Алекс взглянул на стоявшие в углу часы.

— Половина четвертого.

— Так почему ты не спишь?

— Я лежал и думал о разных вещах... ну и решил кое-что проверить в энциклопедии. Я уже иду спать. — Он шагнул в двери, но отец остановил его, положив руку на плечо.

— Сынок... тебя что-то беспокоит?

Алекс колебался — может быть, рассказать отцу о том, что он чувствует... как непохож он на других людей, и, может быть, с его мозгом все же что-то неладно... И принял решение не делать этого. Если кто-то и может его понять, то только доктор Торрес.

— Со мной все в порядке, па. Честно.

Опустившись на стул, Марш оценивающе взглянул на сына. Да, выглядит неплохо, если бы только не это выражение полной безучастности...

— Тогда, может быть, стоит поговорить сейчас о твоём будущем, пока Торрес не решил все за нас?

Алекс молча слушал, пока Марш подробно пересказывал ему свой план — отправить Алекса заниматься по программе ускоренного обучения в Стэнфорд. Марш говорил, напряженно всматриваясь в лицо сына, — как он отреагирует на его слова...

Никак. Никакой реакции.

Выражение лица Алекса совершенно не изменилось, и у Марша вдруг появилось неприятное чувство, что тот даже не слышит его.

— Ну? — спросил он после небольшой паузы. — Что ты думаешь об этом?

Помолчав несколько секунд, Алекс направился к двери.

— Мне придется поговорить об этом с доктором Торресом, — ответил он, обернувшись. — Спокойной ночи, па.

Какой-то миг Марш молча смотрел на удалявшуюся фигуру сына, и в следующую секунду удушливая волна ярости словно подбросила его с кресла.

— Алекс!

Имя эхом разнеслось по дому, Алекс, остановившись, обернулся и посмотрел на отца.

— Па?

— Что, черт возьми, с тобой происходит?! — Марш почти кричал. Он чувствовал, как бешено колотится сердце и сами собой сжимаются кулаки. — Ты хотя бы слышал меня? Ты помнишь, о чем мы сейчас с тобой говорили?

Алекс молча кивнул, затем, видя, что Марш не сводит с него гневного взгляда, принялся — слово в слово — повторять только что услышанное.

— Прекрати! — взревел Марш. — Черт побери, немедленно прекрати это!

Алекс послушно замолчал.

Марш стоял, тяжело дыша, пытаясь сосредоточиться на тиканье дедовских часов на камине — он знал, что так он быстрее успокоится. Секунду спустя он понял, что в дверях спальни стоит Эллен — бледная, с распущенными волосами, переводя с него на Алекса испуганный взгляд.

— Марш... объясни, ради Бога, что происходит? Марш!?

Марш молчал, чувствуя, что все его тело вздрагивает от ярости. Не получив ответа, Эллен повернулась к сыну.

— Алекс?

— Не знаю, ма, — пожал плечами тот. — Отец говорил мне, что собирается послать меня в колледж, а я сказал, что должен посоветоваться с доктором Торресом. А он начал кричать на меня.

— Иди спать, — устало кивнула Эллен. Подойдя к сыну, она поцеловала его, затем легонько подтолкнула к лестнице. — Иди. А об отце я сама позабочусь. — Когда она обернулась к Маршу, он понял — на бледном лице Эллен отражается лишь малая часть той боли, которую она испытывает в этот момент, неизвестно, за кого больше — за Алекса или за него.

— Ты больше не сделаешь этого, — прошептала она. — Ты же знаешь, он еще не выздоровел. Что ты от него хочешь?

Гнев Марша давно прошел. Медленно опустившись в кресло, он закрыл лицо руками.

— Прости, дорогая. Просто мне показалось, что я четверть часа пытался убедить в чем-то стену из кирпича... Все, что он мне сказал в ответ — что ему нужно поговорить об этом с доктором Торресом. Везде, везде этот Торрес! — отняв руки от лица, он взглянул на жену; Эллен поразила горечи в его взгляде. — Ведь его отец — я, Эллен. Но по тому, как он... на меня реагирует, мне кажется, что меня вполне могло бы и не быть.

Глубоко вздохнув, Эллен медленно выдохнула.

— Я знаю, — сказала она после долгой паузы. — И поверь, все это время я чувствую то же самое. Но нам придется пережить это, Марш, и, больше того, помочь пережить это самому Алексу. Мы не можем просто так послать его куда-то. Если ему еще трудно

общаться с теми, кого он знает с самого детства, представь, как это будет с людьми незнакомыми...

— Но его интеллект...

— Это я тоже знаю. Но он еще не выздоровел. Раймонд... — она осеклась, вспомнив об отношении мужа к тому, кто спас жизнь Алекса. — Доктор Торрес во всем помогает ему, но и мы должны помочь ему тоже. И нам придется запастись терпением — как бы это ни было тяжело. — Помолчав, она продолжала: — Хотя иногда... иногда мне помогает справиться со всем этим только мысль о том, что как бы плохо ни было мне, Алексу, должно быть, в десять раз уже.

Встав, Марш крепко обнял жену.

— Да, ты во всем права, просто мне иногда бывает трудно с собой справиться. — На его лице появилась невеселая усмешка. — Мне кажется, я теперь понимаю, почему врачи предпочитают не пользоваться членов собственных семей. — Поцеловав Эллен, он взглянул на дверь. — Пойду и попытаюсь перед ним извиниться.

Но когда он вошел в комнату Алекса, сын крепко спал. Было похоже, что даже отцовский гнев оставил его безучастным. Подойдя, Марш тихонько положил руку на плечо Алекса.

— Прости, сынок, — прошептал он. — Прости за все, если сможешь.

Повернувшись во сне, Алекс сбросил с плеча его руку.

Глава 11

Субботним утром, около девяти, по шоссе Бейшор-фривэй мчался бежевый «вольво», за рулем которого сидел Боб Кэри. Машина принадлежала его

отцу. На заднем сиденье, рядом с Лайзой, сидел Алекс, внимательно прислушиваясь к болтовне трех друзей и одновременно разглядывая расстилавшуюся за окном местность. Знакомой она ему не казалась, но он старался удержать в памяти названия на всех указателях, проносившихся мимо, — Редвуд-Сити, Сан-Карлос, Сан-Матео; вскоре вдаль показался океан. Алекс был уверен, что, когда они поедут обратно, он вспомнит все названия.

Через несколько миль Боб свернул с шоссе.

— Ты куда это? — всполошилась Кэйт. — Шоссе же ведёт прямо во Фриско!

— В пригород, к ближайшей станции метро, — объяснил Боб, не поворачиваясь.

— Кому нужно это твое метро? — Кэйт презрительно скривила губы.

— Мне, например, — пожал плечами Боб. — Я вообще люблю ездить на метро, к тому же уродовать отцовскую тачку в таком адовом пекле, как Фриско, не собираюсь. Потому как тебе придется выдумывать, что сказать нашим предкам, если телега из полиции за разбитый бампер придет из Фриско, в то время как мы собирались вроде в Санта-Крус. Лучше не рисковать.

Кэйт, похоже, не собиралась сдаваться, но Лайза жестом остановила ее.

— Боб прав, — заметила она. — Мне пришлось час уговаривать родителей, чтобы они позволили мне не брать с собой Ким. Так что если нас поймают — влетит здорово. К тому же подземка во Фриско — это класс!

Сорок минут спустя они уже выходили из метро на поверхность. Оглядевшись, Алекс сразу узнал район. Вчера в книжном магазине в Ла-Паломе он купил путеводитель по Сан-Франциско и всю ночь изучал его. Город, окружавший его, выглядел в точности как на картинке в путеводителе.

— Поехали на трамвае до Рыбацкой Пристани, — предложил он.

Глаза Лайзы изумленно расширились.

— А откуда ты знаешь, что туда ходит трамвай?

В первый момент Алекс не нашелся, что ответить, затем, сообразив, указал на вынырнувший из-за поворота трамвай, на табличке над кабиной водителя значилось: «Рыбацкая Пристань».

Обойдя район Пристани, они отправились в центр города, до Норт-Бич, оттуда — пешком до Китайского квартала. Вокруг было много народа. Внезапно Алекс резко остановился. Лайза обернулась к нему, но он, казалось, ее не видел. Его глаза ощупывали лица прохожих, словно он силился отыскать знакомого.

— Алекс, что случилось? — спросила Лайза. Целое утро все было хорошо, и вот... Правда, Алекс опять задавал вопросы, но гораздо меньше, чем всегда, и — странно — он как будто точно знал, где они находятся, и даже показывал им дорогу. Однажды, когда они чуть было не заблудились, Алекс вывел их, и когда Лайза пристала к нему, откуда он знает дорогу, признался, что запомнил все указатели на домах, пока они ехали на трамвае до Пристани.

Сейчас же он, казалось, находился в полной растерянности.

— Алекс, что случилось? — повторила Лайза.

— Эти люди, — тихо произнес Алекс. — Кто они? Они совсем на нас не похожи.

— О, Господи, — простонал Боб.

— Это китайцы, — принялась объяснять Лайза, старясь, чтобы ее голос звучал ровней. — И не пался так на них, Алекс. Это неприлично, в конце концов.

— Китайцы, — повторил Алекс. Повернувшись, он снова пошел за друзьями, но взгляд его не отрывался

от лиц прохожих, сновавших вокруг него. И вдруг произнес: — Китайцы строили железную дорогу. — Затем быстрее: — Железнодорожные магнаты, Коллинз П. Хантингдон и Лейланд Стэнфорд, ввозили их в страну тысячами. Сейчас китайская община Сан-Франциско — одна из самых больших в мире.

Лайза удивленно уставилась на Алекса, затем догадалась.

— Путеводитель, — кивнула она. — Ты читал путеводитель, верно?

Алекс кивнул.

— Мне не хотелось весь день мучить вас вопросами, — объяснил он. — Я знаю, вам это не очень нравится. Вот я и прочитал.

Глаза Боба подозрительно сощурились.

— Прочитал? То есть ты хочешь сказать — ты прочел всю книжку от корки до корки только потому, что мы собирались ехать сюда?

Алекс снова кивнул.

— Но как можно запомнить *все*, что там написано? И... кому это нужно? Бога ради, Алекс, мы же приехали просто пошататься по городу...

— А по-моему, это здорово. — Кэйт повернулась к Алексу. — А ты действительно запомнил все улицы, пока мы ехали на трамвае?

— В общем, нет, — признался Алекс. — У меня была карта. Вот ее я выучил.

— Бред какой-то! — не унимался Боб. — Ну, тогда где находится испанская миссия?

Алекс раздумывал всего пару секунд.

— На углу Шестнадцатой и авеню Долорес. В том квартале еще есть парк.

— Ну что? — Кэйт повернулась к Бобу. — Правильно?

— Не знаю, — признался Боб, его лицо медленно заливала краска. — Да какая разница, в самом деле, где она?

— Кому как, — пожала плечами Лайза. — А как туда доехать?

— Вниз, к Маркет-сквер, потом вверх по авеню Долорес, потом налево.

— Тогда поехали!

Небольшое белое здание миссии, к которому примыкало маленькое кладбище, оказалось именно там, где утверждал Алекс. Вид у здания был странный — казалось, оно съезжилось, понимая, что давно уже не представляет из себя ничего, кроме ветхой реликвии некогда славного, но далекого прошлого испанского поселения. У миссии отобрали даже ее название — Сан-Франсиско де Асис, и многие поколения называли ее просто миссией Долорес — для краткости. «Долорес» означает по-испански «скорбный»; и это имя как нельзя более подходило маленькому печальному зданию.

— Войдем внутрь? — спросила Лайза.

— Чего мы там не видели? — занял Боб. — У нас в городке точно такая же! Нас таскают туда с классом почти каждый год!

— А Алекс? — возразила Лайза. — Он наверняка не помнит нашу миссию. А эту и ты не видел. Так что вперед!

Ведомые Лайзой, они вошли под своды маленькой церкви, вышли через противоположные двери в сад, и неожиданно огромный город за высокой каменной стеной сада словно исчез — здесь, в тени огромных платанов, ничто о нем не напоминало.

Сад, ухоженный, прибранный — два прошедших века словно не коснулись его, — еще сохранял буйные краски лета, хотя опавшие листья уже вымостили дорожки всеми оттенками золота. В дальнем углу сада виднелись поросшие мхом камни старого кладбища.

— Туда, — вдруг тихо произнес Алекс. — Пойдемте туда.

Что-то в его голосе обеспокоило Лайзу — повернувшись, она взглянула Алексу прямо в глаза. И вздрогнула — в первый раз за многие месяцы глаза его были живыми.

— В чем дело, Алекс? — спросила она так же тихо. — Ты вспомнил что-нибудь, да?

— Не знаю, — прошептал Алекс. Он медленно шел по тропинке, ведущей к кладбищу, не сводя глаз с его замшелых камней.

— Кладбище? — догадалась Лайза. — Ты его вспомнил?

Алекс словно не расслышал ее вопрос. В его мозгу вспыхивали и тут же пропадали странные образы. Он не мог различить их, но знал, что все они как-то связаны с этим местом. Он чувствовал, как его постепенно начинает бить дрожь, и пошел чуть быстрее.

— Что с ним? — встревоженно спросила Кэйт. — Вид у него кошмарный.

— По-моему, он что-то вспомнил, — ответила Лайза.

— Лучше нам пойти с ним, — подал голос Боб, но Лайза отрицательно покачала головой.

— Пойду я одна. А вы подождите нас тут, о'кей?

Кэйт молча кивнула. Лайза, увидя, что Алекс уже вошел в ограду старого кладбища, побежала за ним.

Как только он оказался за оградой, образы замедлили свою сумасшедшую пляску, стали отчетливыми. Сердце громко стучало, он тяжело дышал, будто пробежал много миль, вновь и вновь он обшаривал взглядом старое кладбище, пока глаза его не остановились на полуразрушенном памятнике у самой стены сада.

Образы приблизились. Это были люди.

Женщины, одетые в черное, лица — в обрамлении белых чепцов, на ногах — кожаные сандалии.

Монахини.

Их несколько, они собрались в круг, в центре которого стоял юноша.

Этот юноша — он.

Но выглядит он как-то по-другому — темнее волосы и кожа оливкового цвета.

Он плачет.

Ведомый какой-то непонятной силой, Алекс все ближе подходил к камню, с которым, несомненно, связаны эти видения, образы в его мозгу словно шли вместе с ним. Через минуту он уже стоял у могилы, вглядываясь в едва заметные буквы на граните, заросшем зеленым мхом:

Фернандо Мелендес-и-Руис
1802-1850

Слово вспыхнуло в его памяти, будто молния, и он машинально повторил его вслух:

— Tío!

Вспышка острой боли пронзила на мгновение мозг.

И тут в ушах зазвучали голоса — это говорили монахини, хотя образы их куда-то исчезли, он больше не видел их:

«El esta muerte, esta muerte» — «Он мертв».

А потом вдруг возник другой голос — мужской, он говорил тихо, почти шептал, но этот шепот раздавался, подобно грому, в самой глубине памяти:

«Venganza... venganza!»

Он стоял не шевелясь, слезы текли по его щекам, сердце билось в бешеном ритме, а голос все продолжал что-то шептать ему по-испански, но лишь одно слово осталось в его мозгу:

«Venganza!»

Из горла Алекса вырвался долгий стон. Время словно остановилось, боль, сверлившая мозг, становилась невыносимой, он ничего подобного раньше не чувствовал... нет, боль разрывает не мозг, она рвет на части его сердце, его душу...

Внезапно она прошла; он почувствовал, что кто-то тянет его за рукав, затем во взбудораженное сознание проник знакомый голос:

— Алекс? Алекс, что произошло? Что с тобой?

Молча указав на могилу, Алекс захлебнулся рыданием. Лайза несколько секунд потрясенно смотрела на него, затем что-то начало оживать в ее памяти. Ну да, об этом же говорила ей мать Алекса еще за месяц до того, как его выписали из больницы, хорошо, что она сейчас это вспомнила...

— Он в любой момент может начать плакать или смеяться, — сказала ей тогда миссис Лонсдейл. — Торрес сказал, что это совершенно не связано с чем-либо смешным или грустным. Просто некоторые связи в его мозгу до сих пор нарушены, и это может вызывать неадекватные реакции... на что-либо.

И сейчас, Лайза была уверена, происходило именно это. Этот древний памятник чем-то испугал его.

Но чем?

Он что-то вспомнил — в этом она тоже была уверена. И сейчас стоит, уставясь на эту могилу, в слезах, даже вздрагивает. Когда она попыталась увести его, из дверей церкви вышел мужчина в одежде священника и вопросительно посмотрел на Алекса и Лайзу.

— Случилось что-нибудь?

— Нет, нет, — быстро ответила Лайза, — все в порядке. Просто... — она заколебалась, не зная, как объяснить постороннему человеку происходящее. —

Идем, Алекс, — шепнула она. — Пошли, надо убраться отсюда.

Почти волоча за собой Алекса, она направилась к выходу с кладбища. Как только они оказались за оградой, Лайза обняла Алекса и крепко прижала к себе.

— Все в порядке, Алекс, — шепнула она успокаивающе. — Это же просто старая могила. Совсем не нужно плакать из-за этого.

Всхлипывания Алекса начали затихать, он попытался вслушаться в то, что ему говорила Лайза.

Просто могила. Нет, для него она такой не была. Во-первых, он узнал ее, как узнал и это старое кладбище. И то, что сейчас с ним случилось, тоже уже было с ним — когда-то давно...

Память стала на удивление ясной. Да, он уже был на этом кладбище, смотрел на этот надгробный камень и слушал, как монахини уверяли его в том, что его дядя мертв.

Его дядя.

Но насколько Алекс знал, никакого дяди у него не было.

И уж вряд ли он вспомнил бы родственника, умершего в 1850 году.

Однако воспоминания были такими же ясными, как, например, о вчерашних уроках в школе.

Глубоко вдохнув, он всхлипнул еще раз и почувствовал некоторое облегчение. Лайза вынула из сумочки платок и протянула ему. Он высморкался.

— Так что все-таки случилось?

Алекс пожал плечами, ощущая, как мозг постепенно успокаивается. Рассказать ей все, что он чувствовал, — это бессмысленно, она подумает, что он сумасшедший. Но что-то все же надо сказать...

— Не пойму сам, — ответил он наконец. — Я... я вспомнил что-то, но не могу понять что. Как будто я

уже был здесь когда-то и тогда случилось что-то ужасное. Но что именно — я тоже не помню.

Лайза нахмурилась.

— Так ты здесь раньше уже бывал? Может быть, тогда действительно что-то случилось?

Но прежде чем Алекс успел ответить, к ним подбежали запыхавшиеся Боб и Кэйт, на лицах их заметно выражение беспокойства, смешанного с досадой.

— Ну что тут у вас? — воскликнула Кэйт. — С тобой все в порядке, Алекс?

Алекс кивнул.

— Я просто вспомнил что-то, и вдруг... разревелся из-за этого. Доктор Торрес говорил мне, что такое может случиться, но я, по правде, не очень верил ему.

Лайза внимательно посмотрела на него, но промолчала. Если Алекс не хочет говорить им, что произошло, она тоже не скажет ни слова.

— Может, это даже хорошо, — Алекс заставил себя улыбнуться. — Может, это признак того, что я выздоравливаю.

— А своим родителям ты не хочешь об этом рассказать? — спросил Кэйт.

— Ну уж нет! — встрял в разговор Боб. — Если он расскажет, то они узнают обо всем и тогда нам всем несдобровать, это уж точно.

— Но если это важно? — тихо спросила Лайза. — Это... это может означать очень многое.

— А почему ему не сказать им, что это случилось на пляже в Санта-Крус? — пожал Боб плечами. — Да и вообще — что вы подняли такую шумиху вокруг того, что он вдруг разревелся на кладбище? Он же сам говорил — такое может случиться.

— Ничего мы и не подняли, — огрызнулась Лайза. — Я только сказала, что это может кое-что зна-

чить, а если так, то все наши страхи насчет того, что влетит — фигня. Я думаю, Алексу нужно рассказать родителям про все, что случилось, в точности.

— Тогда давайте решим это дело голосованием, — предложил Боб. — Я — за то, чтобы не говорить. — Он вопросительно посмотрел на Кэйт, в чьих глазах явственно отражались происходившие в ее душе колебания. В конце концов она отвела взгляд.

— Лайза права, Боб. Алексу нужно рассказать обо всем родителям. И, по-моему, нам лучше поехать домой.

— Нет, — вдруг сказал Алекс, и все трое разом повернулись к нему. — Я лучше позвоню и расскажу об этом доктору Торресу. Может быть, он захочет, чтобы я остался здесь.

— Остался здесь? — удивленно повторила Лайза. — Зачем?

— Может быть, случится еще что-нибудь вроде этого.

Боб Кэри недоверчиво уставился на него.

— У тебя что, с головой совсем не в порядке? Думаешь, я буду тут торчать целый день и ждать, когда тебя прорвет снова?

— Боб Кэри, это просто хамство! — взорвалась Лайза. — Ты в состоянии подумать о ком-нибудь, кроме себя? Отваливай, и дело с концом! Домой как-нибудь без тебя доберемся. Пошли! — схватив Алекса за руку, Лайза быстро зашагала к церкви. Поколебавшись, Кэйт последовала за ней.

— Кэйт! — позвал Боб.

Девушка стремительно обернулась.

— Ты действительно можешь подумать о ком-нибудь, кроме себя самого? Хоть раз? — спросила она и, отвернувшись, побежала за Алексом и Лайзой.

Телефонную будку они нашли примерно в квартале от миссии, и прежде чем позвонить, Алекс изучил

инструкцию на стене. Со второго раза ему удалось попасть в Институт мозга, и пока Кэйт и Лайза ждали его снаружи, на тротуаре, Алекс подробно описывал Торресу все происшедшее. Когда он закончил, Торрес молчал несколько секунд, потом спросил:

— Алекс, а ты уверен, что вспомнил именно это самое кладбище?

— Да, я так думаю, — ответил Алекс. — Может быть, мне стоит вернуться туда? Может быть, я еще что-нибудь смогу вспомнить?

— Нет, — быстро ответил Торрес. — Одного раза на сегодня вполне достаточно. Я хочу, чтобы ты немедленно поехал домой. А я сам позвоню твоей матери и все объясню.

— Она очень рассердится, — сказал Алекс. — Я... дело в том, что родителям мы сказали, будто едем на пляж в Санта-Крус. Они думают, что мы находимся сейчас там.

— Понятно. — Торрес снова замолчал на несколько секунд. — Алекс... а когда ты солгал родителям о том, куда отправляешься, ты знал, что поступаешь нехорошо?

Некоторое время Алекс раздумывал.

— Нет, — ответил он наконец. — Я только знал, что если сказать им правду, они не позволят мне поехать. И никому бы из нас не позволили.

— Ну что ж, хорошо, — после секундной паузы сказал Торрес. — Об этом мы поговорим в понедельник. С твоими родителями я постараюсь уладить дело так, чтобы у тебя не было неприятностей. Для твоих друзей, однако, мне вряд ли удастся что-нибудь сделать.

— Да, конечно, — кивнул Алекс. Он уже собирался попрощаться, но снова услышал в трубке голос Торреса:

— Алекс, тебе не хочется, чтобы у твоих друзей были из-за этого проблемы?

Алекс раздумывал... Он знал, что должен ответить «не хочется» — ведь дружба предполагает заботу о друзьях. Но знал и другое — врать доктору Торресу не полагается.

— Нет, — ответил он. И добавил: — Понимаете, я к ним... да и ни к кому ничего не чувствую.

— Понятно, — снова ответил Торрес, но уже каким-то тихим голосом. — Ладно, об этом мы тоже поговорим... и лучше нам встретиться завтра, Алекс. Не будем ждать до понедельника.

Повесив трубку, Алекс вышел из кабины. Кэйт и Лайза встретили его обеспокоенными взглядами. В нескольких футах от них с растерянным видом стоял Боб Кэри.

— Он хочет, чтобы я поехал домой, — объявил Алекс. — Собирается позвонить моим и все объяснить. — На несколько мгновений он замолчал. — А я постараюсь уговорить маму, чтобы она поговорила с вашими родителями.

Лайза улыбнулась ему, но взгляд Кэйта стал еще более встревоженным.

— А как мы доберемся домой? — спросила она.

— Я отвезу вас, — подал голос Боб Кэри. Опустив голову, он подошел к ним; затем, подняв глаза, нерешительно протянул руку Алексу. — Извини, старик. Я тут наговорил черт-те чего. Сам знаешь, это бывает... Да нет, черт возьми, Алекс... Просто ты маленько изменился, старина, и это иногда... сбивает как-то.

Алекс раздумывал, что положено говорить в такой ситуации — извиняться или прощать ему еще не доводилось.

— Да все нормально, — сказал он наконец. — Меня это тоже сбивает здорово... почти все время.

— Ну, по тебе-то этого не видать... видно, выдержка у тебя теперь о-го-го какая. — Боб улыбнулся, и Алекс понял, что слова он подобрал правильные.

— Может быть, — покачал он головой. — Может быть, когда-нибудь она мне изменит.

Повисла удивленная пауза — трое остальных пытались понять, что он имел в виду. Спустя минуту все четверо направились к ближайшей станции метро.

Марш Лонсдейл опустил телефонную трубку на рычаг.

— Что сделано, то сделано, — сказал он, — хотя я и сейчас этого не одобряю.

— Но, Марш, — возразила Эллен, — ты же сам только что говорил с Раймондом.

— Да, это так, — Марш вздохнул. — Но меня корбит сама идея — оставлять без наказания четырех балбесов, смывшихся именно туда, куда — они прекрасно знают — ездить им не разрешается, да еще и навравших с три короба при этом.

— Алекс не знал, что ему нельзя ездить в Сан-Франциско...

— Но при этом знал, что ему нельзя врать, — отрезал Марш, поворачиваясь к Алексу. — Или я неправ?

Алекс покачал головой.

— Но теперь я знаю, — кивнул он. — И больше никогда так не сделаю.

— Вот видишь, — снова вмешалась Эллен. — К тому же Алекс прав — несправедливо, если остальных ребят накажут, а его нет. И кроме того, если бы они не решили вопреки всем нашим запретам все же поехать во Фриско, может быть, с Алексом и не случилось бы этой вспышки памяти.

Вспышки памяти, подумал Марш. С каких пор истерика на кладбище стала считаться вспышкой памяти? Однако когда он говорил — еще днем — с Тор-

ресом, тот подтвердил догадку Эллен, хотя Марш, со своей стороны, предположил, что это может быть всего лишь один из симптомов продолжающихся дисфункций мозга. С оценкой Торреса он все же был несогласен.

— А если это не?.. — начал он и протестующе поднял руку, поняв, что спорить с Эллен он сейчас просто не в состоянии. — Все, все, молчу. Я прекрасно помню, что сказал Торрес. Но помню и то, что лично я никогда не бывал в миссии Долорес. И Алекс, насколько я знаю, тоже не бывал. Или, может, ты его туда возила?

— Нет, не припомню такого, — призналась Эллен и тяжело вздохнула. — То есть нет. Я точно знаю, что я с ним там не была. Но он ведь мог съездить туда с кем-то еще — с дедом, с бабушкой...

— Своих родителей я уже спрашивал, — сказал Марш.

— Тогда, может быть, мои старики возили его туда. Да кто угодно, в общем-то. — Эллен пыталась вспомнить, кто, собственно, мог еще до аварии свозить Алекса в это место. И вдруг вспомнила. — Позволь, да ведь они с классом как-то ездили в Сан-Франциско! Правда, давно. Но уж если Алекс запомнит что-нибудь, то надолго. И, честно говоря, я не понимаю, почему ты в этом так упорно сомневаешься.

— Потому что не вижу в этом логики. Получается, что из всех мест, где Алекс когда-либо бывал до аварии, он запомнил только это старое кладбище, да? Прости, но я в это не поверю. — Он снова повернулся к Алексу. — Ты действительно уверен, что именно *вспомнил* это самое кладбище?

Алекс кивнул:

— Как только его увидел, я понял, что уже бывал здесь.

— Ну, тогда это какое-нибудь «дежавю», — Марш пожал плечами. — Такое иногда случается — почти со всеми людьми. Об этом мы с Торресом тоже говорили.

— Я помню, — кивнул Алекс. — Но это было не так. Когда я вошел в этот сад, я даже не... не осматривался. А сразу пошел на кладбище, к этой могиле. И тогда вдруг расплакался.

— Ну хорошо, — вздохнул Марш. Протянув руку, он слегка сжал плечо Алекса. — Думаю, все-таки самое важное — это то, что ты наконец заплакал, так?

Поколебавшись, Алекс кивнул. Но... слова, которые он там слышал? Может быть, они тоже важны? Может быть, рассказать родителям о монахинях и обрывках фраз на испанском? Нет, решил он, по крайней мере — до тех пор, пока он не сможет поговорить об этом с доктором Торресом.

— Можно, я теперь пойду спать? — спросил он, выскользнув из-под отцовской руки.

Марш взглянул на часы — без четверти десять, — а Алекс, не имея привычки ложиться раньше одиннадцати.

— Так рано?

— Я хотел немного почитать.

Марш устало пожал плечами.

— Как хочешь.

Алекс шагнул вперед, нагнулся и поцеловал мать в щеку.

— Спокойной ночи.

Улыбнувшись, Эллен поцеловала его в ответ.

— Спокойной ночи, милый. — С минуту она смотрела на удалявшегося Алекса, затем повернулась к мужу. И сразу поняла — спор о том, что произошло сегодня, еще не окончился.

— Ну, ладно, — проговорила она устало. — Слушаю тебя.

Марш отрицательно покачал головой.

— Нет. Об этом говорить я больше не собираюсь. — Неожиданно на его лице появилась уже ставшая привычной невеселая усмешка. — По-моему, мне сейчас пришлось уступить одному нехорошему чувству, а мне это совсем не нравится.

Присев рядом с ним на диван, Эллен взяла его руку в свои.

— Тогда скажи мне. Ты знаешь, что мне можно сказать — мои чувства тоже доставляют мне мало радости.

Подумав, Марш тряхнул головой.

— Ну хорошо. Слушай. Так вот — я чувствую, что что-то не так. Я не могу сказать точно, что именно, потому что непрерывно убеждаю себя, что все это — результат аварии, операции на мозге, и еще — моей неприязни к великому доктору Торресу. Но сколько бы я ни убеждал себя, я чувствую — что-то неладно. Алекс изменился, Эллен, и боюсь, дело тут не только в операции.

— Но все, что происходит, так или иначе связано с ней, — напомнила Эллен, стараясь, чтобы голос ее не выдал поднимавшегося в душе раздражения. — Конечно, Алекс изменился, но все же это по-прежнему он.

Марш тяжело вздохнул.

— Вот в этом-то все и дело. Понимаю, он изменился и все такое... это так, но меня не покидает ощущение, что он — больше не Алекс.

Нет, сказала про себя Эллен. Дело в другом. Просто ты не можешь привыкнуть к мысли, что Раймонд Торрес сделал то, что ты сам никогда бы не смог. А вслух она произнесла, взглянув мужу в глаза и ободряюще улыбнувшись:

— Ну что ты. Нужно только еще немного подождать. Чудеса уже начались. И может быть, скоро произойдет главное.

Ложась спать, она решила, что завтра, после того как отвезет Алекса на встречу с доктором Торресом, отправится поговорить с психиатром.

О муже, разумеется. Не об Алексе.

Мария Торрес никак не могла уснуть. Третий час она беспокойно ворочалась на кровати и в конце концов, с трудом поднявшись, набросила поношенный халат и вышла в маленькую гостиную — зажечь свечу под образом Святой Девы. Потом долго молилась про себя — благодарила небеса за то, что молитвы ее слышаны и возмездие близко.

В этом она теперь была уверена — не зря она провела в доме Лонсдейлов почти целый день. Она слышала весь их разговор с сыном и его рассказ о том, что случилось в Сан-Франциско на старом кладбище. Как и все *гринго*, Лонсдейлы не замечали ее.

Для них она была всего лишь полоумной старухой, которая приходит убирать их жилье.

Но вскоре придется им узнать, кто она — ведь святые ее услышали, и дон Алехандро уже здесь, в Ла-Паломе.

И Алехандро узнал ее. И когда она заговорит с ним, он будет слушать.

Свеча догорела; Мария снова легла в постель, зная, что уснет на сей раз быстро и крепко.

Пусть и *гринго* как следует выспятся этой ночью. Очень скоро спать им уже не придется.

Глава 12

— А почему сегодня нет Питера? — спросил Алекс. Он лежал с закрытыми глазами на лабораторном столе, а Раймонд Торрес закреплял электроды на его голове.

— Сегодня же воскресенье, — напомнил Торрес. — Даже мой персонал иногда берет выходной.

— А вы?

— Я пытаюсь... но каждый раз делаю, скажем так, исключения. Для тебя, например.

Не открывая глаз, Алекс кивнул.

— Я знаю, это из-за тех тестов.

Ответа не последовало, и Алекс открыл глаза. Торрес, стоя у панели управления, поворачивал бесчисленные ручки. Сделав паузу, он обернулся к Алексу.

— Из-за тестов тоже, да... Но, если честно, меня больше интересует то, что произошло в Сан-Франциско.

— Похоже, память все же возвращается ко мне, верно?

Торрес пожал плечами.

— Вот это мы сейчас и попытаемся выяснить. А заодно — тот непонятный факт, что те воспоминания, которые тебе все-таки удалось оживить, оказались, в общем, неверными.

— Но мама мне сказала, что кабинет директора действительно раньше был там, где я встретил женщину в халате, — запротестовал Алекс.

— Верно. Только его перевели оттуда задолго до того, как ты пошел в школу. Так что по-прежнему непонятно, почему ты не помнишь, где он сейчас, но вспомнил, где он был когда-то? И самое главное: откуда эти воспоминания о миссии Долорес — ты же там никогда не бывал?

— Я вполне мог быть там, — покачал головой Алекс. — Может быть, я тайком ездил в Сан-Франциско и до аварии.

— Прекрасно, — согласился Торрес. — Примем это за рабочую гипотезу. Тогда объясни — почему ты вдруг вспомнил именно эту могилу, которой больше

ста лет, и более того — подумал, что это могила твоего дяди? Никакого дяди у тебя нет... кроме как, по твоему утверждению, этого, который умер в тысяча восемьсот пятидесятом.

— И правда... почему я вспомнил именно ее?

Торрес удивленно приподнял брови.

— Если верить результатам тестов — подобные вопросы вряд ли соответствуют твоему интеллектуальному уровню.

— Может быть, он вовсе не такой уж высокий, — пожал плечами Алекс. — Может, я просто хорошо запоминаю — и все.

— Что делает тебя некой разновидностью *idiot savant*, — подытожил Торрес. — Но сам факт, что ты это предположил, — лучшее доказательство того, что ты им вряд ли являешься. — Всунув дискету в дискковод компьютера, он потянулся к склянке с дезраствором. — Кстати, Питер сообщил мне, что раза два ты просыпался во время тестов. Почему ты мне об этом не рассказал?

— Мне казалось, что это неважно.

— Гм... а что ты тогда чувствовал?

Алекс тщательно описал ощущения, возникшие у него, когда внезапно проходило действие анестезии.

— Но это не было... неприятно, — добавил он, — скорее интересно... и еще у меня было ощущение, что если бы я мог как-то замедлить это, то увидел бы что-то важное... — Он помолчал. — А почему мне нужно спать, когда вы проверяете мой мозг, доктор?

— Питер же уже объяснял тебе, — напомнил Торрес. Протерев кожу на предплечье Алекса дезраствором, он быстрым движением ввел иглу.

Алекс слегка поморщился, затем мышцы его расслабились.

— Но если вдруг что-то будет не так — если мне, например, станет больно, — вы же можете остановить тесты, да?

— Могу, но не остановлю, — ответил Торрес. — Кроме того, если ты вдруг очнешься, тот факт, что во время тестов ты *думал*, сведет их результаты к нулю. По условиям, во время испытаний мозг не должен работать.

Тридцать секунд спустя глаза Алекса закрылись, дыхание стало глубоким и медленным. Взглянув еще раз на мониторы, Торрес вышел из лаборатории.

Войдя в кабинет, Торрес сел за стол и принялся неторопливо набивать табаком трубку. Машинально зажег ее, не отрывая глаз от монитора, соединенного с установленной в лаборатории камерой. Все шло, как он и предполагал, а значит, целый час он может провести наедине с Эллен Лонсдейл.

— Наверное, ты хочешь объяснить мне, почему твой муж не пришел сегодня вместе с тобой — так?

Нервно выпрямившись в кресле, Эллен скрестила ноги и бессознательным движением натянула юбку на открывшиеся колени.

— Он... понимаешь, я боюсь, что у нас кое-какие проблемы.

— Это меня не особенно удивляет. — Казалось, Торреса больше занимала его трубка, нежели собеседница. — Поверь, я ничего не имею против твоего мужа — просто у многих при общении со мной возникают трудности... — Его глаза смотрели на нее не отрываясь, словно гипнотизировали. — Меня всегда считали лунатиком — ты же помнишь...

Эллен принужденно улыбнулась — разумеется, она помнила.

— Как бы там ни было, это давно прошло. А по правде — ты учился настолько лучше нас, что мы просто боялись этого!

— По-моему, многие до сих пор боятся, — заметил Торрес. — Твой муж, например.

— Боится, по-моему, но это не совсем так... — попыталась возразить Эллен.

— Да? А что же? — Торрес перебил ее. — Опасается? Сомневается? Или ревнует? — Нетерпеливым жестом он словно отшвырнул свои слова в сторону. — Что бы там ни было — уверяю тебя, что меня это нисколько не беспокоит, — это нужно прекратить. Исключительно ради Алекса.

Значит, дело всего лишь в этом. У Эллен вырвался невольный вздох облегчения.

— Я понимаю. Собственно, именно об этом я и хотела поговорить с тобой. Раймонд, я... я беспокоюсь за Марша. То, что случилось с разумом Алекса... Мне не хочется говорить, что Марш на этом свихнулся, но на самом деле боюсь именно этого!

— И кроме того, — добавил Торрес, — ты боишься его подозрений в том, что я преследовал какую-то свою цель при этом эксперименте. Так?

— Так.

— В таком случае, нам следует постараться, чтобы этого не случилось! — Торрес улыбнулся ей, и внезапно Эллен почувствовала себя увереннее. В ее давнем однокласснике была сила, уверенность в том, что он делает — и это против воли заставляло ее поверить: что бы ни случилось, он сумеет с этим справиться.

— А я... что-нибудь могу сделать?

Торрес пожал плечами.

— Пока он не предложит мне более не... опекать Алекса, не вижу, чтобы кому-то из нас стоило предпринимать что-либо. Но если такое произойдет — будь уверена, с твоим мужем буду говорить я.

С твоим мужем — повторила Эллен про себя. И попыталась вспомнить — называл ли Раймонд хоть

раз в разговоре Марша по имени. Насколько она помнила — нет. Была ли какая-то причина для этого? Или это его обычная манера общения?

Внезапно она поняла, как мало, в сущности, знает о Раймонде Торресе. Практически ничего. Мелькнула мысль: не испытывает ли он неловкости от того, что Мария, его мать, — прислуга в их доме?

— Раймонд, можно задать тебе один вопрос? Только к Алексу он не имеет никакого отношения.

Слегка поморщившись, Торрес снова пожал плечами.

— Можешь спрашивать что угодно, но я, извини, оставляю за собой право не отвечать.

Эллен почувствовала, как лицо заливает краска.

— Да, конечно, — торопливо кивнула она. — Это... это насчет твоей матери. Ты ведь знаешь, она сейчас работает у меня и...

— У тебя? — неожиданно перебил ее Торрес. Отложив в сторону трубку, он наклонился к Эллен, в глазах зажглось нечто похожее на интерес. — И давно?

Эллен выдохнула.

— Бог мой, что я наделала? Я-то была уверена, что ты знаешь...

— Нет, — Торрес покачал головой. Проверил, горит ли трубка, и глубоко затянулся. — И перестань беспокоиться. О своей матери я не знаю почти ничего. Откровенно говоря, мы с ней редко видимся и еще реже находим общий язык. В частности, кстати, по поводу ее работы.

— О, Боже, — простонала Эллен, — разумеется, мне не нужно было ее нанимать... Я и не хотела, собственно, но Синтия просто настаивала на этом. И я... понимаешь, я... — Она замолчала, поняв, что оправдывается.

— Синтия, — повторил Торрес, лицо его помрачнело. — Что ж, Синтия всегда умела настоять на сво-

ем. И всегда получала то, что хотела. На то, что ей не было нужно, она просто не обращала никакого внимания...

Эллен поняла — он говорит о себе. Раймонд всегда мечтал встречаться с Синтией, а она его действительно не замечала. Неужели это вдруг ожило — через столько лет? Не может же быть такого. Но Торрес уже улыбался, Эллен почувствовала, как невесть откуда возникшая неловкость уходит.

— А что касается матери — я действительно не знал, что она работает у тебя, но это совершенно неважно. Я вполне способен просто содержать ее, но она ни за что не согласится на это. Боюсь, — добавил он, слегка подняв брови, — моя мать в принципе не одобряет то, что я делаю. Она... как бы это сказать... еще с тех времен; она родилась здесь, так же как несколько поколений ее предков. Возможно, она не может простить мне мой успех. Так что она в своем роде самоутверждается, делая то, что делала всегда, а в чьем доме она этим занимается — не мое дело. И уж если ей это необходимо, я бы предпочел, чтобы она работала у тебя, чем у кого-то еще. По крайней мере, я могу рассчитывать на достойное к ней отношение.

— Но я не думаю, чтобы кто-то другой... — начала было Эллен, но Торрес жестом остановил ее.

— Я уверен, что к ней все прекрасно относятся. Но она склонна к преувеличению и находит... какие-то шероховатости там, где их нет и в помине. Не поговорить ли нам об Алексе?

Эллен хотела продолжить разговор о Марии Торрес, но прямой взгляд темных глаз не позволил ей сделать этого. Минуту спустя они уже живо обсуждали возможные причины того, что случилось с Алексом в Сан-Франциско.

Алекс открыл глаза и с минуту вглядывался в окружающие его мерцающие полотна экранов. Тесты были закончены, но сегодня, по мере того как проходило действие наркоза, его не преследовали, как обычно, странные звуки и образы. Он шевельнулся, затем вспомнил, что пристегнут ремнями к столу — для того, чтобы, случайно двинувшись, не нарушить тончайшую паутину опутывавших его электродов.

Он услышал, как отворилась дверь, секунду спустя глаза его встретились с глазами Торреса.

— Ну, как дела?

— Хорошо, — ответил Алекс. Когда Торрес, подойдя, начал отсоединять электроды, Алекс спросил: — А вам... что-нибудь удалось выяснить, доктор?

— Пока нет, — Торрес сматывал провода. — Анализ полученных данных займет еще некоторое время. Но тебя я хочу попросить кое о чем. Погуляй по городу. Просто посмотри на него.

— Это я уже делал, — ответил Алекс. Торрес отстегнул ремни, и Алекс сел на столе, потягиваясь. — Мы с Лайзой Кокрэн много гуляли по городу.

Торрес покачал головой.

— Я хочу, чтобы ты теперь побродил один. По центру, по окрестностям, главное — смотри и запоминай как можно больше. Не какие-то конкретные здания, места — просто, как говорится, разуй глаза, а твой мозг сам среагирует на то, что ты видишь. Как ты думаешь — справишься?

— Да, конечно. Но для чего?

— Можешь считать это экспериментом, — ответил Торрес. — Дело в том, что любой уголок Ла-Паломы может снова пробудить твою память, а дальше все пойдет по цепочке.

Сидя рядом с матерью на переднем сиденье машины, мчавшей его домой, Алекс гадал, о какой такой цепочке говорил доктор Торрес. Ладно, он сделает так, как просит его доктор, а там посмотрим, что из этого получится.

После того как Эллен с Алексом покинули кабинет, Раймонд Торрес еще долго сидел за столом, изучая данные сегодняшних тестов. Да, сегодня это были уже просто тесты — ничего более.

Никакой новой информации мозг Алекса сегодня не получил. Никаких попыток пополнить его память тоже сделано не было.

Вместо этого электрические импульсы блуждали по самым отдаленным уголкам его мозга, словно кладоискатели в поисках спрятанного сокровища.

Торрес знал — он ищет его не напрасно.

Сокровищем, правда, это трудно было назвать — где-то в глубинах мозга Алекса была нарушена связь неких элементов.

По мнению Торреса, только этим можно было объяснить то, что случилось с юношей в Сан-Франциско. Каким-то образом в работу компьютера во время операции вкралась ошибка, результатом которой стала возможность эмоциональной реакции.

Ведь он плакал.

Доктор Раймонд Торрес должен был сделать все, чтобы устранить малейшую возможность подобного.

Чувства и эмоции не входили в его планы.

Глава 13

— А я говорю — мне наплевать, что там говорят эти... Эллен Лонсдейл, Кэрол Кокрэн или кто там еще... Кэйт будет две недели сидеть дома! — Алан

Льюис рухнул в кресло, попытавшись подняться на ноги, из стакана в его руке выплеснулась золотистая жидкость.

— Тебе не хватит? — Марти Льюис кивнула на стакан, стараясь, чтобы тон ее по возможности оставался нейтральным. — Еще только полдень.

— «Еще только полдень», — передразнил жену Алан скрипучим голосом. Поднявшись-таки на ноги, он, шатаясь, направился к буфету, где хранились запасы виски. — Ради Христа, Март, сегодня же воскресенье... выходной день! Даже ты... сегодня тоже выходная!..

— Потому что всю неделю я, как лошадь, работала, — тем же ровным тоном заметила Марти, уже к концу фразы поняв, что пожалеет о сказанном.

— Ага, опять начинаешь? — Алан обратился к жене налитые кровью глаза. — К твоему сведению, рабочие места для специалистов *моего* уровня не растут, чтоб их, на деревьях. Я не собираюсь, как ты, обивать пороги в поисках абы какой работы. Разумеется, когда я ее получу, платить мне будут раз в десять больше, но это, как я понимаю, у нас не считается.

Набрав в легкие воздуха, Марти медленно выдохнула.

— Прости, Алан, я не хотела этого говорить. Я понимаю, это несправедливо. И ведь мы же говорили вовсе не о работе — о Кэйт.

— Во... вот об этом я и говорю, — язык Алана уже заплетался. — Эт-то ты пе... ременила тему. — Он пьяно ухмыльнулся, нетвердой рукой наливая почти полный стакан бурбона, затем заковылял, шатаясь, обратно к креслу. — Хотя мне по х-х... рену... про что мы говорим. Т-тема об нашей д... чери закрыта. Она будет сидеть дома, и чтоб я...

— Нет, — возразила Марти, — теперь извини. Когда ты в таком состоянии, все, что касается Кэйт, решать буду я.

— О-хо-хо! Скажите! Ее величество к-королева испанская! Так я вот что тебе скажу, ж-жена моя! Пока я еще х-хозяин этого дома, предоставь мне решать судьбу нашей... д-дочери...

Скрывать гнев Марти более была не в силах.

— Если ты не сбавишь немного темп, мой милый, то не продержишься в этом доме и двух часов! А если в один прекрасный день не возьмешь себя в руки, то скоро перестанешь быть и его хозяином!..

Последним усилием удержавшись на ногах, Алан грозно посмотрел на жену.

— Ты что — мне уг-грожаешь?..

Он уже начал заносить руку над головой, но его перебил голос из кухни:

— Если ты ее только тронешь, я убью тебя.

Чета Льюисов одновременно повернулась к проему кухонной двери. Там стояла Кэйт, слезы текли по ее щекам, но глаза горели гневом.

— Кэйт, я же тебе говорила, что справлюсь сама... — начала было Марти, но муж перебил ее.

— Меня... уб-бьешь? С каких пор... дочь... родного отца...

— Ты мне не отец, — отрезала Кэйт, уже не пытаясь вытирать слезы. — Настоящие отцы не напиваются с раннего утра.

Алан шагнул к дочери, но Марти, схватив его за рукав, потянула назад.

— Оставь нас, Кэйти. Сходи к Бобу или в город... На пару часов. Не бойся. Я с ним справлюсь.

Кэйт в упор смотрела на отца; но слова ее, когда она заговорила, были обращены к Марти:

— Ты отправишь его обратно в лечебницу?

— Я... я не знаю... — неуверенно ответила Марти, хотя уже давно поняла — «отпуск» супруга слишком затянулся и другого выбора не было. От пива Алан перешел к бурбону еще вечером в пятницу, шел по

нарастающей весь вчерашний день и сегодня начал рано. — Я сделаю все, что нужно. Оставь нас, девочка. Да?

— Ма, не надо, я помогу тебе... — всхлипнула Кэйт, но Марти отрицательно тряхнула головой.

— Нет. Я сама. Дай мне пару часов, а когда вернешься, все уже будет в порядке.

Кэйт собиралась было возразить снова, но передумала. За последние пять лет она уяснила — менее всего в подобной ситуации мать расположена пререкаться еще и с ней.

— Ну хорошо, — вздохнула она. — Я уйду. Только я попозже еще позвоню... и если он еще будет здесь, домой я возвращаться не буду.

— Да ты ник-куда и не... и не пойдешь! — неожиданно взревел Алан. — Сделайте только один шаг за порог, мад... мадемуазель, и вы оч-чень пожалеете об этом!

Не обращая на него никакого внимания, Кэйт вышла на внутренний двор, с силой захлопнув за собой дверь дома. Секунду спустя она уже гроыхала воротами, а еще через секунду каблучки ее туфель застучали по асфальту на улице; руки на бегу невольно сжимались в кулаки, а в глазах стояли гневные слезы.

В опустевшей кухне Алан Льюис пьяно ухмыльнулся жене.

— Х-хорошенькую бучу ты з-за... затеяла. И чтобы мать... собственную дочь... против родного отца...

— Я тут не при чем, — устало огрызнулась Мэри. — И вовсе она не «против» тебя. Она слишком любит тебя для этого. Правда, когда ты трезвый. Да, кстати, и я.

— Й-если б вы... обе... меня л-любили...

— Прекрати, Алан! — голос Марти сорвался на крик. — Перестань немедленно! Ни я, ни Кэйт ни в

чем перед тобой не виноваты! Виноват во всем ты, Алан! Слышишь меня? Только ты! — Марти кинулась из кухни в спальню — до этой комнаты ее супруг не мог дойти уже несколько дней — и, с грохотом захлопнув за собой дверь, заперлась на ключ.

Нужно было прийти в себя. Успокоиться, взять себя в руки и — в который раз — справиться с ситуацией. Орать на него было совершенно бесполезным делом.

Через минуту он будет колотить в дверь, то прося у нее прощения, то ругая последними словами. А ей придется снова все это перетерпеть — да еще уговорить его позволить ей отвезти его в лечебницу в Пало Альто. Или, что хуже, самой вызвать оттуда бригаду экстренной помощи и смотреть, как они запикивают его в машину. К этому, правда, пришлось прибегнуть только однажды — и она молила Бога, чтобы это не повторилось вновь.

Марти вошла в ванную, умылась холодной водой. Прислушалась, он уже должен быть за дверью — сейчас опять начнется.

Прошло пять минут. За дверью было по-прежнему тихо.

В конце концов Марти отперла дверь и вышла на площадку лестницы. Дом встретил ее тишиной.

— Алан? — позвала она громко.

Никакого ответа.

Марти заспешила вниз по лестнице, задержавшись на нижней площадке, чтобы позвать мужа еще раз. Когда ответа не последовало, она бросилась в кухню. Может быть, он уснул...

Кухня была пуста.

— О, Боже мой, — простонала Марти в отчаянии. Ну, что теперь делать? Она налила себе полную чашку кофе из кофейника, который всегда держала горячим в печи в надежде, что Алан когда-нибудь пред-

почтет этот напиток выпивке; и, присев, попыталась сообразить, как ей поступить дальше.

По крайней мере, машину свою он вроде не брал. Иначе она бы услышала. Но все же... Выбежала во двор, распахнула двери гаража. Обе машины стояли на месте.

Может, стоит позвонить в полицию... Нет. Если бы он все же взял машину, тогда другое дело, но раз он ушел пешком, вряд ли сможет набедокурить как следует. Да и вообще — наверняка дойти он сможет только до ближайшего полицейского патруля.

Да, но отвезут ли его домой, в больницу или в «холодную»? Вот в чем вопрос.

В конце концов Марти решила, что ей, в сущности, наплевать. Трех прошедших дней ей хватит надолго. Пусть теперь Алан сам расхлебывает собственное дерьмо. Звонить она никуда не будет и не собирается его нигде искать — по крайней мере, сегодня вечером. Вот если и завтра он не явится — что ж, тогда придется...

Приняв таким образом решение, она принялась за уборку кухни. В первую очередь — поило Алана. Вылив в раковину полупустую бутылку из-под бурбона, она взялась за полные, те, что стояли в буфете.

Через час, когда в кухне не осталось ни единого пятнышка, Марти, настроенная весьма воинственно, занялась остальной частью дома.

Просьбу Раймонда Торреса Алекс выполнил чрезвычайно точно, обойдя квартал за кварталом почти весь город. Однако пока ничего не произошло. Город казался теперь знакомым, все было на своих местах, все кругом выглядело именно так, как и должно было выглядеть. Пробродив так около часа, он остановился в центре перед рядом маленьких магазинчиков, где продавались разные недешевые побрякуш-

ки, обладавшие странной притягательной силой для толстосумов.

В одной из витрин он увидел прозрачную стеклянную сферу, наполненную чистой водой. Однако, приглядевшись, он увидел, что в воде плавает крохотная, почти прозрачная, но живая креветка, а у самого дна колыхается бледно-зеленая водоросль. И рекламный плакат на стекле возвещал, что это — «полностью сбалансированная автономная экологическая система» и для поддержания жизни этой креветки и этой водоросли необходим лишь солнечный свет. Несколько минут он стоял перед витриной изумленный, а затем неизвестно откуда появившаяся мысль заставила его отступить на шаг.

Вот так и мой мозг. Автономный и сбалансированный... которому ничего не нужно. Секунду спустя, отвернувшись от витрины, он зашагал по Ла-Палома драйв к Площади.

Остановившись, он несколько минут разглядывал древний дуб, спрашивая себя, неужели и он когда-то прятался среди его ветвей, вырезал инициалы на его коре или прыгал с нижних веток. Но если это и было — все воспоминания об этом были утеряны.

И вдруг, на его глазах, дерево начало меняться. Площадь, здания, поток машин — все вдруг исчезло, словно густой туман с океана скрыл от глаз Алекса все приметы времени, в котором он находился.

И снова, как тогда, на кладбище в Сан-Франциско, смутные образы зароились в его мозгу... и вдруг картина, лишь мелькнувшая перед мысленным его взором тогда, в июне, когда они возвращались из Института домой, явилась снова — яркая и ясная.

Толстая веревка свисала с нижнего толстого сука дерева, на конце веревки висело человеческое тело со свернутой набок головой.

Чье тело?

Вокруг покойника — всадники в синих мундирах, они смеются.

И снова — как на кладбище — мгновенная вспышка боли, и сразу за ней — голоса, шептавшие по-испански. Он сразу понял смысл этих фраз:

«Они забирают нашу землю, наши дома. А потом они отберут у нас жизни. Venganza... venganza...»

Последнее слово снова и снова звучало в его ушах; наконец голоса затихли, Алекс отвернулся от дерева.

В нескольких ярдах позади Алекса, не сводя с него напряженных глаз, стояла Мария Торрес. Взгляды их встретились. Не говоря ни слова, Мария повернулась и медленно пошла к небольшой площади в нескольких кварталах отсюда.

Туман, окутавший дуб, медленно подползал к ногам. Алекс побрел следом за женщиной.

Площадь тоже изменилась — но когда Алекс сел на отполированную временем деревянную скамью и услышал шепот Марии за спиной — она говорила с ним по-испански, — ему показалось, что здесь все всегда так и выглядело.

В сорока ярдах от него высилось здание миссии, его белые стены блестели под ярким солнцем. Священники в коричневых сутанах то появлялись, то исчезали в дверях; у стены, в тени, мирно спали трое индейцев.

Окна и двери одноэтажного здания школы, расположенного под прямым углом к миссии, были распахнуты, на школьном дворе играли пятеро ребятшек под присмотром высокой монахини, прятавшей кисти рук в широких рукавах своего *vestido*.

На другой стороне площади виднелась лавка. Из нее вышла молодая женщина, и хотя она смотрела прямо на Алекса, но, казалось, не видела его.

Алекс слушал, а Мария торопилась рассказать ему — о церкви, о написанных на ее сводах изображениях святых...

И еще — о Ла-Паломе, о людях, которые построили этот город, любили его и гордились им.

— Но пришли другие, — закончила она. — Чужие люди, и все отняли. Иди, Алехандро. Войди в храм и посмотри, как все это было тогда...

Словно во сне, он поднялся со скамьи, пересек площадь и вошел в прохладный полумрак миссии. Внутри было почти темно — и два ярких пятна света, падавшие сквозь два витражных окна на площадку перед входом и на алтарь, казались какими-то необычными украшениями. В нишах, окружавших алтарь, стояли белые статуи — святые, о них ему рассказывала Мария. Подойдя к одной, он заглянул в белые мертвые глаза мученика. Поставив свечу перед статуей, зажег ее; повернулся и вышел из церкви. Стоявшая на другой стороне площади у скамьи Мария Торрес улыбнулась и кивнула ему.

Не говоря ни слова, Алекс пошел вперед по узким и пыльным улицам; голоса, звучавшие в ушах, направляли его шаги.

Проснувшись, Марти Льюис сразу поняла, где находится — это ее дом, за окнами — обычные звуки утра... Постепенно пришло отрезвление — да, дом ее, за окнами — глубокая ночь, и, кроме нее, в доме никого нет.

Вздремнула.

Закончив уборку, она решила вздремнуть. До возвращения Алана.

И вот — вздремнула.

Протянув руку, она зажгла лампу на тумбочке и посмотрела на часы. Половина третьего. Устало

вздыхнув, она поднялась с кровати и подошла к окну, всматриваясь в обозначившиеся уже в предрассветной дымке холмы, может, Алан сейчас где-нибудь там, спит пьяным сном под кустами... Противно, но вполне может быть.

А может, он сейчас в городе, заправляется в каком-нибудь баре, добавляет своему гонору «топливо»...

Но не в больнице — это точно, иначе бы они уже позвонили.

Накинув халат, она спустилась в гостиную, прикидывая, не позвонить ли все же в участок. Нет, пожалуй, не стоит пока. Без машины Алан не опаснее полевого тушканчика.

Вылив в унитаз остатки вчерашнего кофе — за ночь все же успел остыть, — она принялась готовить новую порцию.

Когда Алан вернется — если вернется, вернее сказать, — кофе ему наверняка захочется.

Она уже всыпала первую ложку в фильтр, когда звук открывающихся ворот на заднем дворе заставил ее резко повернуть к окну голову. Вдох облегчения вырвался из ее груди.

Вернулся. Сам. Целый и невредимый.

Она досыпала порцию кофе в фильтр, уверенная в том, что она еще не успеет включить кофеварку, как откроется дверь и Алан еще с порога примется просить прощения за то, что он снова напился и вел себя с ней как свинья и что он никогда...

Но дверь не открылась.

Включив кофеварку, она направилась к двери черного хода. Что он там так долго возится...

Две минуты спустя бешено забившееся сердце подсказало ей, что с ней случится сейчас, и она поняла, что никак не сможет воспрепятствовать этому.

Открыв глаза, Алекс огляделся по сторонам. Он сидел на скамейке на краю Площади, глядя вслед удалявшейся фигуре Марии Торрес. Мария шла к кладбищу, где — неподалеку от него — находится ее дом.

Память выдала неожиданную ассоциацию: *Она похожа на монахиню. На старую монахиню-испанку.*

Внезапно он понял — кто-то машет ему со ступеней библиотеки, и хотя он не разобрал, кто именно, но поднял руку и помахал в ответ.

Но как он оказался снова на Площади?

Последнее, что он помнил — он стоял и смотрел на дуб, спрашивая себя, действительно ли приходилось ему играть здесь в детстве.

А сейчас он у здания миссии, в двух кварталах от дуба.

И он устал — как будто шагал в гору мили две, не меньше...

Алекс взглянул на часы. Четверть четвертого. Последний раз, когда он смотрел на них, они показывали половину второго.

Прошло почти два часа, но ничего происходящего за это время память не зафиксировала. Ноги сами вели его домой — мозг же был занят этим странным случаем. Два часа не могут исчезнуть просто так. Но если достаточно долго думать об этом, он наверняка найдет и причину того, почему исчез этот отрезок времени, и вспомнит, что он видел за эти два пропавших часа...

Дверь черного хода хлопнула, и Марш поднял голову, оторвавшись от чтения медицинского журнала. Из кухни появился Алекс.

— Привет! — Марш улыбнулся.

Алекс остановился, затем повернулся к отцу.

— Здравствуй, папа.

— Ну, где ты сегодня был?

— Нигде. — Алекс пожал плечами.

Марш снова улыбнулся.

— Представь себе, но именно там я тоже любил бывать, когда был в твоём возрасте.

Алекс не ответил, и улыбка постепенно исчезла с лица Марша. Не сказав более ни слова, Алекс проследовал по лестнице в свою комнату. Ещё несколько месяцев назад, до аварии, Алекс, с искрящимися весельем глазами, принялся бы расспрашивать, где, собственно, находится это «нигде», а потом разговор завел бы их действительно невесть куда — и кончился бы, несомненно, общим дружным хохотом.

Но теперь глаза его были пустыми.

Для Марша именно глаза сына стали символом всех тех перемен, которые произошли с ним — да и с ними — после этой злополучной аварии.

Глаза прежнего Алекса были полны жизни — и настроение сына Марш угадывал по ним в одно мгновение.

Но теперь по его глазам ничего нельзя было угадать. Когда Марш всматривался в них, он видел лишь собственное отражение. При этом, однако, у него не было ощущения, что Алекс пытается от него что-то скрыть. Скорее наоборот — он показывал ему то, во что Марш все ещё не отваживался поверить: Алекса как личности больше не существовало.

Глаза, вспомнил Марш, — зеркало души, так говорил кто-то из древних. И если так — значит, души у Алекса тоже больше нет. Нет, этого не может быть, Марш почувствовал, как на лбу выступили капли пота.

Может быть, в ту страшную ночь чувства не обманули Эллен. Может быть, Раймонд Торрес так и не сумел спасти Алекса.

Их сын был мертв. Так, по крайней мере, казалось Маршу.

Глава 14

Некоторое время Кэйт Льюис молча слушала гудки, раздававшиеся в телефонной трубке, хотя давно поняла — дома никого нет. В четвертый раз за последние полчаса она принялась убеждать себя — мама повезла отца в больницу... Но если так, почему она не включила автоответчик? И не оставили на нем для нее, Кэйт, хоть пару слов? Повесив трубку, она вышла из телефонной кабинки позади стойки кафе «У Джека» и направилась к Бобу, ожидавшему ее за столиком.

— До сих пор никого? — спросил Боб, кивнув в сторону телефонной кабинки.

Кэйт расстроено сказала:

— Не знаю, что делать. Я бы поехала домой прямо сейчас, но мама велела сначала позвонить...

— Ты же и так звонишь уже полдня, — заметил Боб. — По-моему, нужно все-таки поехать, а если окажется, что они все еще скандалят, обратно свалим. Даже входить в дом, в общем, необязательно. Но я готов спорить — она твоего папашу уже отвезла. — Протянув руку, он успокаивающе сжал ладонь Кэйт. — Просто если он действительно был уже в таком состоянии — представляешь, как она вымоталась, пока дотащила его до машины, вернуться и включить ответчик у нее уже, наверное, просто сил не было.

Кэйт подумала, что, может быть, Боб и прав, но прежде в таких случаях мать всегда успевала наговорить пару слов на автоответчик, а если с отцом было

совсем плохо, не везла его в больницу сама, а вызывала «скорую».

А в это утро ее отец был именно в таком состоянии. Но сидеть здесь просто так, неизвестно чего дожидаясь...

— Ладно, поехали, — наконец кивнула она.

Десять минут спустя Боб уже загонял свой «порше» во двор дома Льюисов. Первое, что они увидели, были распахнутые ворота гаража, в нем стояли обе машины. Боб выключил мотор, Кэйт прислушалась. В доме — ни звука.

— По крайней мере, не ссорятся, — заметила Кэйт, взявшись за ручку дверцы, однако она явно не торопилась ее открывать.

— Может, она вызвала «скорую» да и сама поехала с ними? — предположил Боб.

Кэйт покачала головой.

— Она бы тогда за ними поехала на машине, чтобы потом самой добраться до дому.

— Хочешь, подожди здесь, а я посмотрю, есть ли кто дома, — предложил Боб.

Подумав, Кэйт снова покачала головой. Чувствуя, как начинают дрожать руки, она открыла дверцу, вышла и направилась к дому, Боб решительным шагом пошел за ней.

Входная дверь оказалась незапертой — и Кэйт с облегчением вздохнула. В одном она была уверена — уходя, мать обязательно заперла бы дом. Толкнув дверь, она шагнула в прихожую.

— Ма? Я уже дома! — позвала она, но ответом была лишь странная тишина, и Кэйт почувствовала, как сердце учащенно забилося. Она с тревогой посмотрела на Боба.

— Тут что-то не так, — прошептала она. — Если дверь не заперта, мама должна быть дома...

— Может, она наверху? — сказал Боб, сопровождая слова движением головы в сторону лестницы. — Давай я поднимусь, посмотрю.

Кэйт молча кивнула, и Боб зашагал по ступенькам. Через минуту он спустился, разочарованный.

— Там тоже никого нет. Остается еще глянуть в кухне.

— Нет, — Кэйт уже не пыталась скрыть страх. — Нужно вызвать полицию.

— Полицию? — удивился Боб. — Ее-то зачем?

— Затем, что мне страшно, — голос Кэйт задрожал. — Говорю тебе, здесь что-то не так... и в кухню я не пойду ни за что на свете!

— Да ну брось ты, Кэйт, — Боб решительно направился к закрытой кухонной двери. — Чего ты перепугалась — ума не приложу. Говорю тебе, она вызвала «скорую помощь» и... — толкнув кухонную дверь, он осекся. — О, Господи... — он замер на несколько секунд, затем, шагнув назад, прикрыл дверь кухни. Когда он повернулся, лицо его было белым как мел. — Кэйт... — сдавленно позвал он. — Кэйт, твоя мама здесь, но с ней что-то... похоже, что она мертва...

Кэйт смотрела на него, ничего не понимая; слова Боба эхом отдавались в ее мозгу, лишённые смысла. Затем она оттолкнула Боба и, распахнув прикрытую дверь, ворвалась в кухню... Она увидела ее сразу; колени Кэйт подогнулись, и девушка с рыданиями опустилась на пол возле тела матери.

Сержант Роско Финнерти кинул на Джексона вопрошительный взгляд.

— Ты в порядке?

Том Джексон кивнул.

— Продержимся. — Он перевел взгляд на тело Марти Льюис. Нет, прошлой весной, глядя на искале-

ченное тело сына доктора Лонсдейла, он чувствовал себя совсем по-другому. А здесь... если бы не мертвенная бледность кожи и перекошенный рот, можно было подумать, что женщина уснула. Опустившись на колени, он дотронулся пальцем до шеи Марти.

Нет, она не уснула. Она мертва.

— Так что нам делать дальше? — осведомился он, поднимаясь.

— Пока ничего — я переговорю с ребятами. — Снаружи завывла сирена, и через несколько секунд к дому подкатила машина «скорой помощи». Двое медиков вошли в кухню.

— Да мы уже все сделали, вы ее лучше не трогайте, — посоветовал эскулапам сержант. — Просто убедитесь, что она мертва, и оставьте все, как есть, до приезда детективов. Том, ты дуй наружу и смотри, чтобы никакие зеваки сюда и носа сунуть не смели, а я пойду переговорю с ребяташками.

Выйдя из кухни, Финнерти направился в гостиную, где четверть часа назад оставил на софе безудержно рыдавшую Кэйт и пытающегося утешить девушку Боба. Когда он вошел, то отметил, что картина изменилась весьма незначительно.

— Что ж, — развел руками сержант, — призываю вас принять это... хм... мужественно. — Он слегка нахмурился, пытаясь припомнить имя юноши. — Тебя ведь, по-моему, звать Боб Кэри?

Боб молча кивнул, было заметно, что он слегка успокоился.

— Ты своим-то родителям хоть позвонил? Они знают, что тут случилось? — Боб отрицательно покачал головой. — Ну ладно. Я им сам позвоню и попрошу за тобой приехать. А пока мне хотелось бы поговорить с вами. О'кей?

— Мы, — наконец выдохнул Боб, — мы только вошли, увидели и... сразу вам позвонили.

Финнерти похлопал юношу по плечу.

— Ладно. Через какое-то время мы все проясним.

Рядом с телефоном на столе лежала телефонная книга, сержант открыл ее, отыскал нужный номер и следующие пять минут на все лады уверял Дэйва Кэри, что его сын жив и чувствует себя хорошо. Попрощавшись и повесив трубку, сержант вышел из комнаты. В кухню же он вернулся, лишь когда увидел в окно въезжавший во двор «вольво» Кэри.

Там уже работали два детектива, и Финнерти лишь следил, как они в поисках возможных улик методически исследовали буквально каждый сантиметр стен и пола.

— Ну, какие идеи? — спросил он, когда старший из детективов по имени Билл Райан поднял наконец голову и, увидев Финнерти, поздоровался.

— Пока особо никаких, — Райан пожал плечами, — но вообще мне кажется, что все было задумано заранее и исполнено дьявольски хладнокровно. Никаких следов взлома, борьбы или, скажем, насилия.

— Если ребята говорят правду — это дело рук ее мужа. Дочка ее утверждает, что он напился и, когда она утром уходила из дому, мать с отцом здорово ссорились. Собственно, потому она и ушла — отец начал ее доставать, мать, естественно, пыталась его одернуть. Вообще она думает, что мать собиралась сегодня отвезти своего супруга снова в лечебницу.

— А он ехать, естественно, не хотел.

— Конечно.

На пороге распахнувшейся двери черного хода возник Том Джексон, поддерживая на ходу высокого мужчину с полными ужаса глазами на испитом лице. Финнерти сразу же понял, кто перед ним, и шагнул к вошедшим.

— Мистер Льюис?

Алан Льюис молча кивнул, не отрывая взгляда от накрытого простыней тела.

— О, Боже, — выдохнул он.

— Ознакомьте его с правами, — кивнул Райан. — Было бы неплохо прямо сейчас получить признание.

— Нет, я все равно в это не верю, — произнесла упрямо Кэрол Кокрэн. — Не могу поверить в то, что Алан мог убить Марти — неважно, в каком состоянии он находился.

Было уже около девяти вечера — к Лонсдейлам же Джим и Кэрол приехали в половине седьмого. Едва притронувшись к наскоро приготовленному Эллен ужину, все четверо говорили только о том, что случилось. Ким уложили в комнате для гостей, Лайза с Алексом отправились наверх, но разговор в полуобставленной гостиной дома Лонсдейлов не утихал.

— Может, хотя бы на время сменим тему? — Эллен Лонсдейл усталым жестом откинула назад волосы. Она знала, что сделать это им не удастся — сегодня весь город говорил и жил только одним: действительно ли Марти Льюис погибла от рук супруга... или к этому причастен кто-то еще?

— Вот именно его состояние многое и объясняет, — Марш, казалось, не слышал вопроса жены.

— Но Алан даже пьяным был всегда... безобидным. Господи, Марш, да ты вспомни сам — Алан и трезвый отнюдь не живчик, когда же он напивается, то просто засыпает — и дело с концом.

— Ну, не всегда, — заметил Марш. — Помню, мы с ним недавно играли в гольф, так он выдал такой свинг, что, я думал, разнесет вдрызг и мяч, и клюшку.

— И все же это не убийство собственной жены, — настаивала Кэрол.

— К тому же, — напомнил Марш, — никаких следов борьбы там ведь не обнаружили. Как считают полицейские, Марти хорошо знала убийцу.

Кэрол упрямо покачала головой.

— Марти хорошо знала полгорода — так же, как и мы все. И потом — в своем доме она всегда чувствовала себя в безопасности... хотя один Бог знает почему. — Она окинула взглядом гостиную дома Лонсдейлов и поежилась. — Простите, но в этих бывших гасиендах мне тоже как-то не по себе.

— Кэрол!

— Милый, мы с Эллен достаточно давно знаем друг друга, а потому мне нет нужды лгать ей. А по поводу этого дома я ей сказала с самого начала — если в первые шесть месяцев она не приведет его в относительно пристойный вид, в гости к ней я точно ходить перестану. Ты посмотри, на что он сейчас похож — не то монастырь, не то замок с привидениями. Мне все время кажется, что по ночам здесь должны раздаваться стоны. И эти окна с чугунными решетками... как в тюрьме! — Из Кэрол словно выпустили пар — съездившись в кресле, она внезапно замолчала, затем, после долгой паузы, слабо улыбнулась Эллен. — Ну вот, я и сказала тебе то, что думала.

— И кое в чем ты права, — согласилась Эллен. — Собственно, почти во всем — кроме одного обстоятельства: я-то как раз люблю всю эту старину. Но, откровенно говоря, не понимаю, какое все это может иметь отношение к Марти.

— Ну, она же все время твердила, что в этой старой крепости чувствует себя в безопасности — а видишь, что с ней случилось.

— Но, дорогая, — запротестовал Джим, — убийство может произойти где угодно. Совершенно неважно при этом, старый или новый дом и как он выглядит...

Кэрол вздохнула.

— Да я понимаю. И понимаю, что все действительно выглядит так, будто это дело рук Алана. Но — не верю. И думаю, что на самом деле все было иначе.

Неожиданно в большой арке, отделявшей гостиную от холла первого этажа, показалась фигурка Лайзы. Разговор разом стих, все четверо повернулись к девушке.

— Вы... все еще говорите про миссис Льюис? — спросила Лайза неуверенно. Кэрол, поколебавшись, кивнула. — Можно... ничего, если я сяду здесь и просто послушаю?

— Я думала, вы с Алексом наверху слушаете музыку...

— Нет, мне не хочется, — неожиданная резкость тона Лайзы заставила всех взрослых обменяться недоуменными взглядами. Возникшую паузу нарушила Эллен.

— Лайза, может быть... что-то случилось? Может быть, вы с Алексом из-за чего-то поссорились? — Лайза некоторое время молчала, затем отрицательно тряхнула головой, но Эллен поняла — девушка что-то скрывает. — Ну, скажи, пожалуйста. Тебе же самой станет легче. Вы все-таки поссорились?

— С Алексом? — внезапно вскинула голову Лайза. — Да ведь с ним же нельзя поссориться! Ему ни до чего нет дела, из-за чего же ссориться с ним! — Уже не пытаясь сдержаться, она заплакала. — Ой, простите... Мне не нужно было говорить это, но...

— Но это правда, — мягко произнес Марш. Встав, он подошел к Лайзе и обнял ее за плечи. — Все верно, Лайза. Мы все знаем, каким стал Алекс после аварии, и тоже тяжело переносим это... А теперь рассказывай.

Съежившись на краешке кресла, Лайза вытирала глаза отцовским платком.

— Мы действительно сначала слушали музыку, но я хотела поговорить о миссис Льюис, а Алекс... он не хотел. То есть он говорил, но такие ужасные вещи... понимаете, как будто ему все равно, что случилось с ней и кто сделал это... Ему... ему даже все равно, что ее больше нет. — Она взглянула на Кэрол. — Мама... он сказал, что никогда и не знал ее... то есть миссис Льюис... а если бы даже знал, это ничего бы не значило. Мол, все когда-нибудь умрут, и нечего делать из этого... — она недоговорила и снова начала тихо всхлипывать, уткнувшись лицом в платок.

В комнате воцарилось долгое молчание. Встав, Кэрол подошла и села рядом с дочерью. Марш пристально посмотрел на жену.

— Но... но это же ничего... — начала было Эллен, но Марш оборвал ее.

— Как бы то ни было — говорить подобное он не имеет права! Он достаточно умен, чтобы сознавать — иногда лучше промолчать, хотя бы в данном случае... — Повернувшись, он направился к лестнице, ведущей вверх.

— Оставь его в покое, Марш! — крикнула Эллен вдогонку мужу, но тот уже поднялся на верхнюю площадку лестницы. Эллен, с дрожащими губами, повернулась к Лайзе.

— Но ведь правда, Лайза, — тихо произнесла она, — это... это же еще ничего не значит?

В комнату Алекса Марш вошел без стука, стиснув зубы от гнева и тяжело дыша. Алекс лежал на кровати, держа в руках книгу, из динамиков проигрывателя доносились звуки негромкой музыки. Увидев отца, Алекс отложил книгу и убавил звук.

— Гости уже ушли, да?

— Еще нет, — с нажимом произнес Марш. — Из-за тебя, между прочим. Какого дьявола ты тут наго-

ворил? — Но прежде чем Алекс успел ответить, Марш продолжал гневным голосом: — Ничего, не трудись. Лайза и так уже нам все рассказала. Я же хочу знать только одно — *почему* ты это сказал. Лайза сейчас внизу, плачет, и не могу сказать, чтобы мне это казалось странным.

— Плачет? Из-за чего?

Марш всматривался в лишенное всякого выражения лицо сына. Неужели он действительно не понимает — из-за чего? И понял — да, это возможно, Алекс действительно не сознает, какое действие могут оказать на *нормального* человека его слова.

— Из-за того, что ты тут наговорил ей, — повторил он. — О миссис Льюис и о том, что она умерла. Алекс пожал плечами.

— Я никогда не знал эту миссис Льюис. Лайза хотела поговорить о ней, но я не мог — я же ее никогда не видел.

— Дело не в этом, Алекс, — Марш не узнавал собственного голоса. — Ты еще сказал, что все умрут — и неважно, мол, когда и как, и...

— Но это же правда? — вскинул на отца глаза Алекс. — Все действительно когда-нибудь умрут. И если так, то к чему делать из этого проблему?

— Алекс, миссис Льюис убили.

Алекс кивнул.

— Но ведь из-за этого она не оживет, верно?

Марш глубоко вдохнул — и заговорил, медленно подбирая слова и глядя в упор на сына:

— Алекс, есть вещи, которые тебе придется понять... или просто принять на веру, если они сейчас для тебя ничего не значат. Я говорю о чувствах... о чувствах и об эмоциях.

— Про эмоции я знаю, — откликнулся Алекс. — Только я никогда их не испытывал.

— Вот именно. Но другие люди, понимаешь ли, испытывают их. И ты, когда выздоровеешь, тоже начнешь испытывать. Но даже сейчас тебе нужно быть осторожнее, потому что своими словами ты можешь случайно обидеть людей, которые окружают тебя.

— Даже если я сказал им правду?

— Даже если ты сказал им правду, — подтвердил Марш. — Ты должен запомнить — как бы ты ни был умен, всей правды ты все равно не знаешь. Например, ты не знаешь, что боль может испытывать не только тело, но и чувства людей. Вот почему ты обидел Лайзу. Ей... ее чувствам стало больно от того, что ты сказал. Она очень любит тебя, а из-за твоих слов ей показалось, что тебе совсем нет дела даже до нее...

Алекс молчал. Наблюдая за ним, Марш не мог понять, думает ли он сейчас над его словами. И в этот момент Алекс заговорил:

— Понимаешь, папа... я действительно не думаю, что мне, как ты сказал, до чего-то есть дело. По крайней мере, у меня это не так, как у других людей. Наверное, это и мешает мне выздороветь. И, наверное, поэтому доктор Торрес считает, что выздороветь полностью я не смогу никогда. Потому что у меня нет, как у других людей, этих самых эмоций и чувств, и, наверное, никогда не будет.

Бесстрастность тона только усилила отчаяние, сквозившее в словах сына. Внезапно Маршу захотелось взять его на руки, как он это делал, когда Алекс был еще малышом. Но сейчас это не заставит Алекса чувствовать себя увереннее и не избавит его от одиночества. Потому что Алекс не испытывал неуверенности и не чувствовал себя одиноким. Он вообще ничего не чувствовал.

Совсем ничего. И он, Марш, ничего с этим не мог поделать.

— Да, Алекс, ты прав, — сказал он тихо и, протянув руку, слегка сжал плечо сына. — Как бы я хотел, сынок, хоть чем-то помочь тебе. Чтобы ты стал таким, как прежде. Но я не в силах.

— Ничего, папа, — ответил Алекс. — Это не больно, и я все равно не помню, каким я был.

Марш безуспешно пытался проглотить застрявший в горле комок.

— Ничего, сынок, — наконец выдавил он. — Я знаю, что тебе приходится трудно, и знаю, как ты стараешься. И мы — все вместе — преодолеем все. Это я тебе обещаю. Так или иначе — но мы победим. — Марш поспешно вышел из комнаты. Он не хотел, чтобы Алекс заметил выступившие слезы.

Десять минут спустя, собравшись с силами и взяв себя в руки, Марш спустился вниз и подошел к Лайзе.

— Он просит прощения, говорит, что вовсе не хотел обидеть тебя.

Но через четверть часа, когда Кокрэны ушли, он устало подумал — вряд ли кто-нибудь ему поверил...

Сам он теперь верил только себе.

Проснувшись, Алекс с минуту не мог понять, где находится. Наконец он узнал стены своей комнаты — и в ту же минуту в мозгу с ужасающей четкостью предстал только что увиденный сон.

Он помнил его до мельчайших подробностей и готов был поклясться, что сам являлся участником сна, но в то же время понимал — это лишь сон.

Он был в доме, очень похожем на их собственный, с белыми оштукатуренными стенами и полом, выложенным плиткой. Он стоял в кухне и разговаривал с женщиной — и хотя раньше он никогда не видел ее, сразу понял: это Марта Льюис.

А потом снаружи послышался какой-то звук, и миссис Льюис пошла к двери черного хода, загово-

рила там с кем-то, затем открыла эту дверь и впустила *его*.

Сначала Алексу показалось, что в дверь черного хода вошел он сам — но тут же он понял, что, хотя вошедший юноша и был очень похож на него, кожа его была темнее, а глаза — такими же черными, как его волосы. В черных глазах горел гнев — хотя их обладатель старался и не показывать этого.

Миссис Льюис, как видно, тоже приняла этого странного гостя за него, Алекса, потому что о нем она, казалось, забыла, а разговаривая с *тем*, то и дело обращалась к нему по имени — Алекс.

Она предложила ему стакан колы, тот взял его, но сделал всего пару глотков — резко поставил его на стол и шагнул к миссис Льюис.

Что-то пробормотав сквозь зубы, с горящими яростью глазами он сомкнул пальцы на шее миссис Льюис и начал душить ее.

Замерев в углу кухни, Алекс помимо воли не мог отвести глаз от сцены, разыгрывавшейся всего в нескольких футах от него.

Он чувствовал — вместе с миссис Льюис — слепящую боль в шее, которую все сильнее сжимали пальцы смуглокожего юноши.

Чувствовал животный страх — когда миссис Льюис осознала, что с ней сейчас случится.

Но он ничего не мог поделать, кроме как остаться в своем углу. Потому что раздирающая нервы боль, которую он ощущал вместе с миссис Льюис, померкла перед неожиданной, простой и оттого еще более страшной мыслью.

Это же я. Это я — парень, ее убивающий.

И сейчас, наяву, эта мысль никуда не ушла; не ушли и воспоминания о том, что он *чувствовал*, наблюдая за убийством.

Значит, это и были чувства. Эмоции.

Жалость к миссис Льюис, ненависть к смуглокожему, страх за то, что может произойти после того, как он прикончит свою жертву.

Но миссис Льюис умерла, Алекс проснулся, смуглокожий исчез... а вместе с ним исчезли и все эмоции. Зато память о них осталась. И память о перекошенном лице жертвы, и еще — о словах, которые произносил смуглокожий, убивая ее.

Встав с кровати, Алекс спустился в гостиную, взял с полки толстый том испанского словаря и без труда нашел слова, которые повторял смуглокожий.

Venganza — месть.

Ladrones — грабители.

Asesinos — убийцы.

Но если месть — то за что?

И кто эти грабители и убийцы?

Слова эти не имели для него никакого смысла, и хотя во сне он узнал ее, Алекс готов был поклясться, что никогда в жизни не встречал Марту Льюис.

И не знал испанского.

Но тогда этот парень во сне — не он.

Это был просто сон.

Поставив словарь обратно на полку, Алекс пошел наверх, в свою комнату.

Но на следующее утро, развернув свежую «Ла-Палома Геральд», он долго смотрел на фотографию Марты Льюис на первой полосе.

Никаких сомнений — ночью во сне он видел именно эту женщину.

Глава 15

В день, когда были назначены похороны, Эллен Лонсдейл проснулась рано. Она лежала в постели,

глядя в окно на удивительно безоблачное осеннее калифорнийское небо. День, по ее мнению, мало подходил для похорон. Хотя бы туман приполз с океана и окутал окрестные холмы, как часто бывает в это время года, — ан нет, небо сияло безупречной голубизной. Лежавший рядом с ней Марш пошевелился и нехотя открыл глаза.

— Вставать еще рано, — покосившись на мужа, сообщила Эллен. — Мне просто не спится, вот я и лежу просто так.

Марш уже окончательно пробудился и, приподнявшись на локте, вгляделся в лицо жены. Протянув руку, он нежно дотянулся до ее предплечья, однако Эллен съежилась от его прикосновения и, сбросив простыню, поднялась с постели.

— Ты все еще думаешь об этом? — спросил он, зная заранее — с ним она разговаривать об этом не будет. Раймонд Торрес — другое дело, вот желанный собеседник для нее... С каждым днем Марш все сильнее ощущал, как он, Эллен и их единственный сын постепенно отдаляются друг от друга.

Как и ожидал Марш, Эллен отрицательно покачала головой.

— Честно говоря — не знаю, сколько еще смогу выдерживать все это... — Она задумалась, затем принужденно улыбнулась. — Но я буду стараться. Буду — изо всех сил.

— Может, стараться-то как раз и не стоит, — подумал вслух Марш. — Может, нам стоит... гм... сбежать на пару недель от всего этого, а за это время мы немного придем в себя... и, может, снова начнем понимать друг друга...

Руки Эллен замерли на поясе халата, она смотрела на мужа, уверенная, что ослышалась.

— Сбежать? Как... как ты можешь предлагать такое? Оставить Алекса? Кэйт? О них, позволь тебя спросить, кто позаботится?

Марш, сев на кровати, пожал плечами, затем, поднявшись, подошел к жене.

— Заботу о Кэйт, насколько я знаю, уже взяла на себя Вэл Бенсон и, по-моему, бросать не собирается. По крайней мере, у нее будет занятие более достойное, чем публично сожалеть о своем разводе.

— Это жестоко, Марш...

— Отнюдь нет, дорогая, — это всего лишь правда, которую ты знаешь не хуже меня. Алекс же, поверь, вполне в состоянии сам о себе позаботится — пусть на себя прежнего он и не похож. Самая большая проблема — у нас с тобой, и пора уже нам в этом признаться. — Какую-то секунду Марш сомневался — говорить ли все это сейчас, может быть, стоило бы сдержаться... Но сдерживаться он больше не мог. — Ты же не замечаешь, что больше со мной не разговариваешь. За последние три дня вообще не сказала ни слова, а до того от тебя можно было услышать только о том, как, по мнению Раймонда Торреса, должны мы жить дальше. Не только Алекс, понимаешь, но и мы.

— Не вижу никакой разницы, — пожала плечами Эллен. — Сейчас мы, хотим того или нет, живем жизнью Алекса, а Раймонд знает, поверь, что для него лучше.

— Раймонд Торрес — нейрохирург, и — надо признать — гениальный, но он все же не апостол и не всемогущий Господь Бог, хотя изо всех сил пытается строить из себя именно..

— Раймонд, — перебила его Эллен, — спас нашего Алекса.

— Неужели? — Эллен увидела, как лицо мужа искривила гримаса боли. — А мне, знаешь, все чаще кажется — не спас, а украл его. Разве ты не видишь, что происходит, Эллен? Алекс больше не принадлежит ни мне, ни тебе, и ты стала тоже чужая. Вы оба

теперь — игрушки Раймонда Торреса, и кажется мне, что именно этого он и добивался.

Присев на кровать, Эллен закрыла уши руками, словно, не слыша голоса мужа, могла изгнать из памяти и произнесенные им слова.

— Марш, — в голосе ее слышалась мольба, — ты не должен так поступать со мной, слышишь? Я ведь только хочу, чтобы стало лучше... и нам, и Алексу. Разве нет?

Она показалась Маршу такой беззащитной, такой хрупкой под грузом свалившихся на нее горестей, что он, бросившись на колени перед женой, взял в свои руки ее холодные пальцы.

— Я не знаю сам, — произнес он тихо. — Я не понимаю, что, для чего и для кого мы делаем. Знаю только одно — я люблю тебя и хочу, чтобы мы снова стали семьей, понимаешь?

Помолчав, Эллен ответила медленным кивком.

— Я знаю, — почти прошептала она, — я тоже люблю тебя. Только не знаю, что может случиться завтра.

— Ничего, — твердо ответил Марш. — Случай с Алексом и смерть Марти Льюис никак не связаны. То, что случилось с Алексом, — автокатастрофа. А Марти Льюис убили, и...

— Да, я понимаю... — медленно произнесла Эллен. — Но у меня все равно такое чувство, что здесь все же есть какая-то связь. Знаешь, иногда мне кажется, будто над нами... будто над нами висит проклятие.

— Ну, вот это уже глупости, — Марш нахмурился. — Никаких проклятий не бывает, Эллен. Это жизнь — такая, как она есть.

Нет, не такая, думала Эллен, одевшись и спускаясь вниз, чтобы приготовить завтрак. В жизни все обычно и просто: ты зарабатываешь деньги, растишь

детей, принимаешь друзей... Но то, что сейчас происходит с Алексом, не назовешь обычным, как и то, что вот так, почти среди бела дня, убили старушку Марти, и то, что у нее самой из всех мыслей, похоже, осталась одна — сможет ли она выбраться живой из всего этого...

Эллен взглянула на часы — минут через пять спустится Марш, еще через несколько минут к ним присоединится Алекс. Вот это, слава Богу, вполне обычно — и об этом и следует думать. И вообще есть масса вещей, которые могут создать хотя бы видимость обычной, нормальной жизни... но к тому моменту, когда Марш и Алекс спустились в кухню, ни одной из них она так и не вспомнила. Налив мужу и сыну кофе, она подошла и поцеловала Алекса.

Казалось, он не заметил этого — и одновременно подступившие чувства досады и огорчения, словно щупальцами, сдавили ей горло.

Открыв банку апельсинового сока, она налила два стакана и поставила их перед мужем и Алексом. И только сейчас заметила — Алекс в серой майке и джинсах, в которых обычно ходит в школу, но на похороны Марти она приготовила ему темный костюм...

— Тебе придется пойти и переодеться, милый. В этом не ходят на похороны.

— Я и решил не ходить, — сказал Алекс и осушил залпом стакан сока.

Марш оторвал глаза от газеты.

— Нет, разумеется, ты пойдешь.

— Алекс, но... просто нужно пойти, — Эллен в растерянности смотрела на сына. — Марти была одной из моих лучших подруг, и вы с Кэйт всегда так дружили...

— Но это же глупо. Мать Кэйт я совсем не знал. Зачем тогда я должен идти на ее похороны? Для меня же это ничего не значит.

Слова, произнесенные сыном, казалось, лишили Эллен дара речи, она молча смахнула крошки со стола и последним усилием воли напомнила себе предупреждение Раймонда Торреса. Не сдаваться. Не давать волю чувствам. Помнить об одном — сам Алекс сейчас не способен чувствовать и поступать соответственно.

Надо что-то сказать ему... но что говорить сейчас, после такого...

Почему только сейчас приходит к ней полное осознание того, что отношения — и с Алексом в том числе — целиком и полностью основаны на чувствах: любви, гневе, жалости, на всех тех эмоциях, которые она всегда принимала как само собой разумеющееся, то, что всегда с ней... но у Алекса их больше не было. И вместе с ними исчезли те незаметные нити, что связывали его с миром. Что же теперь делать ей... Голос Марша прервал ее мысли. Обернувшись, она перехватила его гневный взгляд, направленный в сторону Алекса.

— А если мы хотим, чтобы ты пошел с нами — это значит для тебя что-нибудь? И если для нас это значит очень многое?

Скрестив руки на груди, Марш откинулся на стуле. Эллен поняла — больше он не произнесет ни слова, пока Алекс не ответит ему.

Алекс молча сидел за столом, обдумывая только что услышанное.

Значит, он снова совершил ошибку — как и с Лайзой вчера вечером. По выражению отцовского лица он понял, что тот рассердился на него, и ему предстояло понять, из-за чего именно.

Хотя, в принципе, он уже знал.

Он оскорбил чувства матери — вот почему отец на него рассердился.

Что такое чувства — он начал понемногу понимать, с той самой ночи, когда видел сон с миссис Льюис. Он до сих пор помнил чувства, которые испытывал во сне, хотя с тех пор ничего подобного с ним не случилось. Но, по крайней мере, у него теперь была память о чувствах. С этого можно начать.

— Простите меня, — тихо произнес он, зная, что именно это хочет услышать от него отец. — Мне кажется, я... я не подумал.

— Да уж, мне тоже кажется, — согласился отец. — А теперь я предлагаю тебе подняться, надеть костюм, и когда ты придешь с нами на похороны, ты будешь вести себя так, что ни у кого не возникнет сомнений в твоих лучших чувствах к покойной миссис Льюис. Понял меня?

— Да, сэр, — кивнув, Алекс встал из-за стола и вышел из кухни. Поднимаясь по лестнице, он услышал в кухне громкие голоса — родители о чем то спорили. И хотя слов он не мог разобрать, он знал, о чем — вернее, о ком — они спорят.

О нем, о том, каким он стал после этой аварии.

Об этом — он знал — теперь говорили многие. Алекс не раз замечал, что когда он входил в комнату, находившиеся в ней люди тотчас замолкали.

Одни начинали пристально вглядываться в него, другие поспешно отворачивались.

Разумеется, это его не трогало. Сейчас его заботило лишь одно — сон, который он видел той ночью, и чувства, испытанные им. Он размышлял — если чувства оживают в нем во сне, значит, могут рано или поздно проснуться и наяву. И когда это произойдет — он снова станет таким же, как все.

Если только он действительно не убил эту женщину.

Может, еще и поэтому ему стоит сходить на похороны. Если он увидит тело, то, может быть, вспомнит, действительно он убил ее или нет.

Сразу же за воротами небольшого кладбища Алекс понял — то, что было в Сан-Франциско, у старой миссии, произойдет сегодня снова.

Он хорошо помнил место, где сейчас находился, но выглядело оно, как и то, другое, совсем не так, как подсказывала ему память.

Стены обветшали и местами осыпались, трава — мягкая, зеленая, за которой специально ухаживали священники и их служки — уступила место твердой растрескавшейся земле, лишь кое-где покрытой редкими колючими кустиками.

И памятники были совсем другими. Их стало гораздо больше — и почти все они, как и стены, обветшали так, что почти невозможно было разобрать начертанные на них имена и даты. Он помнил цветы на могилах, но их тоже больше не было.

Алекс обвел взглядом лица стоявших вокруг него. Раньше он их никогда не видел.

Это были чужие лица. Этих людей не должно быть здесь.

И вдруг снова, как и в тот раз, мгновенная боль пронзила голову и те же голоса зашептали вкрадчиво:

«*Ladrones... asesinos...*»

Алексу вдруг неудержимо захотелось повернуться и бежать прочь. От этой боли, от голосов и от этих воспоминаний...

Он почувствовал, как чья-то рука легла ему на плечо, сделал попытку вырваться, но чужие пальцы лишь сжались плотнее, и другой голос, извне, пробился сквозь те, что шептали по-испански.

— Алекс! — позвал отец. — Алекс, что с тобой?

Мотнув головой, Алекс открыл глаза. Прямо перед ним — встревоженное лицо матери. Рядом с ней —

он узнал — Лайза Кокрэн. Чуть поодаль ее родители. А дальше — Кэйт Льюис, за ее спиной виднеется убранный цветами гроб, Валери Бенсон, у самой стены застыла чета Эвансов.

— Алекс! — снова услышал он голос отца.

— Нет, нет, ничего, па, — прошептал он в ответ. — Со мной все в порядке.

— Ты уверен?

Алекс кивнул.

— Я просто... мне показалось, я опять вспомнил что-то... Но это уже прошло.

Пальцы отца на плече ослабли, и Алекс снова обвел взглядом кладбище.

Голоса в мозгу умолкли, и кладбище снова обрело свой нормальный вид.

Почему он вдруг подумал о каких-то священниках?

Он взглянул на здание сельского клуба, бывшее некогда католической миссией, и подумал: когда в последний раз могли здесь видеть священника? Наверняка к тому времени, как он родился, исчезли даже воспоминания о них.

Тогда почему он вспомнил, что за кладбищем ухаживали священники?

И почему вначале ему показались чужими лица тех, кого он хорошо знал?

В памяти снова всплыли слова, которые минуту назад голоса нашептывали ему прямо в уши:

«Убийцы... грабители...»

Эти же слова он слышал в том сне. Значит, он просто вспомнил свое вчерашнее сновидение. Но что-то в самой глубине мозга подсказывало — нет, не просто. Эти слова имели какой-то смысл, имел смысл и его сон, и вообще во всем этом было нечто большее, чем просто сны и странные воспоминания.

Все это было явью — но почему, он не мог понять. Он просто не мог думать об этом. Стоявшие вокруг — он чувствовал — все время смотрят на него, поэтому придется сосредоточиться на том, чтобы вести себя так, будто ничего не случилось...

Алекс уперся взглядом в гроб, стоявший на краю свежевыкопанной могилы.

Внезапно почти над ухом он услышал голос отца:

— Что, черт возьми, этому сукиному сыну здесь нужно?!

Проследив за взглядом отца, Алекс увидел в нескольких ярдах от них, у стены, доктора Раймонда Торреса.

Он кивнул ему, Торрес кивнул в ответ.

Он наблюдает за мной, понял вдруг Алекс. Он пришел вовсе не на похороны. Он пришел, чтобы следить за мной.

Где-то глубоко в мозгу, у самых границ сознания, словно шевельнулось что-то. Этого ощущения Алекс прежде не знал.

Это произошло так быстро, что Алекс не успел почти ничего понять. Но в следующую секунду он уже знал, в чем дело. Чувства вновь оживали в нем — по крайней мере, одно, но сильное чувство.

Страх.

— Ну, как дела, Алекс? — Раймонд Торрес протянул руку юноше. Зная, что от него ожидают именно этого, Алекс пожал ее. Похороны завершились около часа назад, и большинство присутствовавших там собрались сейчас во внутреннем дворике дома Вальери Бенсон, тихо переговаривались, наперебой — так же тихо — старались утешить Кэйт. Алекс сидел один, чуть в отдалении, глядя в небольшой пруд с водопадиком, где плавали золотые рыбки. Там Торрес и нашел его.

— Хорошо, — пожал плечами Алекс, кожей ощущая взгляд пронзительных черных глаз.

— На кладбище... что-то произошло, верно?

Поколебавшись, Алекс кивнул.

— Там... со мной было что-то вроде того, что случилось во Фриско...

Торрес пристально смотрел на него.

— Понятно. И здесь, сейчас... опять было то же самое.

Алекс снова кивнул.

— Да, то же. Мне показалось, что я узнал этот дом... только он сейчас по-другому выглядит. Этот вот пруд. Внутренний двор я помню, а пруд — нет.

— Наверное, его только недавно вырыли.

— Но он не выглядит новым, — возразил Алекс. — Я еще специально спросил об этом у миссис Бенсон. Она говорит — он был здесь всегда.

Торрес кивнул.

— Думаю, лучше тебе завтра зайти ко мне — и мы поговорим об этом подробнее.

Неожиданно за спиной Алекса выросла фигура отца. Алекс почувствовал, как на плечи ему легли руки Марша, но на сей раз не сделал попытки высвободиться.

— Завтра, — с нажимом произнес Марш, — он идет в школу.

Торрес пожал плечами.

— Меня вполне устроит время после занятий.

Марш молчал. Инстинкт подсказывал ему — нужно объявить Торресу, что его сын больше к нему не придет.

Нет, не здесь, не сейчас. Марш коротко кивнул, мысленно отдав себе распоряжение скорректировать планы на завтра — в Пало Альто Алекса он повезет сам. И завтра, хмыкнул он про себя, состоится наша с тобой последняя беседа, голубчик.

— Хорошо, доктор Торрес. Завтра во второй половине дня.

— Да, и еще... Прежде чем принимать какие-либо решения, предлагаю вам внимательно перечитать контракт, который вы подписали. — Сказав это, Торрес резко повернулся и быстрыми шагами направился к выходу со двора. Минуту спустя у ворот взревел двигатель, огни автомобиля метнулись по направлению к шоссе.

Ла-Паломала осталась далеко позади, а Раймонд Торрес все спрашивал себя — не было ли ошибкой его присутствие на похоронах Марты Льюис. Он ведь не собирался туда идти. С Ла-Паломой он распрощался много лет назад и знал, что будет чувствовать себя чужим в этом городе.

Именно так, собственно, и случилось. На кладбище он узнал большинство из присутствовавших, но сами они его присутствия попросту не заметили. Об этом, вспомнил он, и говорила ему мать — он заехал к ней перед тем, как идти на похороны.

— *Лосо*, — покачала она головой. — Пусть ты мой сын, но ты *лосо*, психованный. Ты думаешь, что нужен им здесь? Думаешь, оттого, что у тебя черт-те какой диплом и черт-те какая больница в том городе, они тебя примут? Тогда иди! Иди — и поймешь, кем они вправду тебя считают. И считали всегда. Думаешь, они переменялись? *Грингос* никогда не меняются. Нет, конечно, они тебе ничего такого не скажут! Они же ужас как вежливы. Может, даже пригласят тебя в дом. — Тело матери задрожало, в глазах загорелся знакомый Торресу — копившийся годами — гнев. — В дом! — выплюнула она. — В один из тех, что они отняли у наших предков!

— Несколько поколений тому назад, — напомнил ей Торрес. — Все это давно забыто. Никто из этих

людей не имеет никакого отношения к тому, что случилось в те времена. А с Марти мы вместе учились.

— Учились, — презрительно протянула Мария. — Да, вы ходили с ней в одну школу, точно. Но она хоть раз заговорила с тобой? Она вообще считала тебя человеком? — Глаза Марии подозрительно сощурились. — Нет, не из-за нее идешь ты на эти похороны. Не из-за нее. Из-за чего, Рамон?

Под проницательным взглядом старухи Раймонд Торрес почувствовал, что вся его уверенность, которой он так гордился, исчезает. Как она догадалась? Откуда узнала, что он идет на похороны действительно не ради того, чтобы помолиться за упокой души бывшей одноклассницы, которую не видел с самого окончания школы? Догадалась ли она, что он хочет увидеть боль на лицах ее друзей, в глазах Синтии Эванс, в глазах всех остальных — ту самую боль, что так щедро выпала в свое время на его долю? Нет, наконец решил он, об этом матери нипочем не догадаться, да если и так, он ни за что в этом не признается.

— Из-за Алекса, — помолчав, сказал он. — Я хочу... посмотреть, как он там поведет себя. — Он рассказал матери о случае с Алексом в Сан-Франциско, и старуха кивнула понимающе.

— Знаешь, чья там была могила? — спросила она. — У дона Роберто был брат. Звали его Фернандо, он был священником.

— Думаешь, Алекс Лонсдейл увидел там привидение? — Торрес недоверчиво усмехнулся.

Глаза Марии вызывающе блеснули.

— Не торопись скалить зубы, *hombre*. О семье дона Роберто ходило много легенд.

— У нашего народа есть легенды о чем угодно, — сухо заметил Торрес. — Собственно говоря, это все, что осталось у нас.

— Нет, — снова сверкнула глазами Мария. — Есть кое-что еще. Наша гордость. Не для тебя, конечно. Тебе всегда было мало гордости. Ты хотел того, что имеют гринго, даже если ради этого пришлось стать одним из них. Что же, ты попробовал? Ты проиграл. Что с того, что у тебя теперь дорогие машины, и костюмы, и образование, как у них. Считают они тебя равным? Нет. И никогда не будут.

Покидая дом, где он появился на свет, Торрес думал о разговоре с матерью. В сущности, она ведь права. На похоронах он чувствовал себя чужим, одиночкой, несмотря на то, что знал всех в лицо.

Но поехал он не напрасно.

С Алексом Лонсдейлом явно что-то произошло. Он неуловимо переменялся — на несколько мгновений, до того, как подошел его отец, — но переменялся весь, сразу и неузнаваемо.

Его глаза... в них светилась жизнь, и он во что-то напряженно вслушивался.

Но во что?

Именно об этом думал Раймонд Торрес на обратном пути в Пало Альто. Добравшись наконец до Института, он поднялся в свой кабинет и раскрыл папку с историей болезни Алекса.

Да, что-то было не так. Он проявлял все больше признаков эмоционального поведения.

Если это зайдет слишком далеко, то погубит все. И в первую очередь — самого Алекса.

Глава 16

Стоя посреди небольшой площади, Алекс ждал. Ждал знакомой уже боли, которая вот-вот должна пронзиг мозг, и за ней снова хлынут странные вос-

поминания, не имеющие отношения к реальному миру. Он вглядывался в старые здания на противоположной стороне площади, ища знакомые детали — вернее, те, что он ожидал найти. Но все выглядело таким же, как и всегда: городской клуб, некогда бывший католической миссией, библиотека, в которой когда-то размещалась церковная школа.

Боль не приходила, а без нее не появились ни видения, ни голоса, ее сопровождавшие.

Окончательно уверившись в том, что площадь и старые здания бессильны оживить ту странную память, Алекс медленно пересек площадь и, войдя в здание библиотеки, подошел к столу, за которым сидела библиотекарьша. Мисс Арлетт Прингл, занимавшая эту должность в Ла-Паломе уже тридцать лет, увидев его, удивленно подняла брови.

— Алекс? У нас сегодня что, праздник? А мне, как всегда, не сказали ничего.

Алекс покачал головой.

— Сегодня утром были похороны миссис Льюис. Я был там с родителями. А днем... в общем, мне бы хотелось кое-что посмотреть, а в школьной библиотеке этих книг нет.

— А, поняла. — Арлетт Прингл была рада увидеть хотя бы одно юное лицо, ведь в последнее время школьники так редко заходят в библиотеку. И она сразу же предложила Алексу свою помощь: — Что же тебе поискать?

— О городе, — ответил Алекс. — У вас есть какие-нибудь книги по истории Ла-Паломы? Я имею в виду — с тех времен, как сюда прибыли миссионеры-католики?

Утвердительно кивнув, Арлетт Прингл достала из ящика ключ и, отперев застекленный шкаф, извлекла объемистый том в кожаном переплете.

— Если тебя интересуют старые времена — это как раз то, что нужно. Напечатано, правда, лет сорок назад. Ничего более свежего, боюсь, с тех пор не появлялось.

Взглянув на обложку, Алекс открыл увесистый том. На титуле оказался рисунок тушью — та самая площадь, — а над ним надпись: «Ла-Паломы — Белая Голубица Калифорнии». На следующем листе было изложена история города. Быстро пробежав ее взглядом, Алекс понял: это именно то, что он искал.

— Могу я взять книгу?

Мисс Прингл огорченно покачала головой.

— К сожалению, это наш единственный экземпляр. Даже Синтии Эванс, когда она изучала историю своей гасиенды, приходилось читать ее здесь, в моем присутствии. Когда она реставрировала гасиенду, — пояснила она. — Признаюсь тебе: после того, как я сама все это прочла, то поехала и посмотрела, что удалось сделать Эвансам с гасиендой. Удивительно — снаружи она в точности, как была в те самые времена. — Заскрипела входная дверь, и Арлетт заторопилась к новому посетителю. — Если будут какие-то вопросы — я сейчас вернусь.

Кивнув, Алекс уселся за один из тяжелых дубовых столов, стоявших в читальном зале, который занимал почти все небольшое здание.

В книге, как оказалось, были собраны в основном старинные рисунки, рассказывавшие о первых годах существования Ла-Паломы, сопровождали их довольно лаконичные подписи. Начиналось все с прибытия францисканских миссионеров в 1775 году, следующие записи относились уже к 1820-м, когда мексиканцы предоставили права на землевладение *калифорниос*, затем шел рассказ о 1848-м и договоре Идальго Гуадалупе. Целая глава была посвящена истории семьи Мелендес-и-Руис, глава семейства, Ро-

берто, был повешен за попытку убийства американского генерал-губернатора. После его казни семья оставила гасиенду на холме недалеко от города и бежала в Мексику, остальные *калифорниос*, продав американцам свои дома, вскоре последовали за ними.

Далее на нескольких листах следовали изображения миссии, гасиенды и старинных испанских домов. Именно эти рисунки и приковали внимание Алекса.

Собственно, это были даже не рисунки — лист за листом в книге шли поэтажные и общие планы тех самых зданий, что до сих пор стояли на холмах неподалеку от города. На прилагавшихся фотографиях были четко видны все изменения, — дома на разные лады перестраивали в течение многих лет.

В самом конце книги, на планах и фотографиях, Алекс увидел свой собственный дом. Он долго вглядывался в уже тронутые временем страницы. Дом почти не изменился — среди всех старинных домов Ла-Паломы он один дожил в почти первозданном виде до наших дней.

Только сад огородили стеной.

На рисунках, сделанных умелой рукой монаха вскоре после того, как земли миссии отошли к латифундистам, стена состояла из выложенных плиткой прямоугольных блоков, соединенных перемычками. Между перемычками были протянуты веревки, по которым вились слабые, еще совсем молодые виноградные лозы. Алекс долго рассматривал рисунок. Где он видел его?

И вспомнил. Именно такой представлял он себе стену сада в тот день, когда родители привезли его домой из лаборатории доктора Торреса. Но на следующей странице, на фотографии, сделанной примерно полвека назад, виноград уже пышно разросся, покрыв почти всю стену кудрявым зеленым ковром.

Следующий лист явил ему фотографию дома Валери Бенсон. От прежнего облика в нем не осталось почти ничего. Оказалось, дом два раза горел, и оба раза после пожара меняли форму стен и крыши. Единственное, что осталось от старого дома, — внутренний двор, но и он не избежал перестройки: в 1927 году во дворе соорудили пруд с золотыми рыбками, который питал миниатюрный водопад.

Алекс долго изучал старый рисунок, затем — более поздние фотографии.

И снова старый рисунок показался ему знакомым — двор дома миссис Бенсон был на нем таким, каким, неизвестно откуда, запомнился Алексу.

Закрыв книгу, Алекс некоторое время сидел неподвижно, пытаясь найти ответ хотя бы на один из вопросов, сверливших его и без того измученный мозг. Наконец, встав, он взял книгу и пошел с ней обратно к столу, за которым восседала мисс Арлетт Прингл. Взяв у него книгу, библиотекарьша убрала ее обратно в застекленный шкаф.

— Мисс Прингл... — Алекс замялся. — Вы не могли бы сказать мне, когда я просматривал эту книгу в последний раз... я имею в виду — до этого?

Арлетт Прингл поджала губы.

— Ты хочешь сказать — ты уже брал ее?

— Понимаете... я очень, очень многого сейчас не помню. Но некоторые иллюстрации в этой книге показались мне очень знакомыми. И я подумал — может быть, можно выяснить, когда я в последний раз брал ее у вас.

— Трудно сказать, но посмотрим... — промурлыкала мисс Прингл. — Да, конечно. Если бы книга была в открытом доступе, это, конечно было бы невозможно, но тех читателей, которые берут книги из этого шкафа, я записываю. — Откуда-то снизу она извлекла толстую тетрадь и, раскрыв ее, начала во-

дить пальцем по строчкам. Минуту спустя она, подняв голову, виновато улыбнулась Алексу: — Прости, голубчик. Но, согласно моим записям, эту книгу ты ни разу не брал. Ее, собственно, вообще никто не брал, кроме Синтии Эванс — никто ни разу за последние пять лет... а до этого она вряд ли могла заинтересовать тебя — ты же был еще маленький.

Кивнув, но ни сказав ни слова, Алекс повернулся и вышел из помещения. Домой он шел медленно, — в голове теснились самые разные мысли. Он чувствовал, что устал, однако, подойдя к дому, повернул направо и так же медленно зашагал по Гасиенда-драйв.

Один раз он остановился передохнуть — возле того самого поворота, где несколько месяцев назад его машина, сломав ограждение, рухнула в каньон. На обочине он стоял примерно полчаса, стараясь отыскать в памяти хоть какие-нибудь подробности катастрофы.

Он знал, что произошло тогда: слишком часто с той минуты, когда он очнулся в Институте мозга, самые разные люди пересказывали ему детали случившегося. Была вечеринка, они с Лайзой поссорились, и Лайза ушла. Через несколько минут он отправился за ней, но вел машину на большой скорости, поздно заметил Лайзу, и ему пришлось резко свернуть, чтобы не сбить ее. Машина сошла с дороги и упала в каньон.

Чего-то, однако, в этом описании не хватало. Где-то в глубине память подсказывала ему: был еще кто-то — чей-то смутный образ, он тоже боялся сбить этого кого-то — и вот из-за этого, собственно, и случилась авария.

Но кто это был? Он не мог сосредоточиться на этом едва различимом видении, не мог увидеть черты лица.

Пошатываясь от усталости, Алекс побрел к вершине холма, где возвышалась гасиенда супругов Эванс.

Сидя в регистратуре Медицинского центра Ла-Паломы, Марш Лонсдейл бегал пальцами по клавиатуре компьютера. Марш был зол, даже экран монитора, тарасившийся, словно циклоп, раздражал его. Немало благодарственных молитв он вознес всевозможным богам за то, что в свое время они надоумили его оборудовать Центр компьютерной сетью, но нередко — и сегодня был как раз тот случай — за эту сумасбродную идею он посылал им многочисленные проклятия.

— Тут учиться Бог знает сколько лет нужно, чтобы только освоить эту чертову штуковину, — цедил он сквозь зубы. Выглянув из-за полок с папками, Барбара Фэннон сочувственно улыбнулась ему.

— На ругань машина, к сожалению, не отзывается. Если ты скажешь мне, что ищешь, может, я попробую помочь тебе? — Присев на стул рядом с ним, она мягко убрала руки Марша с клавиатуры.

— Алекса, — ответил Марш. — Я ишу все данные о моем сыне. А эта чертова машина мне их не дает, дьявол ее возьми!

— А ты не горячись, — наставительно ответила Барбара. — Ты спроси ее вежливо, и так, как она понимает. — Она прошлась пару раз по клавишам, и экран ожил. — Ну вот. Нажмешь вот эту клавишу — и все, что пожелаешь, со дня, когда он родился, до того, как он попал сюда. — Встав, она кивнула Маршу и снова занялась полками.

Марш принялся изучать данные — и, к своему изумлению, обнаружил, что последняя запись относилась к апрелю прошлого года, когда Алекс проходил в Центре диспансеризацию. С минуты Марш не-

доуменно вглядывался в экран, затем повернулся к Барбаре Фэннон.

— У нас что, дальше ничего нет?

— Прости... о чем ты?

— Я спрашиваю — вводили ли мы данные об Алексе за последние пять месяцев. Сейчас сентябрь, а здесь последняя запись за апрель, о диспансеризации. То есть отсутствуют сведения почти за полгода.

— Очень странно. — Барбара нахмурилась. — Мы вводим сюда информацию о пациентах каждые двадцать четыре часа. Дай, я сама посмотрю. — Перегнувшись через плечо Марша, она снова начала стучать клавишами. Однако под ее пальцами чуда не произошло. Данные по-прежнему заканчивались апрелем прошлого года.

— Ну, видишь?

— Вижу — что-то здесь не так, и причин тому может быть множество. У меня предложение — почему бы тебе не вернуться в кабинет и не заняться своей работой, а я пока выясню, куда же делись все данные об Алексе. Если мне все же не удастся вынуть их из компьютера, я принесу тебе оригинал снизу, из архива, но это займет некоторое время, извини. Договорились?

Кинув, Марш нехотя встал и направился к выходу, но Барбара остановила его.

— Марш, прости... что-нибудь случилось? Я имею в виду — с Алексом?

— Не знаю, — хмуро ответил Марш. — Что-то меня беспокоит в нем... и мне категорически не нравится этот Торрес. И потому я хочу проверить эти записи и доподлинно выяснить, что же он все-таки сделал с ним.

— Понятно, — Барбара вздохнула. — Теперь, по крайней мере, буду знать, что искать. Не переживай — в самое ближайшее время что-нибудь да отыщется.

Однако час спустя, когда Барбара вошла в его кабинет, на ее лице застыло выражение крайнего удивления.

— Марш, прости, но... я ничего не нашла.

— В компьютере ничего нет? — поинтересовался он.

— Хуже, — сев в кресло напротив Марша, Барбара протянула ему картонную папку. — В архиве тоже никаких данных.

Открыв папку, на которой крупными буквами значилось имя сына, Марш обнаружил листок с одной лишь фразой:

«Содержимое этой папки передано в Институт мозга по распоряжению доктора Маршалла Лонсдейла, директора Медицинского центра Ла-Паломы».

Марш откинулся на спинку стула.

— Что все это значит, черт возьми?

Барбара пожала плечами.

— Видимо, только одно — что после аварии ты послал все данные в Пало Альто, а нам их так и не прислали назад.

Протянув руку, Марш нажал клавишу интеркома.

— Фрэнк, можешь подняться ко мне?

Минуту спустя в кабинет вошел Фрэнк Мэллори. Марш протянул ему листок.

— Что ты скажешь об этом?

Изучив запись, Фрэнк в свою очередь пожал плечами.

— Ну да. Все данные отправили в Пало Альто. Торрес их потребовал.

— Да, но почему он не прислал их назад? И какого черта мы не сделали копию?

Мэллори изобразил на лице гримасу задумчивости.

— Я... да, мне кажется, я просто на них понадеялся. Они еще черт знает когда должны были их вернуть — вместе с копиями и всем прочим. Это же часть истории болезни Алекса...

— Вот именно, — громыхнул Марш. — Но они, как видишь, не вернули. Барбара, тебе нетрудно будет позвонить туда и узнать, почему до сих пор все материалы у них? И не церемонься особо с ними.

Когда Барбара вышла, Фрэнк Мэллори несколько секунд внимательно смотрел на Марша.

— Слушай, а ты что такой взвинченный? С Алексом что-нибудь? Если не секрет, конечно.

— Да какой там секрет, — Марш устало качнул головой. — Просто я сам не могу понять, что с ним происходит. И поэтому боюсь за него.

— А Торрес тебе просто не нравится.

— Обратного я никогда и не утверждал, — Марш нахмурился. — Но дело не только в этом. Торрес ведет себя так, будто Алекс теперь — полная его ответственность, а сам Алекс... не знаю. Говорю тебе — мне страшно за него.

— А Эллен? Она тоже за него боится?

Марш пожал плечами.

— Хотелось бы. Но она, к сожалению, думает, что Торрес — всемогущий маг из двадцать первого века. И еще — что на Ла-Паломе лежит проклятие... или как она там сказала.

Глаза Мэллори изумленно расширились.

— Проклятие? Брось, Марш, только не Эллен...

— Да понятно, — Марш махнул рукой. — Думаю, она и сама ни во что такое не верит. Просто сегодня утром она была здорово расстроена. Смерть Марти всего через несколько месяцев после того, что случилось с Алексом...

— Но ведь одно с другим никак не связано, — Фрэнк пожал плечами.

— Вот и я ей то же самое говорил. И уверен — она поймет, что я прав, если как следует об этом подумает. Больше беспокоит меня другое — отношение ко всему этому Торреса. — Он коротко пересказал Фрэнку разговор с Торресом в день похорон Марти Льюис. — Представляешь, что он мне ответил? Вы, мол, перечитайте договор, который подписали со мной.

— А кстати, ты его перечитывал с тех пор, как подписал?

Прежде чем Марш успел ответить, дверь отворилась и в кабинет вошла Барбара, держа в руках еще одну картонную папку. Одного взгляда на ее лицо Маршу было достаточно, чтобы понять — что-то неладно.

— Ты звонила? Что они тебе ответили?

Швырнув папку на стол, Барбара с шумом выдохнула.

— Они сказали... они сказали, что все данные у них и возвращать нам их они не собираются. Представляешь — даже наши собственные записи, не говоря уже о копиях и о тех, что вели они!

— Но... но это невозможно, — пробормотал Марш. — Они не имеют права...

— Они утверждают, что имеют, Марш. И что все их права достаточно четко определены в контракте, который ты подписал с ними перед операцией.

— Нет, не верю, — Марш замотал головой. — Я должен перечитать его. Черт, у меня нет копии...

Взяв со стола папку, Барбара молча протянула ее Лонсдейлу.

— Я как раз и подумала, что он понадобится тебе. И... сама его уже прочитала.

Изучив документ, Марш некоторое время молчал, глядя прямо перед собой, затем принялся читать снова. Закончив, он передал папку Фрэнку Мэллори.

— Это не сработает, — покачал головой Фрэнк, внимательно просмотрев контракт. — Любой суд в нашей стране признает это соглашение недействительным. Потому что по нему выходит — этот тип неподотчетен вообще никому. Не обязан представлять данные, отвечать за свои действия — ничего. И может делать с пациентами все, что ему заблагорассудится. Если верить этой бумаге, ты передал ему даже опеку над Алексом. Вообще, спрашивается, какого черта ты ее подписал? — Увидев, как изменилось выражение лица Марша, Фрэнк немедленно пожалел о сказанном. — Прости, старик, — пробормотал он, — это я напрасно.

— Совсем нет, — покачал головой Марш. — Я должен был тогда прочитать это повнимательнее. Кстати, сам Торрес сколько раз говорил мне об этом. Но мне тогда показалось, что это обычный контракт...

— В то время как на обычный он не похож ни единым пунктом, — мрачно заключил Мэллори. — Думаю, нам следует немедленно связаться с юристом.

Марш кивнул.

— Хотя я не вижу, что это могло бы дать нам. Даже если юрист сможет его опротестовать — это займет по меньшей мере несколько месяцев. А потом, — он тяжело вздохнул, — если бы я тогда изучил его самым внимательным образом — все равно подписал бы.

— Насколько я понимаю, выбор у тебя был невелик, — кивнул Фрэнк, — либо подписать эту бумагу, либо позволить умереть Алексу! Интересно, как другой поступил бы на твоём месте... Ах, черт бы его побрал...

— Ну и что мне теперь, по-вашему, делать? — спросил Марш.

В комнате повисло неловкое молчание. Каждый обдумывал варианты выхода из положения, в которое Марш попал из-за этого документа. Без данных об операции они не имели понятия о том, что именно проделал Торрес над Алексом, но это было не самым главным.

Они не только не знали, какие методы использовались при операции, но и какого рода лечение ведет Торрес сейчас. Не знали, каковы могут быть последствия этого лечения, а главное — прекращения его.

Выхода не было. Они оказались в ловушке.

Алекс сидел на склоне холма, подставив спину лучам послеполуденного солнца. Было жарко, хотя с океана уже ощущалось дуновение бриза, значит, к вечеру похолодает. Не отрываясь, Алекс смотрел на гасиенду — и в его мозгу один за другим снова оживали странные образы.

Лошади, заполнившие двор, а затем галопом несущиеся к деревне.

Люди, медленно бредущие прочь от гасиенды, — сгорбленные, с узлами, котомками.

Трое, оставшиеся во дворе гасиенды, когда остальные ее покинули. Он не различал их лиц, но знал, кто они, эти трое.

Его семья.

Голоса — далекие, едва слышные, один голос, правда, чуть громче..

«Мы не боимся смерти... и никогда не уйдем со своей земли...»

Но ведь они ушли. В книге говорилось, что они все бежали в Мексику.

«Вы убьете нас, но это ничего вам не даст... Мой сын найдет вас... найдет и прикончит...»

Слова снова и снова, как эхо, звучали в голове Алекса. Встав, он зашагал к вершине холма. Взоб-

равшись на нее, он поднял с земли сухой сук — и секунду спустя, плохо понимая, что делает, принялся разрывать нагретую землю. Земля поддавалась с трудом — полтора столетия превратили ее почти в камень.

Скелеты оказались неглубоко — всего футах в двух от поверхности. Алекс молча рассматривал три коричневых черепа, казалось, их пустые глазницы тоже изучают его. Медленно, очень медленно он принялся забрасывать землей побуревшие кости. Закончив и разровняв землю, он начал спускаться с холма, не сводя при этом глаз с гасиенды. Образы росли, становились ярче, наконец все случившееся предстало перед ним словно наяву.

Стена — белая штукатурка — в красных пятнах и выбоинах от пуль. У стены, в неестественных позах, три тела.

Он отвернулся, образы стали тускнеть, расплываться, наконец пропали совсем.

Но воспоминания остались.

У входа в кафе «У Джека» зазвенел колокольчик, и Лайза, подняв глаза, помахала входившему Алексу. Алекс медленно подошел к столику, за которым вместе с Лайзой сидел Боб Кэри, и, поздоровавшись, сел.

— Ты почему сегодня в школе не был?

— Ходил в библиотеку, — ответил Алекс. — Хотел там кое-что посмотреть.

— Вот так просто взял и пошел? — спросил Боб. — Господи Боже, Алекс, ты бы хоть спросил кого — так вообще делают или нет. Ты понимаешь, что твой поход в библиотеку — элементарный прогул.

— Пускай, — Алекс пожал плечами.

Лайза пристально посмотрела на него.

— Алекс... что-нибудь случилось?

Снова пожав плечами, Алекс обвел Лайзу и Боба взглядом.

— Если я... могу я спросить вас кое о чем — только обещайте, что не станете думать обо мне как о сумасшедшем?

Закатив глаза, Боб поднялся со стула.

— Это ты у Лайзы спроси. А я пошел — меня Кэйт ждет, я обещал ей занести домашнее задание.

— А когда она опять начнет ходить в школу? — спросила Лайза.

— Вот не знаю, — ответил Боб и, понизив голос, наклонился к Лайзе. — А ты разве не слышала — говорят, она вообще больше не собирается туда возвращаться?

Лайза покачала головой.

— А тебе кто это сказал?

— Кэролайн Эванс. Она говорит — мол, не думаю, чтобы Кэйт Льюис вернулась в школу до того, как будет суд над ее отцом, а если его еще и осудят, она, дескать, думает, что Кэйт не вернется вообще.

— И ты поверил ей? — простионала Лайза. — Кэролайн Эванс? Боб, умоляю тебя! Даже если мистер Льюис виновен — ради Бога, объясни мне, при чем тут Кэйт?

— Не знаю, — пожал плечами Боб. — Только люди порой способны на такое... — Кинув многозначительный взгляд в сторону Алекса, он направился к дверям.

— Нет, в это я просто не верю! — воскликнула Лайза, когда Боб ушел. — Люди... иногда из-за них можно просто сойти с ума. Кэролайн Эванс распространяет какие-то дурацкие сплетни, а Боб смотрит на тебя так, будто ты и правда какой-то чокнутый.

— Может, это и так, — произнес Алекс.

— То есть? — раскрыв рот, Лайза уставилась на него.

— Я говорю: может, я и правда какой-то чокнутый.

— Ну что ты опять, Алекс! Никакой ты не чокнутый — ты просто не помнишь многого, и...

— Я знаю, — перебил ее Алекс. — Но кое-что я начинаю вспоминать — и воспоминания эти очень странные. Вещи, которые я в принципе не могу помнить, события, произошедшие еще до моего рождения.

— Например? — обеспокоенно спросила Лайза. Машинально она начала постукивать соломинкой по краю полупустого стакана с колой. Не пожалеет ли она о том, что спросила его...

— Не знаю точно, — ответил Алекс. — Это просто какие-то образы, слова и вещи... они выглядят не так, как должны выглядеть. Но что все это значит — я не знаю.

— Может, и вовсе не значит ничего. Может быть, это просто у тебя в мозгу... ну, после аварии, понимаешь?

Поколебавшись, Алекс согласился:

— Возможно, ты и права.

Но сам он не верил. Его воспоминания слишком реальны, чтобы быть просто игрой воображения.

Неожиданно Лайза в упор посмотрела на него.

— Алекс, как ты думаешь — миссис Льюис действительно убил мистер Льюис?

Помолчав, Алекс снова пожал плечами:

— Откуда мне знать?

— Знать-то никто не знает, — настаивала Лайза. — Но как ты думаешь?

Неожиданно Алекс припомнил сон, который приснился ему в ночь убийства.

— Нет, не думаю, чтобы это был он, — произнес он медленно. — Мне кажется, это кто-то другой. И... по-моему, скоро снова что-то случится.

Глаза Лайзы расширились, и она резко встала.

— Что... что ты несешь... — она сглотнула. — Если ты пытался убедить меня в том, что ты чокнутый, Алекс Лонсдейл, считай, что тебе это удалось! Только совершенный псих мог сказать такое! — Схватив со стола папку с книгами, Лайза метнулась к двери, с шумом захлопнув ее за собой.

Алекс проводил ее взглядом, лишенным какого-либо выражения.

Глава 17

Уже в третий раз Эллен слушала, как муж с нескрываемой яростью зачитывает условия договора. Но даже сейчас, после долгих споров, она была уверена — Марш все преувеличивает.

— Марш, ты стал настоящим параноиком, — произнесла она, когда тот закончил. — Мне совершенно все равно, какие там цели преследует Раймонд Торрес, потому что это все придумал ты сам. Никаких таких целей у него на самом деле нет, поверь мне. Он — врач, который лечит Алекса, и делает все исключительно в его интересах.

— Тогда почему он не дает мне ознакомиться с данными? — уже не в первый раз спросил Марш. Эллен лишь устало вздохнула.

— Не знаю. Но уверена, что причина для этого есть. И в любом случае мне кажется, что тебе лучше обсудить это с Раймондом, а не со мною.

Марш, стоявший у потухшего камина, облокотившись о решетку, резко обернулся к жене. Нет, до нее все-таки не доходит. Что бы он ни говорил ей — о завесе секретности, которой окружил Торрес операцию, сделанную их сыну, об условиях договора, даю-

щих Торресу права юридической опеки над Алексом, — она оставалась просто непробиваемой. Мало этого, она кидалась на защиту Торреса. Для нее существовало только одно обстоятельство — Раймонд спас Алексу жизнь.

— Кроме того, — услышал он голос жены, — такое ли уж это имеет значение? Почему эти самые данные так важны для тебя? Что бы он ни сделал с Алексом — это помогло ему! — Неожиданно с нее словно упала маска тщательно сохраняемого спокойствия, она покраснелась, голос стал жестче. — Мне кажется — тебе прежде всего следовало бы быть благодарным ему! Ты всегда говорил, что Алекс одаренный мальчик, но не кто иной, как Раймонд, тебе это доказал!

— Да дело ведь вовсе не в этом... Господи Боже, Эллен! Ты что, совсем не видишь, какой Алекс теперь? Он же похож на робота! Он ничего не чувствует. Ему ни до чего и ни до кого нет дела. Он... знаешь, он чем-то стал даже похож на твоего драгоценного Раймонда Торреса. И он не меняется. И не будет меняться.

В глазах Эллен промелькнул внезапный гнев.

— Ах вот, значит, в чем все дело! Я так и знала! Я с самого начала подозревала — к договору все это не имеет ни малейшего отношения. Все дело в Раймонде — так ведь? В конечном счете все всегда упирается именно в него. Ты просто ревнуешь, Марш. И завидуешь. Ведь он сделал то, чего ты не смог бы.

Некоторое время Марш стоял неподвижно, все так же опершись на решетку камина, затем кивнул.

— Началось все именно так, — отойдя от камина, он тяжело опустился в любимое старое кресло. — Не буду притворяться, что этого не было. Но сейчас, Эллен, дело уже не в этом. Что-то не так — и чем больше я об этом думаю, тем меньше понимаю, в чем дело. Как получилось, что у Алекса восстановил-

ся и даже развился интеллект — и полностью атрофировались эмоции?

— Я уверена, — начала Эллен, — что и этому есть объяснение...

— Безусловно! — перебил ее Марш. Вскочив, он нервно заходил по комнате. — И оно — как раз в тех самых записях, которые Торрес отказывается мне показать!

Вздохнув, Эллен тоже встала.

— Так мы снова ни к чему не придем. Начинаем снова-здорово. Я уверена, что у Раймонда есть причина никому не показывать эти записи, и уверена — это оттого, что они представляют ценность. Что же касается условий этого соглашения... — колебавшись, она продолжала: — Боюсь, что эту проблему тебе придется решать одному, без меня.

— Что?! — не веря, переспросил Марш. — Ты хочешь сказать, что согласна на эти условия?

— Я думаю, они были придуманы только для того, чтобы защитить Алекса, и уверена, что Раймонд сможет мне все объяснить. Собственно, он уже пытался недавно...

— Недавно? — Марш недоуменно посмотрел на жену.

— Да, недавно. Я ездила к нему, если хочешь знать. Когда ты собрался забрать Алекса из школы и отвезти в Стэнфорд, я решила, что лучше обсудить это с Раймондом. И он заверил меня, что беспокоиться не о чем. Сказал, что если ты попытаешься что-либо предпринять, он сам с тобой все уладит...

Ошеломленный, Марш смотрел на жену.

— *Уладит* со мной? Он действительно сказал это? Эллен кивнула.

— Значит, тебя ничуть не смутило, что в его глазах я — всего лишь некий малопрятный тип, с которым нужно что-то улаживать?

Несколько секунд Эллен молчала.

— Нет, — произнесла она наконец. — Не смутило. Я даже почувствовала какое-то облегчение...

Такой боли всего лишь от нескольких слов Марш никогда ранее не испытывал. Он тяжело опустился на стул, а Эллен встала и вышла из гостиной.

Алекс не слышал спора, происходившего в гостиной. Все его внимание с той минуты, как он вернулся домой, было поглощено книгой, которую он взял в городской библиотеке.

Он просмотрел ее всю, проявив особый интерес к седьмой главе, в которой говорилось о механизме обучения и о памяти. Но чем внимательнее читал он эту главу, тем менее понятным становилось происходящее с ним.

Ясно было одно — ничего подобного не может быть в принципе.

Он уже собирался перечитать главу в третий раз, уверенный в том, что что-то пропустил или не так понял, когда в дверь его комнаты тихонько постучали. Секунду спустя дверь приоткрылась и Эллен, заглянув в комнату, улыбнулась ему.

— Привет.

— Привет, ма. — Алекс поднял голову от книги. — Вы с отцом все еще там спорите?

Эллен взглядела в лицо сына — может быть, он слышал их с Маршем спор и это расстроило его, но лицо Алекса оставалось, как всегда, безучастным. Вопрос он задал таким же тоном, каким спрашивал перед уходом в школу «который час».

— Уже нет, — покачала она головой. — Да мы, в общем-то, и не спорили. Просто говорили о докторе Торресе, милый.

— Папа, по-моему, не очень-то его любит?

— Да, не очень, — согласилась Эллен. — Но это не так важно, в общем-то. Важно только одно — что ты поправляешься.

— А вдруг нет?

Эллен вошла в комнату и плотно закрыла за собой дверь.

— Но ты ведь поправляешься, Алекс.

— Ты правда так думаешь?

— Конечно. Ты ведь начал кое-что вспоминать?

— Не знаю, — пожал плечами Алекс. — Иногда мне кажется, что вспоминаю, но воспоминания по большей части... бессмысленные. То есть... я вспоминаю вещи, которые на самом деле помнить просто не могу.

— Как это, Алекс?

Алекс попытался объяснить матери, что произошло с ним за последние несколько недель, ни словом не упомянув, однако, о голосах, шепчущих в сознании. Про это он не скажет никому, пока не поймет, что же все это значит. Эллен внимательно слушала и, когда Алекс закончил, ободряюще улыбнулась ему.

— Но это же просто, милый. Эту книгу по истории города ты наверняка читал раньше.

— Мисс Прингл говорит — я ее никогда не брал.

— Память Арлетт Прингл уже далеко не так хороша, как она сама в том до сих пор уверена, — заметила Эллен. — И даже если ты не брал именно эту книгу в библиотеке, ты мог где-нибудь видеть такую же. У бабушки с дедушкой, например.

— У бабушки с дедушкой? Но я ведь никогда не бывал у них. Как же я могу помнить их дом и книги, которые там были?

— Хорошо. Мы обо всем спросим у доктора Торреса. Но все равно мне кажется, что к тебе понемногу возвращается память, пусть даже очень медленно.

И, по-моему, чем беспокоиться по поводу этих воспоминаний, лучше попытайся вспомнить что-нибудь еще. — Неожиданно взгляд ее упал на обложку книги в руках Алекса — увеличенная клетка серого вещества на ярко-синем фоне. — Что это ты читаешь? Зачем тебе?

— Я подумал, что если узнаю больше о структуре мозга, то, может быть, пойму в конце концов, что происходит со мной.

— Ну и как?

— Еще не знаю. По-моему, мне нужно еще очень много прочесть.

Отложив книгу, Эллен взяла в свои руки прохладные пальцы Алекса. Алекс никак не реагировал — не попытался высвободиться, но и не ответил на ласковое пожатие Эллен.

— Милый, запомни: важно только одно — что ты поправляешься. Понимаешь? Неважно как и почему. Ты понимаешь меня?

— В том-то и дело — я вовсе не уверен, что выздоравливаю. И мне хочется знать, так ли это. И мне вообще кажется, что лучше попытаться понять, что происходит с моим собственным мозгом.

Снова легонько сжав пальцы сына, Эллен выпустила их и поднялась.

— Разумеется, ни я, ни отец не станем отговаривать тебя от чтения этой книги. Учиться — это очень полезно и здорово. Только... не засиживайся допоздна. Ладно?

Кивнув, Алекс уткнулся в книгу. Когда Эллен, наклонившись, поцеловала его, он в ответ заученно ткнулся губами в щеку матери.

Но когда Эллен вышла из комнаты, он подумал — почему мать так часто целует его, интересно, что она чувствует при этом?

Сам он ничего, совсем ничего не чувствовал...

Марш все еще сидел в своем кресле, неподвижно глядя в холодный камин, когда в комнату, неслышно ступая, вошел Алекс.

— Па?

Марш вскинул голову.

— Алекс?... Я думал, ты уже спишь.

— Нет, я читал... и хотел поговорить с тобой. Я читаю одну книгу — о мозге. Кое-что в ней я не могу понять...

— И решил обратиться к домашнему доктору? — Марш указал сыну на диван. — Не знаю, смогу ли тебе помочь, но постараюсь. Так в чем проблема?

— Мне нужно точно знать, как сильно был поврежден мой мозг, — ответил Алекс. Затем, словно опомнившись, покачал головой: — Нет, не совсем это. Я имею в виду — насколько глубоки были эти повреждения. Сама по себе кора меня не очень волнует — с ней как раз все в порядке, я думаю.

Марш почувствовал, что его усталость как рукой сняло.

— Ты думаешь, с ней все в порядке? — повторил он. — Полистав два часа какую-то книжку, ты прямо-таки уверен, что кора...

Алекс молча кивнул, скептический тон отца ничуть его не тронул.

— Мне кажется, что повреждения проникли гораздо глубже. Но кое-что у меня вообще... не сходится.

— Что например?

— Миндалевидное тело.

Марш с неподдельным изумлением посмотрел на сына. Откуда-то из глубин студенческой памяти ему удалось извлечь значение слова — небольшой, миндалевидной формы орган в глубине мозга. Если он и

знал когда-то функции этой самой миндалины, это было курсе на третьем...

— Припоминаю, — кивнул он. — Так что с ним?

— Похоже, что повреждено именно оно, но по книжке выходит, что этого не могло случиться.

Уперев локти в колени, Марш наклонился к сыну.

— Я не успеваю за тобой. Почему ты думаешь, что повреждена именно миндалина?

— Потому что если рассуждать по книжке — то, что со мной происходит, связано именно с ней. Я полностью лишен каких-либо эмоций, и... ты знаешь, что случилось с моей памятью. Но сейчас я начинаю вспоминать кое-что... только дело все в том, что вещи вспоминаются мне не такими, какие они сейчас, а какими были раньше.

Марш кивнул, хотя с трудом понимал, что Алекс имеет в виду.

— О'кей. И что это может означать, по-твоему?

— Похоже, что это... как бы сказать... воображаемые воспоминания. Я помню вещи, которые помнить просто не могу.

— Это не обязательно, — заметил Марш. — Может быть, твои воспоминания просто несколько... искажаются.

— Об этом я тоже думал, — кивнул Алекс. — Но мне так не кажется. Я вспоминаю события, которые случились задолго до моего рождения. Значит, я их просто придумал.

— А какое отношение все это имеет к миндалине?

— В книжке, которую я читаю, сказано, что миндалина как раз и отвечает за упорядоченную работу памяти — за образы и все такое. Вот и получается, что раз работа ее нарушена, она как бы выдает воображаемые образы за воспоминания о реальных вещах.

Марш скептически поднял брови.

— А мне кажется, ты делаешь довольно смелые и своеобразные выводы.

— И еще, — словно не слыша отца, продолжал Алекс. — В книге написано, что миндалина руководит еще и эмоциональной памятью. А ее у меня нет совсем. Никаких эмоций и никаких воспоминаний об эмоциях.

Чтобы сохранить умиротворенное выражение на лице, Маршу потребовалось немало усилий.

— Продолжай, пожалуйста.

Алекс пожал плечами.

— Да, в общем, все. Поскольку у меня нет ни эмоций, ни воспоминаний об эмоциях, а большая часть моих воспоминаний — плод воображения, я и прихожу к выводу, что миндалина была повреждена.

— Если ты правильно понял все, что написано в этой книге, и если информация, приведенная в ней, верна, — что, откровенно говоря, под большим вопросом, учитывая, как мало изучен мозг до сих пор — твой вывод может оказаться и верным.

— Но тогда, — пожал плечами Алекс, — я должен был умереть.

Марш молчал. Если бы Алекс знал, как близок его вывод к действительности...

— Ведь миндалина расположена слишком глубоко, — Алекс говорил примерно с той же интонацией, с какой обсуждают прогноз погоды. — И если повреждения коснулись ее, остальную часть мозга они должны были просто уничтожить. Понимаешь, папа, если бы это и вправду случилось со мной, я бы уже давно умер или находился... как это говорят... в состоянии овоща. Я не мог бы даже восстановить сознание, не говоря уже о способности ходить, говорить, видеть, слышать... в общем, делать все, что я сейчас делаю.

Марш кивнул, по-прежнему не говоря ни слова. Он понимал, что Алекс во многом прав.

— Поэтому я хочу знать точно, что именно случилось со мной. Как сильно был поврежден на самом деле мой мозг и что делал доктор Торрес для того, чтобы его... вылечить. И почему одни части моего мозга работают так хорошо, а другие — почти не действуют.

Откинувшись в кресле, Марш на секунду прикрыл глаза, пытаясь сообразить, что ему сказать сыну. Похоже, остается только одно. Тем более что он может уже знать правду.

— Признаюсь тебе, — Марш откашлялся, — что меня мучают те же вопросы. И сегодня я пытался найти историю твоей болезни в нашем компьютере. Оказалось, ее там нет. Доктор Торрес забрал все записи, хранит их у себя и почему-то не хочет, чтобы к ним получили доступ ни я, ни кто-либо другой.

Некоторое время Алекс молчал, обдумывая слова отца. Когда он заговорил, его голос оставался по-прежнему бесстрастным:

— Это ведь значит — что-то не так, верно, па?

Марш изо всех сил старался сохранять ровный тон.

— Мама, например, так не думает. Ей кажется, что все, напротив, в полном порядке, и доктор Торрес просто... м-м... охраняет нужную ему информацию.

Алекс покачал головой.

— Но она неправа, если и правда так думает.

— А может быть, мы неправы, — предположил Марш. Он не сводил глаз с Алекса, пытаясь угадать на его лице хоть какой-нибудь проблеск чувства... Нет, ничего. С тем же бесстрастным выражением лица Алекс пожал плечами.

— Нет, мы как раз правы. Того, что происходит со мной, просто не может быть — по крайней мере, с

живым человеком. Но я ведь жив. Значит, что-то не так. И я должен узнать — что именно.

— Мы должны узнать, — мягко поправил Марш. Поднявшись, он подошел к Алексу и положил ему руку на плечо. — Алекс, — произнес он тихо. Тот поднял голову. — Тебе страшно, сынок?

Помолчав несколько секунд, Алекс покачал головой.

— Нет. Не страшно. Скорее любопытно. А что?

— А мне страшно, — так же тихо произнес Марш.

— Ты счастливый, — голос Алекса тоже звучал теперь еле слышно. — Мне тоже хочется испытывать страх... или даже ужас... хоть что-то...

Весь первый урок Алекс просидел за своей партой один. Он понял, что что-то случилось, еще когда зашел, как всегда, утром за Лайзой, но ее сестренка Ким сказала ему, что Лайза уже ушла.

— Она говорит — ты сумасшедший, — сообщила девчушка. — И что она больше не хочет никуда ходить с тобой. Только это из-за того, что она сама дурочка.

Появившаяся на крыльце Кэрол Кокрэн шлепком отправила младшую дочку в дом и, извинившись, поздоровалась с Алексом.

— Мне ужасно неудобно, Алекс... Это пройдет у нее, поверь. Она просто испугалась, когда ты вчера сказал, будто убийца миссис Льюис до сих пор на свободе.

— Но я вовсе не хотел пугать ее, — пожал плечами Алекс. — Она только спросила меня — не думаю ли я, что это дело рук мистера Льюиса. А я ответил, что так не считаю.

— Да, да, я знаю. — Кэрол вздохнула. — И уверяю тебя, это скоро пройдет. Ты же знаешь Лайзу. Но

сегодня она вдруг захотела пойти в школу одна. Прости, милый.

— Да ничего, — Алекс махнул рукой. Попрощавшись с матерью Лайзы, он отправился в школу. Его не удивило, что никто из встреченных им по дороге ребят не поздоровался с ним, как и то, что все разговоры, когда он вошел в класс, разом смолкли.

И то, что место рядом с Лайзой оказалось занято.

Все это не удивило и не задело его.

Он лишь решил более тщательно следить за тем, что говорит. Оказывается, окружающие реагируют на это по-разному.

Минут пять он слушал учителя — первым уроком была история, — но затем просто выключил его голос из сознания, как выключают звук радиоприемника. Все, что говорил этот человек, было и в учебнике — его Алекс прочел от корки до корки еще три дня назад.

Содержание книги отпечаталось в его мозгу, словно на типографской матрице. Если бы его попросили, он мог бы воспроизвести учебник с первой до последней страницы.

Занимал же все мысли Алекса отнюдь не учебник истории, а книга о человеческом мозге, взятая им вчера в библиотеке. С самого утра снова и снова обдумывал он в поисках ответа свой разговор с отцом. Он в чем-то ошибся — в этом он был убежден. Может быть, он невнимательно читал книгу... а может, в самой книге были неточности.

Была, правда, еще и третья возможность, именно над ней он и размышлял остаток дня.

Сама же идея посетила его на перемене.

Перемена эта, правда, несколько затянулась, последним уроком была лабораторная, и Алекс решил не ходить на нее. Он бродил по территории школы, гадая, не оживут ли при виде какого-нибудь забро-

шенного уголка спящие мертвым сном воспоминания. Но тщетно. Память не поддавалась. Кроме того, почти все, что сейчас видел Алекс, было уже знакомо ему, во всей Ла-Паломе не осталось практически ни одного уголка, который бы не отпечатался в его *новой* памяти.

Он шел по коридору корпуса естественных наук, когда кто-то вдруг окликнул его. Алекс оглянулся. Позади него оказалась раскрытая дверь в лабораторию, из-за учительского стола ему кто-то махал. Приглядевшись, Алекс узнал Пола Лэндри.

— Здравствуйте, мистер Лэндри.

— Заходи, Алекс.

Войдя в лабораторию, Алекс огляделся.

— Узнаешь? — спросил Лэндри. Подумав, Алекс покачал головой. — Даже это?

Лэндри указал на деревянный ящик со стеклянной крышкой, стоявший на столике возле доски.

— А что это?

— Приглядишься. Неужели совсем не помнишь?

Алекс еще раз осмотрел странное сооружение.

— Нет.

— Ты же сам его сделал. В прошлом году. Это была твоя курсовая работа, ты ее закончил как раз перед аварией.

Алекс снова оглядел со всех сторон ящик.

— А для чего я сделал его?

— Догадайся. Если то, что говорил мне Айзенберг — правда, то тебе для этого и десяти секунд не понадобится.

Большую часть ящика занимал пластиковый рукав, сделанный из отдельных сегментов, переставляя их, можно было придавать ему самые причудливые изгибы. Рукав вел в клетку, помещавшуюся в одном конце ящика, в ней беспокойно сновали три белые крысы. На другом конце рукава располагалась каме-

ра с подвесной полочкой, на ней — кусок сала. В крышку ящика был встроен секундомер.

— Понятно, — кивнул Алекс. — Тесты на обучаемость. Я, очевидно, ставил задачу замерить время, за которое крысы обучались ориентироваться в проходе всякий раз, как я изменял его форму. Конструкция довольно наивная.

— Тогда ты так не думал, — заметил Лэндри. — Ты прямо-таки лущился от гордости.

Равнодушно пожав плечами, Алекс поднял дверцу, закрывавшую клетку, и выпустил крыс в проход. Одна за другой, безошибочно выбрав направление, они проникли в камеру с салом и принялись за еду.

— А чего его до сих пор держат здесь?

Лэндри развел руками.

— Да он же твой — я думал, вдруг он тебе понадобится. А поскольку у нас все равно летние курсы в этом году, я их сам подкармливаю. Да и пользуюсь иногда.

Именно в тот момент в голову Алексу и пришла эта неожиданная мысль.

— А крысы? — спросил он. — Они что, тоже мои?

Увидев, что Лэндри утвердительно кивнул, Алекс поднял крышку и извлек одного из грызунов. Зверек отчаянно барахтался в его руках, но когда Алекс опустил его обратно, сразу успокоился.

— А можно, я их заберу?

— Только крыс? А ящик?

— Он мне не нужен, — ответил Алекс. — Он, по моему, ни на что не годен. А крыс я возьму.

Лэндри, казалось, колебался.

— А если не секрет — на что они тебе?

— Есть одна идея, — ответил Алекс. — Хочу задействовать их в одном опыте.

С самого начала их разговора что-то в тоне Алекса то ли не нравилось Лэндри, то ли удивляло его, и

сейчас он понял. В Алексе не осталось ничего от его прежней открытости, готовности помочь — словом ли, делом. Теперь он был холоден и — хотя Лэндри терпеть не мог это слово — высокомерен.

— Да ради Бога, — Лэндри пожал плечами. — Как я сказал, крысы эти твои. Но если ящик и вправду тебе не нужен — оставь его мне. Может, конструкция, как ты изволил выразиться, и наивная, но работает исправно, и в младших классах проходит на ура. — Он ухмыльнулся. — И я им всем говорю, что за эту блестящую работу гениальный конструктор Алекс Лонсдейл получил свою законную тройку с плюсом. Ведь если бы постарался, смог бы получше, а?

— Может быть, — согласился Алекс, направляясь к двери, в правой руке он держал проволочную клетку с крысами. — Даже наверняка — если бы вы получше нас учили.

Он ушел, а Пол Лэндри, оставшись в классе, все сравнивал того, прежнего Алекса с тем, каким он стал теперь. Сравнение выходило не в пользу нынешнего. То есть сравнения быть и не могло — тот, прежний Алекс, которого он знал, не оставив следа, испарился. На его месте был кто-то другой — и Лэндри был рад, что этот «кто-то», кем бы он ни был, закончил его курс еще в прошлом году. Перед уходом домой он вынес сделанный Алексом ящик во двор и швырнул его в черную пасть мусорного контейнера.

Глава 18

Резко хлопнула дверь, и от этого стука Эллен невольно вздрогнула.

— Алекс? — позвала она. — Это ты? Ты знаешь, который... — но когда сын вошел в комнату, она за-

молчала, в недоумении глядя на проволочную клетку в его руке. — Силы небесные... кто там у тебя?

— Крысы, — ответил Алекс. — Остались, оказывается, от моей прошлогодней курсовой по биологии. Жили все это время у мистера Лэндри.

Эллен с отвращением посмотрела на копошащихся в клетке зверьков.

— Надеюсь, ты не собираешься держать их в доме?

— Я просто задумал эксперимент, — объяснил Алекс. — Через пару дней их здесь уже не будет.

— Вот и прекрасно. А теперь, прошу тебя, поехали, иначе мы опоздаем. Собственно говоря, — она взглянула на часы, — мы уже опаздываем. А ты же знаешь, какой доктор Торрес пунктуальный.

Алекс, поднимаясь по лестнице, обернулся.

— Папа и я не уверены, что мне нужно ездить туда.

Эллен застыла, едва сунув руки в рукава легкого пальто.

— То есть?

Лицо Алекса оставалось, как всегда, бесстрастным.

— Мы с папой говорили об этом... вечером и решили — возможно, что-то со мной не так.

— Н-не понимаю, о чем ты, — выдохнула Эллен, хотя на самом деле сразу все поняла. В это утро они с Маршем почти не разговаривали, с работы он — в первый раз за долгое время — не позвонил ей. Значит, он и Алекса хочет использовать в этой их войне как оружие против нее, но уж с этим она мириться не станет, потому что в конечном итоге все отразится только на Алексее.

— Я прочитал кое-что... — попытался было продолжить Алекс.

— Вот и прекрасно! — отрезала Эллен. — Меня ни в малейшей степени не интересует, что ты там прочитал и до чего вы с отцом умудрились договориться.

Слава Богу, ты все еще пациент доктора Торреса, он ждет тебя на прием, и ты поедешь туда, хочется тебе или нет. Понял?

Алекс кивнул.

— Можно, я только отнесу это к себе наверх? — он слегка приподнял проволочную клетку.

— Нет уж. Оставь ее во дворе.

По дороге в Пало Альто ни Алекс, ни его мать не сказали друг другу ни слова.

— Я думал, Алекса привезет твой муж, Эллен, — произнес Торрес, когда они вошли. Он не поднялся им навстречу, а лишь указал на два кресла для посетителей.

— Он... не пожелал, — ответила Эллен. — И мне хотелось бы поговорить и об этом. — Она слегка покосилась на Алекса. Торрес сразу понял, что она имеет в виду.

— Лаборатория вот-вот будет готова, — повернулся он к Алексу. — Может быть, минут пять подождешь в кабинете у Питера?

Алекс молча вышел из кабинета. Когда за дверью затихли его шаги, Эллен, глубоко вздохнув, начала рассказывать обо всем, что случилось за последние дни, — о ссоре с мужем, его странной беседе с Алексом, книгах, которые тот читает.

— То есть мне кажется, — закончила она, — Маршу все же удалось убедить Алекса, что с ним что-то не в порядке.

После небольшой паузы Торрес потянулся к трубке. Эллен машинально следила, как его длинные смуглые пальцы уминают табак. Лишь когда под потолок всплыло первое облачко синеватого дыма, Эллен услышала низкий голос Торреса.

— Проблема в том, что муж твой, видимо, прав, — Торрес говорил почти равнодушно. — И я как раз

собирался сообщить твоему супругу, что намерен снова положить Алекса в Институт на обследование.

Эллен почувствовала, как немеют руки.

— Как... а зачем? — Слова вырывались словно сами собой, едва слышные и беспомощные. — Я думала... все же шло так хорошо, и...

— Разумеется, ты так думала, — глубоко затянувшись, Торрес с шумом выпустил дым. — И, в общем, все так и было. Но постепенно... начало происходить что-то непонятное. — Взгляд его темных горящих глаз встретился с испуганным взглядом Эллен. — Поэтому я и хочу снова положить его к нам, чтобы выяснить, в чем проблема и что могу я предпринять для ее решения.

На секунду Эллен прикрыла глаза — словно надеясь, что вместе с этой комнатой исчезнут и одолевавшие ее тревожные мысли. Что она скажет Маршу, если вернется домой без Алекса? Покается, что он, мол, был прав, что-то не получилось и она оставила сына на попечении доктора, по милости которого, собственно, это и произошло? Хотя ведь Раймонд не говорил этого... Что-то непонятное — так, кажется, он сказал...

— А ты можешь мне объяснить, что именно... тебе непонятно? — попросила она, тщетно стараясь унять дрожь в голосе.

— Да, в общем, похоже, ничего серьезного, — Торрес пожал плечами. — Во всяком случае, ничего, что могло бы дать повод для беспокойства. Но пока я все до конца не выясню, Алексу лучше остаться здесь, поверь мне.

Эллен нервно вертела на пальце обручальное кольцо — жест, появлявшийся у нее лишь в минуты отчаяния.

— Не знаю, согласится ли Алекс... — она говорила едва слышно, почти шепотом.

— Разве нам так необходимо его согласие? — заметил Торрес, глядя по-прежнему ей в глаза. — Как, кстати, и согласие твоего мужа. — Поняв, что Эллен собирается возразить, он быстро добавил: — Эллен, ты же знаешь — я действую только в интересах Алекса.

Перед тем как кивнуть в знак согласия, Эллен колебалась не более секунды.

— Но, может быть, можно подождать до завтра? — голос ее звучал почти умоляюще. — Можешь дать мне один день, чтобы... чтобы убедить его? Если я сегодня приеду домой без Алекса, я... я не знаю, что тогда будет.

С минуту Торрес молчал, словно обдумывая ее просьбу. На самом деле он вспомнил в подробностях то, что услышал несколько часов назад от своего адвоката: «Не забудь, Раймонд, что Маршалл Лонсдейл — не только отец Алекса, но еще и сам врач. Он может все опротестовать в судебном порядке — то есть держать парня у себя до тех пор, пока дело не будет решено через суд. А к тому времени будет уже слишком поздно. Поэтому — хотя и знаю, каково это слышать, — предлагаю тебе: попробуй договориться с ним. И повторяю: велика вероятность того, что если ты не будешь давить на них, они отдадут тебе Алекса сами».

— Хорошо, — кивнул он. — Сегодня я только сниму кое-какие данные, но завтра ты привезешь Алекса и оставишь его у меня. И помни: у тебя есть двадцать четыре часа, чтобы договориться с твоим сумасшедшим мужем.

Сидя в кабинете Питера Блоха рядом с лабораторией, Алекс равнодушно рассматривал висевший на стене календарь. Неожиданно взгляд его упал на стопку бумаг, лежавших на краю письменного сто-

ла. На верхнем листе он узнал подпись доктора Торреса.

Протянув руку, Алекс подвинул стопку к себе — это были распоряжения, касающиеся Алекса Лонсдейла. Он пробежал глазами первую страницу, стараясь расшифровать многочисленные сокращения, которыми пестрел текст.

Взгляд его задержался на строчке в самом низу страницы: «Анестезия — ОЭН».

Несколько секунд Алекс смотрел на таинственные буквы, затем перевел взгляд на пишущую машинку, стоявшую у стены на небольшой тумбочке. Мысль, пришедшая в голову, показалась такой простой, что он удивился, почему она не посетила его раньше. Секунду спустя он уже вставлял лист в старенькую «Ай-Би-Эм», стараясь в точности подогнать буквы строки к красным отметкам на линейке машинки. Полминуты спустя лист снова лежал на столе — ничуть не изменившийся, кроме последней строчки:

«Анестезия — не проводить».

Когда через несколько минут в кабинет вошел Питер, Алекс, сидя на стуле у двери, перелистывал каталог медицинского оборудования. Краем глаза Алекс следил, как техник подошел к письменному столу и просмотрел верхний листок в лежавшей на краю стопке.

— Поздравляю, — хмыкнул Питер. — Как тебе удалось его на это уговорить...

— На что? — спросил Алекс, отложив каталог в сторону.

— Да это я так... — махнув рукой, Питер соорудил гримасу. — Только предупреждаю: если то, что с тобой сегодня будут делать, тебе не понравится, я в этом не виноват. Все претензии к тебе самому и твоему доктору. Ну, пошли, у нас уже все готово.

Двадцать минут спустя Алекс уже лежал на лабораторном столе, ремни крепко охватывали его запястья, талию и лодыжки. Паутина проводов протянулась от его головы к стендам с аппаратурой.

— Если решил передумать, то уже поздно, — предупредил Питер. — Понятия не имею, что ты сейчас будешь чувствовать, но уверен, что удовольствия это не доставит тебе никакого. — Отойдя к стендам, Питер принялся возиться с приборами.

Первое, что почувствовал Алекс, был странный запах в лаборатории. Вначале он напомнил ему ваниль — тонкий приятный аромат, но постепенно запах начал меняться — усилился, стал резким, Алекс даже подумал — в лаборатории загорелась проводка или что-то еще. Запах гари сменился кислой вонью — как от гниющего мусора.

Это ведь у меня в мозгу, внезапно сообразил он. Только в моем мозгу — на самом деле никаких запахов я не чувствую.

Потом в его сознание вторглись звуки, за ними пришли ощущения.

В комнате было жарко, Алекс чувствовал, что начинает потеть, и тут слух его резанул резкий протяжный вопль.

Жара усиливалась, и вдруг — в секунду — словно вся собралась у него в паху...

Железо!..

Кто-то прижал раскаленный железный стержень к его гениталиям.

Алекс чувствовал сладковатый запах тлеющей плоти, бился, пытаясь высвободиться, но ремни крепко держали его...

Вопль, звучащий в ушах — его собственный крик, крик боли, адской, нестерпимой боли...

Боль прошла — так же внезапно, как и появилось. Стало холодно, очень холодно. Медленно Алекс от-

крыл глаза. Все вокруг совершенно белое: хлопья падающего снега, и ветер свистит в ушах, словно желая предупредить о чем-то...

Что-то коснулось его ноги.

Несильно — легким скользящим касанием, еще, еще раз — каждые несколько секунд, и...

Скосив глаза, Алекс увидел у левого бедра оскаленную, с горящими глазами волчью морду.

Она тут же исчезла — ветер унес голодное рычание зверя, и тут же Алекс почувствовал, как стальные челюсти сомкнулись на его левой голени.

Плоть сразу повисла рваными клочьями, он слышал, как хрустнула под железной хваткой волчьих челюстей кость.левой ноги он больше не чувствовал, но ощущал, как льется на правую кровь из разорванных артерий.

Вокруг завывала буря.

Внезапно звуки начали глохнуть, исчезая, с ними уходила и боль. Белая пустыня обретала цвет, превращаясь в бирюзово-синее море. Он чувствовал, как теплые волны ласкают кожу, как обдувает лицо прохладный ветерок.

Он медленно плыл, в мозгу нарастало новое, невиданное ранее ощущение.

Вначале неясное, но он попытался сосредоточиться на нем. Ощущение усиливалось, становилось четче.

Энергия.

Волны бесконечной энергии, текущей, омывающей, наполняющей его мозг.

Внезапно все прекратилось — исчезли море, ветер, ощущение неги и волшебства. Голубое небо превратилось в белый потолок лаборатории. Темное пятно, появившееся в поле зрения, оказалось встревоженным лицом Питера Блоха.

— Я тебя чуть не доконал, — техник тяжело дышал, — ты вроде концы отдавать собрался. Стал кричать, биться... в общем, я взял — и все выключил.

Алекс молчал, уставясь на плафон лампы над головой и стараясь удержать в памяти все, что только что чувствовал и видел.

— Ничего ведь не было, — произнес он наконец.

— Не было?! — голос Питера сорвался на фальцет. — Да ты чуть не сошел с ума... или вообще не умер! Какого черта Торрес пытается доказать теперь, интересно мне знать?

— Ничего, — повторил Алекс. — Он ничего не пытается доказать, и со мной не произошло ничего такого.

Глубоко вздохнув, Питер покачал головой.

— Может, и не произошло... но готов спорить, тебе самому казалось, что что-то было. Можешь мне рассказать?

Алекс в упор посмотрел на техника.

— А вы разве не знаете сами?

— Ты думаешь, Торрес мне все-все рассказывает? — ядовито осведомился Питер. — Я знаю только одно — мы стимулируем мозг. Твой мозг. Для чего — мне, пардон, это не сообщают.

— Именно для того, — ответил Алекс. — Для того, чтобы знать, как мой мозг работает. Только ведь это не мой мозг, правда? — Питер молчал, и Алекс сам ответил на свой вопрос: — Нет, не мой. С тех пор как мне сделали операцию, он перестал быть моим. Это мозг доктора Торреса.

Раймонд Торрес молча взял из рук Питера распечатку данных последних лабораторных тестов Алекса Лонсдейла. Бегло просмотрев листки, он поморщился, затем лицо его исказила гримаса.

— Вы, похоже, совершили ошибку, — небрежно швырнув листки на стол, он посмотрел на техника. — Эти результаты лишены какого бы то ни было смыс-

ла. Такое вы могли бы получить от активного мозга, но не от усыпленного.

— Так, значит, никакой ошибки нет, — Блох отвел взгляд от Торреса. Всегда одно и то же желание — скатать эти чертовы данные в трубу и затолкать ее в глотку этому занудному типу... Но зарплата-то хорошая, и работа непыльная. Терять все это только из-за того, что не слишком нравится начальник... Мысли Питера нарушил резкий голос Торреса:

— Что значит — никакой ошибки? Вы хотите сказать, что Алекс Лонсдейл во время тестов *бодрствовал*?

Питер Блох почувствовал, что пол уходит у него из-под ног.

— Ну да, — ответил он со всей возможной уверенностью, хотя в ту же секунду понял, что в действительности произошло. — Вы же сами отдавали распоряжение.

— Отдавал, — голос Торреса звенел от гнева. — Более того, у меня даже есть его копия. — Дернув ящик стола, он извлек оттуда листок бумаги и молча протянул его Питеру. В нижней строчке значилось: «Анестезия — ОЭН».

Перед мысленным взором Питера возникла фигура Алекса Лонсдейла, скрючившегося на стуле и листавшего каталог.

Сколько времени он пробыл в лаборатории? Да что там, вполне достаточно, чтобы...

— Мне... тоже показалось это несколько необычным, сэр, — пробормотал он.

— Необычным? — глаза Торреса напоминали горящие угли. — Вам показалась необычным, что пациенту, у которого искусственно вызывают галлюцинации, необходим наркоз?

— Нет, сэр, — Питер совсем растерялся. — Мне как раз показалось необычным, что... его не делают. Я... мне, наверное, нужно было позвонить вам...

От ярости Торреса была мелкая дрожь.

— О чем, дьявол вас возьми, вы говорите?!

Через три минуты и двадцать секунд, когда вернувшийся из своего кабинета Блох молча протянул Торресу листок с распоряжениями, тот в конце концов понял. Горящие, словно угли, глаза несколько секунд изучали нижнюю строчку, затем снова встретились с растерянным взглядом техника.

— И вы решили, что по этому поводу не стоит... гм... меня беспокоить?

— Я... парень еще раньше несколько раз говорил мне, что хотел бы пройти тесты без всякого наркоза. И я подумал, что он в конце концов уговорил вас.

Раймонд Торрес шагнул вперед, оказавшись перед Питером Блохом. Скрывать свою ярость Торрес больше не пытался, и, когда заговорил, голос его немедленно сорвался на крик.

— Уговорил... меня?! — орал он, задыхаясь. — Он ни разу и словом мне об этом не обмолвился! Вы хоть имеете представление о том, что происходит во время этих тестов?

— Да, сэр, — пробормотал Блох.

— Да, сэр! — передразнил Торрес. — Мы намеренно вызываем боль у пациента, мистер Блох. Физическую, психическую — почти у границ болевого порога. И пациенту помогает переносить ее только одно — наркоз. Без него он может сойти с ума — или...

— Но... после тестов он был вроде в порядке, — робко вставил Питер — и тут же сник под гневным взглядом Торреса.

— Возможно, он и сейчас чувствует себя нормально, — произнес Торрес после небольшой паузы. — Но это лишь благодаря тому, что ему неведомы эмоции. Или — пользуясь, кстати, вашим же милым термином — потому что он — «зомби».

Сглотнув, Питер перешел в наступление.

— Я и собирался выключить аппаратуру. Я следил за ним... следил внимательно, и мне показалось, что дело плохо. Вот и собирался все отключить, несмотря на ваши инструкции.

— Я много раз говорил вам, — резко ответил Торрес, — если у вас возникают сомнения относительно моих распоряжений — следует немедленно связаться со мной. Вы не сделали этого. Так что предлагаю вам пройти в лабораторию и собрать все ваши личные вещи. Затем я свяжусь с охраной и вас проводят к выходу. Жалованье за месяц вам вышлют через неделю. Вы поняли все?

— Но, сэр...

— Вы все поняли?! — голос Торреса снова был готов сорваться на крик.

— Разумеется, — прошептал Питер. Спустя секунду он хлопнул дверью, и Раймонд Торрес медленно опустился на стул. Подождя, пока сердце начнет биться в нормальном ритме, он потянулся к рассыпанным по столу листкам с результатами тестов.

Возможно, подумал он, все еще обойдется. К счастью, организм Алекса выдержал. Его мозг был настолько поглощен хаосом образов, вызванным стимуляцией, что попросту не заметил происходящего с остальными частями тела.

А... если нет?

Глава 19

— Но он так и не сказал, в чем именно дело? — снова переспросил Марш.

Аккуратно сложив салфетку — Эллен знала, что означал этот жест: муж принял какое-то решение, —

он положил ее рядом со своей чашкой и в упор посмотрел на супругу.

— Нет, только то, что снова хочет обследовать Алекса. — Эллен уже в третий раз отвечала на вопрос мужа. Почему он не может понять, что в намерениях Раймонда нет ничего дурного? — Кроме того, — продолжала она, — если бы он действительно подозревал что-нибудь серьезное, он бы просто не отпустил Алекса сегодня домой. Он вполне мог оставить его в Институте.

— Да, конечно, однако на следующий же день я обратился бы в суд, — подытожил Марш. — И он, думаю, понимает это. Несмотря на этот чертов контракт, я все еще остаюсь отцом Алекса, и если он не сообразовался посвятить нас в детали проделанной им операции и объяснить, какие были допущены нарушения, Алекса он более не увидит. — Отодвинув стул, Марш поднялся из-за стола. И хотя Эллен была полна решимости продолжать давно начавшийся спор, она понимала — это уже бесполезно. Ей придется сделать то, что, она знала, лучше всего для Алекса — а с Маршем она разберется после. Когда Марш вышел из комнаты, она привычно собрала со стола грязные тарелки и сунула их в посудомоечную машину, закрыв дверцу, нажала кнопку.

Алекса Марш нашел в его комнате. Сын сидел за столом, на котором лежал раскрытый учебник — из тех, что остались у Марша еще с университетских времен, весь разворот занимало увеличенное изображение мозга. По письменному столу бродила белая крыса, заинтересованно поводя из стороны в сторону острой мордочкой.

Марш тронул Алекса за плечо.

— Могу я вам чем-нибудь помочь, доктор?

Алекс, оторвавшись на мгновение от учебника, поднял глаза на Марша.

— Я не думаю.

— И все же, — не отставал Марш, видя, что Алекс медлит с ответом, он привычным движением поднял крысу и провел пальцем за розовыми лепестками ушей. Зверек пискнул от удовольствия. — Один только вопрос, профессор: вы, насколько я могу понять, собираетесь производить послойные срезы мозга. Разрешите узнать, каким образом?

Глаза Алекса встретились с глазами отца.

— Как ты догадался?

— Я, конечно, не гений, — заметил Марш, — но вчера ночью ты сам рассказал мне о своем выводе — при тех повреждениях, что твой мозг получил в катастрофе, ты должен был давным-давно умереть. Второй день ты изучаешь анатомию мозга, а про то, что белых крыс используют для подобных опытов, слышал даже я. Так что...

— О'кей, — кивнул Алекс. — Я действительно хочу удостовериться в том, что произойдет с крысой, если я попробую проникнуть в ее мозг так же глубоко, как доктор Торрес смог проникнуть в мой.

— То есть — выживет она или нет, — подытожил Марш. Алекс кивнул в знак согласия. — В таком случае у меня есть одно предложение. Мы воспользуемся лабораторией Медицинского центра, а я тебе ассистирую. Идет?

— Ты серьезно? — спросил Алекс.

— В ином случае твои крысы переживут только первый разрез.

Когда через несколько минут отец с сыном спустились вниз, Эллен, взглянув на них, слегка улыбнулась и удовлетворенно кивнула.

— Слава Богу, вы сами сообразили, что этим тварям не место в комнате Алекса. — Показав на клетку в руках сына, она спросила: — Если не секрет — куда это вы направились?

— Отвезем их в нашу лабораторию, — ответил Марш. — Возможно, мы там задержимся, если удастся кое-что обнаружить.

— Обнаружить? — нахмурила брови Эллен. — Что вы собираетесь там обнаружить, хотела бы я знать? Там же никого сейчас нет, и...

— Вот нам никто и не помешает, — оборвал ее Марш.

Пока Эллен терялась в догадках — что, собственно, эти двое задумали, — Алекс и Марш исчезли за входной дверью. Хлопнули ворота гаража. Взревел мотор. Несколько секунд Эллен вглядывалась во тьму за окном, затем задернула занавеску.

Лампа бестеневого освещения заливала лабораторный стол ровным слепящим светом, и Алекс с не привычки прикрыл ладонью глаза. Марш пристегивал крысу ремешками к доске — и вдруг на короткий миг мелькнула мысль: не догадывается ли она, что сейчас будет с ней? Агатовые глаза зверька, казалось, были полны тревоги, Марш чувствовал, как мохнатое тельце конвульсивно подергивается в его руке. Он взглянул на Алекса, стоявшего по другую сторону стола.

— Имей в виду — она вряд ли выживет.

— Неважно, — Алекс пожал плечами все с тем же равнодушным выражением, к которому — Марш уже понял — он никогда не сможет привыкнуть. — Приступай.

Марш ввел иглу под кожу зверька и нажал на поршень. Крыса несколько раз дернулась и затихла. Сверившись с иллюстрацией в книге, лежавшей на тумбочке недалеко от стола, Марш одним движением скальпеля обвел череп крысы круговым разрезом — от левого глаза до правого — и легко, как перчатку, снял кожу. Затем при помощи пилки он принялся

отделять крышку черепа. Работал он медленно, но через несколько минут мозг крысы предстал перед ними, словно на муляже, однако зверек дышал ровно, сердце его билось по-прежнему.

— Может, наша затея и не удастся, — заметил Марш. — В принципе, для этого нужны инструменты меньших размеров, и кроме того, для поддержания биологических функций организма у крысы задействована гораздо большая, чем у человека, часть мозговой коры.

— Тогда будем срезать ее небольшими частями и посмотрим, как глубоко мы сможем продвинуться.

Поколебавшись, Марш кивнул. Самым маленьким из имевшихся под рукой скальпелей он принялся осторожно срезать кору крысиного мозга.

Спустя час все три крысы были мертвы. Ни у одной из них Маршу не удалось достичь глубинных отделов мозга прежде, чем прекратилось сердцебиение.

— Хотя, в принципе, они могли и выжить, — заметил Марш. — Я мог действовать зондом и проникнуть лишь в ту часть мозга, которая отвечает за двигательные функции, не нанося повреждений другим участкам коры.

Алекс покачал головой.

— Это уже неважно. Ясно одно: когда ты начал удалять кору мозга, все три крысы умерли. Точно так же Торрес поступил с моим мозгом. Почему я не умер, по-твоему?

— Понятия не имею, — признался Марш. — Знаю только одно — ты остался в живых, и все.

Алекс долго молчал, глядя на три белых трупика в мусорной корзине.

— Может, и нет, — наконец сказал он. — Может быть, я действительно умер.

Валери Бенсон отложила вязание и взглянула на Кэйт. Та сидела в углу дивана, уставившись на экран телевизора, но Валери знала почти наверняка, что на самом деле ее мало интересует передача.

— Ну что, поговорим? — тихо спросила она.

— О чем? — Кэйт не отрывала взгляда от экрана.

— О том, что тебя беспокоит.

— Ничего не беспокоит. Со мной все о'кей.

— Да нет, — вздохнула Валери, — я же вижу. — Отложив вязание, она встала, подошла к дивану и присела рядом с Кэйт. — Ты все-таки надумала идти завтра в школу?

— Я... как-то... не знаю еще...

Нужно было и мне в свое время родить ребенка — эта мысль неотвязно преследовала Валери уже несколько месяцев. Если бы у меня были свои дети, я бы знала, как мне сейчас поступить. Да — и как же? Что бы ты сказала шестнадцатилетней девочке, отец которой неделю назад убил ее мать? Попыталась бы ее утешить? Да, но не оставлять же ее сидеть весь вечер одну у телевизора — ведь сразу же видно, о чем она думает, бедная девочка...

— По-моему, лучше тебе все же пойти, — осторожно заметила Валери. Ободренная молчанием девушки, она продолжала: — Я уверена, что в школе никто и словом не обмолвится про то, что случилось, и...

Кэйт резко обернулась к Валери.

— Значит, вы думаете, что я боюсь этого? — Она вспыхнула. — Что кто-то что-то там скажет в школе — этого я боюсь?

— Разве нет?

Краска исчезла со щек Кэйт так же быстро, как и появилась.

— Про отца и так все все знали, — произнесла она тихо. — Я сама все время жаловалась на то, какой он пьяница, чтобы они не шушукались об этом за спиной.

Валери легонько обняла Кэйт за плечи.

— Должно быть, непросто тебе это было, девочка.

— Это все равно лучше, чем сплетни, — их глаза встретились. — Но маму он не мог убить. Мне все равно, какие там есть улики и что он совсем не помнит, что делал, после того как я ушла... Они ругались все время, когда он доходил до кондиции, но он ни разу пальцем ее не тронул. Орал, ругался, даже угрожал иногда, что стукнет... но ни разу на самом деле до нее не дотронулся. А кончалось все всегда тем, что она отвозила его в больницу.

— Тогда тебе лучше и друзьям своим рассказать, что ты об этом думаешь.

Кэйт снова покачала головой, и неожиданно на глазах ее выступили слезы.

— Я... я боюсь.

— Боишься? Чего же?

— Боюсь, что уйду из вашего дома, а потом вернусь и тоже найду вас... как маму... — закрыв лицо руками, Кэйт начала всхлипывать. Валери крепче обняла ее.

— Ну что ты, моя дорогая. Обо мне тебе нечего беспокоиться. Что со мной может случиться?

— Но ведь с мамой случилось, — Кэйт продолжала плакать. — Она тоже осталась одна, а кто-то пришел и...

Этот «кто-то» был твой отец, подумала Валери, но знала — никогда и ни за что она не скажет этого вслух. Если Кэйт не желает верить в вещи, в общем-то, очевидные, то она не станет ее к этому принуждать. Хотя вроде был суд и Льюису вынесли приговор... Резким движением головы она как бы отогнала эти мысли.

— Успокойся — ничего со мной не случится, — она поцеловала Кэйт в щеку. — Я живу в этом доме одна уже пятый год — и ни разу со мной не было никаких неприятностей. И тебя я тоже не собираюсь держать взаперти. — Встав, Валери сняла трубку телефона, стоявшего рядом на кофейном столике. — Так что позвони Бобу и сходите с ним куда-нибудь — в кино или в вашу пиццерию.

Кэйт замялась.

— Я не могу...

— Разумеется, можешь, — возразила Валери, мягко вкладывая трубку в руку девушки. — Он и так приходит сюда каждый день, чтобы занести тебе домашнее задание. Думаешь, ему не хочется пойти куда-нибудь с тобой? Давай-ка, набирай номер.

Протестуя фыркнув, Кэйт тем не менее не глядя набрала знакомые цифры. Сорок минут спустя у распахнутой входной двери Валери давала Бобу последние инструкции:

— И что бы она там ни говорила — раньше одиннадцати можешь ее не привозить. Она и так уж сидела здесь Бог знает сколько — так что ей не помешает развлечься как следует.

Когда машина Боба исчезла за поворотом улицы, Валери захлопнула дверь, села на диван и снова принялась за вязанье.

Эллен уже собиралась звонить в Медицинский центр, когда услышала, как хлопнула входная дверь. Слава Богу, они оба вернулись. Бросив трубку на рычаг, она поднялась с кресла. Раздражения, накопившегося за последний час, она решила не скрывать.

— Вы могли бы хотя бы сказать мне, как долго вы там собираетесь оставаться. Интересно, что вы все это время делали?

— Убивали крыс, — ответил Алекс.

Слегка побледнев, Эллен перевела полный недоумения взгляд на мужа.

— Марш, в чем дело? О чем это он?

— Позже объясню, — отмахнулся было Марш, но по выражению лица Эллен понял, что сделать это ему придется немедленно. Вздыхнув, он повесил пиджак на крючок у двери и обернулся к жене. — Да, мы проводили над крысами опыты, чтобы выяснить, какой объем повреждений может вынести мозг...

— То есть вы их убили? — Эллен почувствовала, как к горлу подступает тошнота. — Вы убили этих трех безобидных зверушек?

Нахмурившись, Марш кивнул.

— Дорогая моя, каждый день тысячи крыс умирают в лабораториях всего мира. А мы с Алексом хотели выяснить кое-что важное. — Отстранив Эллен, Марш прошел в гостиную и взглянул на Алекса, расположившегося на диване. — По-моему, тебе самое время пойти поспать. — Он устало улыбнулся. — Во всяком случае, это было бы лучше всего. Потому как мы с мамой, похоже, снова собираемся ссориться.

Кивнув, Алекс направился к лестнице, но Марш остановил его:

— Отдохнешь — можешь повидаться с друзьями, — достав из кармана ключи от машины, он бросил их Алексу.

Эллен, наблюдавшая за этим, почувствовала, как все внутри у нее похолодело. Между ее мужем и сыном, без сомнения, что-то произошло, какой-то сговор. Когда секунду спустя Алекс обратился к Маршу, она поняла, что ее догадка верна.

— То есть — о чем мы с тобой говорили?

Марш утвердительно кивнул в ответ.

И тут... Эллен не поверила своим глазам. Этого она не видела с того самого дня, когда сын собирался на выпускную церемонию.

Алекс улыбнулся.

Улыбка была почти незаметной, но Эллен могла поклясться — она была.

Повернувшись, Алекс зашагал вверх по лестнице. Эллен проводила его взглядом, затем повернулась к мужу.

— Ты видел, Марш? Ведь он улыбнулся. Он улыбнулся, говорю тебе!

Марш спокойно сказал:

— Да, я тоже заметил. Но, собственно, это ничего не значит... пока. — С минуту он колебался, но затем, медленно и подробно, все же пересказал Эллен, о чем они с Алексом говорили в машине по дороге домой. — Так что эта улыбка, к сожалению, пока ничего не значит. Он по-прежнему ничего не чувствует, Эллен, и знает об этом не хуже нас. И больше того — его мучают сомнения, остался ли он после операции вообще человеком. Но, как утверждает сам Алекс, он может — по крайней мере, внешне — имитировать эмоции — вернее, эмоциональные реакции на то, что происходит вокруг. Именно это он сейчас и проделал. Умом он понимает, что должен испытывать радость от того, что я позволил ему пользоваться нашей машиной. А когда людям радостно, они улыбаются. Вот он и улыбнулся. Эта улыбка не была... м-м... спонтанной. Она была им рассчитана. Это — своего рода роль.

— Но... зачем? — еле слышно прошептала она. — Для чего ему делать все это?

— Он говорит — окружающие начинают считать его сумасшедшим, — Марш пожал плечами, нахмурившись. — А ему этого не хочется. Как говорит сам Алекс, ему не хочется сидеть под замком до тех пор, пока выяснят, что с ним не в порядке.

— Под замком? — голос Эллен дрожал. — Кто это собирается сажать его под замок, скажи мне, пожалуйста?

— Но он же знает, что так поступают с сумасшедшими. Пойми, Эллен, нам стоит взглянуть на все это его глазами — хотя бы раз. Он знает, что мы любим его, что мы за него переживаем. Но он понятия не имеет, что это значит на самом деле, ты поняла? Он прочитал все, что возможно, об эмоциях, о чувствах, о человеческих реакциях... — голос Марша дрогнул. — Алекс запоминает все это с одного раза и помнит каждое слово из прочитанного. Но реального значения всех этих вещей он — еще раз тебе говорю — не знает.

Мария Торрес переложила тяжелую сумку с продуктами из левой в правую руку, затем, поняв, что ей все же придется передохнуть, поставила сумку на тротуар и огляделась.

Рамон обещал сегодня приехать и повезти ее по магазинам, но пару часов назад позвонил и сказал, что у него дела. Что-то случилось с каким-то его больным, и ему придется остаться на работе. С каким-то больными, подумала Мария с горечью. Она-то знала, кто этот больной — юный дон Алехандро, и уж с ним-то — она могла поклясться — ничего такого случиться не могло. Но Рамону все равно этого не понять — даром что он столько лет учился. Он все забыл. Если не все, то многое. Ничего, когда-нибудь он тоже поймет. Поймет, что вся та ненависть, которую она успела вложить в него, никуда не делась. Она прорвется. А до тех пор — пусть притворяется гринго. Пусть притворяется.

А сегодня ей самой придется мотаться по магазинам, хотя она ужасно устала — работала, не присев, весь день. Правда, супермаркет — в пяти кварталах, не Бог весть какая даль. Вот те же пять кварталов домой с тяжелой сумкой — другое дело. Руки точно будут болеть весь вечер — застарелый артрит,

чтоб его... Подняв сумку, Мария собралась уже идти дальше, когда из-за ближайшего поворота плавно выехал спортивный автомобиль. Мария машинально скользнула взглядом по машине... но внезапно, выпрямившись, пристальней вгляделась в лицо за ветровым стеклом.

Она узнала водителя.

Сидевший за рулем Алекс ответил ей таким же пристальным взглядом. Мария поняла, что он тоже узнал ее. Святые не оставляют тех, кто их почитает. Они послали ей новое знамение. Пусть Рамон отказался приехать к ней — зато здесь он, Алехандро. Шагнув вперед, она подняла руку. Машина остановилась, и Мария наклонилась к открытому окну.

— *Vamos*, — шепнула она, глядя загоревшимися глазами в бесстрастное, как всегда, лицо юноши. — *Vamos a matar!*

Слова эхом отозвались где-то в самой глубине памяти, Алекс понял их сразу — «Идем убивать!» Протянув руку, он открыл дверцу с противоположной стороны. Обогнув капот, Мария уселась на переднее сиденье. Алекс нажал на газ, машина медленно двинулась вдоль квартала. Наклонившись к Алексу, Мария нашептывала ему те самые, главные для него и нее слова...

Четверть часа спустя Алекс затормозил у тротуара, слова Марии все еще звучали в его ушах. Хлопнула дверца, и Алекс проводил взглядом удаляющуюся спину старухи. Скособочившись, Мария с трудом тащила пластиковую сумку, полную пакетов с продуктами.

Подождав, пока она скроется за поворотом, Алекс вышел из машины и запер дверцу. Минуту спустя он уже входил во внутренний дворик дома Валери Бенсон.

Где-то в самой глубине сознания звучали, не переставая, слова, которые Мария повторяла ему, как молитву:

«Venganza... asesinos... venganza...»

Посторонний звук привлек его внимание. Обернувшись, он увидел женскую фигуру, стоявшую в освещенном прямоугольнике открытой входной двери.

— Алекс? — Валери Бенсон удивленно посмотрела на него. — Ты... с тобой все в порядке?

Сидя в комнате за вязанием, она услышала, как кто-то открыл ворота, но привычного треньканья дверного звонка за этим не последовало. Подойдя к двери и посмотрев в глазок, Валери увидела вошедшего во двор Алекса Лонсдейла. Но когда она открыла дверь и позвала его, юноша, казалось, ее не слышал.

И теперь он стоял и в упор смотрел на нее, а Валери все не могла понять, слышит ли он ее слова или...

— Алекс, в чем дело? Случилось что-нибудь?

— Ladrones, — прошептал Алекс. — Asesinos...

Недоуменно нахмурившись, Валери отступила на шаг. Что он там говорит? Убийцы? Грабители? На мгновение мелькнула мысль — что, если он паранойк или того хуже...

— А... а Кэйт ушла, — стараясь двигаться медленно, Валери взялась за ручку двери. — Если ты к ней, то она не скоро вернется...

Она уже закрывала дверь, когда Алекс, метнувшись вперед, сбил Валери с ног на выложенный плиткой пол кухни. Пригвожденная его весом, Валери пыталась вырваться, но было уже слишком поздно...

Разжав пальцы, Алекс долго смотрел на лежавшее перед ним неподвижное тело женщины.

— Venganza, — удовлетворенно прошептал он. — Venganza...

Распахнув дверь пиццерии, Алекс вошел и не спеша огляделся. В этот час «У Джека» народа обычно не было, однако за столиком в углу он обнаружил веселую компанию — Кэйт Льюис, Боб, Лайза и еще пара ребят. Сложив уже привычным движением губы в улыбку, Алекс подошел к ним и поздоровался.

— Привет. Вечеринка для избранных, или я могу тоже присоединиться?

За столиком наступило молчание. Алекс заметил, как сидящие неуверенно переглядываются, но улыбка, как приклеенная, застыла на его лице. Наконец, пожав плечами, Боб подвинулся ближе к Кэйт, освобождая Алексу место. Затянувшееся молчание нарушила наконец Лайза, объявив, что ей пора домой.

Алекс вовремя позаботился о том, чтобы сменить выражение лица — теперь на нем читалось явное разочарование.

— Но я ведь только пришел... — запротестовал он.

Лайза с подозрением взглянула на Алекса.

— А мне казалось, тебе все равно, останусь я или нет, — пожала она плечами. — То есть нам вообще всем кажется, что тебе уже все до лампочки.

Алекс кивнул, в душе надеясь, что ему удастся придать голосу нужную интонацию.

— Я... я знаю... — нерешительно начал он. — Но, по-моему, все меняется понемногу. Мне кажется... — Он опустил глаза — он видел, что другие делают так, когда им трудно что-нибудь высказать. — Мне кажется, я снова начинаю чувствовать, как все люди. И... на самом деле я люблю всех вас и прошу извинить, если чем-нибудь вас обидел.

Сидевшие за столом снова переглянулись, и опять воцарилось молчание. На сей раз его нарушил Боб Кэри:

— Ладно, старик, чего там... все ерунда.

И, глядя, как светлеют их лица, Алекс понял, что победил.

Они поверили ему. Сыграл он блестяще.

Но, когда за столом потек неспешный, обыденный разговор, Алекс начал вдруг сомневаться в своем успехе.

Он заметил, что Лайза Кокрэн все же старается не разговаривать с ним.

Лайза же была отнюдь не расположена верить Алексу свои мысли. Она думала о том, что поведение ее бывшего приятеля сейчас неискренне.

До аварии она всего лишь раз или два слышала, как Алекс говорил о своих чувствах — неизменно при этом краснея, теряясь и глядя в сторону.

Хотя сейчас он тоже заговорил о них впервые после аварии, и тоже с трудом подбирал слова...

Но на этот раз он не покраснел и не растерялся.

Глава 20

— Нет, Боб, идем со мной. Ну пожалуйста!

Лица Кэйт Боб не видел — уже было совсем темно, но по тому, как дрожал ее голос, понял — она сильно напугана. Положив руку на плечо девушки, Боб напряженно вглядывался в темный силуэт дома. Вроде все выглядит как обычно. Только ворота вот...

Ворота во внутренний двор были распахнуты настежь, хотя Боб точно помнил, что закрыл их после того, как выехал.

— Да все нормально, — Боб изо всех сил пытался придать голосу уверенность, которую на самом деле ощущал все меньше. — Может, мы их просто забыли закрыть.

— Закрыли, — всхлипнула Кэйт. — Я точно помню.

Боб вышел из машины и, обогнув ее, открыл дверцу с той стороны, где сидела Кэйт. Та, однако, не спешила подниматься с сиденья.

— Может, вызвать полицию... — едва слышно прошептала она.

— Только потому, что открыты ворота? — хмыкнул Боб, в душе понимая правильность такого решения. — Они подумают, что у нас не все дома, Кэйт.

— Нет, не подумают, — снова всхлипнула Кэйт. — После того, что случилось...

Боб отрицательно покачал головой, внутренне не переставая убеждать себя, что сами по себе открытые ворота еще ничего не значат. В конце концов, их могло распахнуть и ветром... Да, кстати, и миссис Бенсон могла отправиться в город и оставить их открытыми. Может быть, ее и дома-то сейчас нет. Нужно проверить.

— Оставайся здесь, — велел он Кэйт. — А я посмотрю, кто дома.

Войдя во внутренний двор дома, Боб огляделся. Над дверью черного хода горел яркий свет, так что были хорошо видны все уголки небольшого садика, занимавшего почти весь двор. Все выглядело абсолютно нормальным, но он внезапно почувствовал — что-то не так.

Рассудив, что все эти страхи — лишь плод разыгравшегося воображения, Боб не спеша направился к входной двери. Сейчас он позвонит, миссис Бенсон откроет — будет повод посмеяться потом над собственной мнительностью.

На звонок никто не открыл. Боб позвонил еще раз, подождал, затем подергал дверную ручку. Дверь оказалась запертой. Медленно, пятясь, он отошел от

двери, затем бегом кинулся к машине, где ждала его Кэйт.

— Дома ее нет, — сообщил он, тяжело дыша. — Должно быть, вышла куда-то. — Но, заканчивая фразу, он уже понимал, что и сам не верит в нее. Забравшись на сиденье, он включил зажигание.

— А куда мы теперь? — с тревогой спросила Кэйт.

— Сделаем, как ты хочешь — поедem в полицию. Что-то здесь, мне кажется, не в порядке...

Пятнадцать минут спустя «порше» Боба въехал во двор вслед за черно-белым патрульным автомобилем.

— Оставайтесь в машине, — помахал им один из патрульных, его напарник уже шагал к двери в дом. — Если тут что-то неладно, не хватало еще с вами нянчиться. — Убедившись, что ребята сидят смирно, Роско Финнерти в несколько шагов преодолел отделявшее его от крыльца расстояние. Том Джексон, стоя у двери, держал палец на кнопке звонка.

— Вышла куда-нибудь, — досадливо поморщился Финнерти. — Но ребят винить особо не следует — после того случая, понятно, они еще не пришли в себя. — Поняв, что открывать им, как видно, не собираются, Финнерти подошел к окну и осветил фонариком внутрь. — Ч-черт, — он произнес это еле слышно, но Джексон давно научился распознавать интонацию своего напарника.

— Там она?

Финнерти кивнул.

— На полу, как и в тот раз... И тоже никакой крови. Не вижу, по крайней мере. На, взгляни сам.

Встав рядом с напарником, Джексон заглянул в окно.

— Может, просто потеряла сознание.

— Да хорошо бы, — ответил Финнерти. И он, и Джексон знали, что ни на йоту не верят в это. —

Пойди спроси у девчонки... как ее фамилия... Льюис, наверняка у нее есть ключ. Только про это вот не говори пока. А будешь спрашивать про ключ — проследи за ее реакцией.

Джексон сглотнул.

— Не думаешь же ты, что...

— Понятия я не имею, что тут думать, — глухо зарычал Финнерти. — Только я об заклад готов биться — Эл Льюис свою жену не убивал... а у меня из головы не идет та позапрошлогодня история в Мэрин, когда парень с девкой угрохали ее родителей, а потом еще до утра развлекались. Так что иди и спроси — есть, мол, у тебя ключ? — а сам глаза раскрой пошире.

— С ней все в порядке? — дрожащим голосом спросила Кэйт, когда Джексон подошел к «порше».

— Да еще неизвестно, дома ли хозяйка, — неожиданно для самого себя легко соврал Джексон. — Ключ от двери есть у тебя? Придется войти в дом, а то мало ли...

Порывшись в сумочке, Кэйт молча протянула Джексону надетый на кольцо ключ.

— Оставайтесь тут, — Джексон махнул рукой и, повернувшись, снова зашагал к дому. Ничего такого он не заметил — двое ребят, переживших несколько дней назад такое, что не каждый взрослый бы перенес, могли испытывать только страх, его он и увидел в их глазах...

— Ну чего?

Джексон пожал плечами.

— Да ничего. Отдала мне ключ. И спросила, все ли в порядке с хозяйкой.

— Ну а ты что?

— А что я? Наврал.

Кивнув, Финнерти вставил ключ в замочную скважину. Повернул его, дверь подалась, и полицейские

вошли в молчащее темное нутро дома. Одного взгляда на закатившиеся глаза и гримасу немого ужаса, застывшую на лице Валери Бенсон, было достаточно, чтобы понять — медицинская помощь уже не требуется. Включив рацию, Бенсон вызвал дежурного и сообщил ему о случившемся, затем подошел к Джексону, стоявшему возле тела.

— Может, нам вместе сказать им о том, что мы обнаружили, или подождем, когда наши приедут...

Последующие несколько часов заняла рутина, в точности повторявшая все те церемонии, на которых Финнерти и Джексону уже пришлось присутствовать неделю назад — когда эти же двое ребят обнаружили в кухне собственного дома мертвую Марти Льюис...

Покрытая пылью дорога взбиралась на склон холма. Алекс даже не смотрел по сторонам — на этих холмах он знал каждую пядь земли, он объездил их верхом, вместе с отцом, еще мальчиком. Но сейчас он шел пешком — вместе с землей *гринго* отобрали у отца даже его лошадей. Они все отобрали у них — даже имя.

Но, с именем или без, он не покинет Ла-Палому до тех пор, пока *гринго* не заплатят своими жизнями за те жизни, что отняли у невинных.

Подойдя к дому, он открыл ворота и вошел во двор. Совсем недавно он вот так же входил сюда — только здесь тогда была фиеста, они с родителями и сестрами были среди почетных гостей... А сейчас он получил у новых владельцев место садовника — за несколько паршивых сентаво. Не однажды спрашивал он себя — что бы сделали эти *гринго*, если бы узнали, кто на самом деле работает в их саду.

Вскапывая размеренными движениями сухую твердую землю, он одним глазом следил за домом — гости, собравшиеся сегодня, расходились, наконец хо-

зайка осталась одна. Тогда он подошел к входной двери и несколько раз стукнул в нее тяжелым дверным молотком. Дверь открылась, женщина стояла на пороге, глядя на него с молчаливым недоумением.

Протянув руки, он сомкнул пальцы на ее шее.

И когда он сдавил, словно тисками, ее гортань, то вдруг *почувствовал* — ее изумление, ее боль, ее стремительно нарастающий ужас... Несколько мгновений спустя она была мертва, он стоял над телом, мелко дрожа, на лбу выступили крупные капли пота...

Он проснулся, словно его окликнули, сел в кровати. Сон исчез, но перед глазами Алекса все еще стояло лицо женщины, которую он только что задушил, и тело его было сведено судорогой страха.

Он знал женщину из этого сна.

Это была Валери Бенсон.

Но... кем был он?

Сон словно отпечатался в его памяти, и он еще раз, будто в кино, просмотрел его снова.

На дороге, по которой он шел во сне, не было асфальта — дорога была проселочной, но это его почему-то не удивило.

И у него не было имени.

Они забрали у него даже имя.

И он знал, кто такие эти «они», так же как знал, почему задушил миссис Бенсон.

Его родителей убили — и он мстил тем, кто их убил.

Но... это же бред. Его родители живы и спокойно спят внизу, в спальне.

Живы?

Грань между действительностью и сном терялась, расплывалась и таяла...

Странные воспоминания о том, что он не мог ни видеть, ни помнить, постепенно становились все бо-

лее реальными, а мир, в котором он жил — все более незнакомым...

А может быть, сегодня ночью он сам убил собственных родителей, а теперь просто не помнит об этом... Он взглянул на часы, стоявшие на тумбочке возле кровати, светящиеся стрелки показывали половину двенадцатого. В кровать он лег полчаса назад. За полчаса — заснуть, проснуться, расправиться со спящими родителями, затем вернуться в постель и опять уснуть, и видеть сон об убийстве... нет, этого не может быть, конечно же.

Он снова припомнил — минута за минутой — весь сегодняшний вечер. Да, он помнит, конечно, все... хотя нет, из памяти исчез небольшой отрезок времени... с того самого момента, когда он остановился у обочины, и в это время к машине подошла старуха Торрес.

И заговорила с ним. По-испански.

Дальше он помнит себя уже входящим в пиццерию. Помнит очень ясно — он вышел из машины, запер ее, пересек площадь и вошел в дверь кафе «У Джека».

Машину он оставил на стоянке.

На стоянке.

Но он же прекрасно помнит, как поставил ее прямо около кафе... и в то же время в кафе он шел через площадь с автостоянки напротив.

Два исключаяющих друг друга воспоминания — и оба яркие, подробные, как картинка. Значит, скорее всего он вчера был «У Джека» дважды...

Мысли его были прерваны раздавшимся с улицы завыванием полицейской сирены. Одновременно внизу, в холле, зазвонил телефон.

Встав с кровати, Алекс набросил халат и, спустившись вниз, подошел к двери в спальню родителей.

Голоса доносились из-за двери приглушенно, но слова он слышал отчетливо.

— Они сами не знают, — это отец. — Они только что привезли ее в Центр, но считают, что помощь уже не требуется.

— Если ты едешь в Центр, то я с тобой, — голос матери. — И прошу тебя, хоть сейчас не пытайся спорить. Валери и я чуть ли не с пеленок были подругами. Я хочу быть там, с нею, слышишь?

— Дорогая моя, пока никто никуда не едет. Впервые, сегодня не мое дежурство, ведь так? Они и позвонили как раз именно потому, что знали — Валери твоя подруга...

Повернувшись, Алекс медленно пошел наверх, в свою комнату.

Валери. Он обшарил самые укромные уголки памяти — может быть, там найдется кто-нибудь еще с таким именем... Нет. Значит, это была все же Валери Бенсон. И она умерла.

И вдруг — хотя память его упорно не давала ответа — он понял, почему приезжал к «Джеку» дважды за этот день.

Он приехал один раз — ненадолго — и вскоре ушел. А потом Мария Торрес заговорила с ним по-испански. После чего он подъехал к дому, где жила Валери Бенсон, и убил ее. А потом приехал снова в кафе, сидел за столом с Бобом, Кэйт и Лайзой, они долго о чем-то разговаривали...

Затем приехал домой, лег в постель, уснул — и ему приснился сон о том, что с ним было совсем недавно...

Но он все равно не мог понять — почему.

Его родители живы и здоровы, а Валери он почти не знал. Убивать ее не было никакой причины.

Но он все же убил ее.

Вытянувшись в постели, Алекс несколько минут лежал, разглядывая потолочные перекрытия. Где-то

должен все-таки быть ответ — и если думать об этом достаточно долго, он был уверен, что отыщет его...

Он услышал, как хлопнула внизу дверь, раздались шаги. Шаги матери. Снова дверь, и снова шаги — это встал отец и идет за нею.

А что, если сейчас тоже туда спуститься и рассказать им об этом сне... о Валери Бенсон... а может быть, и о том, с Марти Льюис, и... Алекс отогнал эту мысль. Разве смогут они поверить, что он убил их — ведь у него не было для этого никакой, просто ни малейшей причины...

Нет. Они подумают, что он сошел с ума.

Повернувшись, Алекс натянул одеяло на голову. Он устал бороться с собственным мозгом. Ему нужно отдохнуть...

Словно почуяв свободу, мысли стали обретать форму, выстраиваться. Внезапно все произошедшее с ним стало представляться Алексу не таким уж абсурдным.

Остаток ночи Алекс спал спокойно. Сновидения больше его не тревожили.

— Говорю тебе, Том, — это детки все и устроили, — угрюмо вещал Роско Финнерти, когда они с Джексоном прибыли в полицейский участок примерно четверть часа назад.

Поспать ни одному из них не пришлось, и потому Том Джексон с трудом реагировал на замечания напарника, будучи способным думать лишь о доме и мягкой постели. Финнерти же, напротив, был расположен поговорить, а в этом состоянии — Джексон знал — ему был необходим слушатель. Все равно какой. Занятие, вправду сказать, необременительное, потому что на те вопросы, которые ставил с неизменным пафосом Финнерти, он сам же с неизменной готовностью и отвечал.

— Вот гляди, — продолжал между тем сержант. — Два одинаковых убийства при одинаковых обстоятельствах. И одни и те же люди — эти вот двое засранцев — сообщают нам о своих, так сказать, находках. Что может быть проще? И не говори мне, что, мол, в нашей картотеке эти милые детки не значатся. Ни приводов, мол, ни шалостей в прошлом. Я-то помню — они оба у нас побывали прошлой весной, когда докторов сын кокнул свою тачку и сам покалечился, да еще оба были порядком навеселе. Ну, что скажешь?

— Ты все же минутку погоди, Росс, — перебил его Джексон. — Не перегибай, по крайней мере. Ты тогда этих ребят на алкоголь проверял?

— Нет, а с чего бы...

— А с того, что доказать, скажем, судье, что они тогда были датые, ты не сможешь. А отсюда вопрос: почему бы тебе мирно не поехать домой, а парни в штатском пускай делают свою работу?

Несколько секунд Финнерти свирепо взирал на партнера поверх чашки с недопитым кофе.

— По-твоему, просто забыть об этом?

Вздохнув, Джексон вытянул затекшие ноги.

— Да не то чтобы забыть, только у нас своя работа, у этих парней своя, так что лучше займемся нашей. А соваться, куда нас не звали, ни к чему, моему.

— Ну да, и пускай Эл Льюис сидит за то, чего — я знаю! — от никогда не делал.

— Да брось ты! — поморщился Джексон. — Не учел ты только одного: эти два дела могут быть вообще никак не связаны. И убийца вовсе не один и тот же...

— Ага, конечно. Двух разных убийц — одного, скажем, черного, другого белого — обе жертвы сами впускают в дом и преспокойно дают себя удушить —

так, что ли? А оба тела находит одна и та же парочка — притом девица случайно живет в тех самых домах, где все и произошло. Не находишь, что многовато совпадений?

— Ну и что ты предлагаешь? — скептически сощурился Джексон, уже понимая, что поехать домой и завалиться спать его напарник предложит в самую последнюю очередь.

— А вот что: потолковать с их одноклассниками, теми, что были в тот вечер с ними «У Джека». Может, они заметили что-нибудь странное. Ну, вперед!

Отчаянно моргая и пытаясь сообразить, что произошло, полусонная Кэрол Кокрэн уставилась на стоявшие перед ней две фигуры в синих мундирах. Было, в общем-то, уже не так рано — восьмой час утра, однако Кэрол показалось, что ее разбудили вскоре после полуночи. Однако, несмотря на усталость, она уже все поняла.

— Вы насчет... Валери Бенсон, ведь правда?

Полицейские переглянулись, и Финнерти утвердительно кивнул.

— Боюсь, что так, мэм. Хотя, собственно, мы бы хотели поговорить с вашей дочерью.

Кровь отхлынула от щек Кэрол. О чем они? Какое отношение может иметь Лайза к тому, что случилось с Валери Бенсон?

— П... простите, — покачала она головой, — но, боюсь, я не понимаю вас. — Джим, подумала она. Нужно немедленно позвать Джима. Он умеет разговаривать с полицией. Словно прочтя ее мысли, муж неожиданно появился за ее спиной.

— Что-нибудь случилось, дорогая?

Услышав его голос, Кэрол кивнула — не без облегчения.

— Они... они хотят поговорить с Лайзой...

Выйдя на крыльцо, Джим Кокрэн плотно затворил дверь и секунду пристально разглядывал полицейских.

— В чем дело, джентльмены? — Тон его был далек от любезности.

Несколькими фразами Финнерти изложил причину их визита.

С видимой неохотой отворив дверь, Джим пригласил патрульных в гостиную.

— Если только она согласится, — предупредил он. — Если же нет — она, вы сами знаете, не обязана...

— Разумеется, — кивнул Финнерти. — Поверьте, мистер Кокрэн, мы ни в чем ее не подозреваем. Только хотим спросить, не заметила ли она вчера чего-нибудь необычного.

— Я, — голос Джима Кокрэна стал жестким, — отказываюсь поверить в то, что Кэйт Льюис или Боб Кэри способны убить кого бы то ни было. Тем более людей, близких им обоим.

— Понимаю, сэр, — снова кивнул Финнерти. — Но мы все же хотели бы, если не возражаете, поговорить с вашей дочкой.

— В чем дело? Джим, что им нужно от Лайзы? — полный тревоги взгляд жены встретил Джима на пороге кухни, куда он вошел минутой спустя. За спиной Кэрол он увидел протиравшую со сна глаза Лайзу.

— Бред какой-то, — Джим хмуро покачал головой. — Им почему-то кажется, что Боб и Кэйт — представляешь? — могли убить Валери, и они хотят расспросить Лайзу о вчерашнем вечере. Не заметила ли она, дескать, чего-нибудь необычного.

— Боже мой, — простонала Кэрол. Она опустилась на стул, пальцы нервно теребили ворот халата. Лайза же словно потеряла дар речи, она смотрела прямо перед собой, покачивая головой, словно отказываясь поверить в услышанное.

— Они... правда думают, что Кэйт убила миссис Бенсон? — наконец спросила она слабым голосом. — Но это же чистое безумие, папа...

— Знаю, дорогая моя, — подойдя к дочери, Джим обнял ее за плечи. — Невозможно в это поверить, но, по-моему, именно так они и думают. Но если ты не хочешь с ними разговаривать, то вовсе не обязана делать это.

— Нет, — Лайза упрямо мотнула головой. — Я выйду и отвечу на их вопросы. И скажу им, что их так называемая версия — кретинизм чистой воды. Ведь правда?

Прежде чем Джим успел что-либо сказать, Лайза уже вышла в гостиную. Полицейские встали, но даже не успели поздороваться с ней — Лайза накинулась на них прямо с порога.

— Кэйт и Боб не убивали никого! — выпалила она, гневно сверкнув глазами. — А если вы собираетесь убеждать меня, что в их поведении минувшим вечером было что-то необычное, так я вам скажу — не было ничего такого. Вели они себя, как всегда, только Кэйт была задумчивей, что ли...

— Никто не обвиняет их ни в чем, Лайза, — удалось наконец вставить слово Финнерти. — Мы просто пытаемся восстановить картину случившегося, и выяснить, могли ли твои друзья иметь какое-то отношение к этому, вот и все.

— Не могли, — отрезала Лайза. — И я знаю, почему вы задаете такие вопросы. Это из-за прошлогоднего случая в Мэрине, верно ведь?

Сглотнув, Финнерти кивнул.

— Но те же, в Мэрине, были наркоманами! Они кололись все время и еще пили... а Боб и Кэйт никогда ничего такого не делали!

— Успокойся, дорогая, — присев на диван рядом с дочерью, Джим Кокрэн снова обнял Лайзу за плечи. —

Полицейские по долгу службы всего лишь хотят задать тебе несколько вопросов. Если ты не хочешь им отвечать — это твое законное право, но не мешай им, пожалуйста, исполнять их обязанности.

Лайза резко обернулась к нему, и Джим увидел в ее глазах слезы.

— Но, папа, это же просто... просто кошмар! Как они могут думать, что Боб или Кэйт способны на такое, скажи, пожалуйста?

— Сам не знаю, — признался Джим. — Да и наши... гости тоже, я думаю. Ну а теперь ты, может быть, все же поговоришь с ними?

Поколебавшись, Лайза кивнула, вытирая глаза отцовским платком.

— Извините, — всхлипнула она, постепенно успокаиваясь. — Просто ничего необычного вчера вечером не происходило.

— Отлично, — кивнув, Финнерти вынул из кармана блокнот. — Вполне можем начать и с этого.

Медленно и подробно Лайза пересказывала полицейским события минувшего вечера. В кафе она приехала одна, но там уже было довольно много знакомых. Потом приехали Боб и Кэйт, они сели за отдельный столик, взяли колу и разговаривали... да нет, особенно ни о чем. Потом к ним присоединился ненадолго Алекс Лонсдейл... а потом они ушли. Вот и все.

— А ничего странного в поведении Кэйт или Боба ты не заметила? Не были они взволнованны или встревожены чем-то?

Глаза Лайзы сузились.

— Если вы думаете, что они вели себя так, будто только что убили кого-то, то я вам отвечу — ничего такого не было. Перед тем как уехать, Кэйт даже хотела позвонить миссис Бенсон и сказать ей, что они, мол, с Бобом «У Джека» и уже собираются домой. —

Увидев, что полицейские переглянулись, она поспешно продолжила: — И делать из этого какие-то выводы тоже вряд ли стоит. Она и раньше всегда звонила матери, когда задерживалась в школе. Говорила, что мать и так переживает из-за отца — он ведь у нее пьяница, не хватало, мол, еще, чтобы она из-за нее переживала.

Захлопнув блокнот, Финнерти встал со стула.

— Ну что ж. Думаю, что этого нам достаточно. Если больше ничего не вспомнишь — я имею в виду, ничего необычного или странного...

Финнерти и Джексон снова переглянулись, увидев, что Лайза явно колеблется.

— Все же есть что-то? — спросил с беспокойством Джим.

— Ну... я не знаю... — неуверенно начала Лайза.

— Тогда лучше рассказать нам об этом, — заметил Финнерти, снова открывая блокнот.

— Но к Бобу и Кэйт это не имеет отношения, — возразила Лайза.

— А к кому же? Ты вспомнила о ком-то еще, ведь так?

Лайза напряженно кивнула.

— Да... об Алексе Лонсдейле.

— Об Алексе? — удивился Джим. — А при чем здесь он? Ох, простите, джентльмены... Лайза, может быть, ты расскажешь об этом гостям?

— Да, в общем-то, ничего особенного, — досадливо поморщилась Лайза. — Он вообще очень странный с тех пор, как ему сделали операцию, но вчера вечером ему вроде стало лучше. По крайней мере, мне показалось так. Он впервые шутил, улыбался шуткам и был почти... ну, почти как раньше, вы понимаете? — Она замолчала, и после долгой паузы Финнерти наконец спросил ее, что же, собственно, она хотела сообщить им.

— Сама не знаю, — призналась Лайза. — Просто... Боб начал поддразнивать Алекса, а тот не покраснел, как всегда...

— И все? — саркастически спросил Финнерти. — Проблема в том, что он не покраснел, как обычно?

Лайза кивнула.

— Понимаете, Алекс легко краснел. В школе многие говорили разные... глупости только для того, чтобы увидеть, как он краснеет. А вчера Боб что-то там такое сказал... а Алекс в ответ только лишь улыбался.

— Понятно, — Финнерти кивнул. Закрыв блокнот, он сунул карандаш в нагрудный карман. Несколько минут спустя, когда они, извинившись и попрощавшись, вышли на улицу, он повернулся к Джексо-ну: — Ну, что скажешь?

— Не в том направлении мы роём, по-моему, — Джексон пожал плечами. — Но с парнем доктора Лонсдейла, мне кажется, тоже стоит поговорить.

— Точно, — согласился Финнерти, затем недоуменно покачал головой. — Странные все-таки нынешние детки. Весь вечер просидеть вместе, а странным ей показалось только одно — что ее парень не покраснел, видите ли. Факт, что и говорить, важный...

— А может, и так, — заметил Джексон глубоко-мысленно. — Может, даже очень важный...

Глава 21

Ранним утром в дом Марша Лонсдейла явились двое полицейских и целый час задавали вопросы Алексу. Они разговаривали в гостиной, рассевшись возле камина, — Марш рядом с сыном, полицейские напротив; в противоположном конце комнаты, на

стуле, сидела Эллен, намеренно глядя в сторону и притворяясь, будто не вслушивается в беседу мужчин.

— Нам нужно, чтобы ты рассказал нам все, — предупредил Финнерти, доставая блокнот из кармана. — Все, что ты помнишь о вчерашнем вечере, и именно так, как ты это запомнил.

Алекс заговорил, — как всегда, ровным, бесстрастным голосом, чуть ли не по минутам вспоминая, что он делал вчера — с того момента, как он отправился в пиццерию «У Джека», до своего возвращения домой. Можно было подумать, что они слушают магнитофонную запись. Алекс дословно воспроизводил разговоры, в которых принимал участие, описывал — до последнего поворота — свои передвижения на машине по Ла-Паломе. Минут через двадцать Джексон и Финнерти перестали записывать и только слушали, не скрывая удивления. Когда спустя час Алекс закончил, наступила долгая пауза, затем Финнерти встал и подошел к камину. Облокотившись почти всем своим весом на полированный дубовый брус, проходивший над каминной решеткой, он с любопытством посмотрел на Алекса.

— Ты и правда помнишь все это? — спросил он.

Алекс кивнул.

— Вот так, до мельчайших деталей? — настаивал Финнерти.

— Память у него потрясающая, — ответил за сына Марш. — Видимо, какие-то функции мозга обострились после операции. Так что если он говорит, что действительно помнит все, что рассказал вам — можете не сомневаться, это так и есть.

Финнерти кивнул.

— Да я и не сомневаюсь. Я просто... как бы сказать... восхищен, что ли, — так помнить все... — Он снова повернулся к Алексу. — Ты сейчас рассказал

нам все, что происходило «У Джека», и даже слово в слово воспроизвел, кто что говорил. А вот скажи — в поведении Боба или Кэйт тебе ничего не показалось странным? Они вели себя... м-м... нормально, как и всегда?

Несколько секунд Алекс смотрел на Финнерти.

— Я не знаю, — ответил он наконец. — Понимаете, я уже давно не знаю, что вообще считают нормальным. Вы хотите, чтобы я описал, что, по моему мнению, они чувствовали — но дело в том, что сам я чувствовать не могу. Мог, как и все, до той катастрофы — по крайней мере, так все говорят, — но после операции все куда-то пропало. Но вели они себя, как раньше, как и всегда. — Неожиданно он ухмыльнулся: — Боб Кэри даже немного меня поддразнивал.

— Это мы знаем, — кивнул Том Джексон. — Твоя подружка уже рассказала нам. И жаловалась, что ты, мол, теперь не краснеешь.

— Этого я тоже больше, наверное, не могу. Думаю, что научусь со временем, но пока еще не приходилось.

— Как, то есть, «научусь»? — удивился Джексон. — Ты же, например, улыбаешься.

Алекс взглянул на отца, Марш кивнул.

— Этому я тоже учился, — ответил Алекс. — Тренировался или — как лучше сказать... Понимаете, я не такой, как другие люди. Поэтому мне приходится учиться вести себя, как они. Я знаю, что когда людей поддразнивают — в шутку, — они улыбаются, поэтому я улыбнулся Бобу.

— О'кей, — кивнул Финнерти, не сводя взгляда с Алекса и чувствуя, как по спине пробежали мурашки. — А больше ты ничего не помнишь? Может быть, еще что-нибудь?

Подумав, Алекс отрицательно покачал головой. Спустя несколько минут входная дверь захлопнулась за полицейскими.

— Алекс... — начал Марш нерешительно. — Может быть, ты и правда вспомнил что-то еще о вчерашнем вечере, но не сказал им?

Алекс снова покачал головой. Нет, он рассказал им все. Ведь они же не спрашивали его, кто убил Валери Бенсон. Если бы спросили, он бы, разумеется, сказал им, хотя и не смог бы объяснить, из-за чего умерла Валери или та, другая женщина — Марти Льюис. Но когда на следующее утро Алекс открыл глаза, он знал, почему все это происходит в его мозгу, и как бы в подтверждение этому последние недостающие части головоломки заняли свои места.

А значит, он скоро в точности будет знать, что случилось. А потом — и самое главное — кто он такой.

— Алекс! — сидевшая, как всегда, за своим столом Арлетт Прингл удивленно вскинула брови. — Ты, я вижу, становишься нашим постоянным читателем!

— Мне нужно еще кое-что посмотреть, мисс Прингл. Есть у вас еще что-нибудь о нашем городе? — спросил Алекс.

— О Ла-Паломе? — в голосе Арлетт Прингл слышалось сомнение. — Если и есть, то немного. Ту книгу я тебе уже показывала... — она пожала плечами. — А больше, пожалуй, ничего. Здесь и не происходило ничего такого, о чем стоило бы писать летописи.

— Но ведь что-то же должно остаться, — тон Алекса стал почти умоляющим. — Что-нибудь о старых временах, когда эти земли принадлежали еще Мексике.

— Мексике... — повторила Арлетт. Задумчиво поджав губы, она постукивала пальцами по столу. — Боюсь, что я не вполне представляю, что именно тебе нужно. У меня есть кое-что о францисканских мис-

сионерах, о старых миссиях... хотя о нашей миссии, по-моему, совсем мало. Приход в Ла-Паломе всегда был маленьким.

— А о том, как сюда пришли американцы?

Арлетт снова пожала плечами.

— Думаю, нет, я сама об этом мало что знаю. Кроме, конечно, старых сказок, но они никогда не интересовали меня. И не думаю, чтобы их когда-нибудь записывали.

— Каких сказок?

— Ну, разных историй, которые до сих пор рассказывают старые мексиканцы — о тех временах, когда владельцем большой гасиенды был дон Роберто де Мелендес-и-Руис, про то, что случилось с ними после договора с американцами. — Она наклонилась вперед, понизив голос почти до шепота: — Рассказывают, что они устроили здесь настоящую резню.

Алекс чуть прикрыл веки, и сразу же перед его взором снова возникли белая стена, а рядом три распростертых тела...

— Там, на гасиенде?

— Так говорят. Но истории эти переходили из поколения в поколение, и я не думаю, что теперь в них можно отличить вымысел от правды. Но если ты действительно хочешь что-нибудь об этом узнать, почему бы тебе не поговорить с миссис Торрес?

— С Марией? — спросил Алекс почти шепотом. Он чувствовал — чувствовал в первый раз после операции, как мозг, круша предохранительные барьеры, ломая все на своем пути, затопляют волны неподдельного, темного, первобытного страха. Его начала бить дрожь. Все сходится. Все полностью укладывается в ту схему, которая внезапно появилась в его сознании прошлой ночью и над которой он думал все утро...

Арлетт Прингл кивнула.

— Да, с ней. Она до сих пор живет в своем доми-ке — за миссией, здесь неподалеку. Скажи ей, что я прислала тебя, но предупреждаю: если она начнет рассказывать, ее уже не остановить. — Написав на бумажной полоске адрес, она протянула ее Алексу. — Не стоит верить всему, что она рассказывает, — продолжала Арлетт снисходительным тоном, — ведь она уже старая и жизнь ее была нелегкой. Не могу сказать, что я совсем не верю ей, но не стоит относиться всерьез к ее рассказам. Мне кажется, что многое в них сверх всякой меры преувеличено.

Выйдя из библиотеки, Алекс взглянул на бумажку с адресом, которую держал в руке, затем, скомкав, бросил ее в ближайшую урну. Через пять минут, пройдя полтора квартала, он остановился перед покосившимся фанерным домиком, казалось, он был готов вот-вот развалиться.

Дом. *Его дом.*

Слово сверкнуло у него в мозгу, словно вспышка, теснясь и опережая друг друга, хлынули образы. Он знал, что перед ним его дом. Миновав давно уже не закрывавшиеся ворота, он взошел на покосившееся крыльцо и постучал в дверь. Постучал еще раз, подождал немного. Поднял руку, чтобы постучать в третий, но в этот миг створки двери со скрипом разошлись и словно само время глянуло на него с порога. Темные глаза Марии Торрес в упор смотрели на Алекса.

Из ее горла вырвался сдавленный вздох, она шире распахнула двери.

— М... мама?

Неужели это говорит он?

После долгой паузы, не сводя с него взгляда, Мария медленно покачала головой.

— Нет, — ответила она мягко. — Ты не мой сын. Я тебя не знаю. Что тебе нужно от меня?

— М-меня прислала мисс Прингл, — Алекс почувствовал, как пересыхает горло. — Она сказала, что вы можете рассказать мне о том, что здесь давным-давно было...

Снова долгое молчание, Мария, казалось, обдумывала его слова.

— Ты хочешь знать об этом? — наконец спросила она, ее глаза сузились, превратившись в едва заметные щелки. — Но ты же и так все знаешь. Ты — Алехандро, их сын.

Алекс сглотнул, ощущая, как знакомая боль пронизывает мозг и голоса снова начинают нашептывать что-то в уши... Изо всех сил он старался не слушать их.

— ...Я хочу знать, что здесь тогда случилось, — удалось наконец выговорить ему.

Мария снова замолчала, задумчиво разглядывая Алекса. Затем медленно кивнула.

— Ты — Алехандро, — повторила она. — И тебе нужно знать об этом. — Отступив на шаг, она распахнула дверь, и Алекс шагнул в полутемную — но такую знакомую — комнату, вся обстановка которой состояла из колченогой кушетки, единственного стула у стены и квадратного столика, окруженного четырьмя табуретами.

Все это он вспомнил еще до того, как вошел сюда.

Занавески были задернуты, но комнату освещал голубоватым светом маленький телевизор, стоявший в углу. Звук телевизора был выключен.

— Мой друг-приятель, — усмехнулась Мария. — Сама я плохо слышу — только смотрю. — Она медленно опустилась на стул, кивнув Алексу на кушетку. Алекс осторожно присел на край. — Так о чем же ты хочешь услышать?

— О... грабителях, — произнес Алекс неуверенно. — Расскажите мне о грабителях и... убийцах.

Глаза Марии Торрес вспыхнули.

— Для чего? — тихо спросила она. — Зачем тебе знать об этом?

— Я... вспоминаю, — ответил Алекс. — Вспоминаю то, что здесь было, и мне нужно больше об этом знать...

— Что ты вспоминаешь? — Старуха наклонилась к нему, ее горящие глаза оказались почти у самого лица Алекса.

— Фернандо, — едва слышно ответил Алекс. — Тío... дядя Фернандо... Он похоронен в Сан-Франциско, на старом кладбище...

Глаза Марии на мгновение широко раскрылись, кивнув, она откинулась на спинку, тяжело дыша.

— Su tío, — пробормотала она. — Si, es la verdad...

— Правда? — повторил Алекс. — Но... в чем же правда?

Глаза Марии снова раскрылись.

— Habla usted espanol?

— Я... я не знаю, — прошептал Алекс. — Но я понимаю вас...

Мария снова замолчала, разглядывая из-под прикрытых век согнувшуюся на кушетке фигуру Алекса. Мутный свет от телевизионного экрана не позволил ей хорошо рассмотреть черты его лица, но, по крайней мере, цвет, с удовлетворением отметила она, — цвет был правильным. Черные волосы, голубые глаза — точно такие же, по рассказам ее деда, были у дона Роберто... и у самого деда были такие же. Мария снова — уже с сочувствием — кивнула Алексу. Она решила.

— Si, — уже громче произнесла она. — Don Alejandro ha regresado...

— Расскажите, — попросил Алекс. — Пожалуйста, расскажите мне все.

— Они грабили, — медленно произнесла Мария, не сводя горящих глаз с лица юноши. — Они пришли и отняли нашу землю, наши дома. Они убивали. Сначала они отправились в деревни в каньонах и убили всех детей и женщин, пока мужчины были в полях. Потом они приехали на гасиенду, забрали дона Роберто, отвезли его к миссии и повесили.

Алекс поднял голову.

— Дерево, — произнес он. — Они повесили его на том большом дубе.

— Si, — кивнула Мария. — А потом они вернулись на гасиенду и убили его семью. Они убили донью Марию, и Изабеллу, и Эстелиту. И убили бы Алехандро, если бы только нашли его.

— Алехандро? — переспросил Алекс.

— El hijo, — мягко произнесла Мария. — Сына дона Роберто де Мелендес-и-Руис. Донья Мария сказала им, что отправила сына в Сонору, и они ей поверили. Но он был здесь. Он спрятался в миссии у своего дяди — тот был священником, — а потом они вдвоем бежали в Сан-Франциско. А потом, когда padre Фернандо умер, Алехандро вернулся сюда. Сюда, в Ла-Палому.

— Почему? — спросил Алекс. — Зачем он вернулся сюда?

Не отвечая, Мария Торрес долго смотрела на него. Когда она заговорила, голос ее был едва слышен, но слова, казалось, заполнили собой всю комнату.

— Venganza, — вымолвила она. — Он вернулся, чтобы отомстить грабителям и убийцам. И даже из могилы, сказал он, умирая, даже из могилы я буду мстить. Я никогда не покину эти места. Venganza.

Алекс вышел из покосившегося домика в полутора кварталах от миссии и медленно зашагал между такими же домиками. Яркое сентябрьское солнце

словно подчеркивало их убогий вид. Но Алекс не видел этого, для него каждый камень этих старых домов стал теперь частью истории, которую только что рассказала Мария Торрес. Она рассказала ее раз и другой, потом заставила повторить, перебивая, придираясь к деталям. Разум твердил ему о невозможности происходившего, но рассказ Марии собрал воедино разрозненные обрывки воспоминаний. Оставалось найти лишь последнее подтверждение — и он знал, где будет искать его.

На письменном столе громко зазвонил телефон. Секунду Марш колебался, снимать ли трубку, и тут понял — звонят по его частному номеру. Лишь очень немногие знали его и пользовались только в экстренных случаях.

Марш поднял трубку.

— Похоже, вы вынуждаете меня прибегнуть к мерам, оговоренным в контракте, — сообщил бесстрастный голос Раймонда Торреса.

— Как к вам попал этот номер телефона?

— Он попал ко мне, доктор Лонсдейл, в ту самую минуту, когда я согласился заниматься вашим сыном, — голос Торреса был лишен всякой интонации. — Но не это важно сейчас. Важно только одно — сегодня ваша жена должна была привезти ко мне Алекса.

— Боюсь, это вряд ли возможно, доктор Торрес, — ответил Марш. — Мы с ней все обсудили и решили, что больше вы ничего не сможете сделать для Алекса. Так что к вам он вряд ли приедет.

Возникла долгая пауза. В голосе Торреса наконец появилось выражение — он стал жестким.

— А я боюсь, что не вам, доктор Лонсдейл, принимать подобного рода решения.

— Тем не менее, — заверил Марш, — это решение принял именно я. И я бы не советовал вам приезжать и пытаться... м-м... заполучить как-либо моего сына. Или присылать кого-либо для этого. Я отец Алекса, доктор Торрес, и, несмотря ни на какие контракты, знаю свои права.

— Это я вижу. — Маршу послышалось, что в трубке раздался вздох. — Хорошо, предлагаю вам компромисс. Приведите сегодня Алекса, и я во всех подробностях объясню вам, в чем состояли — вплоть до сегодняшнего дня — методы моего лечения. А заодно — и почему я считаю необходимым стационарно обследовать его.

— Меня это не устраивает, доктор. Пока я не получу объяснений, вы не увидите Алекса.

Раймонд Торрес устало откинулся на спинку кресла. Двое суток почти без сна сделали свое дело — голова была мутной, он плохо соображал. Тем не менее одно он понимал четко — он совершил непростительную ошибку, отпустив Алекса. Каковы бы ни были последствия, он должен получить его назад. Должен.

— Хорошо, — произнес он в трубку. — В котором часу вас ждать?

Марш взглянул на настольный календарь.

— Через пару часов вас устроит?

— Вполне. Поймите, доктор: после того, что вы от меня услышите, вы наверняка согласитесь привезти Алекса ко мне. — С этими словами Торрес повесил трубку.

Задержавшись у ворот сада, Алекс рассматривал зеленый ковер виноградных лоз, взбиравшихся по стенам, отделявшим внутренний двор от улицы. Словно что-то решив, он быстрым шагом направился к дому. Дома не было никого — именно на это он и расчи-

тывал. Войдя в гараж, он принялся рыться в ящиках, стоявших в ряд у задней стены. Ему не понадобилось много времени.

Садовые ножницы он обнаружил в крайнем. Вынимая их из-под груды других инструментов, Алекс в последний раз спросил себя, правильно ли он делает. Но ему необходимо было еще кое-что узнать. Виноградные лозы тоже были частью схемы — и он должен был убедиться, что выстроил ее правильно.

Может быть, ошибалась та старая книга...

Крепко сжимая рукой ножницы, он вышел из гаража во двор, затем на улицу и подошел к стене сада. Медленно, основательно он принялся подрезать лозы у самого основания, толстые стебли с трудом поддавались ему. Спустя полчаса все было кончено — зеленый ковер грудой лежал у подножия стены, на уличном тротуаре. Отойдя на несколько шагов, Алекс взглянул на результаты своих трудов.

Плитки остались — треснувшие, с отколовшимися краями, покрытые многолетней грязью и пылью, но сохранившиеся, пережившие всех хозяев этого дома.

Стена выглядела в точности так, как должна была — такой, какой он увидел ее, когда вернулся домой из Института мозга...

Вернувшись в гараж, Алекс открыл другой, дальний ящик. Да, отцовское ружье здесь, на самом верху, тщательно упакованное. Открыв футляр, Алекс принялся методично подгонять друг к другу покрытые смазкой части. Собрав ружье, он взял из коробки, находившейся в том же ящике, пять патронов и сунул их в карман джинсов. Положив ружье на согнутую левую руку, он вышел из гаража во двор, со двора — на улицу и быстро зашагал по направлению к холму, на котором белело здание гасиенды.

Начало дня выдалось для Эллен тяжелым. Пока она медленно ехала по запруженной машинами дороге на Гасиенда-драйв, она в который уже за сегодня раз задавала себе странный вопрос — удастся ли ей дожить до конца недели.

Утро она провела с Кэрол, в доме Кокрэнов, и разговор с подругой тоже оказался тяжелым. Какое-то время они просто плакали, прижавшись друг к другу, потом пытались обсуждать какие-то детали, связанные с похоронами Валери... И все это время за их спинами словно стояла тень неведомого убийцы.

А потом Кэрол задала этот странный вопрос про Алекса.

— А ему... действительно становится лучше? Потому что Лайза все время рассказывает мне о каких-то странных вещах... Нет, о чем именно, я точно не помню, — в этот момент Эллен подумала, что Кэрол пытается что-то скрыть от нее. — Но Лайза, по-моему, чем-то очень обеспокоена. Ты знаешь, мне кажется... она немножко боится Алекса.

Эллен вдруг — уже не в первый раз — показалось, что после похорон Валери Бенсон отношения между семьями Кокрэнов и Лонсдейлов станут уже не такими близкими.

Свернув в последний раз, она въехала на дорогу, ведущую к воротам дома... и тут же с силой надавила на тормоза. У стены сада, почти завалив тротуар, лежали безжизненной грудой ее любимые виноградные лозы, безжалостно срезанные кем-то с садовой стены.

— Не могу поверить... — прошептала Эллен, словно боясь, что ее услышат, хотя в машине она сидела одна. Неожиданно сзади послышался гудок автомобиля, и, опомнившись, она нажала на газ и подала вправо, чтобы освободить проезд. Еще несколько

минут она, словно лишившись способности двигаться, сидела, бессильно положив руки на руль, затем с трудом вышла из машины и подошла к тротуару, беспомощно глядя на груды вянувшей зеленой лис-твы.

Кто мог сделать это? Это же совершенно непостижимо... потому что лишено какого бы то ни было смысла. А чтобы они снова выросли, потребуется по меньшей мере с десятков лет... Взгляд Эллен рассеян-но блуждал по стене, машинально фиксируя потрес-кавшуюся штукатурку и побитые, местами отколов-шиеся плитки, которыми некогда была выложена сте-на между перемычками.

Звук человеческого голоса заставил ее обернуться. Позади нее стояла женщина, жившая в одном из со-седних домов, и с сочувствием взидала на распрос-тертый у ног Эллен зеленый хаос. Эллен нахму-рилась, сиюсь припомнить имя соседки, и наконец вспомнила. Шейла. Шейла Розенберг.

— Ш-шейла... — в растерянности вымолвила Эл-лен, и неожиданно вся боль, копившаяся в душе пос-ледние несколько дней, заставила ее вскрикнуть: — Посмотри на это! Только посмотри!..

Шейла покачала головой.

— Уж эти дети...

— Дети? — Эллен недоуменно прищурилась, лицо ее стало жестким. — Ты хочешь сказать — это сдела-ли дети?

Недоумение читалось теперь и в глазах Шейлы Розенберг.

— Я имею в виду — вечно не доделают до конца. — Она смущенно улыбнулась. — Вам, безусловно, вид-нее... но все-таки жалко, такой чудесный виноград. Особенно летом было красиво — стену будто ковром застелили, ни дать ни взять...

— Мне виднее? — не веря, переспросила Эллен. — Шейла, объясни ради Бога, о чем ты таком говоришь?

Улыбка разом исчезла с лица соседки.

— То есть как... об Алексе, — голос ее был полон растерянности. — Разве не вы велели ему срезать ваш виноград?

Алекс? Эллен стояла пораженная. Алекс сделал это? Но... для чего? Плохо сознавая, что делает, она вновь обвела взглядом стены и наконец поняла — этих плиток она никогда раньше не видела.

— Шейла... а ты знала, что стена выложена плиткой?

Соседка отрицательно покачала головой.

— Да откуда же? Виноград был толщиной фута в два. Эту стену никто уже лет тридцать не видел. — Она тоже обвела стену взглядом. — А знаете, может быть, вы и правы. Если починить плитку, а вместо винограда пустить, например, вьюнок — очень красиво получится.

— Шейла, видишь ли, я... я не просила Алекса срезать эти лозы. Ты уверена, что это был он?

Несколько мгновений Шейла в недоумении смотрела на нее, затем, словно опомнившись, произнесла:

— Совершенно уверена. Думаете, я бы позволила кому незнакомому их срезать? Часа два назад я тут его видела, а потом ушла в дом, дела какие-то были. А когда опять вышла, гляжу — виноградные лозы все срезаны, а Алекса и след, извините, простыл. Я думала, может, в дом обедать отправился или там еще что...

Эллен перевела взгляд на дом.

— Если так, может, он еще обедает, — произнесла она вслух, хотя сама не верила в это. Почему-то она была уверена — Алекса в доме нет. — Спасибо, Шейла. Извини, я... по-моему, лучше мне немедленно во

всем этом разобраться. — Кивнув на прощание соседке, Эллен быстро зашагала к воротам и спустя пару минут уже входила в дом.

— Алекс, — громко позвала она. — Алекс, ты дома?

Она все еще прислушивалась к царящему в доме молчанию, когда в холле зазвонил телефон. Метнувшись к нему, она сорвала трубку:

— Алекс? Алекс, это ты? Ты где?

Секундное молчание, затем трубка откликнулась голосом Марша:

— В чем дело, Эллен? Случилось еще что-нибудь?

«Еще? — подумала Эллен. — Двух моих лучших друзей убили, я не знаю, где сейчас мой сын и что с ним, а ты спрашиваешь меня — не случилось ли что-то еще?» В этот самый момент она поняла, что давно ненавидит мужа. Когда она ответила, голос ее, однако, был спокоен и холоден.

— В общем, нет. Просто Алекс для чего-то взял и срезал со стены нашего сада весь виноград.

В трубке повисла долгая пауза.

— Но ведь Алекс должен быть сейчас в школе... — наконец произнес Марш, но не успел закончить фразы, как его перебила Эллен.

— Я знаю. Но скорее всего там его нет. Видимо, он ушел из школы — если вообще там сегодня был, — вернулся домой и срезал все наши лозы. Дома его сейчас тоже нет. Не спрашивай меня, где он — этого я тоже не знаю.

Марш, сидевший за письменным столом в своем кабинете, больше прислушивался к тону Эллен, чем к тому, что она говорила. Несколько раз ему уже приходилось слышать этот тон. С женой вот-вот случится истерика.

— Успокойся, — сказал он в трубку. — Просто сядь на диван, отдышись, прими успокоительное. Я

уже еду домой, а потом мы вместе отправимся в Пало Альто.

— В Пало Альто? — повторила Эллен. — Боже мой... а зачем?

— Торрес, видишь ли, согласился поговорить с нами. И все объяснить насчет Алекса.

Машинально Эллен кивнула.

— Но... как же сам Алекс? — спросила она мужа. — Может, нам все же попытаться найти его?

— Непременно найдем, — заверил ее Марш, — к тому же мне кажется, что когда мы вернемся от Торреса, Алекс уже будет дома.

— А если... Марш, если нет?

— Тогда мы непременно его отыщем.

Нет, сейчас, подумала Эллен. Сына нужно найти сейчас. Но она промолчала. Слишком много всего случилось за последние сутки... и все это как-то касалось ее. Она сидела на диване в ожидании приезда Марша и чувствовала, что силы покидают ее.

Но, может быть, подумала она, может быть, на этот раз Раймонду удастся убедить Марша не мешать ему.

Алекс тоже ждал — на склоне холма, в полумиле от дома. Белые стены гасиенды возвышались на соседнем холме.

Чего именно он ждал — Алекс не знал. Единственное, что понимал четко — что бы ни произошло, он к этому готов. Его время настало.

Отцовское ружье с полным магазином он крепко прижимал к груди.

Глава 22

Синтия Эванс с беспокойством посмотрела на часы. Она явно опаздывала, а опаздывать она не люби-

ла. Но если она поторопится, то все же успеет сделать, что нужно: захватить в школу за Кэролайн и вернуться домой как раз к трем тридцати — на это время она назначила собеседование с новым садовником. Захлопнув за собой дверь, она направилась к своему «БМВ», замершему у ворот в ожидании хозяйки. Она уже собиралась открыть дверцу, как взгляд ее упал на темную фигуру, видневшуюся на склоне соседнего холма.

Все еще сидит, надо же. А появился здесь еще в полдень.

Она знала, кто это, — Алекс Лонсдейл. Увидев около полудня на соседнем холме человеческую фигуру, Синтия вооружилась биноклем мужа, чтобы выяснить, кто это там. Окажись это кто чужой, она бы немедленно позвонила в полицию — да еще после того, что случилось этой ночью с Валери Бенсон... Но вызывать полицию из-за сына Эллен Лонсдейл было ни к чему. К тому же и у Алекса, и у его родителей было и так достаточно проблем, так что создавать им новые ей не хотелось. Если ему нравится сидеть полдня на холме — значит, у него есть на то причины.

И тем не менее это раздражало Синтию. Сколько раз она говорила мужу — если покупаем гасиенду, так нужно купить и участки земли вокруг нее! А теперь все, кому ни лень, — вон хотя бы тот же Алекс Лонсдейл — лазают на соседний холм и с удовольствием наблюдают, что-то там у них на гасиенде делается. Нечего сказать, уединенный уголок! Бог весть каких денег стоило им это уединение... Несколько секунд Синтия боролась с искушением все же позвонить в полицию — черт с ними, с проблемами Лонсдейлов, в конце концов... Не сделала этого она только потому, что уже поджимало время.

Запустив мотор, Синтия резко приняла с места, и машина словно вырвалась со двора и понеслась вниз

по Гасиенда-драйв. Мелькнула мысль — заперла ли она ворота, но уже в следующую секунду Синтия об этом не думала...

Подождав, пока «БМВ» Синтии Эванс скроется из виду, Алекс поднялся с земли. Он знал — в доме никого не осталось. Он стал медленно спускаться с холма, положив ружье на плечо и балансируя правой рукой, чтобы удержаться на крутом склоне. Пять минут спустя он стоял перед раскрытыми воротами гасиенды.

Ворота были не те.

Ведь они должны быть деревянными. Он хорошо помнил их — массивные дубовые доски, скрепленные друг с другом коваными железными скобами.

И двор был не тот. Откуда-то взялся бассейн, вместо утопанной земли — квадраты каменных плит... Алекс молча прошел через двор, поднялся по ступенькам крыльца к входной двери и вошел в дом.

Здесь все оказалось не так плохо. Комнаты были почти такими, какими он помнил их, и вообще все кругом выглядело знакомым. Он обошел каждую — и в конце концов оказался в той, что принадлежала ему когда-то. Сколько счастливых воспоминаний было связано с этой комнатой... и в доме тогда было много людей — его родители, сестры, во дворе — привычные звуки: голоса слуг, лай собак...

А потом пришли *гринго*.

Убийцы и грабители.

Los ladrones y los asesinos.

Боль, пронизавшая его мозг всякий раз, когда приходили воспоминания, теперь, казалось, переполняла все его существо. Он вышел из маленькой комнаты на втором этаже — его комнаты — и направился дальше.

В кухне изменилось все. Вернее, очаг остался, но котла над ним уже не было, и появилась масса новых, непонятных вещей — он не знал даже их названий. Он вышел из кухни, прошел обратно в холл.

Остановился, недоуменно нахмурившись.

Дверь. Новая дверь. Здесь ее не было раньше.

Поколебавшись, он толкнул ее.

Ступени. Похоже, они ведут вниз, в подвал.

Но подвала в доме тоже никогда не было.

Крепче сжав ружье, он спустился вниз, у последней ступеньки шагнул в сторону, прижался к стене, огляделся.

Зеркало — огромное, вдоль всей длинной стены, рядом — полки, уставленные бесчисленными бутылками.

Этого всего не должно здесь быть. Все это принадлежит им, *ladrones*.

Вскинув ружье, он разрядил его в середину зеркала.

Подвал словно взорвался, воздух в мгновение ока наполнился осколками стекла, с грохотом рушились уставленные бутылками полки. Через минуту лишь заваленный обломками пол напоминал о баре мистера Эванса.

Отвернувшись, Алекс зашагал по ступеням вверх. Самих *asesinos* он подождет во дворе. Как некогда ждали их мать и сестры.

Но теперь пришел его час.

— Дорогая моя, ну откуда я знаю, зачем Алексу это нужно? Он просто сидел на холме и смотрел на наш дом.

— Значит, нужно было вызвать полицию, — Кэролайн пожала плечами. — Все знают, что Алекс Лонсдейл — псих.

Синтия Эванс с укором взглянула на дочь.

— Кэролайн, это несправедливо.

— Но это же правда, — снова пожала плечами Кэролайн. — Я серьезно говорю тебе — с каждым днем о нем говорят все более ужасные вещи. А Лайза рассказывала, будто он сказал ей, что не думает, будто миссис Льюис погибла от рук своего мужа, и что, мол, скоро еще кого-нибудь убьют. А ночью убили миссис Бенсон!

Синтия сбавила скорость, чтобы не прозевать поворот на Гасиенда-драйв.

— Если ты хочешь убедить меня, что их убил Алекс Лонсдейл, то слушать тебя я попросту не желаю. Во-первых, Эллен Лонсдейл моя еще подруга...

— Ну да, со школы! Ну так и что? Будь она хоть золотом осыпана — сынок-то ее полный придурок!

— Кэролайн, достаточно!

— Ах, да перестань, мама...

— Это ты изволь перестать! Мне надоело, что ты поливаешь помоями всех и каждого, и впредь я тебе этого не намерена позволять! — Вспомнив о собственном порыве позвонить прямо перед уходом из дома в полицию, Синтия немного смягчилась. — Слушай, что я скажу тебе. Ты обещаешь — больше о нем ни слова, а я, если он еще будет сидеть там и глазеть на наш дом, когда мы приедем, непременно вызову полицию. О'кей?

В ответ Кэролайн лишь пожала плечами, остаток пути они провели в молчании. Миновав последний поворот, Эллен снова сбавила газ, и тут услышала негодующее стенание дочери.

Синтия повернулась к ней.

— Теперь в чем дело?

— Ворота! — Кэролайн закатила глаза. — Если бы я оставила их открытыми, ты бы неделю меня пилила.

Увидев, что ворота и правда открыты, Синтия чуть слышно, сквозь зубы, выругалась, поспешив, одна-

ко, успокоить себя тем, что отсутствовала она не больше часа. Кроме того, во дворе, насколько она могла видеть, никого не было. Машина въехала во двор, Синтия, заглушив мотор, вышла.

— По крайней мере, в полицию нам звонить не придется, — она кивнула в сторону соседнего холма. — Он ушел.

— Грабители, — тихий голос раздался из густой тени под балконом, проходившим через весь фасад здания. — Грабители и убийцы.

Синтия застыла на месте.

— Кто это... кто здесь?

— О, Боже, — услышала она рядом шепот дочери. — Это Алекс, ма. Это Алекс...

— Тихо, — шепнула ей Синтия. — Только не говори ничего. Все будет в порядке. — Громким, ровным голосом она произнесла: — Кто там? Это ты, Алекс?

Шагнув вперед из тени, Алекс вскинул ружье.

— Soy mim, — прошептал он. — Soy Alejandro.

По лицу его текла кровь из порезов, которые оставили осколки стекла, алые капли падали на рубашку, но боли он, как видно, не чувствовал. Он снова шагнул вперед и повел в сторону дулом ружья.

— Туда, — он говорил по-прежнему шепотом. — Вон к той стене.

— Делай все, что он говорит, — шепнула Синтия дочери. — Не спорь с ним, и все кончится нормально...

— Мама, но он маньяк!

— Тихо! Ни слова, и делай, что он сказал. — Минуту, которая показалась ей вечностью, она ждала, пока Кэролайн подойдет к стене, молясь про себя, чтобы она не бросилась бежать к машине или к воротам. Затем, медленно, сама подошла к Кэролайн и встала рядом, взяв ее за руку.

— Главное — не спорить с ним, — шепнула она. — Если мы будем слушаться его, он ничего нам не сделает.

Держа Кэролайн за руку, чтобы та не отставала от нее, Синтия начала осторожно продвигаться к воротам.

— В чем дело, Алекс? — спросила она, чтобы отвлечь его внимание. — Что тебе от нас нужно?

— Venganza, — тем же шепотом ответил Алекс. — Venganza para mi familia.

— Месть? За твою семью?!

— Si. — Алекс шагнул к воротам, отрезая им путь к отступлению.

Стена была совсем такой, как в тот самый день, хотя они замазали дыры от пуль и смыли со штукатурки кровь его близких. Но для него это все осталось — он видел выбоины и алые пятна так же ясно, как в день смерти сестер и матери.

Теперь настал его день.

Он подумал — сможет ли эта женщина встретить смерть так же храбро, как его мать, сможет ли крикнуть ему проклятие в последнюю секунду собственной жизни.

Нет, не сможет. Гринго — они совсем другие.

Она умрет, как и все они, умоляя его о пощаде. И она уже начала...

— Но за что, Алекс? — услышал он ее голос. — Разве мы что-нибудь тебе сделали?

Разве сделали вам что-нибудь мои мать и сестры, которых убили ваши солдаты у этой самой стены? Но он не задал этого вопроса. Сейчас — не время спрашивать.

Наступил час расплаты...

Он нажал на курок. В уши ударил грохот, лицо женщины превратилось в кровавую маску, а брыз-

нувшая на стену кровь, смыла кровь его близких. Колени женщины подогнулись, и она медленно осела на землю — совсем как в тот самый день...

Двор заполнил пронзительный крик ее дочери.

Нажимая на курок второй раз, Алекс подумал — двор навсегда останется таким, как тогда, кровь его родных вечно будет на этих стенах, а кровь гринго смешается с пылью, уйдет в ту землю, которую они отняли...

Свернув на Гасиенда-драйв, Хосе Карильо сбросил скорость, слушая, как сердито чихает мотор его грузовичка. Ладно — только бы эта развалюха продержалась то время, пока он будет работать на этих Эвансов. На деньги, которые они ему заплатят, он сможет купить себе новый грузовик. Сегодня, однако, первый день, а он опоздал — не дай Бог, потеряет, еще не получив, такое классное место. Он прибавил газу, и машина, закашляв, нехотя поползла вверх по склону холма.

Потом он вспоминал — именно перед последним поворотом он увидел этого парня, бредущего по обочине с громадным ружьем в руке, рубашка и лицо — в крови. Затормозив, он высунулся и окликнул его. Парень, казалось, его не слышал. Хосе позвал громче, парень повернул голову в его сторону.

— С тобой все в порядке? — спросил Хосе. — Может, тебе какая-нибудь помощь нужна?

Несколько секунд парень в упор смотрел на него, затем отрицательно мотнул головой и, отвернувшись, зашагал по дороге. Наблюдая за ним, Хосе увидел, как, пройдя еще несколько домов, парень исчез за воротами в высокой белой стене, с которой — Хосе как садовник сразу заметил — кто-то недавно срезал роскошные виноградные лозы. Задумчиво покачав

головой, Хосе с силой нажал на газ. Он и так опаздывал.

Въехав во двор, он сразу увидел алые пятна на южной стене и на земле, а у стены — два окровавленных женских трупов.

— Иисус, Мария и святой Иосиф... — пробормотал садовник, чувствуя, как к горлу подступает горячий ком. Выскочив из машины, он кинулся в дом. Еще бы знать, где телефон в домах этих гринго...

Алекс разглядывал себя в зеркало. Из глубокого пореза над правым глазом все еще текла кровь, рубашка высохла, стала бурой и жесткой.

Проверив магазин ружья, он удовлетворенно кивнул. Три из пяти патронов он уже израсходовал. Два оставшихся — вот они, поблескивают в своих гнездах.

И хотя память почти не сохранила происшедшее, он помнил, в каком именно месте голоса снова начали шептать ему по-испански, помнил он, и где они его оставили.

Услышал он их на склоне холма рядом с большой гасиендой, сидя там, он вспоминал рассказы Марии Торрес о давно минувших днях.

А перестали они шептать, когда он уже уходил с гасиенды и в воздухе сильно пахло порохом, по лицу его текла кровь, и хотя все тело болело, сердце его оставалось по-прежнему бесчувственно-пустым.

Пустым и холодным.

Но он знал — ночью ему снова приснится сон, и он увидит все, что случилось днем, и будет снова разрываться от той нестерпимой, неведомой боли, которую другие люди называют чувствами.

Но это будет в последний раз, потому что теперь он знал, откуда приходит к нему эта боль, и знал, как с этим справиться.

И еще он знал — он, Алекс Лонсдейл, не имеет никакого отношения к происшедшему.

Того, кто все это совершил, зовут Алехандро де Мелендес-и-Руис. Это он превратил его жизнь в цепочку кошмаров, это он не дает ему уснуть по ночам.

Значит, Алехандро надо убить. У Алекса просто нет другого выхода.

Алекс сменил рубашку, порез на лбу можно и не заклеивать.

Взяв ружье, он спустился вниз, вошел в кухню, пошарив в нижнем ящике, без труда отыскал комплект запасных ключей от машины.

Он уже выезжал из ворот, когда мимо их дома, завывая сиреной и сверкая бело-синей мигалкой, пронеслась патрульная машина полиции.

Он знал, куда они едут, и знал, что именно обнаружат сидящие в машине, когда приедут туда. Поехать за ними и изложить свою версию случившегося... Алекс резко вывернул руль, и машина рванулась в противоположную сторону.

Голова вдруг стала ясной, мысли были словно отлиты из прозрачного хрусталя. Сейчас вниз, потом по центральной улице через город, а дальше — прямо по шоссе. Через полчаса он уже будет в Пало Альто.

— Говорю тебе, что-то тут не сходится, — в десятый раз бубнил Финнерти. Неожиданно в кухне, где они с Джексоном расположились, чтобы привести в порядок свои записи, зазвонил телефон. Финнерти свирепо посмотрел на аппарат и раздраженно подумал, что эта чертова штука может звонить до тех пор, пока он не выскажет свою мысль, и произнес: — Парень сказал, что он припарковался напротив кафе, через площадь. Именно так у меня и записано.

— А у меня — что он оставил машину совсем рядом с кафе, — не унимался Джексон. Прервавшись,

он кивнул на захлебывающийся телефон. — Мы вроде в твоей кухне? Значит, это тебя. Снимай.

— Черт, — плюнул Финнерти, протягивая руку к телефонной трубке. — Да? — На несколько секунд он замолчал, и Джексон видел, как постепенно с лица его сходит краска. — Ах, черт... Да, сейчас будем. Конец связи. — Положив трубку, он глубоко и шумно вздохнул и в упор взглянул на напарника. — Еще двое. Шеф хочет, чтобы мы пришли и проверили — почерк может быть сходным. Хотя по тому, что он рассказал, — ничего похожего. На сей раз — настоящая бойня.

По приезде на место Финнерти понял, что воспользовался слишком мягким сравнением. У одного из лежавших у стены тел почти полностью отсутствовала голова. Однако Финнерти сразу опознал второй труп. Пуля попала ей в грудь, и хотя лицо было искажено гримасой боли, он понял, кто это.

Кэролайн Эванс.

Рядом скорее всего — труп ее матери, Синтии.

— Звони медикам, в Центр, — бросил Финнерти подошедшему Джексону. — И скажи им — пусть сразу захватят с собой мешки. — После чего он занялся садовником Хосе Карильо, который сидел возле бассейна, стараясь не смотреть в сторону лежавших на земле тел и окровавленной белой стены над ними.

— Что-нибудь знаешь обо всем этом, Хосе? — спросил Финнерти, подходя к нему.

Хосе медленно покачал головой.

— Я сюда на работу наниматься приехал. Ну и только заехал во двор... — его голос дрогнул. — Я как их увидел, сразу бросился вам звонить. То есть, значит, в полицию.

— А больше ты ничего не видел? И... никого?

Хосе открыл было рот, чтобы ответить, но замолчал, задумавшись.

— Вспомнил что-то?

— Да вроде того... Я когда ехал сюда, парня какого-то встретил. Вид у него был, как будто дрался с кем-то не один час, и ружье в руках такое здоровое.

— А кто он — не знаешь?

Хосе покачал головой.

— Но дом, в который он вошел, показать могу.

Лицо Финнерти словно окаменело.

— Далеко?

— Нет, рядом. Прямо вниз по дороге... в начале Гасиенда-драйв.

Финнерти взглянул на патрульный автомобиль, сидевший в нем Джексон осипшим голосом кричал что-то в микрофон рации.

— Хосе, а если на твоей тачке, а? Вести сможешь?

Поколебавшись, Хосе кивнул, и Финнерти, крикнув Джексону, что вернется через несколько минут, забрался в кабину. Включив зажигание, Хосе нажал на стартер, молясь, чтобы именно сейчас его пожилой мустанг не капризничал. Двигатель чихнул, кашлянул, затем заработал.

Проехав с полмили вниз по склону холма, Хосе остановил грузовик перед чьими-то воротами.

— Вот, — кивнул он. — Сюда он вошел, Роско.

Несколько секунд Финнерти, не отрываясь, смотрел на дом.

— Ты уверен, Хосе? Дело-то может оказаться серьезным.

Хосе усиленно закивал.

— Именно сюда, точно. Вон, видишь, на тротуаре навалено, такой виноград обрезали — и хоть бы почесались убрать. Я такие вещи не забываю. Именно сюда тот парень и шел.

Даже без знаменитого винограда Финнерти сразу узнал дом доктора Маршалла Лонсдейла. Неудивительно, чертыхнулся он про себя, ведь он был здесь часов семь назад, не больше.

Выйдя из кабины грузовика, сержант заглянул во двор через ворота. Он сразу заметил, что гараж пуст.

— Слушай, Хосе, поезжай, ради Бога, на гасиенду, пусть мой напарник заводит машину и мчит сюда. О'кей, старина?

Хосе кивнул, минуту спустя его машина исчезла за поворотом. Финнерти, стоя у ворот, все смотрел на дом, в душе медленно росла уверенность — никого сейчас в этом доме нет. Несколько минут спустя, взвизгнув тормозами, у тротуара остановился черно-белый патрульный линкольн. Почти в ту же минуту хлопнула калитка в доме напротив, Шейла Розенберг, выйдя на улицу, помахала Финнерти.

— У Лонсдейлов никого сейчас нет, — пояснила она, указав на темные окна. — Марш и Эллен часа два назад уехали, а сын их — я видела — прямо перед вами, можно сказать. На машине Эллен.

— А не знаете, куда они поехали? Его родители, я имею в виду?

— Понятия не имею, — смущенно улыбнулась Шейла. — Я ведь вообще не имею привычки следить за соседями. — На лице ее появилось тревожное выражение. — А... что-нибудь случилось?

Финнерти внимательно смотрел на женщину. Как же, не следит она за соседями, черта-с-два...

— Да нет, ничего, — ответил он наконец. — Просто нам нужны кое-какие сведения.

Скажи он ей правду — через час ее будет знать весь квартал. Беспроволочный телеграф, чтоб их...

— Может быть, вам лучше позвонить в Центр? — предположила Шейла Розенберг. — Они, наверное, лучше знают, где их начальник находится.

Несмотря на заверения Шейлы Розенберг в том, что «дома у Лонсдейлов никого нет», Финнерти принял решение все-таки туда заглянуть.

В комнате, принадлежавшей, без сомнения, Алексу, он обнаружил залитую кровью рубашку. Осторожно положив ее в пластиковый пакет, он отдал его Джексону. Спустившись вниз, Финнерти набрал номер Медицинского центра.

— Куда именно они поехали — я могу вам точно сказать, — ответила на вопрос Финнерти Барбара Фэннон. — Доктор с супругой поехали в Пало Альто поговорить с доктором Торресом об их сыне, Алексе. По-моему, у них какие-то с ним проблемы. Номер я вам сейчас подскажу.

Барбара зашуршала страницами справочника, ища в нем телефон Института мозга. Финнерти мрачно усмехнулся. Проблемы. Хорошо сказано. Все равно что назвать акулу уклеей...

Марш чувствовал, что теряет терпение.

В здании Института они сидели уже более двух часов — и полтора из них их продержали в приемной. Все это время Марш беспрестанно вышагивал из угла в угол по просторному холлу. Эллен же сидела на диване, застыв, как изваяние.

Наконец их пригласили в кабинет Торреса, где он продемонстрировал на экране монитора компьютерную модель операции, которую перенес мозг их сына.

Маршу эти цветные картинки ничего не говорили. Воспроизведение велось в ускоренном режиме, изображение было мутным, и понять происходящее даже посвященному было отнюдь нелегко.

— Эта программа, как вы понимаете, предназначена не для диагностики, а именно для операций, — произнес Торрес, отвернувшись от монитора. — Собственно говоря, то, что вы видите, вообще не предназначено для человеческих глаз. Эту программу должен читать компьютер, отдавать команды робо-

ту... вся эта графика, в принципе, здесь не нужна. Это — побочный продукт в своем роде...

— Я все равно ничего не смыслю в ней, — отрезал Марш, не глядя на Торреса. — Вы обещали объяснить нам, что происходит с Алексом, а вместо этого показываете какие-то компьютерные сказки. Все, хватит. Выбирайте. Либо вы все сейчас же выкладываете, либо мы — я и моя жена — немедленно уходим отсюда. И встретимся мы с вами уже в суде. Объяснить еще раз — или вам и так все понятно?

Торрес не успел ответить — раздался телефонный звонок.

— Я велел ни с кем меня не соединять, — звенящим от гнева голосом произнес Торрес в трубку. Через секунду он, плотнее прижав трубку к уху, поднял глаза на сидевшего перед ним Марша Лонсдейла. — Это вас. Полиция. По-моему, у них снова что-то случилось.

Марш почти вырвал трубку из руки Торреса.

— Доктор Лонсдейл. Да, сержант, я узнал вас. Что-то произошло?

На несколько минут в кабинете воцарилось молчание. Когда Марш повесил трубку, Эллен сразу заметила, как побледнел ее муж.

— Марш... — выдохнула Эллен. — Там... что-то с Алексом?

— С Алексом... — голос Марша был едва слышен. — Это Финнерти... они хотят поговорить с ним...

— Опять? — Эллен почувствовала, как бешено и неровно забилось сердце. — Но они же только сегодня... А для чего?

— Только что найдена убитой Синтия Эванс... на гасиенде, вместе с дочерью, Кэролайн... Финнерти говорит, есть причины подозревать в этом Алекса...

Не в силах вымолвить ни слова, Эллен смотрела на мужа. Торрес резко поднялся из-за письменного стола.

— Если он действительно сказал такое, то он просто дурак, — его черные глаза сверкали от ярости.

— Но... он именно так сказал... — Марш все еще говорил шепотом. Торрес медленно опустился на стул, Марш повернулся к нему, с шумом выдохнул.

— Доктор Торрес, — теперь голос его звучал нормально, — прошу вас рассказать мне, в чем именно состояла суть операции.

— В том, что я спас его, — ответил Торрес, но было заметно, что самообладание изменило ему. Встретившись глазами с Маршем, он отвел взгляд, снова повисла долгая пауза. Затем, нахмутив брови, Торрес произнес: — Хорошо. Я расскажу вам обо всем, что сделал. И тогда вы поймете — Алекс не мог никого убить. — Он опять замолчал, и когда заговорил вновь, Маршу показалось, что обращается он не к Эллен и ни к нему, а к себе, доктору Раймонду Торресу. — Да, он не мог никого убить. Это абсолютно исключено. Невозможно.

Медленно, не упуская ни одной детали, Торрес начал рассказ о методах лечения больного по имени Алекс Лонсдейл.

Глава 23

Стараясь унять дрожь в руках, Эллен ощупывала взглядом лицо мужа, тщетно пытаясь найти на нем ответ — говорит ли Торрес им сейчас правду или снова пытается скрыть ее... Лицо Марша, однако, сохраняло каменное выражение, которое приняло в самом начале длинного рассказа Раймонда Торреса.

— Но... что же все это значит? — Эллен наконец набралась смелости. Реакция мужа — вернее, отсутствие таковой — пугало ее.

— Совершенно ничего не значит, — ответил Марш, — поскольку абсолютно невыполнимо с медицинской точки зрения.

— Думайте что хотите, доктор Лонсдейл, — Торрес пожал плечами, — но все, что я рассказал вам — чистая правда, от первого слова до последнего. И лучшее тому доказательство — то, что сын ваш до сих пор жив. — Улыбка, которой он одарил Марша, больше напоминала гримасу ожесточения. — На следующее утро после операции, я помню, вы первый заговорили о чуде. Я полагал, что вы имеете в виду чудо медицинской науки, и потому не стал поправлять вас. Хотя сам бы назвал это скорее чудом современной технологии.

— Если то, что вы говорите, правда, — глаза Марша сузились, — тогда то, что вы сделали, не имеет никакого отношения к чудесам. Это... надругательство. Или преступление. Или и то, и другое вместе.

— Марш, но ведь он жив, — глаза Эллен наполнились слезами. — Он жив... — и съежилась на краю дивана под гневным взглядом супруга.

— Жив? А что, разреши спросить, позволяет тебе утверждать это? Допустим на минуту, что все, что говорил здесь этот маньяк — правда, и что мозг Алекса был поврежден слишком сильно для любых попыток восстановления... — его налитые яростью глаза обратились в сторону Торреса. — Ведь именно так вы сказали, да?

Торрес кивнул:

— Мозг уже не был способен ни к какой деятельности, кроме самой примитивной, конечно. То есть он еще мог заставлять биться сердце. И все. Дышать без респиратора Алекс был уже не в состоянии, стимуляция тоже оказалась напрасной.

— Иными словами, его мозг был мертв — и никаких надежд на восстановление?

Торрес снова кивнул.

— Мозг был не только мертв, он был поврежден физически, то есть от него практически ничего не осталось. Только по этой причине я позволил себе применить разработанные мной методы.

— Без нашего на то разрешения, — громыхнул Марш.

— Именно с вашего разрешения, — уточнил Торрес. — Подписанный вами контракт позволяет мне использовать любую методику, которую я сочту необходимой, независимо от того, традиционная она или новая, опробованная или нет. И мой метод сработал. — Поколебавшись, он продолжал: — Возможно, я совершил ошибку. Возможно, нужно было объявить о смерти Алекса... и обратиться за разрешением распорядиться его телом в интересах науки.

— Но ведь вы именно это и сделали! — снова вскинул на него гневный взгляд Марш. — Только не утруждали себя ни просьбой о разрешении, ни объяснениями — что же вы вытворяете с ним!

Торрес покачал головой.

— Для полного успеха операции мне было необходимо одно — чтобы никто не сомневался в том, что Алекс — по-прежнему Алекс. Если же я объявил бы о его смерти, впоследствии неизбежно возникли бы вопросы, которые... к которым я был тогда еще не готов.

Неожиданно Эллен вскочила на ноги.

— Прекратите! Немедленно прекратите! — тяжело дыша, она переводила взгляд с мужа на Торреса и обратно. — Вы оба... вы так говорите об Алексе, словно его больше нет!

— Видишь ли, Эллен, — снова покачал головой Торрес, — в некоторой степени все именно так и обстоит. Тот Алекс, которого вы знали, больше не су-

ществует. Взамен вы получили Алекса, которого я... создал.

Неожиданно наступившее молчание нарушил голос Марша — он снова говорил тихо, почти шептал.

— Создали... при помощи микропроцессоров? Я все равно не верю вам. Это же совершенно невозможно.

— Но это так, — Торрес кашлянул. — И это не так сложно, как кажется, — физически, по крайней мере. Самое сложное — это подсоединение выводов микросхем к нужным нейронам. К счастью, в этом хирургу помогает сам мозг. Сам выстраивает нейронные цепочки, исправляет ошибки, допущенные человеком...

— Но Алекс жив, — настаивала Эллен. — Ведь он живой!

— Его организм действительно жив, — согласился Торрес, — эту жизнь поддерживают семнадцать автономных микропроцессоров, каждый из которых запрограммирован на обеспечение деятельности различных биологических систем тела. Три процессора отвечают исключительно за эндокринную систему, еще четыре — за нервную... Это процессоры сложные — более простые объединяются в единую систему на одном чипе. Четыре таких чипа обеспечивают работу памяти. Это — самые простые схемы.

— Самые простые... — как эхо, повторила Эллен. Торрес кивнул, словно подтверждая ее слова.

— Проект этот разрабатывался многие годы... собственно, с тех самых пор, как меня увлек искусственный интеллект — знаете, расхожая гипотеза о возможности создания компьютера, который будет сам думать, а не просто производить вычисления с той или иной степенью быстроты. Но проблема в том, что, как бы много мы уже не знали о мозге, сам процесс зарождения и работы мысли до сих пор —

белое пятно. И мне сразу стало ясно, что пока мы не проникнем в сущность этого процесса, пытаться моделировать его машинным путем — дело совершенно безнадежное. Но тем не менее мы уже давно мечтаем создать машину, способную думать, как человек.

— И вы, значит, нашли выход, — голос Марша снова стал жестким.

Торрес сделал вид, что не заметил этого.

— Нашел. Мне показалось, что если мы не можем создать машину с мыслительными способностями человека, логично было бы попытаться создать человека со способностями компьютера.

— То есть с памятью того же объема...

— И это тоже. Десять лет назад таких технологий еще не существовало, но сейчас они уже есть. Суть в том, что в мозг вживляется мощный микропроцессор, дающий мозгу доступ к огромным массивам информации и неограниченную способность к логическим вычислениям — сам же мозг осуществляет мыслительные процессы, пока не поддающиеся расшифровыванию и моделированию.

— И вы хотите сказать, что сделали это?

Помолчав, Торрес покачал головой.

— Риск показался мне неоправданно большим, и ставки были слишком высокими. К тому же я понятия не имел, какие это может дать результаты. Вот именно тогда я и начал работать над проектом, конечный итог которого — ваш сын. — Губы его тронула едва заметная улыбка. — Институт мозга не случайно находится в самом сердце Силиконовой долины. Мой проект — высокотехнологичный и очень дорогой, но именно в этой части страны сконцентрировано количество денег, достаточное для его финансирования. Поэтому я обратился со своим проектом к руководству некоторых компаний и сумел заинтересовать их своими разработками. Они

согласились дать мне нужную сумму. Поэтому все мои исследования за последние десять лет заключались, в общем-то, в исследовании возможности управления системами человеческого организма при помощи команд и переводе этих команд на язык, понятный мощному, но вполне обычному компьютеру. Потом эти команды закладывались в процессоры. Вот и все.

— Все... — повторил Марш. — Но это совершенно невероятно.

— Не столько невероятно, сколько бесполезно, — Торрес пожал плечами. — На первый взгляд это кажется едва ли не чудом, но... боюсь, случай не совсем тот. Обычно, когда какая-либо из систем в организме человека приходит в расстройство, причиной этого является инфекция, а мозг здесь совершенно ни при чем. Мои же программы, как бы хороши они ни были, могут работать только в здоровом организме. Вот что им совершенно не требуется, так это здоровый мозг. И поэтому, — Торрес понизил голос, — еще в самом начале, десять лет назад, я решил, что проводить такой эксперимент на больном, у которого есть хоть малейшие шансы на выздоровление, я не имею права. Мне годился лишь безнадежно поврежденный мозг, но тело его обладателя должно было быть совершенно здоровым. Это означало, что одних только блоков памяти и вычислительных микросхем будет явно недостаточно. Поэтому я начал разрабатывать программы для поддержания жизненных функций, на это и ушло десять лет.

Открыв ящик стола, Раймонд Торрес извлек оттуда пластиковую коробочку.

— Вот, — он протянул коробочку Маршу. — Если пожелаете, можете взглянуть. Это — родные братья тех самых процессоров, что находятся сейчас в мозге вашего сына.

Взяв коробочку из рук Торреса, Марш хмуро взглянул на нее. Под герметичной пластиковой крышкой в прозрачной жидкости плавали восемь черных зерен, каждое — размером с булавочную головку.

— Это самые мощные процессоры, имеющиеся на сегодняшний день, — продолжал Торрес. — Абсолютно новая технология, в которой я, признаться, мало что понимаю. Для работы им вполне достаточно токов, вырабатываемых человеческим организмом. Мне говорили, что они потребляют меньше энергии, чем сам мозг.

Вертя в пальцах двухдюймовый кусочек пластика, Марш спрашивал себя — неужели он начинает верить в то, что говорит ему этот безумец? Но он уже понимал, что это именно так — и когда наконец он поднял голову, в глазах его стояли слезы.

— Значит, Алекс был прав, — Марш изо всех сил старался, чтобы его голос не дрожал. — Вчера вечером он сказал мне, что, возможно, умер еще до операции... я подумал тогда невесть что, а... значит, это правда...

После долгой паузы Торрес нехотя кивнул.

— Да. По крайней мере, с одной точки зрения. Организм Алекса жив, его интеллект стремительно развивается, но как личность он, к сожалению, умер.

— Нет! — снова вскочив на ноги, Эллен шагнула к столу, за которым сидел Торрес. — Ты же сам сказал, что он поправляется! Что он скоро станет совсем здоровым!

— Он и так здоров — большая его часть, — ответил Торрес. — Его физическое состояние и интеллект можно назвать почти совершенными.

— Но мало того, — возразила сквозь слезы Эллен. — Ты ведь сам знаешь, он начинает многое вспоминать...

— Именно поэтому я и хотел, чтобы вы привезли его ко мне, — тихо произнес Торрес. Он знал — до этого момента он мог говорить только правду, но теперь... Теперь придется солгать.

— Он вспоминает то, что на самом деле не может помнить. Многие из того, что он вспомнил, произошло — если произошло — задолго до его рождения...

— Но он вспоминает, — настаивала Эллен.

Торрес устало покачал головой.

— Нет. Он не может, — просто ответил он. — Прошу тебя, выслушай меня, Эллен. Мне очень важно, чтобы именно ты правильно поняла то, что я говорю.

Неуверенно посмотрев на Торреса, затем на мужа, Эллен шагнула назад и присела на край стула.

— Ты до сих пор не можешь принять многое из того, что случилось — но, как бы ни было трудно, тебе придется сделать это, поверь. Алекс не помнит ничего о своей жизни до катастрофы. Все его так называемые воспоминания — это данные, содержащиеся в банках памяти, которые я вживил в его мозг. Например, когда он в первый раз очнулся после операции, в его мозгу уже содержались сведения, необходимые ему на первых порах. Язык, кое-какие образы — например, вы с Маршем... С того момента он начал усваивать информацию и обрабатывать ее со скоростью мощной вычислительной машины. Именно поэтому, — продолжал он, повернувшись к Маршу, — его интеллект кажется превосходящим обычные человеческие возможности. Гениальный ребенок... Реально же он располагает способностью хранить в памяти все, что он видел и слышал после операции, способностью обрабатывать информацию с нечеловеческой скоростью и точностью, а также — вполне человеческой способностью думать. Становится ли

он от этого гением — судить не мне. Но, приобретя все это, Алекс многое и потерял. — Достав — в первый раз за все это время — из ящика трубку, Торрес принялся набивать ее табаком. — И самая серьезная из этих потерь — эмоции. Знаем мы о них немало — известно даже, в каких участках мозга рождаются те или иные эмоции. Можно даже вызывать их искусственно, стимулируя те или иные участки. Однако запрограммировать их я так и не сумел — и поэтому Алекс полностью лишен каких бы то ни было эмоций. Что, — добавил он словно бы невзначай, — и подводит нас к тому, почему, собственно, я говорю вам все это. — Набив трубку, Торрес зажег ее и — тоже впервые за это время — в упор посмотрел на Марша. — Если вы до сих пор принимали все, что я говорил, то, думаю, согласитесь и с тем, что Алекс просто неспособен на убийство.

— Боюсь, что не совсем понимаю вас, — возразил Марш холодно. — Наоборот, судя по тому, что мы здесь услышали, Алекс — идеальный убийца. Ведь он лишен каких бы то ни было чувств.

— Был бы таковым, — согласился Торрес. — Но дело в том, что никаких сведений об убийстве в его программах не содержится, а делать он может только то, что в них есть. Плюс к тому убийство в большинстве случаев — продукт все тех же самых эмоций. Гнева, зависти, страха — и многих других. Но обо всех этих чувствах Алекс не имеет даже абстрактного понятия. Вернее, он знает, что люди испытывают различные чувства, но сам полностью их лишен. В том числе и жажды убийства.

— Если только, — вставил Марш, — его на это не запрограммировать.

— Верно, — согласился Торрес. — Но все равно он проанализирует команду — и если она покажется ему лишеной смысла, он откажется ее выполнять.

Марш поймал себя на том, что с трудом усваивает слова Торреса. Его собственный мозг словно превратился в клубок противоречивых возражений и доводов... Чувства же словно отключились, машинально он определил свое состояние как шоковое. Что удивительного, подумал он тускло. Он мертв. Мой сын мертв — и в то же время его нельзя назвать мертвым. Сейчас он что-то делает, думает о чем-то... а меня, сидящего здесь, убеждают в том, что его вовсе не существует, что он — не более чем... Слово, пришедшее на ум, заставило его вздрогнуть, но, поразмыслив, Марш повторил его про себя сознательно: он — не более чем автомат. Обернувшись к Эллен, он понял — она переживает сейчас то же самое. Поднявшись, он подошел к жене и опустился рядом с ней на колени.

— Он умер, Эллен, — прошептал он.

— Н-е-ет! — застонав, Эллен закрыла руками лицо, тело ее начали сотрясать рыдания. — Нет, Марш, он не должен, не может он умереть... Он не...

Присев рядом, Марш молча обнял жену и прижал к себе, нежно поглаживая ее волосы. Когда он заговорил снова, то обращался уже к Раймонду Торресу — и в голосе его не было слышно ничего, кроме печали и гнева.

— Для чего? — спросил он. — Зачем вы все это с нами сделали?

— Потому что вы сами попросили меня, — в упор глядя на Марша, ответил Торрес. — Вы просили меня спасти ему жизнь — любым доступным мне способом, и я со своей стороны сделал все, что мог. — Тяжело вздохнув, он положил на стол потухшую трубку. — Но делал это я не только для вас. И для себя тоже. Отрицать это глупо — мне нужно было проверить результаты моих трудов. — Он подался вперед, по-прежнему глядя на Марша. — Позвольте

мне задать вам один вопрос. Если бы вы оказались на моем месте — что бы вы тогда сделали?

Целую минуту Марш молчал — он знал, что на вопрос Торреса у него сейчас нет ответа. Заговорив, он сам удивился тону своего голоса — в нем звучала одна лишь огромная, накопившаяся усталость.

— Не знаю. Было бы чудесно, если бы я мог сказать — «отказался бы», но я правда не знаю, доктор. — С трудом встав на ноги, он положил руку на плечо Эллен. — Ну, и что же нам делать теперь?

— Прежде всего — найти Алекса. И привезти его сюда. Вчера произошло кое-что, и я еще не знаю, как это может на нем отразиться. В лаборатории... в общем, техник ошибся и перед тестами Алексу не был дан наркоз. — Торрес кратко описал сущность тестов и возможные реакции Алекса. — Непосредственно после этого никаких перемен в нем я не обнаружил, и, в принципе, это говорит о том, что повреждений нанесено не было, но... я хочу в этом убедиться сам. Плюс еще остается нерешенной проблема этих якобы воспоминаний, которые его мучают.

Марш застыл на месте — он почувствовал, что Торрес сумел что-то утаить от него.

— Да, но их же не было в программе, — с вызовом обратился он к Торресу. — Откуда же, по-вашему, они взялись?

— Вот этого я до сих пор и не знаю, — признался Торрес. — Поэтому прошу — привезите его ко мне. Где-то в банках памяти допущена, как видно, ошибка. И эта ошибка должна быть исправлена. Сейчас же Алекс сам пытается найти источник этих воспоминаний. Но этого источника нет и не может быть. — Торрес замолчал, надеясь в душе, что Лонсдейлы запомнят последнюю фразу. — И если Алекс поймет это, не знаю, что может случиться с ним.

Марш не сводил недоверчивого взгляда с Торреса.

— Иными словами, доктор, подразумевается, что Алекс может сойти с ума. Если это возможно — стало быть, ваши выводы неправильны и в конечном итоге Алекс способен на убийство?

— Нет, — Торрес покачал головой. — Сойдет с ума — это выражение здесь неупотребимо. Компьютер не может сойти с ума. Он может просто перестать работать.

— Зависание — так, кажется, это называют? — холодно спросил Марш.

Торрес кивнул.

— А в случае с Алексом итог такого зависания, очевидно, будет фатальным?

Торрес снова кивнул, на этот раз с видимым облегчением.

— Не могу с вами спорить — это вполне возможно, вполне. — Заметив выражение ужаса на лице Эллен, он, однако, поспешил успокоить ее: — Поверь мне, Эллен, Алекс не способен ни на что дурное. И что бы ни случилось — я помогу ему. Он поправится.

— Вы же знаете, что этого не случится, — тихо произнес Марш, помогая Эллен подняться со стула. — Доктор Торрес, я попрошу вас больше не мучить мою жену бесполезными иллюзиями. Самое лучшее сейчас для нее — понять, что наш сын, Алекс, умер в начале мая. Кем является... м-м... существо, похожее на Алекса и живущее в нашем доме — я не знаю пока, но это не Алекс. — Эллен тихо всхлипывала, и Марш, обняв жену за плечи, повел ее к двери. На ходу он обернулся. — Я не знаю, что нам делать теперь, доктор Торрес, но в одном могу вас уверить — если... Алекс вернется домой, я немедленно вызову полицию и сообщу им, что он находится под вашей законной опекой. И все их вопросы поэтому должны

быть адресованы вам. Он не сын нам более, доктор Торрес. Он перестал быть им в тот самый день, когда я привез его в вашу лабораторию. — Отвернувшись, он распахнул дверь. Они вышли.

До Ла-Паломы оставалась примерно половина пути, когда Эллен нарушила молчание.

— Он... действительно мертв, Марш? — спросила она. — Он говорил нам правду?

— Не знаю, — вздохнул Марш. — Да, он сказал нам правду. Я верю, что он сделал именно то, о чем только что говорил. Но насчет Алекса... хотел бы я хоть что-нибудь тебе сейчас ответить. Что вообще считать смертью... По закону Алекса можно было объявить мертвым еще до того, как мы повезли его в Пало Альто. Энцефалограмма не регистрировала никакой деятельности мозга — это и есть официальный критерий, по которому констатируется смерть.

— Но он же еще дышал.

— Нет. Не он сам, за него уже работал дыхательный аппарат, респиратор. А потом Раймонд Торрес придумал новый аппарат, и Алекс начал ходить и разговаривать. Вернее, это уже не Алекс, он говорит, действует, реагирует, но делает это все не так, как делал наш сын. Все это время меня не покидало странное чувство — что Алекса больше нет с нами, и оказалось, что я был прав. Его нет. Нам осталось только мертвое тело с дьявольской машинкой Раймонда Торреса.

— Но ведь это тело Алекса, — всхлипнула Эллен.

— Но разве этого нам достаточно? — голос Марша надломился от боли. — Разве тело не хоронят, когда отлетает душа? А душа Алекса уже давно отлетела, Эллен. Если даже нет, то она похоронена так глубоко в его изуродованном мозгу, что никто не сможет ее оттуда извлечь.

Эллен долго молчала, глядя в окно, за которым сгушались сумерки.

— Тогда почему... я все же люблю его? — спросила она едва слышно. — Почему до сих пор считаю, что он мой сын?

— Этого я тоже не знаю, — ответил Марш так же тихо. — Но... я, наверное, соврал тебе. Я здорово разозлился, мне было больно, я не мог поверить в то, что он нам рассказал... и какое-то время я, наверное, действительно хотел, чтобы Алекс оказался мертвым. Какой-то голос во мне и сейчас уверяет, что так и есть. — Он помолчал. — Но другой голос говорит совершенно определенно — пока он дышит и двигается, он жив и он мой сын. Я ведь тоже его люблю, Эллен.

— Боже мой, Марш, — сквозь слезы прошептала она. — Что же нам с тобой теперь делать?

— Пока не знаю, — признался он. — Сейчас, по крайней мере, мы мало что можем сделать — кроме как дождаться Алекса.

Он не стал говорить Эллен о своих подозрениях. Сам же Марш отнюдь не был уверен, что Алекс когда-либо вернется домой.

Глава 24

Дом оказался небольшим, но удачно расположенным — в глубине квартала, далеко от проезжей части. Номера видно не было — но Алекс знал, что не ошибся. Найти дом оказалось совсем нетрудно. Когда он приехал в Пало Альто, он просто выключил из памяти все воспоминания, связанные с Ла-Паломой, и сосредоточился на одной задаче — попасть домой. После этого ему оставалось только повиноваться тем

импульсам, которые мозг посылал ему на каждом отрезке пути, пока наконец он не оказался перед небольшим, в мавританском стиле, особняком, который — Алекс был совершенно уверен в этом — принадлежал доктору Раймонду Торресу. Несколько минут он пристально разглядывал дом, затем въехал под бетонный козырек, шедший по всей длине ограды, и заглушил мотор.

С улицы его машину не было видно. Алекс вышел из нее, захлопнул дверцу, открыл крышку багажника.

Достав ружье, он перехватил его в правую руку, левой захлопнул багажник, и, почти небрежно неся тяжелое стальное тело оружия, обогнул дом, подошел к заднему крыльцу и подергал ручку двери черного хода. Дверь была заперта.

Алекс внимательно оглядел внутренний дворик за домом. Не зная в точности, что именно он ищет, Алекс был уверен, что сразу узнает *это*, если оно попадется ему на глаза.

Всю середину двора занимала большая клумба, пестревшая сейчас радужным ковром из цветущих астр. В центре клумбы, под камнем, он обнаружил тщательно завернутый в алюминиевую фольгу ключ от входной двери. Войдя в дом, Алекс уверенно прошел через кухню и столовую и, свернув, поднялся по лестнице в кабинет.

Именно здесь — он знал — доктор Торрес проводил большую часть свободного времени. В углу располагался камин, неподалеку — потрепанное бюро, так не похожее на сверкавшее полировкой и никелем сооружение в кабинете Торреса в Институте. Вообще домашнее пристанище Торреса разительно отличалось от его рабочего кабинета — прежде всего своей захламленностью. Повсюду валялись книги и множество журналов. Алекс бегло окинул журналы взгля-

дом — в основном медицинские, но были и по электронике, психологии и психиатрии. Поставив ружье в угол у двери, он подошел к книжным полкам — на этот раз он точно знал, что ищет, и помнил, где это находится.

Да, она была именно там — между двумя толстыми томами по истории юго-восточных штатов, с детальным описанием последствий американо-мексиканской войны. Небольшая, переплетенная в кожу тетрадь с золотым тиснением на переплете. Осторожно сняв ее с полки, Алекс присел на стоявший рядом стул и, открыв тетрадь на первой странице, пристально взгляделся в нарисованную там схему, с трудом разбирая вычурный старинный шрифт и непривычные сокращения.

Перед ним было фамильное древо семьи дона Роберто де Мелендес-и-Руис — его предков, его потомков, его родни. Водя пальцем по переплетению родственных линий, Алекс вскоре добрался до последнего квадратика с именем.

Последним в роду значился Раймонд Торрес, сын Марии и Карлоса Торресов.

Его мать, Мария Руис, приходилась дону Роберто правнучкой через его единственного сына, Алехандро. Под именем Раймонда Торреса стоял еще один квадратик, но он был пуст.

Захлопнув тетрадь, Алекс положил ее на каминную полку и подошел к бюро. Не колеблясь, он выдвинул нижний правый ящик и, порывшись в нём, извлек на свет потрепанный блокнот в порыжелом коленкоровом переплете.

В блокноте аккуратным мелким почерком Раймонда Торреса излагался главный план его жизни. Раймонд Торрес хотел иметь сына — не родив, а создав его.

На улице быстро темнело, неожиданно Алекс услышал шорох автомобильных шин. Встав, он шагнул к ружью, стоявшему в углу у двери. Когда минуту спустя в кабинет вошел Торрес, первым, что он увидел, было дуло, нацеленное ему прямо в лоб, палец правой руки Алекса лежал на спусковом крючке. Замерев на пороге, Торрес нахмурился, затем улыбнулся Алексу.

— Не думаю, что ты хочешь убить меня, — произнес он. — Также не думаю, что ты уже успел причинить кому-нибудь вред. Поэтому — почему бы тебе не положить эту штуковину и не рассказать мне спокойно, что же все-таки приключилось с тобой.

— Разговаривать больше незачем, — ровным тоном ответил Алекс. — Что со мной — я теперь знаю сам. Вы вставили в мой мозг процессоры. Я машина, и вы программировали меня.

— Ты нашел мой дневник.

— Я не искал его. Я просто знал, где вы его храните. Я знал, где ваш дом, где ваша комната... мне все здесь знакомо.

Улыбка Торреса превратилась в досадливую гримасу.

— Ну, положим, сам ты этого знать не мог...

— Именно мог, — возразил Алекс. — Вы, похоже, и сами не понимаете, что придумали.

Торрес закрыл дверь и, не обращая внимания на ружье, прошел через комнату и устроился поудобнее в кресле. С минуту он изучающе смотрел на Алекса, может быть, что-то действительно не сработало... Тряхнув головой, он прогнал эту мысль.

— Я-то, разумеется, понимаю. Но ты вряд ли. Так по-твоему — что я сделал?

— Превратили меня в себя, — тихо ответил Алекс. — Вы думали, я не догадаюсь об этом, да?

Торрес словно не слышал его вопроса.

— И как же я это сделал, скажи, пожалуйста?

— Во время тестов, — ответил Алекс. — На самом деле вы тогда не обследовали меня. Вы меня программировали.

— С этим мне трудно не согласиться, — кивнул Торрес, — потому что так в действительности и есть. Несколько часов назад я подробно объяснил все это твоим родителям.

— Вы действительно рассказали им все? — спросил Алекс. — И про то, что вы закладывали не только чистую информацию?

— А что же еще, по-твоему, я закладывал в тебя? Алекс покачал головой.

— Значит, вы все же не понимаете.

— Совершенно не понимаю, о чем ты сейчас говоришь, — покачал головой Торрес. Он с самого начала догадался, что имеет в виду Алекс, и ощущал, как где-то глубоко в сердце поднимается полузабытое чувство — страх.

— Тогда я объясню вам. После операции рассудка у меня попросту не было. Я обладал способностью воспринимать информацию — при помощи компьютеров, которые вы вживили в мой мозг, — но я совсем не мог думать.

— Это не так...

— Так, — перебил его Алекс. — И вы знали об этом, иначе не снабдили бы меня достаточным количеством информации для того, чтобы мое «я» после операции ни у кого не вызвало подозрений. И то, что я якобы страдал амнезией, тоже входило в ваш план — я постепенно вспоминал кое-что, и это выглядело как процесс восстановления. На самом деле я ничего не мог вспомнить, поскольку мозг мой — мозг Алек-

са Лонсдейла — был мертв. Вы, снабдив меня воспоминаниями, немного ошиблись.

— Я просто ума не приложу, о чем ты толкуешь, Алекс. Уверен, что и ты плохо представляешь это себе...

— Это и кажется мне самым странным, — продолжал Алекс, не обращая никакого внимания на слова Торреса. — Ошибки ведь были такие незначительные, но из-за них я и начал... сомневаться. И если бы дело было только в этих преданиях...

— Преданиях?

— Да. Историях, которые рассказывала вам мать в детстве.

— Моя мать — очень старая женщина. Она многое могла перепутать...

— Нет, — Алекс покачал головой. — Она ничего не путает... да и вы тоже. Предания сделали свое дело — все, кого вы хотели убить, умерли. Вы хотели, чтобы я сделал это — и добились своего. И у меня не осталось никаких воспоминаний об этом — это было тоже предусмотрено. После очередного убийства вы стирали из моей памяти все связанное с ним. Но даже если бы вы не сделали этого — я бы все равно не смог объяснить, например, полицейским, почему убивал всех этих людей. Они получили бы только историю о доне Алехандро и кровной мести. То есть бред сумасшедшего — верно я говорю?

— Бред сумасшедшего — это то, что ты здесь несешь, — Торрес поднялся с кресла.

Перед его глазами качнулось дуло ружья.

— Вы лучше сядьте, — сказал Алекс.

Поморщившись, Торрес снова опустился в кресло, и Алекс продолжал:

— Вы действительно хотели отомстить. Только не за то, что случилось здесь в прошлом столетии. А за то, что было гораздо позже — лет двадцать назад или около того.

— Алекс, это совершенная бессмыслица...

— Не думаю, — покачал головой Алекс. — Например, школа. Это была одна из ваших ошибок — не самая большая, должен сказать. Я вдруг вспомнил, где находится директорский кабинет, но его там не оказалось. Я подумал тогда, что сам ошибся. Ничего подобного — кабинет директора действительно был там, где сейчас медпункт. Только двадцать лет назад, когда вы учились в этой школе.

— Это абсолютно ничего не значит.

— В общем, да. В принципе, я мог видеть такую же вот фотографию в комнате своей матери.

Кивком Алекс указал на бюро, где рядом с родословной семьи Мелендес-и-Руис лежал раскрытый календарь средней школы Ла-Паломы за тысяча девятьсот шестьдесят шестой год. Раскрытый на фотографии выпускного класса этого года. Когда Торрес смотрел на нее, ему казалось, что он испытывает боль более сильную, чем та, что причинили ему запечатленные на этой фотографии люди.

Вот они, рядом — Марти, Валери, Эллен и Синтия. «Четыре мушкетерши», как их прозвали в классе. Раны от их острых шпаг, которыми они — развлечения ради — все десять лет встречали задумчивого мальчика, а позже юношу с мексиканской фамилией, до сих пор не зажили. Он сам не дал им зажить.

Из этой боли родился план, а двадцать лет спустя появилась возможность осуществить задуманное...

Воспоминания он вкладывал в мозг Алекса тщательнее всего, когда его арестуют — Торрес знал, что этого не избежать, — полицейские услышат от него только высокопарную белиберду о преступлениях полуторавековой давности и о мщении, совершаемом якобы рукой давно умершего полубезумного мексиканца.

Правду не узнает никто, в мозг Алекса Торрес не вложил ни единого бита информации о той ненависти, что он испытывал ко всем четверем — к тем, кто в лучшем случае не замечал его, будто его вообще не было на свете...

Даже сейчас, глядя в черный зрачок ружья, он слышал сердитый голос матери:

— Думаешь, они когда-нибудь ласково на тебя посмотрят, Рамон? Или хотя бы заметят? Гринго плевали на нас и будут плевать! Они такие же, как те, кто убил наших предков — и они когда-нибудь убьют и тебя, Рамон. погоди, сам увидишь. Можешь притворяться кем угодно — от правды все равно не скроешься. Для них ты всегда останешься грязным *чикано*. Они ненавидят тебя, Рамон, — и ты тоже будешь их ненавидеть.

Она оказалась права. Он действительно ненавидел их. Мать передала это ему по наследству.

Но теперь все было кончено. Он знал, что Алекс сделает дальше. Ведь он сам создал его.

Самое странное — он готов был с этим смириться.
— Как ты догадался обо всем?

— Вы сами мне помогли, — пожал плечами Алекс. — Ваши процессоры хорошо анализируют факты. А факты были простыми. От повреждений, которые получил мой мозг, я должен был умереть. Но не умер. Одно исключало другое. Но оказалось, что есть и третий вариант. Я мог остаться в живых, если бы функции моего организма можно было поддерживать искусственным образом, несмотря на травмы, полученные мозгом. А для этого есть только один способ — система микропроцессоров, заменивших поврежденные участки коры. Оставалось лишь одно «но» — воспоминания. У Алекса Лонсдейла не могло быть воспоминаний. Никаких — ведь он был попросту мертв. Но я ведь вспоминал что-то. Здесь я быстрее нашел

ответ — эти воспоминания на самом деле просто-напросто программировались, закладывались в меня, как в компьютер, вместе с разной другой необходимой информацией. А после этого догадаться, кто я на самом деле, уже не составляло труда.

— Мой сын, — прошептал Торрес. — Сын, которого у меня никогда не было...

— Нет, — возразил Алекс, — я не ваш сын, доктор Торрес, и вы это знаете. Я — это вы. В моей голове ваши воспоминания, те что вы сохранили с детства. Не мои. Ваши. Вы понимаете?

— Это одно и то же... — начал Торрес, но Алекс перебил его:

— Нет. Если бы это было так... если бы я был вашим сыном, мне бы пришлось убить своего отца. Но я — это вы, доктор Торрес. А самоубийство для вас, по-моему, лучший выход из положения.

Приподняв ружье, Алекс прицелился Торресу в переносицу и плавно спустил курок. Окровавленная голова Торреса неестественно запрокинулась. Алекс смотрел, как тело медленно оседает на пол, заливая его кровью.

Когда он уже выходил из комнаты, на столе зазвонил телефон. Алекс не стал снимать трубку.

Сев в машину Торреса — вернее, его собственную машину, — Алекс развернулся и поехал домой.

Все уже мертвы — Марти Льюис, Валери Бенсон и Синтия Эванс. Но одна из четверки все еще оставалась жива.

Эллен Лонсдейл.

Осторожно положив трубку на рычаг, сержант Роско Финнерти снова повернулся к Лонсдейлам.

Эллен сидела на диване совершенно обессиленная, с того момента, как они с Маршем вернулись домой. Дрожащими руками она то и дело вытирала

красные от слез глаза. За все это время она не произнесла ни одного слова.

Марш казался спокойным, но при более пристальном взгляде можно было заметить, чего стоило ему это спокойствие. Отвечая на вопросы Финнерти, он вначале тщательно обдумывал слова, но в конце концов решил рассказать полицейским всю правду.

Первый вопрос касался, конечно, ружья. Марш сам отвел их в гараж и открыл ящик, где, как он был уверен, лежит в целости и сохранности его охотничий карабин.

В ящике его не было.

Марш мгновенно вспомнил фразу Торреса: «Алекс просто неспособен на убийство».

Но в двух кварталах от них были застрелены Синтия и Кэролайн Эванс, и кто-то, по описанию похожий на Алекса, входил в ворота их дома, держа в руке точно такой карабин.

Значит, Торрес ошибся.

Медленно, от волнения делая частые паузы, Марш начал пересказывать полицейским то, что час назад рассказал ему доктор Торрес. Его вежливо выслушали, затем не менее вежливо заявили о том, что показания Марша следует проверить у самого доктора Раймонда Торреса. В Институте секретарша сказала им, что директор уже уехал. Представившись, Финнерти попросил ее дать им домашний телефон Торреса.

— Дома его тоже нет, — положив трубку, покачал головой Финнерти. — Доктор Лонсдейл, не подумайте, что я принуждаю вас... но, по-моему, самое важное сейчас — найти Алекса. У вас нет никаких предположений, где он сейчас может быть?

Марш беспомощно пожал плечами.

— Если он не у Торреса — тогда... нет, не знаю...

— Может быть, у кого-нибудь из друзей?

— Друзей... видите ли, после той аварии друзей у Алекса практически не осталось. — Он тщетно пытался унять слезы, рвущиеся в голосе. — Б-боюсь... боюсь, что с течением времени его сверстникам начало казаться, что с Алексом что-то не так... ну, вы понимаете... кроме того, обычные проблемы... связанные с долгим отсутствием и...

— Понятно, — кивнул сержант. — Что ж, придется взять ваш дом под наблюдение. Я уже передал на посты данные о машине вашей жены, но, боюсь, это нам вряд ли поможет. И кажется мне, что рано или поздно ваш сын все-таки вернется домой. Мы его здесь подождем, снаружи, если не возражаете. Во всяком случае, если не мы, то кто-то из наших людей здесь будет круглые сутки. О'кей?

Марш кивнул, но Финнерти не был уверен, что он расслышал его слова.

— Доктор Лонсдейл...

Марш резко повернулся к сержанту.

— Я... поверьте, очень вам сочувствую, — Финнерти нахмурился, но продолжал смотреть Маршу прямо в глаза. — И искренне надеюсь, что произошла ошибка и ваш сын не имеет ко всему этому отношения.

Кивнув, Марш достал из кармана платок и промокнул покрасневшие веки.

— Да, конечно, сержант. Я все понимаю. Вы делаете то, что должны, и поверьте, я далек от того, чтобы вам препятствовать. — Помолчав, он продолжал: — Но должен сказать вам... я не думаю, что можно говорить о какой-то ошибке. Алекс опасен — теперь я понимаю это сам. Дело в том, что после этой операции он утратил все человеческие чувства — любовь, ненависть, гнев... абсолютно все. Он не остановится перед любым убийством, если оно покажется ему логически оправданным. Думать о последствиях он

тоже не станет. Вот что я хотел сказать вам, сержант.

С минуту Финнерти молчал, видимо, пытаясь как-то оценить услышанное.

— Доктор Лонсдейл, — спросил он наконец, — вы не могли бы прямо сказать то... то, что вы хотите?

— Да... Я хочу сказать — если вы или ваши люди найдете Алекса, единственный выход — убить его. Потому что в ином случае, я подозреваю, он может выстрелить первым.

Финнерти и Джексон переглянулись. Откашлявшись, Джексон шагнул вперед.

— Этого мы не можем сделать, доктор Лонсдейл, — сказал он тихо. — Пока у нас нет никаких доказательств того, что ваш сын в чем-то замешан. Вполне вероятно, что он охотился там, на холмах, на кроликов, и умудрился как-то получить травму.

— Нет. Это он, — шепотом произнес Марш, — я знаю — это сделал он.

— Если даже так, то решать будет суд, — продолжал Джексон. — Вашего сына мы разыщем, доктор Лонсдейл. Остальное — вне нашей компетенции.

Марш устало покачал головой.

— Вы, видно, не совсем поняли меня... Тот, кто бродит сейчас по округе с ружьем, — это уже не Алекс. Не знаю, кто он такой, но это не мой сын...

— Да, разумеется, — согласился Финнерти, стараясь говорить тем ровным, успокаивающим тоном, которым он всегда разговаривал со свидетелями, находящимися на грани нервного срыва. — Вам лучше всего отдохнуть немного, доктор Лонсдейл... а мы сделаем все, что только возможно. — Усадив Марша на диван рядом с женой, Финнерти попрощался, и они с Джексоном направились к выходу.

Уже у машины Финнерти в упор взглянул на парника.

- И что ты думаешь обо всем этом?
- Я... я просто ума не приложу, Росс...
- Вот и я тоже, — кивнул Финнерти.

— Я все равно отказываюсь тебя понимать, — упрямо мотнул головой Джим Кокрэн.

Он стоял около столика с телефоном, вопросительно глядя на замерших на диване жену и старшую дочь. Поддержала его только малышка Ким — но пять минут назад, когда стало ясно, что ссоры не избежать, Кэрол отослала ее наверх, в ее комнату.

— С Эллен, Маршем и Алексом мы дружим почти всю жизнь. И теперь ты не хочешь даже позвонить им? В чем дело?

— Этого я не говорила, — запротестовала Кэрол, зная, что именно это она на самом деле имела в виду. — Мне просто кажется, что нам лучше... не докучать им какое-то время, пока окончательно все не выяснится.

— Не докучать? — поднял брови Джим. — От кого ты умудрилась услышать такое, Кэрол?

— Ни от кого! — огрызнулась Кэрол, уже не пытаясь сдерживать гнев. — После того, что случилось ночью, я терпеть больше не намерена!

— А Марш и Эллен, значит, могут все это терпеть? О них ты подумала? Представь только, каково сейчас им! Ведь их жизнь просто рушится, Кэрол! Подумай об этом, пожалуйста.

Машинально Кэрол подумала, что примерно то же самое говорила она несколько недель назад Лайзе. Но несколько недель назад никто еще не был убит...

— Ну а если Алекс все же вернется домой? Ведь Шейла Розенберг уже заявила, что сегодня утром именно он убил Синтию Эванс и Кэролайн и, возможно, виновен в смерти Марти и Валери Бенсон...

— Точно этого никто пока знать не может, — настаивал Джим. — Зато все знают, что Шейла — главная разносчица сплетен в городе.

— Но, папа... — вступила в разговор Лайза. — Алекс сам мне сказал, что ему все равно, что случилось с миссис Льюис... и еще — что он не думает, будто это мистер Льюис убил ее. А потом — что будут, наверное, еще жертвы...

— Но это не значит, что...

— И с тех пор как его привезли оттуда домой, он... он вел себя с каждым днем все хуже... Ты хочешь сказать, что это не так?

— Дело не в этом, — сказал Джим. — А в том, что друзей нужно поддержать, что бы там ни случилось с ними. Кроме того, я не верю, что Алекс мог кого-то убить.

— То есть, как всегда, прячешь голову в песок, — взвилась Кэрол. — Если он действительно не имеет к этому отношения — почему, скажи, пожалуйста, он исчез?

— Исчез? — Джим пожал плечами. — Откуда ты знаешь? Может быть, с ним что-нибудь случилось там, на холмах...

— Но, папа...

— Хватит, — Джим стукнул пальцами по краю стола. — Разговоров, я полагаю, на сегодня достаточно. Я немедленно звоню Маршу. И выясню, что там на самом деле произошло. И если им нужна помощь, я отправлюсь к ним. А вы как хотите.

Встав, он вышел из кухни, несколько секунд спустя Кэрол и Лайза услышали из гостиной его голос: «Это Джим, Марш».

— Я не поеду туда, ма, — тихо сказала Лайза, испуганно глядя на мать. — Я тебе не говорила, но... я боюсь Алекса.

— Успокойся, дорогая, — Кэрол подошла к дочери и поцеловала ее. — Мы с тобой никуда не едем. И — конечно, это вряд ли тебя успокоит — но я боюсь не меньше твоего, поверь. — В дверях показался Джим, и обе разом повернулись к нему.

— Я только что говорил с Маршем, — он покачал головой, — но практически так ничего вразумительного у него не узнал. Эллен, по его словам, с момента их приезда домой все время молчит. Сидит неподвижно на диване — он даже сомневается, слышит ли она, когда к ней обращаются.

— Обращаются? — спросила Кэрол. — Разве там есть кто-нибудь еще?

— Только что уехали полицейские.

В кухне наступило молчание. Наконец, решившись, Кэрол подняла голову.

— Хорошо, — вздохнула она. — Если ты считаешь, что нам надо туда поехать, тогда едем сейчас. Я думаю, ты прав — мы не можем просто так сидеть здесь, ничего не делая. — Она шагнула к мужу, но, обернувшись к Лайзе, увидела, что та по-прежнему сидит на табуретке у кухонного стола.

— Нет, — ее глаза буквально источали ужас. — Я... я не поеду.

Джим долго с тревогой смотрел на дочь, присев перед ней на корточки, он взял ее за руки.

— Понимаю, моя милая, — он попытался улыбнуться. — Вернее, могу себе представить, что ты сейчас должна чувствовать. — Встав, он обернулся к жене: — Ты остаешься с ней, как я понимаю.

— Не бросать же их одних, — Кэрол от души надеялась, что в голосе ее не слышно охватившего ее чувства огромного облегчения, хотя и не слишком заботилась о том, чтобы его скрыть.

— Я недолго, — пообещал Джим. — Просто посмотрю, не нужна ли там моя помощь... ну и чтобы

они не чувствовали, будто никого нет рядом. И сразу вернусь. О'кей?

Кивнув, Кэрол проводила мужа до двери, когда он уже взялся за ручку, она, встав на цыпочки, крепко поцеловала его.

— Прости меня, — прошептала она. — Я знаю, что не к месту расклеилась, но это бывает с каждым. Простишь, милый?

— Все и всегда, — Джим прикоснулся губами ко лбу Кэрол. Выходя, он на секунду обернулся: — Дверь без меня никому не открывай!

Он ушел, заперев дверь. Кэрол медленно пошла в кухню.

Глава 25

Уже совсем стемнело, когда Алекс свернул с Мидлфилд-роуд на шоссе, ведущее в Ла-Палому. Протянув руку к панели, он выключил габаритки и дальний свет. Интересно, подумал вдруг он, если бы он дождал до сегодняшней ночи — приснился бы ему доктор Торрес. Если да, ощущал бы он ту же боль и угрызения совести, как было в снах после убийства миссис Льюис и миссис Бенсон. В конце концов он решил, что Торрес не вызвал бы в нем этих чувств. Его смерть он помнил во всех подробностях, и, думая о ней, не ощущал ничего.

Но ему могли присниться Кэролайн и Синтия Эванс — и этого сна он бы, возможно, просто не выдержал...

Очевидно, крохотный кусочек Алекса Лонсдейла все же остался нетронутым где-то в глубине тканей мозга, куда не проник скальпель Торреса. Именно он испытывал в его снах боль и ужас невинных

жертв, именно его терзали угрызения о содеянном. Но когда он просыпался, Алекс исчезал. Оставался только... как его звали?

Звали ли его как-нибудь вообще?

Да. Алехандро.

Это имя выбрал для него Торрес. И вложил в его память воспоминания давно умершего родственника. Но чувства, вызывавшие эти воспоминания, принадлежали самому Торресу. Их он оставил.

Оставил, понял Алекс, чтобы не произошло ошибки. Вид каждой из этих четырех женщин — тех, что ненавидел Торрес всю свою жизнь — пробуждал в мозгу Алекса чувства Торреса и воспоминания Алехандро, они казались ему женщинами из тех, далеких лет. Гринго. Грабители и убийцы.

Жены убийц и грабителей, так же виновные в гибели его близких, как и их мужья.

И он убивал их. Чтобы отомстить за смерть сестер и родителей.

Но ночью, когда на миг в его мозгу оживало то, что сохранилось от Алекса Лонсдейла, жертвы снова становились старинными подругами матери, женами друзей отца, людьми, с которыми он вырос и которых любил не меньше, чем собственную семью.

Это и было главной ошибкой Торреса.

Если бы его замысел удался до конца, в его мозгу не осталось бы и следа от Алекса Лонсдейла.

Фары идущей перед ним машины выхватили из мрака вывеску парка, располагавшегося на окраине города. Свернув на стоянку перед воротами, Алекс припарковал машину и выключил мотор.

Отец не так давно говорил ему, что еще маленьким он часто играл здесь, но Алекс ничего не помнил об этом. Нет, помнил, но это была память Раймонда Торреса. Смуглого мальчонки в рваных джинсах, стоявшего у ворот парка и громко звавшего

мать. Он хотел, чтобы она отвела его на качели и, как другие мамы, покачала его.

— На качели? — язвительно спрашивала Мария. — Опомнись, bobo! Этот парк не для нас. Он, как и все здесь, для гринго!

После чего она обычно указывала на щит с надписью, гласящей, что парк заложен в честь первых американских поселенцев, пришедших сюда в восемьсот сорок восьмом, сразу после того, как был подписан договор в Идальго Гуаделупе.

Затем, взяв Рамона за руку, она тащила его прочь от ворот.

Выйдя из машины, Алекс не спеша пошел по белевшим в лунном свете дорожкам к качелям, видневшимся невдалеке от ворот. Осторожно усевшись на пластиковое сиденье, он несильно оттолкнулся ногой от земли.

Смутное, но до боли знакомое ощущение заставило его напрячь мышцы, при следующем толчке качели взлетели высоко вверх, Алекс оттолкнулся еще, еще сильнее... Свист ветра в ушах и сладкая боль под ложечкой, когда качели взлетали почти до самой перекладины, словно говорили ему — да, он бывал здесь когда-то и очень любил качаться, когда был маленьким.

Он перестал отталкиваться, вскоре качели замерли и вместе с ними замер на пластиковом сиденье Алекс.

Но ему еще столько надо сделать до того, как он придет в дом на Гасиенда-драйв, где живут эти люди, до сих пор верящие, что они — его родители... Вскочив на ноги, он в последний раз легонько тронул рукой качели и пошел к машине.

После въезда в город он свернул влево, и вскоре оказался на Площади. Еще два квартала — и вот оно, здание миссии. В мутном свете уличных фонарей его

мозг вновь начал оживлять воспоминания, но он не дал им вырваться. Лишь когда он вошел в ворота старого кладбища, он — в последний раз — стал доном Алехандро.

Похоронят ли его здесь — или позволят обрести последний приют на холме у большой гасиенды, рядом с сестрами и матерью?

Нет. Они отнесут его сюда. Они ведь будут хоронить Алекса, а не Алехандро. Медленными шагами он направился в глубь кладбища. Там, у самой стены, почти врос в землю серый квадратный камень. Но кто-то явно ухаживал за могилой — надпись на плите можно было прочесть без труда:

Алехандро де Мелендес-и-Руис
1832 — 1926

Его собственная могила — хотя ей уже шестьдесят лет... На плите лежали цветы, Алекс знал, кто их сюда приносит. Мария Торрес будет хранить память деда, пока сама не ляжет рядом с ним. Подняв цветок, Алекс поднес его к носу, вдыхая терпкий аромат увядания. Продолжая держать цветок в руке, он пошел к машине.

На Площади, перешагнув через цепь, огораживающую дуб, он долго стоял под его раскидистыми ветвями. Воспоминания Алехандро бушевали в нем, словно раскаленная лава — и он отдался им весь, до конца.

Он снова увидел тело отца, висящее в петле на огромном дереве, и по щекам его вдруг потекли горячие безнадежные слезы. Нагнувшись, он положил цветок на землю у корней дерева. Прах его отца покоится здесь... Повернувшись, он пошел прочь, по дороге снова оглянулся на дуб. Он знал, что больше никогда его не увидит.

Лайза и Кэрол Кокрэн все еще сидели на ярко освещенной кухне, когда услышали, как к дому подъехал автомобиль. Хлопнула дверца. Поколебавшись, Кэрол встала, подошла к окну и, слегка отодвинув занавеску, выглянула на улицу. Она сразу увидела незнакомый автомобиль, стоявший у калитки. Кто вышел из него — она не разглядела, снаружи уже совсем стемнело. Задержав занавеску, она подошла к плите, на которой на слабом огне грелся кофейник. Слегка дрожащими руками она налила дымящийся кофе в чашку. Интересно, какая это за последние полчаса... Неважно. Как только дверь закрылась за Джимом, они с Лайзой не могли даже думать о сне.

— Кто там, ма? — тихо спросила Лайза. Кэрол удалось, хотя и не слишком уверенно, улыбнуться дочери.

— Никто, детка. Это чья-то чужая машина, и к тому же в ней сейчас никого нет. Наверное, это приехали к кому-то из соседей на другой стороне улицы.

Пока Кэрол говорила это, в душе ее нарастало странное чувство — хозяин этой машины приехал именно к ним. Но кто это?

Звонок в дверь заставил ее сильно вздрогнуть, знакомый звук прозвучал зловеще в тишине, наполнившей дом...

— Кто это... кто там? — спросила Лайза едва слышным шепотом.

— Сиди тихо, — прошептала ей в ответ Кэрол. — Не будем открывать, пусть себе идет восояси...

Звонок раздался вновь, и Лайза, вздрогнув, схватила мать за руку.

— Сейчас уйдет, — прошептала Кэрол. — Он поймет, что дома никого нет...

Но когда звонок прозвенел в третий раз, по лестнице звонко затопали каблучки детских туфель, и через секунду едва не упавшая с последней ступеньки Ким уже поднималась у входной двери на цыпочки.

— Ким!

Крик Кэрол перекрыл голос малышки, звонко вопрошавшей «кто там?» в щель почтового ящика.

— Ким, прошу тебя, не открывай!

— Мама, не будь глупенькой, — обернувшись, Ким снисходительно улыбнулась матери. — Это же только Алекс, он пришел в гости к Лайзе. — С силой нажав на ручку, Ким широко распахнула входную дверь.

Сжимая в руке ружье, Алекс перешагнул порог дома Кокрэнов.

— Долго мы собираемся тут сидеть? — осведомился Джексон. Порывшись в кармане, он достал сигарету, прикрыв рукой зажигалку, зажег ее. Огонек на миг осветил салон машины, стоявшей футах в пятидесяти от ворот дома Лонсдейлов.

— Сколько нужно, столько и просидим, — буркнул Финнерти, ворочаясь на сиденье в тщетной попытке размять затекшие ноги. Не спал он уже вторые сутки — усталость все ощутимее давала знать о себе.

— А с чего ты так уверен, что парень все-таки вернется сюда?

Финнерти пожал плечами.

— Интуиция... А потом, ему некуда идти, кроме как домой. Да и почему бы ему сюда не вернуться, собственно?

Покосившись на своего партнера, Джексон глубоко затянулся, надеясь, что табачный дым прогонит дремоту, которая уже начала одолевать его. «Окажись я в шкуре этого парня, я бы как раз собствен-

ный дом обходил бы за десять миль. Он сейчас уже наверняка рвет в Мексику...»

— Тут еще одно, — нарушил ход мыслей напарника Финнерти. — Если верить его отцу, он не мог сделать ничего такого — верно?

— И ты что, поверил ему?

— А помнишь — мы с тобой видели его сына в ту самую ночь, когда он полетел в машине с обрыва? Так он еще тогда должен был умереть. Ты, может, не помнишь, Том, но у него половины черепа не было. А смотри — жив. А уж как его спасли — это не мне судить. Может, они и вправду сделали то, о чем нам рассказал док Лонсдейл.

— И это может быть, — с готовностью отозвался Джексон. Сам он скептически отнесся к странной сказке, рассказанной доктором, но сейчас он был готов говорить о чем угодно, лишь бы не заснуть. — А ты к чему об этом?

— К тому, что, может, парня все же запрограммировали на убийства — только запрограммировали так, что он о них сразу забывал. Что скажешь?

— Ну, это уж ты загнул.

— А зато это объясняет ту неувязочку в наших записях. Помнишь, насчет того, где он оставил машину — у самой пиццерии или через улицу от нее?

— А, это... Да просто кто-то из нас ослышался.

— А если нет? Если оба мы записали все правильно? Если он действительно нам говорил и то, и другое?

— Тогда один раз, получается, он соврал.

— А может, и нет, — Финнерти гнул свое. — Что, если он приехал к Джеку, припарковался напротив, через улицу, а потом раздумал идти в кафе и отправился к миссис Бенсон? Там он ее пришел и вернулся в пиццерию — только припарковался на этот раз

не напротив, а на стоянке, прямо около кафе. Но что было между двумя приездами туда, он забыл — забыл начисто, потому что его так запрограммировали, понял? Так что, рассказывая нам про то, что было с ним вчера вечером, он вспомнил оба места стоянки и сказал про оба, все как положено. Так что и мы не ошиблись, и он не соврал. Он просто кое-чего не вспомнил.

— Бред какой-то...

— Бред — это то, что творится у нас под носом, — нахмурился Финнерти. — Зато, по крайней мере, в эту мою... теорию все факты укладываются. Ну, или то, что мы считаем фактами.

— Значит, он все-таки вернется домой, потому что ничего не помнит?

— Вот я и говорю! Чего бы ему не прийти? Он-то думает, с ним все в порядке.

— А если помнит — тогда что? — Джексон ехидно прищурился. — Если он прекрасно осознает, что делает — только ему все равно?

— А тогда, — мрачно ответил Финнерти, — придется нам, видно, последовать совету его папаша. Ты пушку-то свою проверял — заряжена?

Джексон в последний раз затянулся сигаретой и ткнул догоревший до фильтра окурок в пепельницу.

— Знаешь, Росс... я боюсь, у меня это не выйдет, — признался он после недолгой паузы. — Если до такого дойдет, не знаю, смогу ли я своими руками кого-нибудь...

— Тогда будем надеяться, что до этого не дойдет, — ответил Финнерти тем же мрачным тоном.

Бороться с усталостью больше не было сил — сержант поудобнее устроился на сиденье и прикрыл глаза.

— Ты буди меня, Том, если что там...

— Ким, иди сюда!

Кэрол изо всех сил старалась придать голосу строгий тон, но голос дрожал от страха. Обернувшись, Ким с удивлением посмотрела на нее.

— Ну, пожалуйста, Ким, подойди ко мне, — Кэрол чувствовала, как к горлу подступает удушье. Поколебавшись, Ким посмотрела на Алекса, на лбу девочки появилась тревожная морщинка.

— Ты что, поранился, Алекс? — спросила она, не отрывая взгляда от пореза над его левой бровью.

Алекс кивнул.

— А как?

— Я... я не помню, — мотнул головой Алекс, он, не отрываясь, смотрел на дверь в кухню, где Кэрол и Лайза застыли, словно пригвожденные, у дверного косяка.

— Пожалуйста, не бойтесь, — негромко произнес Алекс. — Не бойтесь, я ничего вам не сделаю.

Услышав его голос, Кэрол шагнула в гостиную.

— Я же тебе сказала — немедленно иди сюда, Ким!

Ким нерешительно переводила взгляд с Алекса на мать и обратно. Пятясь, на цыпочках она дошла до середины гостиной, затем, повернувшись, опрометью бросилась к матери.

Прижав к себе трепещущее тельце малышки, Кэрол почувствовала, как к ней возвращается уверенность.

— Тебе лучше уйти, Алекс, — сказала она, удивившись твердости собственного голоса. — Уйди, пожалуйста, оставь нас.

Алекс кивнул, но продолжал медленно идти вперед, пока не подошел к самой двери в кухню, крепко сжимая в правой руке ружье.

Вцепившись в дверной косяк, Лайза смотрела прямо в глаза Алексу — и страх, казалось, заполнил ее всю без остатка. Такой пустоты в глазах Алекса она не видела никогда... Глаза мертвеца — промелькнуло у нее в голове. Лайза задрожала.

— Прощу тебя, Алекс, — стараясь унять дрожь, она умоляюще смотрела на него. — Тебе правда лучше уйти... Уже очень поздно..

— Я сейчас уйду, — кивнул Алекс. — Я пришел только... Я пришел только попросить вас, чтобы вы простили меня.

Простили? — повторила Лайза. — Но как же ты... — оборвав фразу, она с ужасом уставилась на ружье в руке Алекса. Поймав ее взгляд, Алекс тоже посмотрел на ружье, и на лице его появилось почти недоуменное выражение.

— Я не убивал никого, — произнес он по-прежнему тихо. — То есть... это Алекс никого не убивал. Это все он, Алехандро...

Лайза и Кэрол молча переглянулись, и Кэрол едва заметно покачала головой.

— Я... я ведь не Алекс, — снова услышали они его голос. — Я хотел сказать вам именно это. Алекс Лонсдейл давно мертв.

— Мертв? — переспросила Лайза. — Как... мертв? Что ты говоришь, Алекс?

— Он мертв, — повторил Алекс. — Он умер тогда, в аварии. Я пришел сказать вам об этом, чтобы вы не подумали, что он кого-то убил.

Взгляд его был устремлен на Лайзу, и когда он снова заговорил, голос звучал сдавленно, как будто слова причиняли ему нестерпимую боль.

— Он... любил тебя, — прошептал он. — Алекс очень любил тебя. Я не знаю, что это значит, но это правда, поверь. Не вини Алекса в том, что я сделал. Он не смог остановить меня.

Внезапно на его глазах выступили слезы.

— Он бы остановил все это, — прошептал он. — Если бы он... не умер почти весь — от него осталось совсем немного, — я знаю, он бы смог все это остановить.

Кэрол Кокрэн крепче прижала к себе малышку.

— Что, Алекс? — спросила она тихо. — Что именно ты остановил бы, если бы смог?

— Не я, — Алекс покачал головой. — Он, Алекс. Я знаю, он остановил бы доктора Торреса. Но я же не знал тогда... А он не дал, не хотел дать мне вспомнить. Но Алекс сам догадался обо всем. Вернее, не он — то, что от него осталось... И он пытался, все время пытался это остановить. Он и сейчас пытается, но уже не может... потому что он уже мертв. — Его блуждающий взгляд снова остановился на Лайзе. — Ты тоже не понимаешь меня? Алекс мертв, Лайза! — Резко повернувшись, он бросился к входной двери и через секунду исчез за ней. Хлопнула дверца машины, взревел мотор. Слуха Кэрол достиг голос Ким, она почувствовала, что дочка отчаянно вырывается.

— Что с ним? — встревоженно спрашивала она. — Что такое произошло с нашим Алексом?

Сглотнув, Кэрол снова притянула дочку к себе.

— Он болен, — прошептала она. — Он очень болен, детка. — Отпустив Ким, она подошла к телефону. — По-моему, нам лучше вызвать полицию.

— Нет! — обернувшись, Кэрол увидела стоявшую перед ней Лайзу. — Оставь его, мама, — тон дочери был почти умоляющим. — Он никому больше не причинит вреда. Ты не поняла? Ведь он пытался сказать нам именно это. Он хочет сейчас только одного — умереть, мы должны позволить ему... хотя бы это. — Опустившись на колени, она положила руки на плечи сестренке. — Это не Алекс приходил сюда, Ким.

Это кто-то другой, немного на него похожий. Наш Алекс мертв. Мы только что узнали об этом. О том, что он умер и что мы должны его помнить таким, каким он был... всегда. Таким, как в тот вечер, когда у нас был выпускной бал. Ты помнишь? — Не в силах побороть слезы, она ткнулась в плечо сестренке. — Ты помнишь? Ты помнишь, Ким?

Ким молча кивнула.

— Вот и давай запомним его таким, как в тот вечер. — Встав, Лайза вытерла слезы. — Какой он был красивый тогда и... какой он был всегда замечательный. Обещаешь?

Ким снова кивнула, и Лайза повернулась в сторону матери.

— Отпусти его, мама. Пожалуйста, — устало попросила она. — Он никому ничего больше не сделает. Поверь мне. Я знаю.

Несколько долгих секунд Кэрол молча смотрела на дочь, затем, подойдя к ней, крепко обняла Лайзу.

— Я знаю, Лайза. Я тебе верю. И... прости меня.

— И ты меня, — прошептала Лайза. — И мы все простим его. Правда?

— Ты точно уверен, что моя помощь пока не требуется? — в который раз спросил Джим Кокрэн, с беспокойством глядя на Марша.

Открыв дверь, Марш с минуту стоял на пороге, вглядываясь в темноту, словно надеясь увидеть там Алекса. Но на улице было темно и тихо.

— Нет, — вздохнул он. — Возвращайся к Кэрол и к детям. Они уже, наверное, беспокоятся. И передай им — они правильно сделали, что не приехали. Я вполне понимаю почему.

Джим Кокрэн не сводил с друга взгляда, полного тревоги.

— Да я, вроде, не говорил тебе ничего этого.

— Говорил,— Марш невесело усмехнулся. — Может, не вслух, но я понял. Вполне. — Он оглянулся и посмотрел в гостиную, где Эллен по-прежнему неподвижно сидела на диване. — Я лучше пойду к ней, прости. Она сейчас не выдержит и пяти минут в одиночестве...

За тот час, что Джим Кокрэн провел у Лонсдейлов, Эллен даже смогла произнести пару слов, но по ним Джим понял, что она еще плохо осознает случившееся.

— А где Кэрол? — спросила она его полчаса назад, с удивлением оглядывая пустую комнату.

— Кэрол дома, — ответил Джим. — Осталась с детьми. Ким не очень хорошо себя чувствует.

— Ах, бедняжка, — покачав головой, Эллен замолчала, но минут через пять снова задала ему тот же вопрос.

— Это пройдет, — заверил его Марш. — Нервный шок. К счастью, тут не требуется даже врачебного вмешательства...

Но даже сейчас, стоя на пороге, Джим сомневался, стоит ли ему уходить. Марш выглядел еще более или менее, но Эллен...

— Слушай, может, мне все же остаться...

— Да нет. Понимаешь, если Алекс придет сюда, я не берусь сказать, что может случиться, но точно знаю: лучше, если в доме в этот момент не окажется никого, кроме нас. Ну и их, конечно. — Он указал на двор.

Джим уже видел у ворот двоих полицейских в машине, когда ставил около дома свой «сааб».

— Ну ладно. Но если что — немедленно звони мне. Договорились?

— Конечно. — Пожав Джиму руку, Марш захлопнул входную дверь.

Выйдя за ворота, Джим подошел к своей машине и, сев в кабину, помахал одному из полицейских, тот

помахал в ответ. Запустив мотор, он нажал на газ и, развернувшись, поехал к дому.

Когда он почти спустился с холма, мимо него, с потушенными фарами и на большой скорости, пронеслась встречная машина. Было слишком темно, поэтому Джим не заметил, что за рулем сидел Алекс Лонсдейл.

Алекс остановил машину перед последним поворотом. За ним следят — в этом он уже не сомневался, — может быть, в доме его уже ждет полиция. Взяв с сиденья ружье, он проверил магазин.

В нем остался только один патрон.

Этого ему хватит.

Выйдя из машины, он почти беззвучно закрыл дверцу и, сойдя с дороги, пошел прямо по склону холма. Он уже знал короткий путь к дому. В неверном свете луны дом выглядел в точности так, как на старой фотографии, и где-то глубоко в мозгу снова зашептал голос — голос Алехандро.

Прокравшись в густой тени вдоль стены, он подошел к тому месту, где — он помнил — она была ниже. Одним прыжком преодолев ее, Алекс оказался на заднем дворе.

Обогнув дом, по ступеням крыльца он поднялся к двери.

Повернул ручку. Дверь оказалась незапертой.

Открыв ее, он вошел.

В двадцати футах от него, посреди гостиной, стоял отец.

Нет. Не его отец.

Отец Алекса.

Но сам Алекс Лонсдейл давно умер.

Зато Эллен Лонсдейл еще жива...

Venganza... venganza...

Но Алехандро де Мелендес-и-Руис тоже был мертв. И праправнук его, доктор Раймонд Торрес...

Нет. Эти еще живут. Оба они — в теле Алекса Лонсдейла, в его искалеченном, полумертвом мозгу...

Отец, не отрываясь, смотрел на него.

— Алекс?

Это зовут его — так же полчаса назад называли его и Кокрэны. Но это не его имя.

— Я не Алекс, — прошептал он. — Я... я другой.

Подняв ружье, он медленно пошел через гостиную. Туда, где на диване неподвижно сидела она — последняя из четырех, мать Алекса — и глазами, расширившимися от ужаса, смотрела на сына.

Потянувшись, сержант Финнерти открыл глаза. Секунду он не мог понять, где находится, затем пришел наконец в себя и повернулся к напарнику.

— Ну, что слышно?

— Да ничего, — ответил Джексон, позевывая. — Кокрэн уехал несколько минут назад. А так все тихо.

— Угу, — промычал Финнерти. — Отчего же, интересно, я вдруг проснулся...

Пожав плечами, Джексон устроился поудобнее на сиденье и закурил. Обвел взглядом пустынную Гасиенда-драйв. Никаких изменений.

А Финнерти вот проснулся. Не дай Бог — неспроста. У него на происшествия какое-то шестое чувство...

И тут вспомнил.

Несколько минут назад где-то за домом вспыхнул и погас дальний свет — словно на холм въехала машина, но остановилась, не сделав последний поворот.

Он еще подумал — кто-то из соседей вернулся...

— Ч-черт! — повернувшись к Финнерти, он выложил ему все в двух словах. Выругался Финнерти, против обыкновения, кратко.

— Пошли, надо глянуть, что там.
Через секунду оба бежали к дому.

Не спуская глаз с Алекса, Эллен отказывалась поверить тому, что видит. Это сон. Зрение не повиновалось ей, выхватывая лишь отдельные, незначащие детали.

Кровь на лбу, засохшая в длинном порезе над левой бровью.

Глаза, смотрящие словно сквозь нее, полностью лишенные всякого выражения.

Нет, не лишенные. Где-то в самой глубине их горит крохотная искорка злобы.

Злобы — или давней ненависти.

Ружье. Черная дыра дула, такая же пустая, как глаза Алекса. Нет, тоже не пустая — оно уставилось на нее с той же древней злобой. Или ненавистью?

Но ведь это не ее сын. Господи, как она могла ошибиться?

Это кто-то другой. И он пришел, чтобы убить ее. Но что она ему сделала?

— За что? — наконец смогла прошептать она. — Кто ты?

Чувства понемногу возвращались к ней, она услышала голос мужа.

— Алекс, что произошло? Что с тобой?

— Venganza... venganza...

— Мечь? Но кому? За что?

— Ladrones... asesinos...

— Нет, Алекс, — сказал Марш мягко. — Ты чего-то не понял. Это не мы. — Он отчаянно соображал, что сказать, как сделать, чтобы Алекс его услышал.

Алекс? Нет, это не он. Кто бы это ни был — это не Алекс.

Где же, черт бы их побрал, полицейские...

Дверь распахнулась, и Финнерти с Джексоном с грохотом ворвались в дом.

Алекс резко обернулся, Марш понял, что лучшего момента ему не представится. Прыгнув вперед, он схватил ружье за ствол, затем, резко вывернув его, вырвал оружие из рук Алекса. Сила прыжка едва не сбила Алекса с ног. Пошатнувшись, он прислонился к камину, схватившись за верх решетки. Еще миг — и их глаза встретились.

— Освободи меня, — прошептал он. — Если ты любил Алекса — сделай это.

Марш тяжело дышал.

— Кто... кто ты? — пальцы судорожно нащупывали спусковой крючок — и отдергивались, словно обжегшись. — Ты Алекс?

— Нет. Я другой. Я — тот, кем меня сделал Торрес, и я должен сделать то, на что он запрограммировал меня. Алекс хотел остановить это, но не смог. Поэтому я прошу — освободи меня. Если ты хоть немного любил меня — сделай это... папа.

Марш поднял ружье, на глазах Эллен и полицейских он нажал на курок.

Грохот наполнил комнату, тело Алекса вытянулось у каминной решетки.

Время остановилось.

Эллен не отрывала глаз от распластанного на полу тела. Теперь она видела — это не ее сын.

Это не он — но тот, кто долгие месяцы жил в ее доме, которого она любила, которого старалась вернуть... Но кем бы он ни был — он был так далеко от нее, вернуть его было нельзя, и возвращать было некого.

Ее сын давно мертв. И перед ней — не Алекс.

Обернувшись к мужу, она долго смотрела на него. — Благодарю тебя.

Шагнув к Маршу, она обняла его, спрятав лицо на его груди.

Обняв жену за плечи одной рукой, в другой — все еще сжимая оружие, Марш наконец оторвал взгляд от распростертого у его ног трупa. Глаза его встретились со взглядом Финнерти, неподвижно стоявшего рядом с напарником у самой двери.

— Сержант, я... простите нас, — выдохнул он. — Вернее, меня... у меня просто не было выхода...

Он хотел сказать что-то еще, но голос ему не повиновался. Бросив ружье на пол, он крепко обнял жену.

Несколько секунд Джексон и Финнерти молча смотрели друг на друга.

— Конечно, доктор, — наконец откашлялся Финнерти. — Разумеется, мы же видели все. Мы видели, как он напал на вас и на вашу жену и...

— Нет! — последним усилием Марш протестующе поднял руку. — Ради Бога, сержант, он не нападал на нас...

— Как так? — удивился Финнерти. — Он напал на вас, вы пытались отнять у него ружье, и в момент борьбы оно случайно выстрелило. — Видя, что Марш снова собирается сказать что-то, Финнерти жестом остановил его. — Простите, доктор Лонсдейл, но мы с Томом все это видели. — Он повернулся к напарнику. — Верно я излагаю, Том?

Джексон колебался всего секунду.

— Все ведь было точно так, как говорит Росс. Несчастный случай — мы оба тому свидетели. Вы бы лучше отвели жену наверх, доктор Лонсдейл.

Стараясь не смотреть на тело, лежавшее у их ног, Марш и Эллен повернулись и вышли из комнаты.

Декабрьское утро было холодным, и Мария Торрес плотнее запахнула ветхую черную шаль. Заперев дверь своего домика, она медленно заковыляла через улицу, к кладбищу за зданием городского клуба.

На кладбище до сих пор было много цветов — Ла-Палома еще не успела ничего забыть за три коротких месяца. Все рядом, как и при жизни. Валери Бенсон и Марти Льюис — могилы всего в нескольких футах одна от другой, Синтия и Кэролайн Эванс, в одной ограде — недалеко от них.

На всех могилах — свежие цветы, почти каждый день их меняют...

В углу, у стены, вдали от других, покоится Алекс Лонсдейл. На могиле всего один цветок — белая роза, каждый день свежий цветок приносит сюда посыльный из ближайшего цветочного магазина. Приносит все эти три месяца. Остановившись у ограды, Мария подумала — сколько же еще времени будут появляться здесь белые розы, сколько времени супруги Лонсдейл, три месяца назад уехавшие из города, смогут хранить память о своем сыне. Но Мария была уверена — у них еще будут дети, и когда это случится, на этой могиле больше не будет роз.

Тогда будут другие цветы. Рано или поздно родители забудут его, но Мария не оставит могилу юного Алехандро.

Повернувшись, она направилась в старую часть кладбища, где лежали уже несколько веков ее предки и где, воссоединившись с ними, покоился теперь ее сын. Несколько минут она стояла у могилы Рамона, вновь — и

опять тщетно — пытаюсь понять, какая роль была отведена ему высшими силами в святом мщении, поразившем гринго. Нет, лучше не пытаться думать об этом. Святые его призвали, и он исполнил свой долг — этого ей достаточно. Она будет хранить память о нем — так же, как о юном Алехандро. Прошептав молитву, Мария пошла прочь с кладбища. Впереди у нее еще долгий день.

Она медленно шла через город, в каждом шаге ощущая тяжесть прожитых ею лет. На площади она остановилась — передохнуть и помолиться за упокой души невинно убиенного дона Роберто.

Свернув на Гасиенда-драйв, она посмотрела на вершину холма, радуясь, что сегодня ей не нужно идти на старую гасиенду. Нет, раз в неделю достаточно — дом все равно пустой, мебель увезли, и Мария не слишком горевала об этом. Так дом больше похож на тот, старый — каким он и должен быть. Главное — в нем остались дорогие ей призраки, вскоре и она присоединиться к ним, и хотя тело ее будет покоиться на старом кладбище, дух навсегда поселится в доме ее предков — на гасиенде.

Но сегодня она не пойдет туда. Сегодня ее ждут в другом доме. В том самом, где юный Алехандро закончил свой путь. Там теперь новые хозяева, и она идет поговорить с ними.

Они приехали в город только неделю назад — и, она слышала, хотят нанять горничную.

У последнего поворота она снова остановилась, чтобы перевести дух. Еще несколько шагов — и дом перед ней.

Да, он снова такой, каким был тогда. По стене сада, на перемычках между выложенными плиткой секциями, поднимались молодые побеги дикого винограда. Стена покрашена, плитки отмыты, вместо выпав-

ших вставлены новые. Словно ничего не изменилось за полтора века.

Мария вошла во двор, поднялась по ступеням к двери и постучала. Дверь отворилась, на пороге стояла молодая женщина.

Блондинка с голубыми глазами, она улыбалась ей.

Гринго.

— Миссис Торрес? — спросила она, и Мария молча кивнула. — Я так рада с вами познакомиться. Я — Донна Руис.

Мария почувствовала, как заколотилось сердце. Ноги вдруг стали ватными, она схватилась за дверной косяк.

— Руис? — прошептала она. — No es... no es posible...

Улыбка блондинки стала еще шире.

— Я знаю, — рассмеялась она. — Знаю, что мне не очень подходит фамилия. Но это фамилия мужа — до того, как выйти за Пола, я была Донной Райли. — Взяв Марию за руку, она провела ее в гостиную, обернувшись, закрыла дверь. — Посмотрите, правда, здесь мило? Пол говорит, что всегда хотел жить в таком доме — он словно сохранился нетронутым со старых времен. Он утверждает, будто дому сто лет. Это так, вы, случайно, не знаете?

— Больше, — тихо сказала Мария, не сводя глаз с камина, у которого юный Алехандро принял мученическую смерть. — Его построил один из вольных...

— Вольных? — с недоумением переспросила Донна.

— Да. Пеон, которому на гасиенде дали вольную... это было еще до того, как americanos пришли сюда...

— Надо же, — удивилась Донна. — Значит, вы знаете этот дом?

— Si, — кивнула Мария. — Я работала у сеньоры Лонсдейл.

Улыбка разом сошла с лица Донны.

— О, простите... Разумеется, я слышала... Наверное, вам будет неприятно работать здесь...

Мария покачала головой.

— Нет, ничего. Работала раньше — и теперь поработаю. А настанет день — вернусь на свою гасиенду...

Донна Руис с сочувствием смотрела на нее.

— Это, наверное, было ужасно... Этот несчастный юноша... Пройти через весь этот кошмар и так погибнуть... — она замолчала, затем вздохнула, тряхнув головой. — Простите меня. Давайте, я покажу вам, как мы устроились, а потом скажу, что здесь нужно сделать.

Кивнув, Мария молча последовала за хозяйкой. Почему эти гринго всегда стремятся растолковать ей ее обязанности? Думают, что она старая и глупая, как пень? Или что в своих домах чиканос не убираются?

Они проходили одну комнату за другой, и Мария, оглядываясь, отмечала про себя, что с ее последнего прихода сюда ничего не изменилось, и сеньора Руис говорила ей то же самое, что еще недавно — сеньора Лонсдейл...

Пылесос, швабры и тряпки лежали в той же кладовке. Ей снова подробно объяснили, как ими пользоваться. Странно, что они все говорят одинаково, в сотый раз одни и те же слова...

Они поднялись наверх, и Донна Руис продолжала показывать ей комнаты, которые Мария знала не хуже своей лачуги. Да, вот и та самая, где еще недавно жил Алехандро... Донна постучалась в дверь.

— Да, мама, — послышался голос из-за двери. — Входи, пожалуйста.

Донна распахнула дверь, и Мария быстро окинула комнату взглядом. Все осталось на месте — стол Алехандро, кровать, на которой он спал, полки с книгами. Словно сам Алехандро все еще здесь... но это...

За столом, склонившись над книгой, сидел мальчик лет тринадцати. Привычно улыбнувшись матери, он с удивлением посмотрел на Марию, затем, встав со стула, подошел к ним.

— Вы будете у нас убирать? — теперь он глядел на нее уже с любопытством.

Мария кивнула, внимательно глядя на мальчика. Высокий для своих лет, темные глаза, черные курчавые волосы.

— *Coto se llama?*

— Роберто, — ответил он. — Только все зовут меня Бобби.

— Роберто, — повторила Мария, сердце снова учащенно забилося. — Хорошее имя, да, очень хорошее.

— Представляете, в его возрасте он серьезно увлекается историей, — улыбнулась Донна. Она повернулась к сыну. — Мария знает все-все об этом доме и этом городе. И если ты попросишь как следует, она расскажет тебе много интересного.

Загоревшиеся глаза Бобби Руиса снова заставили сердце Марии биться быстрее.

— Вы правда все это знаете? — Он, не отрываясь, смотрел на нее. — И можете рассказать мне про этот город?

Мария кивнула.

— *Sí*, — она улыбнулась мальчику. — Я знаю все старые предания и обязательно расскажу их тебе. Самое главное — чтобы ты все понял. А если поймешь, то в один прекрасный день станешь хозяином большой гасиненды, там, на холме. Ведь ты бы хотел жить там, правда?

Бобби не сводил с Марии горящего взгляда.

— Да, — кивнул он. — Я уже видел тот дом. И он мне очень понравился.

— Я отведу тебя туда, — пообещала Мария. — Я покажу тебе дом, в котором ты будешь жить.

Когда, попрощавшись, они ушли, Бобби подошел к кровати и, вытянувшись на ней, долго лежал, полуприкрыв глаза. Он слушал. Слушал тихие голоса, внезапно возникшие в его сознании в тот самый миг, когда он впервые вошел в эту комнату. Голоса шептали по-испански, и он плохо их понимал. Но теперь, после разговора с этой женщиной, смысл слов стал яснее...

Господь не даст спокойной жизни этому городу...

Литературно-художественное
издание

Джон Соул

Проклятие памяти

Редактор *Н. Иманова*

Технический редактор *Е. Горчакова*

Корректор *Г. Крикунова*

Телефоны отдела реализации:

(095) 285-93-92

(095) 979-91-45

(095) 451-98-76

Факс: (095) 979-91-35

ЛР № 065447 от 07.10.1997 г.

Подписано в печать 10.10.1997. Формат 84х108¹/₃₂.
Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Тираж 20 000 экз. Изд. № 12.

Заказ № 3395.

Издательство «Букмэн»
125015, Москва, Б. Новодмитровская, 14

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ГИПП «Вятка»
610044, г. Киров, ул. Московская, 122

ИЗДАТЕЛЬСТВО БУКИЭН

Офис: 125015, г. Москва, ул. Б. Новодмитровская, 14

Тел./факс: (095) 285-93-92

Факс: (095) 979-91-35

Склад: ул. Дыбенко, 7

Тел.: (095) 451-98-76

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ:

г. Москва — ЗАО "Авангард"

ул. М. Ордынка, 5/6, стр. 2 - 3

Тел.: (095) 959-13-52

г. Москва — ООО "Грамота"

ул. М. Грузинская, 25/1

Тел.: (095) 285-76-40

г. Санкт-Петербург — АОЗТ "Лео"

ул. Гороховая, 50

Тел.: (812) 310-79-67

г. Санкт-Петербург — АОЗТ "Технолог-3"

пр-т Обуховской Обороны, 105

Тел.: (812) 567-45-49

г. Ростов-на-Дону — ТОО "Эмис"

пр-т Буденовский, 104

Тел.: (8632) 32-87-71

г. Балаково — ИЧП "Муза"

Саратовская обл., ул. Комсомольская, 36

Тел.: (84570) 4-13-24

г. Екатеринбург — ТОО "Люмна"

ул. Гагарина, 1

Тел.: (3432) 74-26-57

г. Новосибирск — ООО "Топ-книга"

пр. Университетский, 4

Тел.: (3832) 39-63-60

КНИГА – ПОЧТОЙ

Вы можете заказать любую книгу издательства.

Для этого заполните по образцу почтовую карточку и отправьте по адресу:

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА		
Куда	г. Москва, а/я 30	
Кому	"БУКМЭН"	
 <small>Полните индекс предприятия связи места назначения</small>	Индекс предприятия связи 433510	и адрес отправителя
	Ульяновская обл.,	
	г. Димитровград,	
	ул. Королева, д. 8, кв. 55	
	Иванов Иван Петрович	

Образец заполнения оборота почтовой карточки:

1. С. Зайцев "Варяжский круг" — 1 экз.
2. "Все о постах" — 3 экз.
3. Д. Курьянски
"Как найти мужчину своей мечты" — 8 экз.
4. Е. Титус
"Великий мышинный детектив с Бейкер-стрит" — 2 экз.
5. "Экзаменационные билеты по химии" — 12 экз.
6. А. Ушаков "Крестные братья" — 4 экз.

— Издательство «Букмэн» выпустило в серии —

«ЧЕРНАЯ МОЛНИЯ»

Бессмысленная жестокость маньяков, коварство извергов-ученых, мистическое переселение душ, отвага и благородство героев, вступающих в схватку с сила-

ми тьмы и кошмара — все это читатель найдет в книгах этой серии.

Джон Соул “Черная молния”

Кровь стынет в жилах, сердце выскакивает от ужаса из груди... Пять лет подряд маньяк-убийца терроризирует Сизтл, методически уничтожая одну жертву за другой. Наконец правосудие свершается, убийцу отправляют на электрический стул. Но вскоре город вновь потрясает бессмысленное жестокое убийство...

Джон Соул “Лунатики”

Тихий провинциальный городок Боррего на юге США неожиданно становится ареной действий безумца, обретшего ужасающую власть над разумом людей и превратившего Боррего в настоящий город зомби.

Издательство «Букмэн» выпустило серию

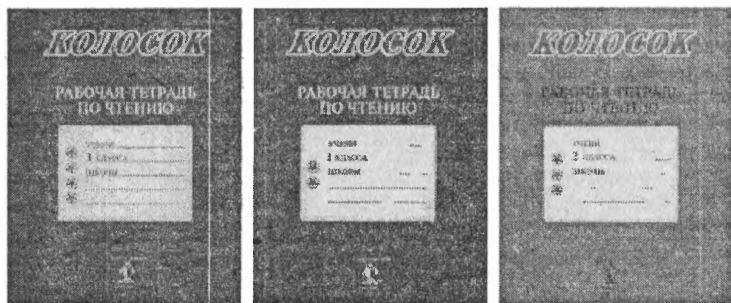
«КОЛОСОК»

Составитель Н.Н.Толоконников является автором множества учебных пособий для младших школьников, в том числе таких популярных, как «Азбучка для обучения чтению и письму», «Живой букварь», «Занимательные прописи», «Я сам читаю по слогам», «Книга загадок».

Книги серии предназначены для внеклассного чтения в начальной школе. Они познакомят учеников с основами мировой художественной литературы, привьют навыки систематического ежедневного чтения.

Рабочие тетради помогут маленьким читателям лучше усвоить и закрепить изучаемый материал, развить творческую фантазию.

Издательство «Букмэн» выпустило в серии «СОВРЕМЕННЫЙ ЖЕНСКИЙ РОМАН»

Галина Шербакова «Вам и не снилось...»

Роман Галины Шербаковой «Вам и не снилось...» в начале 80-х стал бестселлером. Снятый по нему фильм, написанная пьеса в течение нескольких лет не сходили с экранов и сцен всей страны. И вот — «Вам и не снилось... Пятнадцать лет спустя», но... этот роман создан не Галиной, а Екатериной

Клим-Шербаковой. Дочь написала продолжение книги матери. Пожалуй, такого случая в нашей литературе еще не было.

Галина Шербакова «Женщины в игре без правил»

Галина Шербакова — известная писательница, автор прекрасных рассказов, повестей, романов и киносценариев — наша современница. И пишет она о том, что всегда волновало и будет волновать нас, — о любви.

В книге представлены два новых романа Галины Шербаковой, которым, как и всем ее произведениям, присущи замечательные качества: образный живой язык, мягкий юмор и увлекательный сюжет.

Марина Соловьева «Красивые женщины»

Книга Марины Соловьевой — нашей современницы — о том, что всегда волновало и будет волновать нас: о любви, подчас восхитительно счастливой, а иногда несчастной; о судьбе, возносящей на вершины успеха и сложившейся неудачно, — то есть о ярком kaleidoscope нашей противоречивой жизни.

«Красивые женщины» — книга не о красавицах, а о красивых людях, которые живут сложно, но захватывают интересно, и жизнь их порой бывает похожа на сказку.

Все произведения М.Соловьевой приковывают внимание читателя увлекательным, динамичным сюжетом и добрым юмором.

Издательство «Букмэн» выпустило
Собрание сочинений ВАЛЕНТИНА ЛАВРОВА

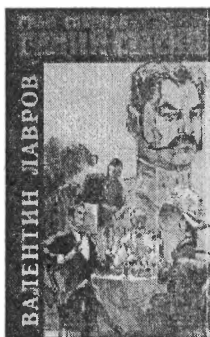

“Кровавая плаха” и “Блуд на крови”

“Кровавая плаха”, “Блуд на крови” — первые русские исторические детективы. Это потрясающие книги о знаменитых преступлениях и преступниках со времен Петра I и до начала XX века. Вызывает восхищение блестящая работа талантливых российских сыщиков. Откройте книги на любой странице, и они не отпустят вас, будут держать в напряжении до последней точки.

“Русская сила”

Кажется, еще никто не писал столь страстно и захватывающе о людях феноменальной силы. Автор, сам в прошлом известный боксер, рассказывает о потрясающих судьбах знаменитых россиян. Книга читается на одном дыхании. Ее эффект фантастичен: возникает неукротимое желание повторить подвиги героев книги, стать таким же сильным.

“Граф Соколов — гений сыска”

Блестящий офицер лейб-гвардейского Преображенского полка граф Соколов оставляет службу. Он жаждет подвигов в борьбе с преступностью. И сразу же попадает в самое пекло опасных приключений. Его методы порой откровенно варварские. Начав читать книгу, вы не сможете от нее оторваться. Сочный, образный язык, яркие персонажи, достоверность мельчайших бытовых деталей делают книгу неповторимой.

Издательство «Букмэн» продолжает серию

«ДЕСТРОЕР»

Уоррен Мерфи и Ричард Сэпир

“Сатанинский взгляд”

Злой гений — феноменальный гипнотизер поставил планету на грань термоядерной катастрофы. Последняя надежда мира — Римо Уильямс и Чиун — Мастер Синанджу — не только бессильны совладать с монстром внушения, но и помимо собственной воли готовы сразиться друг с другом...

(Покет-бук)

“Божество смерти”

Древнее божество смерти, возродившись в современном мире, несет народам хаос, кровь и гибель. Спасти человечество от надвигающегося кошмара может только непобедимый дуэт — Римо Уильямс и Чиун, вступающие в решающую схватку с богом войны...

(Покет-бук)

“Узы крови”

Римо Уильямс и Чиун, призванные охранять мошенника, сталкиваются с наемным убийцей — единственным человеком на Земле, которого не в силах уничтожить Дестроер. Это... отец Римо Уильямса!

(Покет-бук)

«ДЕСТРОЕР»

Знаменитая серия бестселлеров

Уоррен Мерфи и Ричард Сэпир

“У последней черты”

Президент США предаёт Мастера Синанджу, и Чиун становится орудием российских политиканов. Разумом Римо Уильямса овладевает зловещее божество, а руководитель сверхсекретной организации КЮРЕ кончает жизнь самоубийством.

(Покет-бук)

“Стальной кошмар”

Зловещий призрак прошлого, получеловек-полумашина, возрождает в Америке безумие нацистского психоза. Дестроер и Мастер Синанджу сталкиваются со сверхъестественной мощью титанового монстра, террором одурманенных им расистов и сексуальными чарами его соучастницы — современной “белокурой бестии”...

(Покет-бук)

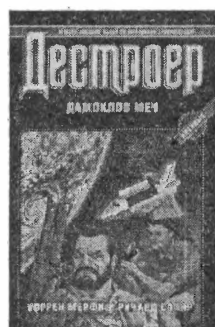

“Дамоклов меч”

Страшная угроза нависла над миром. В руках одержимого манией убийства робота-андроида оказалось смертоносное космическое оружие — «Дамоклов меч», несущий неотвратимую гибель человечеству.

Лишь Дестроер и Мастер Синанджу в силах остановить неуязвимое кибернетическое чудовище...

(Покет-бук)

Издательство «Букмэн» выпустило в серии
«БИБЛИОТЕКА ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА»

Инна Кошелева «Пламя судьбы»

Удивительная и трагическая история любви и жизни крепостной девушки, ставшей графиней, красавицы, великой актрисы П.И. Жемчужовой-Шереметевой не может оставить читателя равнодушным. Все исторические моменты абсолютно достоверны, но и художественные достоинства произведения совершенно очевидны.

Сергей Зайцев «Варяжский круг»

Роман уводит читателя в глубокое средневековье — в XII век, в годы правления киевского князя Владимира Мономаха. Автор в увлекательной форме повествует о приключениях и испытаниях, выпавших на долю его юного героя, который, попав против собственной воли в ладью варяжских воинов-купцов, находит себе среди них друзей и совершает с ними далекое путешествие.

Иван Медведев «Братья по крови»

Новое историко-приключенческое произведение Ивана Медведева «Братья по крови» — своеобразная хроника пиратства, повествование о «джентльменах удачи» во все времена: от эпохи Гая Юлия Цезаря до XIX века.

«БИБЛИОТЕКА ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА»

Андрей Серба

“Веди, княже!”

Книга Андрея Сербы знакомит читателя со славными героическими, а зачастую загадочными страницами прошлого России. Известный писатель, работающий в историко-приключенческом жанре, дает оригинальную трактовку событий русской истории.

“Заговор против Ольги”

В книге собраны остросюжетные произведения Андрея Сербы, посвященные различным периодам русской истории. Для его повестей характерны стремительно развивающийся сюжет, острота интриги. Героические подвиги во имя Родины, коварство изменников, стойкость русского характера — все это, без сомнения, привлечет внимание читателя.

“Мертвые сраму не имут...”

Динамичные и живые приключенческие повести Андрея Сербы знакомят читателя с бурными событиями истории вечно воевавшей Руси. Воинственные князья, мудрые красавицы, интриги, динамичный сюжет — все это можно найти на страницах повестей, включенных в данную книгу.

— Издательство «Букмэн» выпустило в серии —

«ДЛЯ ПОСТУПАЮЩИХ В ВУЗЫ»

**“100 сочинений
для школьников и абитуриентов”**

**“107 сочинений
для школьников и абитуриентов”**

В пособиях даны новые сочинения, рассчитанные на учащихся 5—11-х классов, выпускников школ, абитуриентов и учителей русского языка и литературы.

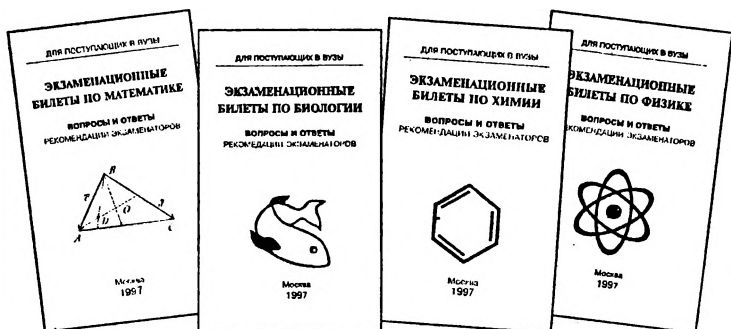
“Экзаменационные билеты по математике”

“Экзаменационные билеты по физике”

“Экзаменационные билеты по биологии”

“Экзаменационные билеты по химии”

Экзаменационные билеты, приведенные в этих изданиях, составлены преподавателями, давно работающими в экзаменационных комиссиях наиболее престижных московских вузов. Билеты приводятся именно в том виде, в котором они предлагаются абитуриентам на экзаменах. По мнению составителей, как раз такие формулировки ответов позволяют наиболее полно продемонстрировать свои познания. Обращаем внимание читателя на то, что знания, которым в школьной программе не уделяется достаточно внимания, крайне необходимы современному абитуриенту. Только в наших пособиях вы найдете требуемый материал.

Издательство «Букмэн» выпустило в серии

**«БЕСТСЕЛЕР
РОССИЙСКОГО КНИЖНОГО РЫНКА»**

Серия для тех,
кто прежде всего ценит в книге действие.
Невероятные приключения, погони, стычки преступных
группировок, любовь, интриги спецслужб —
все это переплетается в увлекательных сюжетах
романов серии, главный герой которых —
наш современник.

**Александр Ольбик
“Тротиловый террор”**

Торговля оружием — бизнес, не знающий пощады. Интересы нескольких государств и преступных кланов сталкиваются там, где объединяются деньги и власть. Московские коридоры власти и рижские армейские склады, тульское оружейное производ-

ство и война в Чечне — все сплелось в клубке заговоров и насилия. Лишь мужество патриотов и мастерство професс и о н а л о в может предотвратить кровавую развязку...

**Александр Ольбик
“Промях киллера”**

Профессиональный киллер, ранее элитный спецназовец, получает заказ на очередное убийство. Однако любовь преграждает путь смерти. Отвергнутый обществом, гонимый преступным миром, он вступает в отчаянную схватку за жизнь той женщины, которая должна была погибнуть от его руки.

В книгу вошли также повесть “Однократка” и рассказ “Происшествие на загородном шоссе”.

«БЕСТСЕЛЛЕР РОССИЙСКОГО КНИЖНОГО РЫНКА»

Кирилл Воробьев “Пономарь” “Пономарь-2”

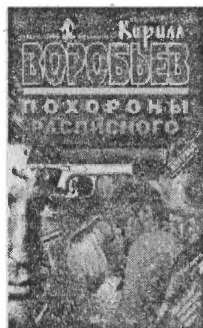

Экстрасенс Игорь Дарофеев по прозвищу Пономарь оказывается втянут в бескомпромиссную борьбу органов правопорядка с криминальными структурами. Прежде чем выйти победителем из схватки с силами зла, Пономарь проходит через страшные испытания. Во второй книге Игорь Дарофеев по воле случая вступает в смертельное противостояние со злым гением-парапсихологом, повинным в зверских массовых убийствах.

Кирилл Воробьев “Похороны Расписного”

Капитан госбезопасности Тихон Коростылев за безупречную службу... уволен. Он знакомится с сотрудником ФСБ и узнает об опаснейшем преступнике по прозвищу Расписной. Бандит возглавляет террористическую группу, которая готовит серию взрывов в московском метро. Тихон начинает охоту за Расписным...

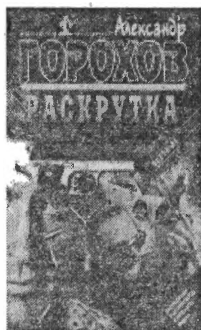

Виктор Галданов “Возвращение Жигана”

Герой романа Жиган — Робин Гуд преступного мира. Судьба сталкивает его то с убийцами собственного брата, то с воротилами фармацевтического бизнеса. Опыт и хладнокровие помогают Жигану выйти победителем из опасных ситуаций, где переплетаются интересы преступных авторитетов, спецслужб и российских политиков.

— Издательство «Букмэн» выпустило в серии —
«БЕСТСЕЛЕР РОССИЙСКОГО КНИЖНОГО РЫНКА»

Александр Горохов
“Раскрутка”
“Раскрутка-2”

Александр Горохов в своем новом романе рассказывает об опасных приключениях Сашки Лобанова, на долю которого выпадает любовь и предательство, погони и мафиозные разборки, трагедия личной жизни.

Захватывающий, напряженный криминальный сюжет изобилует неожиданными поворотами судеб героев романа.

Александр Ушаков
“Крестные братья”

Роман «Крестные братья» — первое крупное произведение Александра Ушакова. Написанный в увлекательной манере, он рассказывает о трагической судьбе двух братьев — бывшего журналиста Владимира Бестужева и вора в законе Анатолия Кесарева по прозвищу Бес.

Александр Ушаков
“Криминальный экспресс”

В романе Александра Ушакова следователи МУРа в сотрудничестве с зарубежными спецслужбами борются с кровавой «русской мафией», занимающейся контрабандой наркотиков по всему миру.

Издательство «Букмэн» выпустило в серии
«ПУТЬ К УСПЕХУ = ПУТЬ К СЧАСТЬЮ»

Джуди Курьянски
“Как найти мужчину своей мечты”

Прославленный психолог, лектор и ведущая ток-шоу, д-р Джуди Курьянски в книге “Как найти мужчину своей мечты” предлагает новаторский 10-этапный метод для того, чтобы найти счастье в любви. Джуди Курьянски доказывает, что женщинам доступны пути к сердцам множества прекрасных мужчин, если они смогут отказаться от своих нереалистичных требований и понять, в чем они действительно нуждаются.

Сьюзен Пэйдж
“Супружеская жизнь: путь к гармонии”

Вы замужем, но у вас не все идеально. Это не означает, что брак исчерпал свои возможности. Супружество способно подарить вам долгие годы счастья и радости, если вы искренне желаете этого и готовы приложить усилия, чтобы воссоздать прочный, благополучный союз. А поможет вам в этом книга доктора философии, специалиста в гештальт- и биоэнергетической терапии, магистра богословия из Калифорнии (США) Сьюзен Пэйдж “Супружеская жизнь: путь к гармонии”.

«ПУТЬ К УСПЕХУ = ПУТЬ К СЧАСТЬЮ»

Робин Норвуд “Как принимать удары судьбы”

В вашей жизни случилась беда: вы серьезно заболели, потеряли близкого человека, у вас проблемы в семье, с ребенком, с любимым человеком. Как найти в себе силы противостоять ей? Как принять неизбежное, не отчаиваясь? Как избежать тяжелой моральной травмы? На эти и многие другие сложнейшие вопросы в вашей жизни поможет найти ответы книга Робин Норвуд “Как принимать удары судьбы”.

Шейла Дейноу “Как пережить опасный возраст ваших детей”

Ваш очаровательный малыш вдруг, как оказалось, вырос и превратился в подростка. Все предыдущие проблемы его воспитания в одно мгновение стали казаться вам совершенно незначительными по сравнению с тем, что возникает перед вами сейчас. Вы не можете найти с ним общего языка. Книга Ш. Дейноу поможет вам преодолеть этот новый период вашей жизни. Упражнения и советы, которые вы найдете в этой книге, приведут вас к новому уровню любви и привязанности, ответственности и обязательств.

КНИГИ ВНЕ СЕРИЙ

Ева Титус

“Великий мышинный детектив с Бейкер-стрит”

Английская писательница Ева Титус поведала нам замечательную историю о великом мышинном сыщике Бэзиле: о том, как он вместе со своим другом Доусоном вызволил двух очаровательных мышек-близняшек из рук похитителей, называвших себя Ужасной Троицей.

“Наши традиции”

“Крещение. Венчание. Погребение. Посты”

В этой книге описаны русские православные и народные обряды, посвященные рождению ребенка, бракосочетанию и похоронам. Кроме того, здесь представлен справочный материал по всем вопросам, связанным с этими событиями.

НАШИ ТРАДИЦИИ

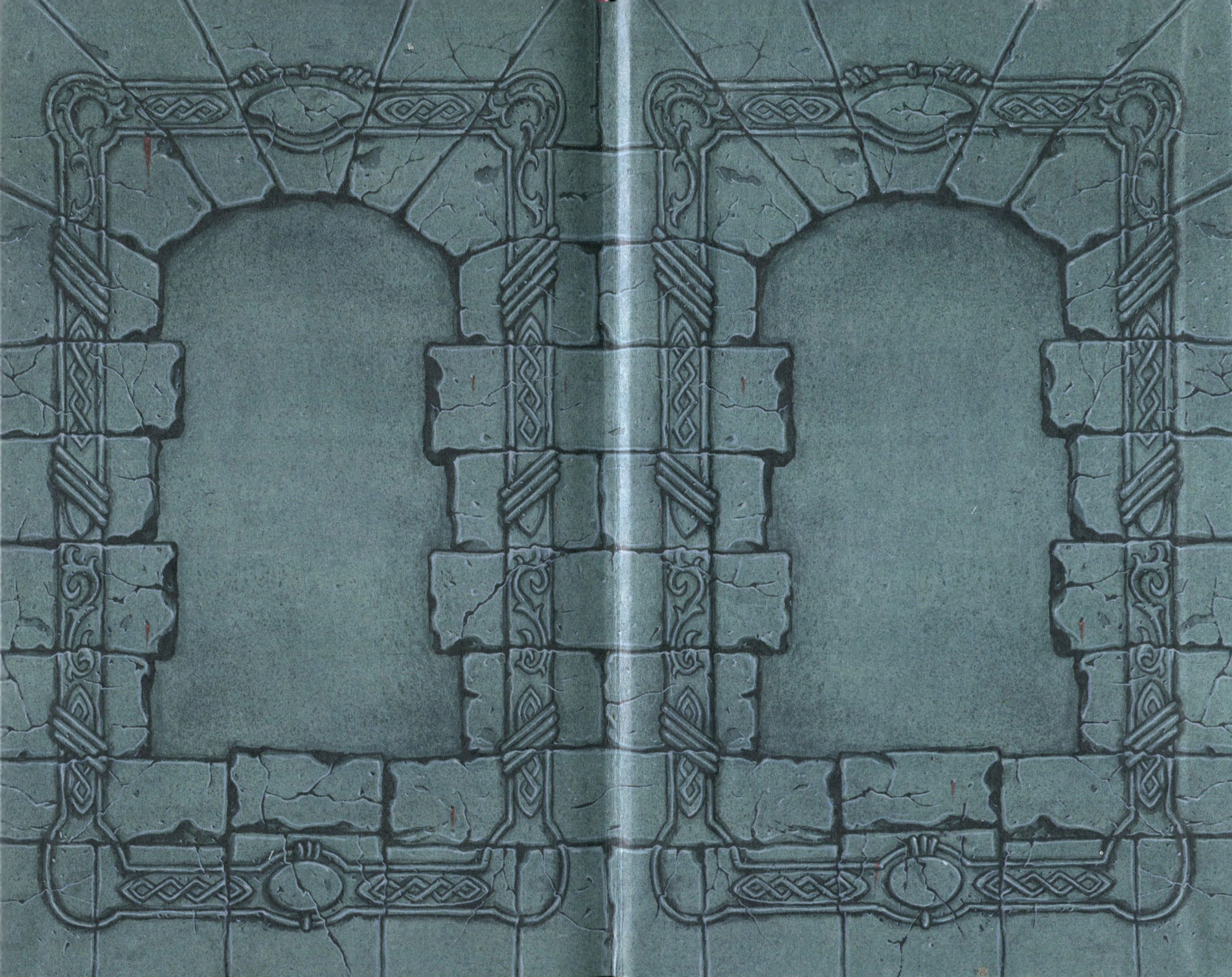
КРЕЩЕНИЕ
ВЕНЧАНИЕ
ПОГРЕБЕНИЕ
ПОСТЫ

“Орден куртуазных маньеристов”

В нынешней русской литературе не найдется, пожалуй, второго столь же популярного течения, как куртуазный маньеризм. С 1988 г. они успели выпустить 16 поэтических книг, провести множество блестящих концертов как в столице, так и в провинции. Их творчество является предметом изучения в российских и зарубежных университетах, вызывает как восторги и подражания, так и злобные нападки. Куртуазный маньеризм шагнул в живопись, музыку, стал для многих образом жизни, а имена куртуазных маньеристов успели обрасти легендами. Словом, поэзия Ордена куртуазных маньеристов сделалась весьма значимым литературной и общественной жизни как России, так и всего цивилизованного человечества.

Подросток из местечка
Ла-Палома, когда-то
приютившего гордых испанских
переселенцев, становится
орудием старинного,
неумирающего мщения.
Взгляд его мертв,
душа его холодна,
разумом его владеет
одно желание — мстить!

Джон СОУЛ Проклятые Пампхи